THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00017551917

ORIENTAL RESEARCH
PARTNERS
P.O. BOX 1
NEWTONVILLE, MA
02160 U.S.A.

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/pamiatnikiagitat01unse

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ

ОРГАН СОЦИАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ

1880-1881 г.г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ..... 1922 ..... ПЕТРОГРАД

7 2

Петроградское Бюро Комиссии по Истории Октябрьской Революции и Росс. Комм. Партии

JN6548
.R63
P35
1923
t.1

ПАМЯТНИКИ АГИТАЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМ I

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ

ОРГАН СОЦИАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ
1880 — 1881 г.

Вступительная статья О. В. Аптекмана

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА... 1923 ...ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4147. Отпеч. 4.000 экз.
= „ПЕЧАТНЫЙ ДВОР“ =
Типогр. Государств. Издат.
Петроград. Гатчинская, 25.

Из библиотеки Гу...
Инв. №

„ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ".

(Страница из истории общества «Земля и Воля» 70-х годов.)

> «Идеи, пережившие свое врѣмя, могут долго ходить с клюкой, могут даже, как Христос, еще раз—два показаться после смерти своим адептам, но трудно для них снова завладеть жизнью и вести ее. Они не увлекают всего человечества, или увлекают только неполных людей».
>
> *Герцен.* Былое и Думы, т. II, стр. 274. Женевское издание.

I.

15—18 августа 1879 г.—от основания общества «Земля и Воля» *четвертое* лето, царствование же Александра II двадцать *пятое*—в Петербурге в революционной среде случилось одно весьма крупное событие: общество «Земля и Воля» «разделилось в самом себе», раскололось на две самостоятельные, независимые фракции. На первых порах обе фракции—назовем их пока фракция «террористов» и фракция «народников-ортодоксов»—жили некоторое время ohne Name und Vorname (без имени и звания). Раскол глубоко огорчил *громадное большинство* бывших товарищей, а иных он глубоко ранил, хотя все были уже до известной степени подготовлены к этому и предвидели *возможность* его. Тяжело было старым товарищам—друзьям,—а таковых в среде общества было не мало,—«разбрестись врозь» после трехлетней согласной и напряженной работы под одним знаменем «Земля и Воля», обладавшим такой притягательной силой.

Но вышло так, что *надо* было разойтись, *надо* было несогласным развязать себе руки...в смутной, может быть, надежде,

что в ближайшее время старые товарищи по оружию снова встретятся где-нибудь на одной из узловых станций боевого пути, скрестятся,—не для того только, чтобы *вместе* бить общего врага, а дальше *врозь* пойти,—нет! а для того уж, чтобы они, в полном уж единении и согласии, завершили задуманное ими дело освобождения народа от вековых оков *государственного* и *социального гнета*. Но факт свершился.

Ниже мы увидим, что раскол этот отнюдь не был вызван *необходимостью*, что ни *общая* ситуация—особенно обострившаяся тогда борьба между *единственно* борющимися в то время общественным силами: революционными группами, с одной стороны, и правительственной организацией—с другой,—ни взаимные отношения членов общества «З. и В.»,—за небольшими лишь исключениями, конечно, ни, наконец, какие-либо *существенные* разногласия принципиального и тактического характера на самом деле не вызывали *неизбежно* этого раскола. Тогда, сорок два года тому назад, раскол казался будто *неизбежным:* страсти разгорались, вмешалось много субъективных моментов, начиная с незаметных уязвлений самолюбия и кончая трудно скрываемой личной антипатией (в скобках замечу—исключительно среди *редакторской* группы «З. и В.»). Большую роль, конечно, играл здесь и *темперамент*, бессознательно толкавший людей то в сторону *ближайших* достижений, связанных с сильными, интенсивными ощущениями, то в сторону более спокойной, сосредоточенной работы, преследующей, хотя и более *далекие* цели, но за то и более важные и прочные.

Обе фракции—каждая на свой манер—пошли своей дорогой, оказывая, однако, согласно «договорной конституции», друг другу помощь и поддержку. «Террористы» вскоре получили всероссийскую, чуть ли не европейскую, известность, как «*партия*» «Народная Воля», а народники—как «*группа*» «Черный Передел» [1]).

---

[1]) Я оставил название «партия» для «Народной Воли» и «группа» для «Черного Передела», ставя эти названия в кавычки и подчеркивая их, желая этим показать, что я позаимствовал эти термины у других авторов, а именно: у Э. А. Серебрякова и А. Корнилова. Пусть будет так! Если будущий историк «Народной Воли» горько улыбнется при титуле ее «партия»—ему книга в руки! Может быть, он найдет, что ни о какой «*партии*» по отношению к

«Террористы», сорганизовавшись уже на Липецком съезде и освободившись 15 августа 1879 г., после неудачной попытки к единению на Воронежском съезде, от докучливого товарищеского брюзжания *некоторой* части староверов-народников,—двинулись вперед с высоко поднятой головой, как *народовольцы*. Они выступили решительно с победным *общим* лозунгом: Delenda est Carthago! («Да погибнет Карфаген!») и *конкретным* грозным кличем бессмертного Вольтера: «Ecrasez l'infame!» («Задушите подлую!») по адресу Александра II [1]).

В «партию» «Народной Воли» вошли из *старых* землевольцев следующие лица: 1) *А. Д. Михайлов*, 2) *А-др Квятковский*, 3) *С. Баранников*, 4) *А. Зунделевич*, 5) *В. Н. Фигнер*, 6) *С. Л. Перовская* (некоторое время лишь *временно*, *условно*), 7) *М. Ф. Фроленко*, 8) *Л. Тихомиров*, 9) *Н. А. Морозов*, 10) *А. Пресняков* и из *новых* землевольцев, принятых на Воронежском съезде,—11) *А. Желябов*, 12) *Н. Колоткевич*, 13) *С. Ширяев* и, наконец, 14) *Ошанина*, *М. Н.*

Итого *четырнадцать* бывших землевольцев. И что за красочные, сильные индивидуальности! Трибун и организатор А. Желябов, заговорщики-организаторы, как А. Д. Михайлов, М. Н. Ошанина, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская и др. Все—смелые, стойкие, сильные волей, самоотверженные. Железо и кремень, бесстрашие и беспощадность в борьбе. Лучшие силы тогдашней революционной среды, отбор самых испытанных. Все—захваченные *одним* порывом, *одним* настроением, *одной* целью. Это настроение—глубокая, неискоренимая ненависть к царизму, эта цель—борьба на жизнь и смерть с ним, во имя *политической свободы*,—как ближайшее достижение этой борьбы. Два года слишком назревало постепенно это настроение в революцион-

---

«Народной Воле» и речи быть не могло, что это была лишь *«группа»*, как и «Черный Передел»,—если историк к этому придет, то этим только подымет престиж «Нар. Воли», подчеркнет сильнее ее заслуги: она шла на верную гибель, оставив после себя традицию славной борьбы с тираннией. *А.*

[1]) «Ecrasez l'infame!» был в XVIII столетии боевым лозунгом Вольтера против «подлой» католической клики Франции. Борьба Вольтера с католической церковью, с католицизмом—одна из самых ярких страниц в истории борьбы общественной философии XVIII века, подготовившей во Франции крушение «старого порядка». *А.*

ной среде. Впервые оно уже ясно формулировалось наиболее политически развитыми членами общества «З. и В.» еще зимою 1877—78 г.: Валерианом Осинским, Ольгой Натансон, Оболешевым, Лизогубом и Зунделевичем, а на юге—Фроленко, Попко, Колоткевичем и другими. (Вообще южане-народники *раньше* северных народников отказались от политической идиосинкразии своей—отрицания политической борьбы для достижения политической свободы. Может быть, здесь сказалось влияние украинофильских тенденций верхних слоев малорусского культурного общества, может быть, и влияние товарищей—поляков). Окончательно же окристаллизовалось это настроение как *политическое* настроение в обществе «З. и В.» лишь со второй половины 1878 г. и весною 1879. Яркими выразителями этого направления явились «*центр*» общества «З. и В.», с одной стороны (А. Д. Михайлов, Квятковский, Зунделевич), и два члена *редакторской* группы (Н. А. Морозов и Л. Тихомиров)—с другой.

После же раскола «партия» «Народной Воли» уж без всяких оговорок решительно и открыто развернула знамя политической борьбы для завоевания политической свободы. Политическая борьба и достижение политической свободы становятся, таким образом, в «*порядок дня*», становятся *злобой* дня—неотложными, повелительными. И это-то именно *настроение*, это-то *ближайшее задание* и придали впоследствии всему народовольческому движению ту яркость, красоту и привлекательность, которые так импонировали молодому поколению и широким кругам интеллигентного общества. Я захватил *начало* народовольческого направления, *первые* лишь смелые выступления партии «Народной Воли»—как *народнически-социалистической* партии, так открыто и смело порвавшей с предрассудками против политической борьбы и политической свободы—*ближайшего* результата этой борьбы.

Я отмечу здесь лишь то, что я, как современник, видел, слышал и воспринимал из *начального* народовольческого движения в течение осени и зимы 1879 г. и первого месяца 1880 г. (в конце января 1880 г. я был уже арестован, а потому, само собою, в *современниках* уж не числился).

В то время, как чернопередельцы только собирались с силами, собирались что-то делать большое, народовольцы высту-

пили уж в полной боевой готовности, двинули на работу все наличные свои силы—духовные и материальные. Всем памятны, полагаю, те грандиозные террористические предприятия, которые были ими устроены на пути следования Александра II из Крыма в Петербург. Покойный Г. В. Плеханов назвал эти предприятия «облавой на медведя». Но «медведь» этот не раз ушел целым и невредимым. Народовольцы не теряют бодрости и готовят новую «облаву».

Вместе с тем народовольцы уже выступили со своим фракционным органом «Народная Воля», *первый* номер которого появился уже 1-го октября 1879 г., т.-е. полтора уже месяца спустя после происшедшего раскола общества «З. и В.».

В этом № 1 и народовольцы, и чернопередельцы *впервые* публично, путем печати, выступают с объяснением, как причины раскола, так и декларацией своих взглядов, своей ближайшей тактики. И то, что совершилось в тесном кругу революционной среды только, стало достоянием, наконец, общества—как fait accompli.

Народовольцы посвятили своему объяснению и своей декларации *заглавный* лист своего органа («журнала», по выражению редакции), а чернопередельцам они отвели для этого место на *самом конце* своей газеты, так сказать, на задворке ее. Так, по-видимому, полагается.

Послушаем, что говорят и те, и другие. Начнем с народовольцев.

Редакция «Н. В.» начинает, прежде всего, с того, что успокаивает друзей: ничего-де особенного не случилось в революционной среде: «Молчание революционной прессы обусловливалось вовсе не разгромом партии, который существует больше в воображении правительства». Наступили-де летние вакации, а это—«не время для чтения». О этом-де ведь было уже заявлено своевременно в последнем номере «Земли и Воли». Одним словом, пусть друзья не тревожатся: свободное слово снова раздастся в Петербурге и будет звать на борьбу. Таков приступ редакции. Затем следует самое главное.

—«Нам очень хотелось бы теперь,—заявляет редакция,—выступить снова под старым названием «Земли и Воли», столько пережившей, так близкой нам и по воспоминаниям, и в смысле

лозунга. К сожалению, мы не имеем на это права. «Земля и Воля» велась известной группою редакторов и издателей, в том числе и нами.

Расходясь *теперь* между собой во взглядах на значение борьбы с правительством, мы и остальные наши товарищи по «Земле и Воле» решили прекратить свое старое издание, и, очевидно, ни мы, ни они, в отдельности взятые, не имеем права присваивать себе это название».

Так вот, где собака зарыта! Первая склока в обществе «З. и В.» зачалась в *редакционной* его группе, где редакторами органа «З. и В.» были: *Г. В. Плеханов*, *Н. А. Морозов*, *Л. Тихомиров*, *С. Кравчинский* (*до* отъезда его заграницу) и *Д. Клеменц* (*до* ареста его в марте 1879 г.). Когда же началась эта печальная склока? Весною лишь 1879 г., т.-е. когда ответственными редакторами перед обществом «З. и В.» остались лишь первые *три* названные лица—Плеханов, Морозов и Тихомиров. Но, как от искры может загореться целое здание, так и от этой искры розни занялись нелады и во всем построении «Земли и Воли»: сначала она, эта рознь, захватила только «центр» общества «З. и В.» (Д. А. Михайлова, Квятковского, Зунделевича), а потом мало-по-малу передалась и некоторым другим членам общества (М. Р. Попову, Н. П. Мощенко, В. Игнатову).

Эти именно прискорбные отношения, эту глубоко ранившую меня рознь между товарищами общества я уже застал весною 1879 г., когда вызван был из Тамбовской губ. в Петербург [1]). Общество «З. и В.» дало, таким образом, трещину еще весною 1879 г., а к концу лета этого же года трещина превратилась уже в раскол.

Далее редакция заявляет, что, в виду того, что одна часть старой редакции «Земли и Воли» вошла в редакцию «Народной Воли», то, «стало быть, что «Народная Воля» *вполне солидарна с принципами, которые развивала «Земля и Воля»*, что впредь редакция намерена «вести» «Народную Волю» *в том же духе*, не копируя, конечно, старых своих статей, а *развивая старые*

---

[1]) Подробно об этом см. *О. В. Аптекман.* «Земля и Воля» 70-х годов. Гл. VIII, стр. 176—177. Издание «Русской Исторической Библиотеки», № 19, 1907 г.

принципы сообразно с историческими условиями, в которых придется действовать нашему изданию» [1]). Заключительный аккорд:—«Журнал, как и практический деятель, должен принимать в соображение те беспрерывно изменяющиеся комбинации, в которые становятся между собою правительство, общество, интеллигенция, народ и сама партия, чтобы среди этих комбинаций направлять деятельность партии целесообразно. Практические мероприятия партии не могут быть составлены раз навсегда по одному шаблону. Неизменной остается лишь одна цель, средства необходимо должны изменяться. Сегодня обстоятельства могут потребовать, чтобы *все* силы партии направлялись на борьбу с правительством, завтра может быть необходимой *усиленная деятельность* среди городских рабочих, среди крестьянства, в расколе и т. п.»

Справедливость требует сказать, что декларация редакции составлена весьма сдержанно и с большим тактом. Сор из избы, во всяком случае, не выносится на радость и утеху «княгини Марьи Алексевны»—царского правительства. Ближайшая причина раскола указана верно. Очередная тактика народовольческого органа очерчена ярко, выразительно и без экивоков.

Основной принцип этой тактики—*оппортунизм* чистой воды с примесью смышленного *практицизма*. Верховный принцип «практических мероприятий партии»—*целесообразность*. Движение—все, конечная же цель («Земля и Воля»—ведь народовольческий орган—горячий сторонник этого лозунга, а, стало быть, исповедует социалистическое народничество!) уплывает в туманную даль, за дымкою которой слабо мерцает манящий к себе «мираж». Я не знаю доподлинно, кто именно автор этой декларации, но узнаю «по когтям льва» (ab ungue Leonem, как говорили римляне), узнаю Льва...Тихомирова: его стиль, манера мышления, его выраженный так выпукло практицизм (оппортунизм). Если и не он автор этой декларации, то, во всяком случае, он как идеолог народовольчества (в *начальном*, по крайней мере, периоде бытия партии «Народн. Воли»)—ее *вдохновитель*.

Это для меня несомненно. Ниже мы познакомимся с его руководящей статьей в № 5 «Земли и Воли», где отмеченные

---

[1]) Курсив везде мой. А.

нами черты литературного творчества Л. Тихомирова особенно рельефно выступают, а пока все это—в скобках.

В первом же номере «Народной Воли», как я выше уже упомянул об этом, помещено «объявление об издании газеты «Черный Передел» от имени редакции. Написан этот манифест Плехановым,—кратко, сжато и довольно дипломатично. Может быть, эта несвойственная Плеханову дипломатичность—вынужденная: во-первых, в виду общего врага—царского правительства—сдержанный тон обязателен; а, во-вторых, прибегая к посредничеству органа противной стороны, надо также считаться с дипломатией. В чужой монастырь с своим уставом не суются, говорит народная мудрость.

Редакция имеющего еще появиться органа «Черный Передел» тоже констатирует раскол общества «З. и В.», ничего, однако, прямо не говоря об этом расколе. Он отмечает лишь со спокойствием Нестора-летописца, что....«усилившийся до небывалых размеров правительственный гнет естественно должен был вызвать новую дифференциацию в деятельности революционеров и даже, до *некоторой степени*, во взглядах их на *практические* задачи партии». Очень дипломатично! Ни дать, ни взять—по-телейрановски: *«до некоторой степени»!* (Курсив мой. *А.*).

А в таком случае из-за чего весь то сыр-бор загорелся? Зачем было расколоться? Ведь это сакраментальное «до некоторой степени» в связи со следующими словами: «во взглядах их на *практические* (курсив мой. *А.*) задачи партии»,—это в совокупности может положительно побить рекорд при сопоставлении его с прославленной «сугубой аллилуией» наших раскольников!... Из декларации Плеханова выходит, что не только не было разногласий по *существу*, т.-е. *принципиальных* разногласий, но и *тактические* разногласия («взгляды на *практические* задачи») были лишь «до некоторой степени», т. е. опять-таки, повторяю, до степени «сугубой аллилуии». Но это не везде. Наш автор декларации подвигается дальше еще на поприще дипломатии: он, Плеханов, бывший редактор «З. и В.», он, самый правоверный из землевольцев-народников, так непримиримо боровшийся все время за свое «до некоторой степени» и круто порвавший на Воронежском съезде с обществом «З. и В.», со своей революционной alma mater,—как, спрашиваю, он вдруг вздумал приурочить

свою «дифференциацию» к моменту, уже *последовавшему за* расколом, или, как он тонко выражается:—«*С тех пор, как приостановилось издание «Земли и Воли»*...? (Курсив мой. *А.*). Вот что значит быть в гостях в чужом лагере! Прав, тысячу раз прав Плеханов, что «усилившийся до небывалых размеров правительственный гнет естественно должен был вызвать новую дифференциацию в деятельности революционеров»...Но разве эта «дифференциация» не началась *еще раньше*, приблизительно за год еще (со *второй* половины 1878 г.)! Разве нашему автору не известна дезорганизаторская деятельность Исполнительного Комитета Валериана Осинского на юге и целый ряд *подобных* же актов его товарищей-землевольцев в Петербурге и других местах, подготовивших, таким образом, уже загодя эту «дифференциацию»? И разве «правительственный гнет», как один из *ближайших* моментов только этой «дифференциации»,—явление *новое* в России? Разве этот гнет никогда не прекращался, ослабевал хоть на один момент, давал передышку, проявлялся перебоями? Но факт тот, что датировать надо эту «дифференциацию», *определенно впервые* выраженную, к второй половине 1878 г., а не к моменту, *последовавшему* за расколом в обществе «З. и В.» Эта поправка необходима для выяснения *действительных ближайших* поводов раскола; эта «дифференциация» только затушевывает действительные поводы последнего. И дальше. Редакция «Черного Передела», отстаивая свое совершенно законное право иметь свой орган печати, «*как бы ни казались незначительными* различия между взглядами революционных фракций» [если «незначительны», то из-за чего пошли врозь? (Курсив мой. *А*],—продолжает свою декларацию:—«...Мы думаем, что его направление (т.-е. направление издания *А.*) достаточно определится, если мы заявим полную солидарность со взглядами, выраженными в *передовых статьях* 1—5 №№ «Земли и Воли». Дальнейшее развитие этих взглядов, определение задач партии в народе и *предостережение ее от излишнего увлечения задачами чисто политического характера* [1]), могущего отвлечь партию от единственно возможного для нее пути—агитация на почве

---

[1]) Курсив последних двух строк («предостережение» и т. д.) принадлежит мне. *А.*

требований народа, выражаемых лозунгом «Земля и Воля»,— будет составлять нашу задачу».

Редакция «Черного Передела» подчеркивает слова: «в передовых статьях 1—5 №№ «Земли и Воли». Это что значит? В этих именно «передовых статьях», как ниже увидим, *впервые* в печати излагалась народнически-землевольская программа и ее тактика, основные начала народничества и практическая программа.

Так вот с этими-то *«передовыми статьями» только* и согласна редакция «Черного Передела». Но ведь в органе «Земля и Воля» были еще и другие отделы, которые обязаны были трактовать различные вопросы общественной, политической, народной и партийной жизни с точки зрения социалистического народничества? Ведь в органе «З. и В.» была еще «хроника» в форме «Листков» «З. и В.»? Что же об них так стыдливо-скромно,—schüchtern, я бы сказал по-немецки,—умалчивает наш строгий, непримиримый ортодокс Плеханов? Ларчик просто открывается. В этих-то «Листках» и проч. и скрывается Pudelskern *разногласие*: в них-то именно сокрыта та черная ересь, из-за которой загорелся пожар редакции «Земли и Воли», там именно сказалось то «излишнее увлечение задачами чисто политического характера», от которого редакция «Черного Передела» собирается теперь «предостеречь партию» и которое в свое время на Воронежском съезде вынудило демонстративный уход Плеханова из общества «Земля и Воля». Редакция «Черного Передела» не удержалась на высотах бесстрастной дипломатии и заговорила языком, не скрывающим, а, наоборот, выявляющим ее сокровенные мысли, туман рассеялся: мы знаем теперь, что по мнению редакции «Черного Передела» послужило *действительным* поводом к расколу общества «Земля и Воля». «Дифференциация» тут не при чем, а лишь не лишенный красоты полуфилософский жест, чтобы...не испугать гусей в редакции гостеприимной «Народной Воли». Плеханов—большой ум, но заурядный дипломат.

Как бы то ни было, несмотря на дипломатию обеих деклараций—и народовольческой, и чернопередельческой—событие, имевшее место в тесном кругу лишь революционной среды 15 августа 1879 г., с появлением 1 октября того же года № 1«Народной Воли», сделалось, наконец, достоянием, как молодой русской интеллигенции, так и широких кругов общества, и что было

втайне, стало въявь: общество «Земля и Воля» приказало долго жить потому, что не поладили между собою прежде всего члены редакционной группы «Земли и Воли» из-за «сугубой аллилуии», которая потом ввела в соблазн и остальных товарищей по «Земле и Воле», порешивших с болью в сердце «разбрестись врозь»...

Такой вывод вытекал из дипломатической декларации обеих фракций. Но это вполне соответствует *фактической* правде, помимо дипломатических поползновений обеих сторон что-то смягчить, что-то затушевать. Как же на это реагировала молодая интеллигенция и интеллигентное культурное общество? Ведь факт раскола в революционной среде,—в виду определенно выраженной новой линии поведения («тактики») одной фракции и молчаливого сочувствия к этой тактике, с некоторыми лишь оговорками и ограничениями—другой,—приобретал этим несомненно *общественное* значение, характер *общественного* явления капитальной важности: борьба за политическое освобождение страны сознавалась и чувствовалась тогда, как *неизбежная* борьба, а политическая свобода—как необходимый этап для окончательного и решительного раскрепощения страны от гнета самодержавно-полицейского режима. Это *общественное* настроение двух наиболее прогрессивных и чутких к свободе общественных слоев—передовой учащейся молодежи и «либеральных» кругов «общества»—в то время (осенью и зимою 1879 г.) выступало тогда очень выпукло. Я жил тогда в Петербурге, состоял в рядах чернопередельцев в качестве одного из членов «администрации» группы «Черного Передела» и одного из редакторов ее литературного органа того же имени. Мне приходилось сталкиваться и с молодежью, и с представителями общества—посредственно и непосредственно.

Расскажу о том, что я видел, чего не мог не видеть.

Молодежь, среди которой я с одним моим товарищем по «Ч. П.», Николаевым, вел пропаганду народнических идей, народнической программы, слушала нас с интересом, во многом соглашалась, но шла к нам неохотно. Мы ее не *захватывали*, вернее,—наша идеология и наша программа, *ближайшие* наши задания.

Об этом я более подробно буду говорить ниже, в связи с пропагандой *землевольческой* идеологии и ее программы. А пока только констатирую факт: молодежь к чернопередель-

цам не шла (отдельные единицы и десяток-другой сочувствовавших и приставших в счет не идут). То же было в провинции. Сочувствие к нам было платоническое. Надежда на возможность в ближайшее время народного восстания, необходимость подготовлять и ускорить эту возможность не двинули молодежь с ее выжидательного состояния. Не то борьба с правительством во имя достижения политической свободы, куда звали ее народовольцы.

Там, у народовольцев, «борьба» кипит (в молодом, разгоряченном мозгу один—два удачных аттентата перевоплощаются уже в «борьбу»), кровь льется, пахнет дымом пороха и грохотом динамита, там полнота жизни, богатство сильных эмоций, захватывающих настроений и действий,—словом, *«счастье борьбы»* (слова Н. К. Михайловского [1]).

Это настроение в молодежи питалось и поддерживалось темной, свирепой политикой царского правительства. За последние 2—3 года правительство с особой свирепостью обрушилось на учащуюся молодежь. Административным «скорпионам» и репрессиям всякого рода не было конца. Молодежь волновалась то тут, то там; вспыхивают «студенческие беспорядки», обобщаются и становятся почти одновременно повсеместными — *общестуденческими*. Молодежь борется за свои *академические* интересы, но она не может не сознавать,—по крайней мере, не *чувствовать*, — что она, вместе с тем, борется и за *политические* интересы *всей* страны, ибо *всякая* борьба в рамках царского режима волей-неволей становится политической. И так как в заявлениях обеих фракций, а потом и в направлении руководящего литературного органа народовольцев, выражавшего собою социальное и политическое credo последних,—молодежь не усмотрела никакого существенного различия между обеими отколовшимися от одного корня—общества «З. и В.», фракциями, то, принимая все это во внимание, молодежь естественно потянулась к той фракции, которая оказалась наиболее жизнеспособной и деятельной и которая своей тактикой отвечала наиболее назревшим, неотложным

---

[1]) *Н. С. Русанов.* «Политика» Н. К. Михайловского, стр. 136. «Былое», июль, 1907 г. Курсив мой. А.

и повелительным требованиям данного исторического момента. И народовольцы действительно в то время, о котором я пишу (осень и зима 1879 и январь 1880 г.), монополизировали операционную базу среди молодой интеллигенции. Чернопередельцы были оттиснуты на задний план.

Кто не идет за своим временем, кто лишен общественно-политического чутья, тот выбрасывается за борт живой общественной жизни,—будь то отдельная личность, или группа лиц—все равно. Как же отнеслось интеллигентное общество к расколу и заявлениям обеих фракций?

Та часть общества, которая преследовала цели мирного и постепенного развития прогресса, в то время была глубоко потрясена развертывавшейся перед нею кровавой драмой революционного движения. Навыки мысли, навыки жизни отталкивали ее от насильственной формы борьбы. Но политическое развитие, понимание громадной важности политической свободы, как необходимого элемента культурного и общественного прогресса, полное разочарование в правительственных «либеральных» мероприятиях, глубокая ненависть и презрение к этому бездарному и жестокому правительству, коварно водившему ее за нос, в течение двадцати пяти лет царствования «Царя-Освободителя»,—все это, в последнем счете, расположило и эту часть общества в пользу народовольцев. Наши прогрессисты-демократы учли этот момент, как *возможный* и *желательный* шанс победы партии «Народной Воли», а, с тем вместе, и падения неограниченного царски-бюрократического порядка inde—*общее* сочувствие народовольческой борьбе. Пусть это сочувствие, в существенном, было только *пассивное*, но оно создавало благоприятную для народовольческой партии *общественную* атмосферу, насыщенную разочарованием, горечью, гневом и неискоренимыми ненавистью и презрением к правительству.

Морально правительство было совершенно изолировано от верхов культурного, свободомыслящего общества. А последнее рассуждало так: пусть это будет кучка, горсточка революционеров—нужды мало! эта кучка уже напугала на-смерть правительство: оно растерялось, коварно ищет поддержки в *общественных* кругах, а это значит—слабость, неуверенность в своих

из библиотеки М. Гуса
Инв. №

силах. Полная изоляция, страх и слабость вынудят правительство на уступки,—и не на *словах* только, а на *действительные* уступки. Так учло тогдашнее положение вещей наше общество. Думаю, что передаю это общественное настроение без преувеличений—близко к истине.

Как, спросит читатель, отнеслись рабочие к народовольческой борьбе? На рабочих еще больше, чем на молодежь, обрушился непосредственно царский гнет. Предыдущие два года (1877—78) и особенно 1879 г. вначале, как известно, ознаменовались в Петербурге целым рядом стачечных движений. В результате их—свирепая правительственная расправа, в разнообразных ее формах. Масса рабочих всегда ненавидела правительство, а тут уж «чаша с краями полна»: рабочие в *массе* революционировались самим правительством, в процессе *посредственной* с ним борьбы, как с защитником интересов капиталистов,—фабрикантов и заводчиков, с которыми они, рабочие, *непосредственно* боролись.

Передовой же отряд рабочих—«Северно-русский рабочий Союз»—уже сознал необходимость борьбы для достижения политической свободы и ввел то и другое—и политическую борьбу, и требование политической свободы—в свою программу еще *до* народовольцев, осенью 1878 г., т.-е. во время еще существования общества «З. и В.». Это—большая заслуга со стороны «Северно-русского рабочего Союза», это характеризует его политическое чутье и ярко пробудившееся уже в нем *классовое* самосознание.

И, конечно, уж a priori можно было предвидеть, что в вопросе о политической борьбе «Союз» целиком будет на стороне «Народной Воли». Оно так и было,—по моим наблюдениям (я был лично знаком с двумя членами этого Союза). Но пока Союз мог еще держаться на своих ногах, пока он не был еще совершенно разгромлен, он оставался независимым. Это недолго продолжалось, наступил момент—и глава этого «Союза», основатель его, Степан Халтурин, решительно примкнул к «Народной Воле». В своем интимном разговоре с Плехановым Халтурин, между прочим, высказался так:—« ... смерть Александра II принесет с собою политическую свободу, а при политической свободе рабочее движение у нас пойдет не попрежнему. Тогда у нас

будут не такие союзы, а с рабочими же газетами не нужно будет прятаться» [1]).

Что касается легальной прессы, то, по цензурным условиям того времени, она или совсем замалчивала революционную деятельность как в целом, так и в частностях, или говорила о них своим эзоповским языком, нередко недостойным, неискренним, но,—чтобы оправдать ее—вынужденным, страха ради иудейска...

Очень большой интерес представляют взгляды на террористическую борьбу, вообще, и политическую борьбу народовольцев—в частности, наших двух самых крупных мыслителей и писателей того времени, «властителей дум» молодого поколения 70-х годов,—*Флеровского* и *Н. К. Михайловского*. Оба они, хотя и в разное время, близко стояли к революционному движению передовой молодежи 70-х годов: Флеровский-Бреви—*в начале* этого движения, накануне революционного паломничества «в народ» и при самом уже возникновении этого паломничества, Михайловский же—в заключительном, драматическом периоде этого движения—*народовольческом* или *политическом* периоде. *Флеровский примыкал* лишь к социально-революционному движению молодого поколения, так как по некоторым особенностям своего философского мировоззрения и некоторым оттенкам во взглядах на пропаганду в народе (Флеровский тогда уже придавал большое значение пропаганде *политических* идей в народе), а равно по индивидуальным особенностям своего характера,—он не укладывался в тесные рамки революционной группировки. Тем не менее, Флеровский-Бреви принимал самое деятельное *непосредственное* участие в работе передовых революционных кружков того времени—*чайковцев* и *долгушинцев*. Для первых он написал «Азбуку социальных наук» и переделал для нового издания свое знаменитое «Положение рабочего класса в России»; для вторых он написал народно-революционную брошюру «Как надо жить по закону природы и правды». Помимо идейных и деловых отношений, Флеровского связывала с молодежью горячая *личная* симпатия (Натансон, М., Кравчинский,

---

[1]) Г. В. Плеханов. «Русский рабочий в революционном движении». Издательство «Пролетариат», стр. 90. *А.*

*

Перовская, Дмоховский и др.). *Михайловский* же в первую половину 70-х годов—в период пропагандистский—стоял несколько поодаль от революционной молодежи, хотя идейно был на ее стороне. Мало того. И Флеровский и Михайловский, властвуя в то время над умами молодежи, тем не менее, в свою очередь, сами *идейно* подчинились влиянию этой молодежи: они пошли *за* молодежью, вместо того, чтобы повести молодежь *за собою* [1]).

К большому сожалению, *вторая* ссылка (*пожизненная* почти) Флеровского на далекий север навсегда вырвала его из революционной среды, оборвала навсегда цепь *непосредственного* контакта его с нею. Но и в ссылке он быстро приобретал связи среди ссыльных, завоевывал их всеобщую симпатию и глубокое уважение, и через них, товарищей по ссылке, он был постоянно в курсе революционного движения и зорко, как философ, следил за всеми последовательными фазами развития революционного движения молодежи. А когда, наконец, в конце 70-х годов, его перевели в Кострому, там опять около него сгруппировалась группа ссыльных—местная молодая интеллигенция.

---

[1]) Прошу читателя прочесть в политическом памфлете Флеровского «Три политические системы» те страницы (начиная с 300 и след.), которые он посвящает пропагандистскому периоду социально-революционного движения 70-х годов. Характеристика этого периода, в целом, отличается не только достаточной полнотой и правдивостью, но почти юношеской восторженностью. Это—не апология, а преклонение пред жертвенностью, «энтузиазмом», богатством энергии, полнотою жизни («...Великое открытие было сделано, путь был найден; одновременно во всех головах загорелась одна и та же мысль: «Внарод! Нечего тут сидеть—в народ!» Аскетические привычки были сделаны, энтузиазм горел, уменье скрываться, приготовлять фальшивые паспорта и жить под чужим именем доведено до значительного совершенства—чего же более—в народ!»). Отдельные эпизоды движения, настроение его, психология того замечательного момента, все, одним словом, передано живо, красочно, выпукло и с неподдельной любовью *старшего* товарища—друга,—товарища по *идейным* симпатиям и *практике*. Так сильно подействовало на Флеровского, человека уже пожилого в то время, мыслителя, публициста, литератора, пропагандистское движение.

И у Михайловского мы находим страницы, посвященные этому же периоду (1873 г.). Они написаны с такой силой и захватывающей правдой, несомненно внушенные ему социально-революционной пропагандой, что

К нему, к Флеровскому, нередко приезжал «на поклоны» Н. К. Михайловский («поклонами» называл Михайловский свои визиты к Флеровскому). Н. К. Михайловский высоко чтил Флеровского-Бреви и питал к нему самые горячие симпатии. Не мудрено. Ведь в их *социологических* взглядах было много общего: *коллективизм*, как основа социального общежития, непримиримо отрицательное отношение к *дарвинизму*—как к *социологическому* принципу человеческих отношений, как к основе *общественного* бытия. Михайловский мог, с своей стороны, многое пересказать своему другу-философу о том, что делается в революционной среде, какие уже намечаются *новые* течения. В то время уж стал определяться сдвиг в сторону непосредственной борьбы с правительством, в сторону терроризма—в особенности.

А на Флеровского «ход вещей», вкупе с тяжелыми личными переживаниями в перманентной ссылке, уже давно подействовал революционирующим образом. Он уже давно (с *первой* еще ссылки в 60-х годах) стал решительно на сторону *революционной* борьбы и изжил совершенно свой былой *мирный* посте-

---

мы, семидесятники, читали и понимали их, как санкцию наших исканий и достижений, как дорогой завет учителя. Мы поняли,—писал он в одной из критических статей своих о «Бесах» Достоевского в феврале 1873 г.,—мы поняли, что сознание общественной правды и общественных идеалов далось нам только благодаря вековым страданиям народа. Мы не виноваты в этих страданиях, как не виноват яркий и ароматический цветок в том, что он поглощает лучшие соки растения. Но, принимая эту роль цветка из прошедшего, как нечто фатальное, мы не хотим ее в будущем». Далее он аргументирует уже совершенно в духе *социалистически-народнической идеологии* о примате социальных задач над задачами политическими.—«Для общечеловека, для citogenia, для человека, вкусившего плодов общечеловеческого древа познания добра и зла, не может быть ничего соблазнительнее свободы политической, свободы слова, устного и печатного, свободы обмена мыслей (политических сходок) и проч. И мы желаем этого, конечно. Но если все связанные с этой свободой права должны только протянуть для нас роль яркого и ароматного цветка,—*мы не хотим этих прав и этой свободы.* Да будут они прокляты, если они не только не дадут нам возможности рассчитаться с долгами, но еще увеличат их!» Сочинения, II, 305 и 306. Цитировано у А. А. Корнилова. Общественное движение при Александре II (1855—1881), стр. 227. Изд. Журнала «Р. М». 1909 г. Москва. Курсив мой. *А.*

пенный эволюционизм. Он в существенных чертах—*народник, социалист*, но с некоторыми особенностями в тактике: он еще *в начале* 70-х годов пропагандирует среди молодежи необходимость распространения в массе *и политических* идей, как средство *политического* воспитания массы, как средство *высвободить массу из-под векового гипноза царизма*. Молодежь, сама собою, *тогда* его не слушала, не прияла политического элемента в пропаганде. Ну, а теперь она сама, молодежь-то, очнулась, начинает сама высвобождаться из-под чар анархизма — отрицания политической борьбы и игнорирования политической свободы.

И Флеровский-Бреви горячо приветствует это новое направление в революционной партии. Оно гармонирует с его взглядами и настроением. Вот что он, между прочим, пишет по этому поводу: «Существует одно несомненное, священное право у всякого народа избрать себе тот образ правления, который он находит для себя более удобным. Но для того, чтобы народ мог *сознательно* сделать наилучший выбор, он должен иметь понятие о том, какие существуют политические системы и как они действуют; мало этого, он должен быть в состоянии *зрело* обсудить, какая из этих систем наиболее подходит к его настоящему положению. Вот почему всякое правительство обязано дозволять беспрепятственно обсуждать в прессе о более подходящем для народа образе правления»... «Закон, на основании которого неограниченная монархия признает преступлением обсуждение в печати вопроса о более пригодном для страны образе правления, есть сам по себе великое преступление—такое преступление, которое лишает власть законности и превращает ее в царство, основанное не на праве, а на насилии»... « ... Они (т.-е. русские императоры. *А.*) ставили дело так, что народу оставался один путь к введению усовершенственного конституционного порядка: *повесить императора и изгнать из страны царствующий дом*. Ставить народ в такое положение может только правительство насилия, а *такое царствование оправдывает насилие над самим собою;* император не может пожаловаться, если он от насилия погибнет, *даже и тогда, когда не будет единодушного взрыва,* потому что он народ устрашает и не дает ему свободно и спокойно про-

явиться» [1]). Ясно. Философ-юрист, философ-государствовед, не только санкционирует право *народа* судить тирана, но и право *отдельного* лица (или *группы*,—что само собою разумеется) судить монарха-насильника. Цареубийство, таким образом, оправдывается как писаным (государственным), так и «естественным правом». И Флеровский, переходя к террористической деятельности народовольцев, продолжает: « ... Когда революционеры проявили всю свою силу и непобедимость, волнение общества во много раз увеличилось сравнительно с тем, какое было произведено хождением в народ. Их средства считали громадными, не сомневались, что под влиянием всеобщего возбуждения в скором времени разразится революция. Конечно, революция встречена была бы деятелями борьбы с большим восторгом: революция произвела бы давно и страстно желанный *социальный* переворот в России. К социальному перевороту стремились не только те люди, которых теперь стали называть террористами, потому что они напугали и терроризировали правительство; желание вызвать социальный переворот было главным источником того энтузиазма, который пробудил *такое большое число людей* итти «в народ»... « ... Было также ясно, что социального переворота помимо революции не будет и быть не может; если бы император даже захотел бы его сделать, то он не мог бы его произвести; он встретил бы неодолимое препятствие в тех, кто его окружал.

Другое дело конституция. Конечно, не было примера, чтобы конституция вынуждалась террором, наведенным на государя и государственных людей, но, с другой стороны, не бывало также примера, чтобы на высшие сферы был наведен такой страх, какой наведен теперь. Отчего не попытаться, может быть удастся. Неограниченные государи нигде не уступали требованиям конституции добровольно, всюду такое усовершенствование в управлении сопровождалось кровопролитными и большими стра-

---

[1]) *Н. Флеровский.* Три политические системы, стр. 482—83—84—85. Лондонское издание 1897 года. Курсив везде мой. *А.*

Когда собственно были написаны эти строки, т.-е. указать *дату*— я не могу, но, ведь, это несущественно: оно *обдуманно* и *пережито* было еще во *время* террористической борьбы, это—отзвуки на *тогдашние* события, на *тогдашнюю* революционную борьбу.

даниями народных масс. Если бы несколько смелых людей могли сделать это дело, рискуя только собою, чего же лучше; если бы дело было сделано, а народ избавлен от всех страданий, сопряженных с восстанием, их бы стали превозносить, как благодетелей своего отечества.

Мысль эта созрела в головах деятелей и превратилась в решимость. Изумленным взглядам истории представилось зрелище, едва ли не беспримерное. Каких-нибудь двести человек схватились в кровавый бой с императором могущественной империи, в руках которого сосредоточилось столько власти, сколько еще ни у одного государя не бывало... И вдруг, о чудо! Эта ничтожная горсть людей наводила на него страх... кучка людей, неуловимых, как тень, страшная, как привидение, мучительная, как кошмар, не давала ему покоя...» [1]).

Читатель, надеюсь, не посетует на меня за эту длинную выписку из Флеровского. Ведь она так интересна, так ярко иллюстрирует то настроение, те иллюзии, которые,—правда, ненадолго,—переживали и питали даже большие люди. А Флеровский—несомненно большой человек. «Серьезный наблюдатель, бесстрашный труженик, беспристрастный критик, мощный художник, прежде всего, человек, возмущенный против гнета во всех его видах, нетерпящий всевозможных национальных гимнов и страстно делящий все страдания и все стремления производительного класса».—Вот кто такой Флеровский, по характеристике К. Маркса [2]).

Выслушаем же теперь другого большого человека, Н. К. Михайловского.

Выше (в выноске на стр. 21) мы привели замечательные слова Н. К. Михайловского относительно политической свободы («*... мы не хотим этих прав, этой свободы! Да будут они прокляты, если они не только не дадут нам возможности рассчитаться с долгами, но еще увеличат их*». Курсив мой. *А.*). Это было написано в начале 1873 г.

---

[1]) Там же, стр. 363—364. Курсив мой. *А.*

[2]) Из письма членам Комитета Русской Секции в Женеве. Письмо подписано К. Марксом. 24 марта 1870 г. Лондон.

Взято из сборника «За сто лет» Вл. Бурцева. Изд. 1897 г. London, стр. 89—90. *А.*

А вот в апреле 1878 г. Н. К. Михайловский, как уже теперь твердо установлено, выступает с подпольным «Листком» чисто *конституционного* содержания [1]). Сдвиг для Н. К. Михайловского знаменательный. Он, очевидно, не боится уж «увеличить долг» народу. А уже осенью 1879 г., когда партия «Народная Воля» выступила уже со своим органом, Н. К. Михайловский занимает в партии такое же аналогичное положение, какое в начале 70-х годов занимал Флеровский в революционных кружках чайковцев и долгушинцев.

Н. К. Михайловский сотрудничает в газете «Народная Воля», вдохновляет народовольцев неуклонно следовать по пути, избранному ими, до известной степени является даже идеологом народовольцев.

Его «Политические письма социалиста» в «Народной Воле» составляли подлинную эпоху в революционной прессе того времени. Они, эти письма, значительно содействовали престижу народовольческой партии и широкому распространению идей политической свободы и необходимости достижения ее путем непосредственной борьбы с правительством.

Я удостоверяю это, как современник, воочию видевший все это и не раз слышавший восторженные отзывы об этих «Поли-

---

[1]) *О. В. Аптекман*, н. с., стр. 131, где я привожу большую цитату из этого «Листка». *Тогда*, когда я писал свои воспоминания о «З. и В.», я не знал, что автором этого «Листка» надо считать Михайловского. Кстати. Небольшое объяснение с многоуважаемым Е. Е. Колосовым.

В предисловии к своим «Очеркам мировоззрения Н. К. Михайловского», он, Е. Е. Колосов, недоумевает и удивляется, как это О. В. Аптекман, так близко стоявший к «З. и В.», а, впоследствии, и к группе «Народного Права», не знал, кто написал «Листок». Очень просто. «Листок» появился тогда, когда я жил в деревне.

Я не видел его и ничего об нем не слышал. Весною 1879 г. я был в Петербурге, мне передавали товарищи, между прочим, что в типографии и редакции «Земли и Воли» чуть было не разыгрался скандал из-за какого-то конституционного листка, который набрать отказалась было наборщица Крылова, может быть, речь именно была о «Листке» Н. К. Михайловского, но я не заинтересовался тогда спросить об этом. Кроме того, Е. Е. следовало бы знать, что общество «З. и В.» было организовано на принципе *строгой конспирации и дисциплины*, что то, что делалось в редакции и типографии, оставалось тайной и для *членов* общества, кроме тех, которым это надлежало только знать. *А.*

тических письмах социалиста». Кто же этот Роланд, наносящий, с закрытым забралом, такие сокрушительные удары царизму? Кто он? Не Драгоманов ли? И проч. и проч. Вообще «Народная Воля» читалась нарасхват, «Политические письма» высоко талантливого безымянного автора имели колоссальный успех, смелый клич автора: «Бейте же по обеим головам хищной птицы! (двуглавого орла. *А.*) и «Vogue la galere!»—прозвучал боевым аккордом в широких кругах молодой интеллигенции, рабочих и общества.

Я тогда еще упорно стоял в «политике» на точке зрения правоверного народника-землевольца (чернопередельца тож), я стремился тогда всеми зависящими от меня способами бороться против крайнего уклона в сторону чисто политической борьбы. Но, тем не менее, я тогда уже ясно видел, что «Народная Воля» знаменует собою решительную эволюцию в сторону чисто политических идей и их практического осуществления, что эволюция эта, далее, все больше и больше уже захватывает собою большие круги молодой интеллигенции и что, наконец, дальнейшая эволюция в этом направлении становится необходимостью,— что, словом, в скором времени политические идеи займут в революционной мысли такое же равноправное место, как и социальные. Партия «Народная Воля» взяла, так сказать, быка за рога, раз навсегда отказалась от ортодоксально-народнического предрассудка по отношению к политической свободе. И это была, несомненно, ее большая заслуга, и в этом выдающуюся роль сыграли, между прочим, «Политические письма социалиста» Н. К. Михайловского.

Так отнеслись к народовольческой борьбе два самых крупных представителя нашей философской и социологической мысли тогдашнего времени, Флеровский-Берви и Н. К. Михайловский.

Ближайшее будущее показало, что их расчеты не оправдались, что их надежды оказались иллюзорными и что мы снова оказались у разбитого корыта... Наши мыслители глубоко ранены, скорбь, сомнения и отчаянье закрадываются в их великие души.

У Флеровского по этому поводу вырывается буквально стон, и он нервно, торопливо, несколько бессвязно набрасывает на страницах своих «Трех политических систем» следующие,

между прочим, знаменательные суждения: « ... Удар сильный, весь цивилизованный мир обратил на него напряженное внимание... Но вот движение, вместо того, чтобы разрастаться, стало утихать»... «Если террористическое движение отступило на второй план, то причины были вовсе не внешние, а *внутренние*, они вытекали из самой сути и цели этого движения. Причины эти действовали так сильно, что, напр., Перовская почти добровольно отдалась в руки правительства; *если бы в окружающей ее среде был прежний дух и прежняя энергия, то Перовская вероятно была бы жива и теперь.* Она почти перестала принимать предосторожности, чтобы скрываться. Никак нельзя было сказать, чтобы надежда террористов вынудить у императора конституцию построена была на песке; Александр II действительно с большой готовностью дал бы конституцию, чтобы избавиться от того невыносимого положения, в котором он находился—и все-таки *это обстоятельство не помогало делу: террористы могли терроризировать правительство, могли заставить его искать спасения в конституции, но не могли сменить это правительство и заменить его другим, более способным...*». « ... То обстоятельство, что терроризм, наказывая и запугивая бесцеремонную силу, оставил ее в тех же руках, составляет в терроризме такой недостаток, который слишком часто делает для него достижение цели невозможным. Горе обществу, которому для достижения прогресса остается одно—полагаться на терроризм. Мечта избежать при достижении конституции народного волнения и достигнуть цели террором исчезла и оставила после себя одну мрачную перспективу будущего»... « ... *Действительная революция может быть добыта только руками трудящего народа и на счет крови этого народа*»... « ... Ужасная, мрачная мысль; да, отказаться помогать народу—выйти из этого состояния—ужасное преступление» [1]).

Что же делать? Как же выбраться из этого тупика, в который загнала нашу родину эта слепая «история»? «Отказаться помогать народу—ужасное преступление», но как помочь? Ответ следует ясный, точный и определенный: действовать неуклонно

---

[1]) Там же, стр. 363—364, 366—367, 368, 381, 385, 388—89—90, 393, 395—396. Курсив везде мой. *А.*

на два фронта. Что это значит? *Пропагандировать неустанно в массе «трудящего рабочего народа» социально-революционные и политические идеи*, с одной стороны, и *терроризировать правительство сверху*—с другой. Пропаганда социалистических идей в массе не прошла, по глубокому убеждению нашего благородного мыслителя и верного друга народа, бесследно. Но надо к этому обязательно прибавить пропаганду *политических* идей. Флеровский горько жалуется на то, что, начиная с петрашевцев, « ... все надежды возлагались на социальную пропаганду; *люди движения вовсе не понимали зависимость усовершенствования в социальном быте от политических учреждений; по их мнению, конституция не могла помочь народу*. Даже во время терроризма такое господствующее воззрение далеко не было поколеблено» [1]). Он доказывает горячо, что в Европе не было времени, когда бы народ не был более или менее знаком с конституционными или даже республиканскими идеями и с политической борьбой; такая борьба всегда там существовала, и если там бывали безотрадные времена, то народ никогда не утрачивал способности вновь воодушевляться идеей подобной борьбы. Но специфические условия русской государственной действительности императивно требуют от социально-революционной партии движения еще борьбы *непосредственной* с правительством путем террора. Такова трехчленная формула борьбы с современным государственным строем в России: *пропаганда социально-революционных идей, пропаганда политических идей—в массе*, и *террор—по отношению к правительственной организации*.

Флеровский даже идет дальше. Он видит уже, в царствование «Царя-Миротворца», Александра III, симптомы приближающегося народного восстания, грядущей народной революции. Он указывает на целый ряд беспорядков на фабриках и заводах, на все учащающиеся столкновения народных масс с правительственной властью, на еврейские погромы того времени и т. д., и т. д.

Он заключает: «... Очень может быть, что *если бы терроризм вместо того, чтобы ослабеть со дня смерти Александра II, счел бы это началом, первым днем, с которого должна была на-*

---

[1]) Там же, стр. 409. Курсив мой. *А.*

аться серьезная борьба, то Россия в настоящее время была бы конституционной державой и проложила бы себе путь к мирному и свободному развитию. Но не такова была судьба этого несчастного государства» [1]).

Характерные слова. Они не только дополняют трехчленную формулу Флеровского, но вносят еще свет с другой стороны: террор не только необходим, как *постоянная* форма борьбы, как *систематический террор в подготовительно-революционной работе*, но и *особенно обязателен и целесообразен в момент назревающего уже революционного переворота снизу*—как *ускоряющий революцию фактор*.

Как подействовало крушение народовольческой борьбы на Н. К. Михайловского? К чему он, наконец, пришел после тяжелых испытаний темной реакции Александра III и беспросветного «разброда и шатаний мысли» *общественной* реакции того времени и последующих годов?

В этом отношении большой интерес представляют письма покойного Н. К. Михайловского к Н. С. Русанову. Письма эти интересны в литературно-общественном отношении, вообще, и в революционном в частности. Особенно выдается одно письмо, послание Н. С. Русанову, с *оказией* и датированное июнь 1898 г. Это длинное письмо вскрывает, между прочим, уголок души Н. К. Михайловского, той драматической тяготы, которую Михайловский-*Гроньяр* переживал так больно и переносил с такой, так сказать, республиканской стойкостью.

Он пишет: «Исход я себе представляю в неопределенном, но не очень далеком будущем двоякий. Или наверху одолеет... (слово не разборчиво) либеральное течение (там есть разные), и тогда от замерзшего общества зависит, как оно будет разогреваться, *или мы вернемся к террору* с неопределенностью его последствий (*я не считаю результаты террора 70-х годов определенными*)». Три года спустя (в 1901 г.) Михайловский, между прочим, пишет: «Дела наши Вы знаете от других, более аккуратных корреспондентов, но, сколько я понимаю, освещаете их слишком оптимистически. *Я предчувствую смутные и мрачные времена и вижу исход только в одном, в чем принять личное*

---

[1]) Там же, стр. 429. Курсив мой. *А.*

действенное участие не могу, а потому и другим рекомендовать не могу, но что фатально, рано или поздно, должно быть» [1]).

Итак, оба наши мыслители и публицисты, милые и дорогие нашему сердцу «учители жизни», пришли в тяжелых своих размышлениях к одному и тому же—к *террору*,—как «фатальному», по выражению Михайловского, методу революционной борьбы. Но у Флеровского терроризация является лишь привходящим элементом в цельную его программу деятельности в народе, а у Михайловского террор является как бы эпизодическим элементом, хотя и «фатальным». Это не значит, что у Н. К. Михайловского не было *своей целостной* программы—нет! она несомненно была, но здесь, в письме «с оказией», очевидно, ему было не до изложения программы. А программа была. *Гроньяр* в своих «Политических письмах социалиста» ворчит на народовольцев, почему они оставили старый «прекрасный девиз: «Земля и Воля»? Он прибавляет: «Куда бы ни направил в частном случае вашу борьбу практический ход жизни, этот девиз должен быть вашим. Одной половиной его—«Волей»—вы примыкаете ко всем уважающим себя людям, которым ненавистно самовластие; другая половина—«Земля»—выделяет вас из общего либерального хора. Глубокий политический смысл заключается в этой двойственной формуле: воля всем, земля земледельцу. Конституцию сочинить не трудно; ее напишет и Валуев, и Шувалов, и Победоносцев. Но европейская история учит нас, что Бисмарки и Наполеоны, даже Миланы и Ристичи во всякую данную минуту могут разорвать хартию воли, если в сохранении ее не заинтересована миллионная масса народа. Русский народ грудью встанет только за такую волю, которая гарантирует ему землю. Он равнодушно, даже злорадно будет смотреть на самое наглое нарушение конституции, если в основе ее будет лежать циркуляр Макова. Избирая себе девиз «Земля и Воля», вы повинуетесь не только

---

[1]) *Н. С. Русанов.* «Политика» Н. К. Михайловского, стр. 137—138. Курсив, так как автор не оговаривает этого, должно быть принадлежит самому Н. К. Михайловскому.

К последнему абзацу имеется примечание Н. С. Русанова такого содержания: «То же, буквально то же самое, и почти в это же время, Михайловский говорил в Перми Е. К. Брешковской: «Теперь должен начаться террор»...

«Былое», июль, 1907 г. *А.*

народным идеалам и голосу высшей справедливости, но и практическим требованиям истинного, непризрачного осуществления самой воли» [1]). Чего же больше? Гроньяр-Михайловский— *землеволец-народник, народник-социалист.*

Но характерная черточка. *Второй* член формулы—Воля»—выдвигается как бы само собою Гроньяром на *первый* план. Естественно. Что у кого болит, тот про то больше и кричит. Политическая свобода нужна во что бы то ни стало.

Про то кричит социалист-утопист Флеровский-Бреви, а ему вторит «басом» и социалист-народник (тоже утопист)—Михайловский. О какой же свободе они оба говорят? О *демократической* свободе в западно-европейском радикальном смысле—как она на Западе выработалась в процессе долгой и мучительной борьбы, в которую была вовлечена и масса трудящегося народа за достижение демократических учреждений. И в результате: и Флеровский, и Михайловский, по существу одного социального политического воззрения, пришли в тяжелом процессе пережитого и передуманного—к *террору*. Так террористическое настроение продолжало еще владеть людьми даже такого крупного колибра, как Флеровский-Бреви и Михайловский. «Пусть арфа сломлена, аккорд (ее) еще рыдает».

II.

Выше мы познакомились с категорическим заявлением редакции «Черного Передела», что она вполне солидарна «со взглядами, выраженными в *передовых статьях* 1—5 №№ «Земли и Воли». Газета же «З. и В.» служила выражением идей, стремлений и тактики общества «З. и В.»,—родоначальника группы «Черного Передела». Нам надо поэтому, хоть в общих чертах, познакомиться с этим Обществом. Как оно возникло? Как известно, революционное движение передовой молодежи 1873—74 г. ознаменовалось массовым движением в народ, «паломничеством» его, по выражению П. Б. Аксельрода, в деревню.

---

[1]) *Гроньяр* (Михайловский). «*Политические письма социалиста*», стр. 92. *Письмо первое. Народная Воля № 2-й*, 1 октября 1879. Год первый. Русская истор. Библиотека № 6. Литература партии Народной Воли. Ред. Базилевского. Paris. 1905 г.

Если выразить это движение графически кривой, то получится, начиная с *подготовительно-революционных* 1870—72 г.г., постепенный, едва заметный подъем, с быстрым внезапным скачком вверх до крайней высоты; затем такой же быстрый спуск кривой, но не уровня абсциссы, а с небольшими, так сказать, колеблющимися повышениями и понижениями. Это очень характерно. Массовое движение, быстро поднявшись и так же круто спустившись, не заглохло совсем, а продолжало еще как бы по инерции своей, слабое правда, но все-таки неизменное поступательное шествие. Занимаясь в архиве III отделения, я натолкнулся на массу «дел о пропаганде», веденной исключительно *отдельными* лицами по преимуществу *демократического* происхождения (рабочие—*одиночки* фабрик и заводов, ремесленники, отставные солдаты, мещане, крестьяне и проч., проч.). Я еще не подвел им окончательного итога, но уже получил около 150—180 лиц разного чина и звания. Все эти дела, в громадном большинстве случаев, окончились «административным порядком» («дальнейшим производством прекращены», по стереотипному выражению хроникера III отделения) и, таким образом, до сведения общества не дошли. Принимая все это во внимание, а также и то, что неменьшее число лиц осталось за «пределами недосягаемости», можно сказать, не греша против истины, что движение 70-х годов, в *первую* половину его, было действительно почти массовое и не осталось без воздействия на демократические, более восприимчивые элементы населения. Это—факт, заслуживающий внимания. Но ведь не все же исходное интеллигентское движение было разгромлено в конец: осталось еще много разрозненных элементов и некоторое количество более или менее сплоченных ячеек. Эти-то одиночки («дикие», как немцы говорят) и ячейки и собрались в 1876 г., в конце его, и построили в Петербурге общество «Земля и Воля», а на юге, за исключением Ростовско-Харьковского кружка, целиком вошедшего в общество «З. и В.», образовали небольшие *самостоятельные* группы и ячейки в Киеве, Одессе, Херсоне и Николаеве,—все, связанные между собою *федеративно*.

Все эти революционные группы, во всей их совокупности, стали известны под именем «народников-бунтарей». «Народниками они назывались по своей социалистической доктрине,

«бунтарями»—по тактике своей (по «способам и приемам революционной борьбы», по тогдашней терминологии). Строго говоря, никакой доктрины, как *системы* идей, тогда еще не было, а была лишь *программа*—как ряд теоретических предпосылок, скомбинированных на-спех. Да и эта программа первоначально циркулировала по рукам исключительно в рукописной форме и также пропагандировалась устно разными способами. Я знаю две рукописные программы. Первая написана С. А. Харизоменовым, при самом основании общества «Земля и Воля» (в 1876—77 г.), вторая—Адрианом Михайловым (1877—78 г.). Ниже мы подробнее познакомимся с этой народнической программой, обстоятельно развитой в газете «Земля и Воля», центральном органе Общества. А сейчас отмечу лишь характерные черты *основной*, писаной программы.

Программа эта представляет собою амальгаму различных элементов, что придает ее архитектонике крайне многостильную, но отнюдь не изящную форму. Это—пестрое сочетание элементов *нео-славянофильства* Герцена (идеализация архаических форм народного быта) с элементами научного социализма (критика капиталистического строя, экономический и исторический материализм, контрабандой проведенные самим Бакуниным), да еще плюс своеобразного, так сказать, сожительства (симбиоза) элементов материалистической философии Фейербаха, Чернышевского и Маркса с субъективно-идеалистической философией Лаврова-Михайловского. Но что особенно отличает народническую программу—это ее *анархо-федералистическая основа* (по Бакунину-Прудону): решительное отрицание демократических буржуазных форм государственного устроения, как они вылились на Западе, в процессе завоевания политических свобод. Отсюда—*аполитизм*, легший в основу программы землевольческой и прочих народнических организаций: отрицание политической борьбы, как орудия *экономического* освобождения народа, *экономического* переворота. Политическая свобода должна быть достигнута лишь как, так сказать, *побочный* продукт завоевания ее в процессе *социальной* революции, как результат социального переворота, произведенного *самим* народом,—который и установит согласную с его извечными идеалами и исконными взглядами форму политической орга-

низации. Отсюда—примат «практической» программы: сосредоточение всех, по возможности, наличных революционных сил в деревне, организация в деревне *революционных поселений*—как постоянных и необходимых очагов революционного брожения в народе («пропаганда действием»), конечная цель которого—народное восстание, *социальный* переворот с лозунгом «Земля и Воля»—исконный лозунг всех народных революционеров, «титанов народно-революционной обороны: Болотникова, Булавина, Разина, Пугачева и др.» (Плеханов).

Ничего собственно нового и оригинального ни в «теоретической», ни в «практической» программе нет. Это—наследие еще 60-х годов, революционное выступление интеллигентских ячеек, во главе с Чернышевским, М. И. Михайловым, Шелгуновым—как идеологами *народнически*-революционного движения в 61 г., и общества «Земля и Воля» и организации «Великорусс» в 1862 г. Генетическая связь здесь несомненна, основа—*та* же самая—неотвязная, мучительная мысль о русском мужике, неразрывно связанная с социализмом, постановка во главу угла требований вопроса о Земле и Воле, кардинального вопроса революционного движения 60-х годов. Общество «З. и В.» 70-х годов (*второй* половины) попыталось лишь дать философски-историческое и социологическое обоснование революционному народничеству, опираясь на образовательные элементы того времени, т.-е. 60-х и 70-х годов, по преимуществу. Программа (*идеологическая* ее часть) оставалась неизменной почти во все время существования общества «З. и В»., и если вносились какие-либо изменения и дополнения, то лишь детального свойства, сообразно с новыми данными жизни и практики [1]). Что же касается «практической» программы, то в нее были внесены некоторые существенные изменения, как результат уже некоторого опыта,

---

[1]) Впоследствии, когда революционное движение народничества 70-х годов завершило уж полный цикл своего развития, его идеология, будучи разработанной и обоснованной мирными деятелями, явилась уже в законченном виде, как *система* идей, как народническое течение *философско-исторической мысли*, как *социологическое* построение. Представителями его были: Каблиц-Юзов, В. В., Николай—он, а затем целая плеяда выдающихся, уж позднейших представителей легального народничества, как, напр., *В. Семевский, И. Лучицкий, Мякотин, И. Игнатович* и проч.,

весною 1879 г., т.-е., когда Signa maligna (опасные симптомы) надвигающегося уже развала (не сознанного, однако, еще вполне тогда землевольцами) Общества стали уже обозначаться. Об этом ниже. Как была принята землевольская программа молодежью, *прежде всего*? Ибо программа землевольцев была, само собою, тем боевым орудием, при помощи которого они, землевольцы, стремились пропагандировать свое вполне определившееся направление среди молодежи, приобретать себе сторонников, набирать новых членов, пополнять свои ряды. Что же они успели в этом отношении? Несмотря на то, что пропаганда совпала с благоприятным во всех отношениях моментом как *общественного* настроения, так и настроения в *среде молодой интеллигенции*, а именно зимою 1877—78 г. (постыдный финал бесславной «освободительной войны» за братьев-славян, полное *дипломатическое* поражение нашей официальной «великой державы», крайнее хозяйственное истощение, как последствие этой войны; обозначавшееся уже выпукло оппозиционное настроение в широких кругах *патриотического* (славянофильского) и либерального общества; только что закончившиеся «процесс 50-ти» и «процесс 193-х»; выстрел Засулич 24 января 1878 г., а 6 дней спустя—30 января—вооруженное сопротивление Ковальского с товарищами в Одессе,—все, в общей совокупности породившее накопление и сгущение недовольства, гнева, озлобления и протеста во всех мыслящих слоях общества),—несмотря на все это, я не могу сказать, что успех пропаганды народнических идей был значителен. Во-первых,—и я это подчеркиваю—само народничество революционное, в том именно, так сказать, *сыром* виде, в каком оно тогда предлагалось передовой молодежи, не обладало той захватывающей всецело силою увлечения, чтобы властвовать над умом и сердцем молодежи. Отсутствие объемлющего синтеза в программе, в целом, ее эклектический по суще-

---

а также представителей периодической печати, как Южаков, Пешехонов, и беллетристов-художников, как Некрасов, Успенский, Златоврацкий и др. Особенно ярким представителем этого направления является В. Семевский (см. «Р. М.» 1881 г. № 2 «Не пора ли написать историю крестьян»). Я уж не говорю о старых писателях-историках—Костомарове, Мордовцеве, Щапове, Сергеевиче и друг., питавших, так сказать, своими исследованиями родоначальников народничества *вообще*. *А.*

ству характер, несогласованность отдельных ее элементов,— все это, в целом, уже a priori предрешало в известной мере и шансы ее пропаганды на успех. А, во-вторых, при *устной* пропаганде, где все зависит от знаний, уменья, таланта и ума пропагандиста, все это особенно дало себя знать. Дело в том, что сами землевольцы, при изложении своей программы, нередко противоречили себе, к величайшему недоумению слушателей. Были землевольцы-анархисты, как им и полагается по программе, но были также народники-якобинцы, были, наконец, такие, в голове которых мирно уживался самый крайний экономический радикализм с самым несносным *политическим* консерватизмом. Одни наивно думали, что народ, предоставленный самому себе, сумеет на другой день революции создать прекрасный из прекраснейших порядков: «создать вольный союз вольных общин». Другие, наоборот, считали это возможным только при помощи сильной диктатуры. Недоумениям, недоразумениям всякого рода, предрассудкам не было конца. Землевольцы признавали этот свой дефект и напрягли все свои усилия, чтобы ускорить организацию солидной редакторской группы и выпустить свой литературный орган, который был бы верным и последовательным выразителем их программы, их направления. А пока что, не сидеть же сложа руки. И пропаганда велась энергично зимою 1877—78 г. Молодежь весьма охотно собиралась слушать землевольцев. Были сходки довольно многочисленные и людные—в 50 и больше человек. Выступали не только землевольцы, но и другие народники,—Каблиц-Юзов, напр. Мало того, сама молодежь уже, молодежь, так сказать, *нового* призыва,—стала выступать публично с рефератами. И с большими знаниями и успехом.

Некоторые из этих рефератов потом, в обработанном уже виде, попадали на страницы радикальных органов того времени (напр., Ковальского (в Одессе) в «Отеч.Записках» и Овсянико-Куликовского позже—в «Слове»). Народничество революционное в итоге было таки принято молодежью. Да и иначе ведь не могло быть: другой *революционной* идеологии тогда не было [1]). Научный

---

[1]) Была еще в то время группка лавристов-*марксистов*, занимавшаяся пропагандою исключительно среди рабочих. В молодежи не имела сторон-

социализм, западно-европейский *пролетарский* социализм, оказался у нас не ко двору. Молодежь же, в лучшей передовой ее части, жила тогда еще традициями революционной борьбы, не отрешилась еще от народа, готова была работать на благо и счастье его.

Но под каким знаменем? Ну, конечно, «Земля и Воля», «исконным народным» лозунгом, а это значит—принять социалистическое народничество. Среди молодежи тогда, в 1877—78 г., особенно энергично вели пропаганду в Петербурге народники-землевольцы Г. Ю. Преображенский в университете, М. Р. Попов, Л. Буланов, периодически, с перебоями, и Г. В. Плеханов. Работали землевольцы и в других высших учебных заведениях. Какой успех, в итоге, имела эта пропаганда землевольцев? Несмотря на то, что пропаганда народничества, как мы выше отметили уже, совершалась при весьма благоприятных условиях, сторонников народничества в среде молодежи было не особенно много (я говорю о *деятельных* сторонниках, а не просто сочувствовавших только). В каждом высшем учебном заведении были ячейки в 8—10 человек maximum.

Главная работа среди студентов и студенток была *агитационная*. И в этой-то именно работе спропагандированные ячейки молодежи были незаменимы, что само собою понятно: в *своей* среде эти ячейки пользовались авторитетом, и агитация, вызванная ли самими землевольцами, или самопроизвольно возникавшая (последнее—*общее* явление), в известной мере достигала *ближайших* целей, но, конечно, не без урона для участников-студентов в этой агитации.

Другая работа, которую успешно вели землевольцы в то время в Петербурге, была агитация среди фабричных и заводских рабочих. В 1878 г. и весною 1879 г. вспыхнуло стачечное

ников, но среди рабочих их пропаганда не была лишена некоторого успеха в смысле выработки и подготовки у нас элементов возможного, как они думали *социал-демократизма* (из их школы вышел Халтурин, между прочим; я еще других 2—3-х знал). Была еще в Петерб. ячейка из бывших учениц Заичневского, «централистки» по прозванию, т.-е. сторонницы *Ткачевского* направления. В 1877—78 г.г. влияние этой ячейки было незаметно еще. Во главе их стояла М. Н. Ошанина, будущая яркая *народоволка*, а тогда—закадычная приятельница многих землевольцев. *А.*

движение среди рабочих. Этим движением умело воспользовались землевольцы (Плеханов, А. Д. Михайлов), приобщив к этой агитации и свои народнические интеллигентские ячейки, в качестве деятельных помощников. И в этой агитационной работе интеллигентские ячейки оказали несомненно большую услугу.

Вот и все, что дала учащаяся молодежь землевольцам. Большего от нее добиться нельзя было, давала, очевидно, то, что могла тогда дать—не больше, не меньше. Почему? Этот вопрос уже тогда тревожил землевольцев? Да и понятно. Ведь, молодежь—наш резервный, так сказать, неприкосновенный фонд: мы не можем его зря тратить, но мы рассчитываем воспользоваться им при настоятельной необходимости. А такая необходимость сейчас на очереди: надо мобилизовать свежие молодые силы в деревню в помощь «старой гвардии», которая уже работает в деревне, надо, одним словом, пополнять свои ряды, собирать *армию*.

В деревне сейчас только *авангард*, значение и сила которого зависит от того, придет ли к нему возвещаемая авангардом армия. Но где эта армия? Нет ее. Молодежь на настойчивый зов землевольцев не откликается. Что же случилось? Чурается что ли молодежь народа, отрешилась от него? О, нет! Молодежь попрежнему любит народ—по «разуму ее сердца» прежде всего (по французской поговорке: Le coeur a sa raison qu'il n'y a pas dans la raison—«сердце имеет свой разум, которого нет в разуме»). И в разговорах с нею она, молодежь, искренно выражает свое горячее сочувствие как народу, так и народничеству, зовущему ее в народ. Она не только сочувствует, но и понимает, что главная, единственная, вернее, опора в революционной работе—народ, что без него, как без бога—не до порога, что народничество, которое ей предлагают,—идеология *своевременная*, выражающая действительные интересы, потребности, исконные, словом, идеалы самого народа.

Молодежь, словом, и сочувствует землевольцам, и понимает их...но в деревню за землевольцами не следует пока,—не отказывается, а *выжидает* чего-то, вдумывается во что-то, ощупывает еще что-то...Что это значит? *Нет цельного, захватывающего настроения, нет пафоса борьбы и жертвенности.*

Для молодежи 1873—74 г. социализм был «благой вестью», и пришел социализм, когда завершилась уже предварительная мучительная работа самоутверждения личности, когда вопрос: что делать, как жить, стал вопросом «быть или не быть». И пионер *первого*, так сказать, революционного призыва, охваченный *одной* властной думой, *одним* порывом, пошел в народ—как на заклание. Он не знал народа, он любил народ и веровал в народ,—горячей любовью, крепкой верой. И этого было довольно, чтобы стать *паломником*. Паломничество промелькнуло метеором и мгновенно погасло, отметив лишь путь свой «избиением детей»...

Этот тяжелый урок не прошел даром для теперешней молодежи, находящейся еще на призыве. Этот урок твердит немолчно только одно: «Надо раскрыть глаза, а не вырывать их, чтобы и они могли увидеть, если захотят» (Герцен). И глаза теперешней молодежи «захотели видеть», и увидели они, что им предлагают и куда их зовут. Предлагают ей, молодежи, *важное*, может быть, и *неотложное*, но не дают того, «чем жив бывает человек»—цельного миросозерцания, объемлющего синтеза, вносящего гармонию в мысль и волю, слово и дело. А дело, на которое ее зовет народничество,—большое, запутанное, противоречивое, «во всех, самых мельчайших явлениях жизни идет переборка, трудная и упорная, старого на что-то новое»...(Гл. Ив. Успенский). Про это ей говорят литература, доступные ее кругу знаний исследователи народной жизни и сами же землевольцы. В деревне,—говорят добросовестные землевольцы,—«с человеком—тихо!» (Гл. Успенский), деревня не то охвачена дремой, резиньяцией, не то, наоборот, мужик встревожен, недоверчив, сумрачен, озлоблен. Хмуро смотрит он, опустив глаза, низко клонит он голову, стиснув зубы, словно от тяжелой телесной или душевной раны. Он ранен, тяжело ранен, говорят землевольцы...Загадочно молчит он, но сдается, что вот-вот он готов «сосчитать свои ряды»... и подняться, как «один человек—всем миром»... А другие уныло-задумчиво, грустно-скептически прибавляют: недавно еще однородная крестьянская среда расслаивается, диференцируется сколоченный когда-то крепко крепостнически-крестьянский уклад жизни расшатывается и дает трещины, нарождаются новые потребности и вожделения—стяжательские, собственнические;

они, как зараза, захватывают целые слои населения и отдельные элементы его, нет, словом, скрепы, единения, спайки в «мире»: кто—в лес, кто—по дрова...Так делятся своими наблюдениями и переживаниями в деревне сами землевольцы. Куда же итти? С одной стороны, в деревне—тьма-темь нудных, кошмарных, по их тяжести, пустяков, притупляющих мысли, чувства и волю мужиков, а с другой—накапливается, зреет что-то огромное, большое, решительное...Как же тут разобраться? Скоро ли все это разрешится? Долго ли еще продлятся муки родов нового общества? Одни смело говорят: «как тать в нощи», придет оно, а с ним и революционное освобождение народа, с ним счастье народа, счастье всех. А другие со скорбью и стоном сознаются: спит море народное, не шелохнется, только тяжело дышит... Появится порою чуть-чуть рябь на его поверхности, пронесутся, бог весть откуда, чайки-буревестники, с визгом оглашая воздух...Ждешь—вот буря разразится, забушует море, вздымая массивы черных волн, вот-вот с бешеным ревом налетит девятый вал и разнесет в щепки все... Но чайки улетели куда-то вдаль, замирает где-то далеко их крик...То были не чайки-*буревестники*...И опять «тишь и гладь», спит море и тяжело дышит...И молодежь, слушая эти речи, думает про себя свою думу: The time is out of joing! (Порвалась связь времен! Шекспир. «Гамлет»). В деревню ее не тянет. Там надо долго, упорно работать, там надо уметь *жить*, отвоевывая каждый шаг жизни неустанной борьбой, невероятной тратой сил и энергии, в обстановке серой, неприглядной обыденщины, мещанской ограниченности, культурной обездоленности, деревенской грубости и суровости. Жди у моря погоды. Но не идет молодежь и тогда, когда ей предлагают в деревне живое, неотложное дело. Напр., на Дону вспыхивают в 1878 г. беспорядки. Плеханов буквально разрывается на куски, сорганизовался уже сравнительно большой кружок в пятьдесят приблизительно человек из местной казацкой интеллигенции. Нужен организатор, который повел бы дело в большом масштабе. Вызывается А. Д. Михайлов. Он летит буквально, чтобы не утерять такого редкого случая. Плеханов, между тем, спешит в Петербург, чтобы отпечатать воззвание к казакам. В Петербурге Плеханов обращается к молодежи, зовет ее к казакам. Молодежь с интересом слушает его, но...не

едет туда. Из Харькова выехали несколько молодых людей, но пробыли у казаков очень недолго. Почему? Не знаю. А работа там, у казаков, была именно такая, что давала право надеяться на активную помощь молодежи.

Так прошли без всякого воздействия со стороны землевольцев не только казацкое брожение на Дону, но и уральские и другие, возникшие в то время народные волнения. Так и пришлось землевольцам махнуть рукой на молодежь, как на возможных своих союзников в деревне.

А в *городе*, повторяю, молодежь, хотя и в небольшом количестве, охотно шла на агитационную работу по зову землевольцев.

Таковы результаты пропаганды народнических идей землевольцами среди интеллигенции. Это было *с самого начала* дурное предзнаменование. Обратимся теперь опять к землевольческой программе. Как она была изложена и развита в газете «Земля и Воля»?

Всех статей *пять*, — № 5-й был уж *последним:* раскол в обществе «Земля и Воля» прекратил и дальнейшее издание газеты «З. и В.». Статья Кравчинского в № 1 «Земли и Воли» очень любопытна во многих отношениях. «Революция—дело *народных масс. Подготовляет ее история.* Революционеры ничего направить не в силах. *Они могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений.* Роль их заключается только в том, чтобы, организуя народ, во имя его требований и стремлений и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который, по непреложным законам истории, совершается в данный период. Вне этой роли они—ничто; в пределах ее, они—один из могущественных факторов истории. Поэтому основанием всякой истинно-революционной программы должны быть *народные* идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности. Во все времена, где бы и в каких размерах ни поднимался русский народ, он требовал земли и воли. Земли—как общего достояния тех, кто на ней работает, и воли—как общего права всех людей самим распоряжаться своими делами. И далее... «отнятие земель у помещиков и бояр; изгна-

ние, а иногда и поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение «казачьих кругов», т.-е. вольных автономных общин с выборными ответственными исполнителями народной воли—такова была всегда неизменная «программа» народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников».

По поводу дезорганизаторской деятельности (впоследствии получившей название террористической), С. Кравчинский замечает: «...Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс. С борьбою против *основ* существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против *класса* может восстать *только* класс; *разрушить систему может только народ. Поэтому славная масса наших сил должна работать в среде народа.* Террористы это не более как *охранительный* отряд, назначение которого *оберегать* этих работников от предательских ударов врагов. *Обратить наши силы на борьбу с правительственной властью значило бы оставить свою прямую постоянную цель*, чтобы *погнаться за случайными, временными*». Прозорливый, благородный Кравчинский уже чует если не беду, то что-то большое и серьезное, надвигающееся на общество «З. и В.» и все народнические социалистические организации, и он пророчески предостерегает товарищей от слишком сильного увлечения террористической борьбой. Он говорит: «...Не ободрять, не звать их (т.-е. товарищей и друзей. *А.*) на продолжение начатой борьбы намерены мы: мы очень хорошо знаем, насколько излишни для них ободрения и призывы. Мы, напротив того, *хотим предостеречь их от слишком сильного увлечения этого рода борьбою, так как есть признаки, показывающие возможность такого рода увлечения*» [1]).

Этот сторожевой клич, это «caveant consules» раздалось 25 октября 1878 г. *впервые* громогласно на страницах землевольческой газеты со стороны члена общества «З. и В.» С. Кравчинского, покаравшего пред этим только, 4 августа того же года, одного из самых грязных, цинично-подлых слуг Александра II, Мезенцева. Он, благородно мыслящий, он, умный, сумел во-время спохватиться,—преодолел свой боевой темпе-

[1]) Курсив мой везде. *А.*

рамент, свои бурные порывы борьбы, свой «святой гнев», чтобы подчинить их велениям *высших конечных* целей общества «З. и В.», организации в народе революционных сил для подготовления народного социального переворота. *Непосредственная борьба с правительством* это—погоня за «случайным и временным», когда впереди маячит «постоянное» и заветное.

Сильными штрихами, красочными ударами резца выражена сущность землевольческой программы: «исконные народные идеалы»—«Земля и Воля» в основе ее, как исторический лозунг самого народа, как извечное его справедливое требование, как не умирающее его устремление, вне которого, по удачному выражению Михайловского-*Гроньяра*, «интеллигенция осуждена на роль вечного политического недоноска» [1]).

Кравчинский обосновывает свою программу сжатой историко-философской концепцией: историческим процессом *развития*—«объективным ходом вещей», как имманентной предпосылкой *всякой* народной революции, *всякого* социального переворота. Роль и значение личности в этом процессе очерчены сжато и сильно: она—лишь выразительница «народных стремлений», *ускоряющий* фактор в процессе революции. «Революция же—«дело народных масс». Классовое расчленение, классовая борьба выдвинуты отчетливо и выпукло.

Мы пока оставим дальнейшее развитие программы Кравчинского, некоторые не менее примечательные и характерные для него суждения и соображения, и обратимся к № 2 «Земли и Воли» от 15 декабря 1878 г., передовая статья которого написана, если я не ошибаюсь, Д. А. Клеменцом, этим землевольцем с научным складом ума. Статья эта посвящена исключительно четырем знаменитым цареубийцам—Геделю, Нобилингу, Монтектен и Пассаменте. Автор поставил себе задачей выяснить действительный смысл этих крупных в то время событий, этого настойчивого повторения покушений на жизнь представителей монархического принципа на протяжении одного 1878 г. Попутно автор проводит параллель между вышеназванными покушениями и русскими террористическими действиями текущего 1878 г.

[1]) «Народная Воля» № 3. 1 января 1880 г. Политические письма социалиста. Письмо второе. Стр. 175. «Русская Историческая Библиотека», № 6. 1905 г. Paris.

Вот что он по этому поводу говорит: «Ответственность за смертную казнь преступников в России открыто и явно брала на себя русская социально-революционная партия. Она не только официально признавала совершившиеся факты, заявляла заранее о своих приговорах и давала предостережения, но и объясняла всегда мотивы своих приговоров пред публикой. Из этих объяснений очевидно, что тяжелая карающая рука русского революционера подымается всегда на *защиту* интересов своей партии, и только на их *защиту*»...

«... С идеями они борются идеями же. Тактика их—просто тактика воюющей стороны: *бьем тех, кто нас бьет, кто нам опасен, и потому, что он нам опасен*»...И далее: «...Русские революционеры ясно высказывали, что к *смертной казни они прибегают лишь для спасения жизни и свободы своих собратий, для избавления их от чрезмерных страданий*, и *когда требует этого спасение чести партии*» [1]). Эта выписка из статьи № 2 «З. и В.» в связи с вышеприведенными суждениями Кравчинского в № 1, по поводу того же террора, ясно характеризует тактическую линию поведения землевольцев того времени, понимание ими роли и значения террористической борьбы, вернее, des'*организаторской* деятельности общества «З. и В.» (des'*организация* была одна из существенных форм борьбы, установленной обществом еще при его основании в 1876—77 г.). Значит, по истолкованию и Кравчинского, и Клеменца, террор—не *политическая* форма борьбы партии, а лишь *оборонительно*-боевая: «*оборона жизни и свободы и спасение чести партии*»—священное, неотъемлемое право, *био-социологическое* и *этическое*, *общепризнанное*, *общезначимое*, относительно которого не может быть разногласий.

Землевольческая программа санкционирует это право, оправдывает вытекающую из признания этого права линию поведения, но не больше и не дальше этого, иначе это уж противоречило бы основному положению ее, т.-е. программы: «*с борьбою против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего*».

---

[1]) Курсив везде мой. *А.*

В руководящих статьях №№ 3 и 4 «Земли и Воли»—«Закон экономического развития общества и задачи социализма в России»—автор их, Плеханов, последовательно и стройно развивает программу социалистов-*народников*, кладя в основу этой программы критику капиталистического строя на Западе и предпосылку закона естественно-исторического развития обществ—смены одной формы общественно-экономической формации другой.

Опираясь на критику научным социализмом капиталистического строя на Западе, на вытекающую из этой критики дальнейшую, с необходимостью естественно-исторического закона, эволюцию капиталистического общества, черпая, дальше, основания из истории развития русского хозяйственного уклада жизни—из истории постепенного устроения и складывания нашего *аграрного* порядка, приобщая, наконец, к этому некоторые предпосылки русской философии, истории и данныя статистического характера,—Плеханов все это кладет в основу построения социалистического народничества, в основу народнически-социалистической программы вообще и землевольческой—в частности.

Это лучшее, что было написано в подпольной (революционной) народнической литературе о революционном народничестве. И если эти статьи Плеханова нельзя еще назвать *идеологией* или *доктриной* народничества, так как в них не все приведено в стройную *систему*, в некоторый *синтез*, претворяющий отдельные элементы этой системы в некое *единое*, *гармоническое* целое,—если *это* отсутствует еще в названных статьях нашего автора, то *программу* народническую, очерченную так умно, глубоко и своеобразно, можно без преувеличения считать образцовой и вполне законченной в существенных ее чертах. Эта программа отчетливее, чем программа Кравчинского, иллюстрирует выше данную нами характеристику народничества, как сочетание основ-начал научного социализма с элементами нео-славянофильства.

В № 3 Плеханов пытается решить старый грозный, еще поставленный Герценом вопрос: «Должна ли Россия пройти все фазы европейского развития?», т.-е. должна ли Россия пройти через «школу» капитализма? Опираясь на авторитет Маркса

и на анализ происхождения капиталистического строя на Западе, наш автор дает на это совершенно отрицательный ответ. Плеханов доказывает, что «история вовсе не есть однообразный механический процесс», что «капитализм был необходимым предшественником социализма на Западе, где поземельная община разрушилась еще в борьбе с средневековым феодализмом; что у нас, где «эта община составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянства к земле»,—торжество социализма может быть завоевано совершенно другим путем; *коллективное владение землею может послужить исходным пунктом для организации всех сторон экономической жизни народа на социалистических началах*».—« ... Поэтому, пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станцией на пути его прогресса»... « ... Сам принцип общественного землевладения не носит в себе того *неизгладимого противоречия*, каким страдает, положим, *индивидуализм, поэтому он не носит в себе самом элементов своей гибели*. Поэтому *социалистическую агитацию в России мы не можем считать преждевременной. Напротив, мы думаем, что теперь она своевременнее, чем когда-либо, только ее исходные точки и практические задачи не те, что на Западе*». « ... Задачи социально-революционной партии не могут быть тождественны в двух обществах, экономическая история, формы общественных отношений которых представляют резкую разницу. Если мы не хотим вернуться к метафизическому социализму 30-х годов, мы должны признать, что *максимум необходимых* и *возможных* социальных реформ определяется *формою землевладения* и *техникой земледелия*, если речь идет о стране земледельческой; *формами и техникою промышленности*, если говорим о стране, в которой преобладает обрабатывающая и добывающая промышленность».—(Курсив везде мой. *А.*)

Мы можем теперь остановиться. В этих прекрасных строках точно передается сущность социалистического народничества, содержание *теоретической* части народнической программы, и готовы уже предпосылки—*практической* ее части (тактики). И еще. В этих суждениях элементы научного социализма и «диа-

лектическое мышление» дают уже себя сильно чувствовать. Автор—не «метафизик» (понимай: «*утопист*»), составляющий план желательного устройства будущего общества в предположении, что люди могут по собственному желанию ввести в употребление какую им угодно форму сочетания труда, лишь бы она казалась им выгодною и разумною. Нет! Плеханов становится на точку зрения Маркса, рассматривающего смену общественных формаций одних другими—как *естественно-исторический закон развития обществ*: «когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего развития, оно не в состоянии ни перескочить через естественные формы своего развития ни отменить их при помощи декрета; но оно может облегчить и сократить мучения родов» (Маркс).—Отсюда для Плеханова и значение *личной* инициативы и значение пропаганды — не как «*метафизической* сущности»—нет, не «мнение», не «идея»—исключительные двигатели и творцы социальных переворотов, а коренится все это в объективном ходе развития данного общества. Личность же—лишь субъективный выразитель объективно совершающихся в обществе изменений. Здесь уж явственно слышатся отголоски *исторического* материализма: бытие определяет собою сознание, общественное бытие—общественное сознание.

Это очень любопытно и подтверждает ту характеристику народничества, которую мы выше дали. Так же смотрит, как мы видели, на революционные перевороты, стало быть, на самые крупные и коренные общественные перемены и С. Кравчинский.

Два крупных, талантливых и красочных представителя народничества (землевольчества) излагают на страницах своего органа основные начала своей доктрины—как руководящие положения своей теоретической, а равно и практической программы. Приступ их не одинаков, аргументация различна, идут они разными путями, а приходят к одному и тому же разнохарактерному симбиозу—к народничеству. Любопытна эта параллель между этими двумя землевольческими редакторами, любопытна особенно в частностях. Так, напр., один из них—Кравчинский—горячо советует, что «пришло-де время сбросить и с социализма немецкое платье и тоже одеть в народную сер-

мягу» [1]). Другой—Плеханов—отнюдь не против того, чтобы одеться в народную сермягу, но он проникновенно развертывает свою проблему во всю глубину ее *сущности* и во всю широту ее *содержания*. Он прозорлив и не находит возможным выплеснуть с водою из ванны и ребенка; он одевается в сермягу, но оставляет гениального *немецкого* закройщика, чтобы с помощью его экспертизы определить годность «народной сермяги»—подлинная ли это, добротная, самодельная сермяга, а не тришкин кафтан или костюм арлекина. А оба они—*анархисты*: и Кравчинский, и Плеханов. И дальше. Вслед за словами своими, приглашающими «сбросить и с социализма немецкое платье» и т. д., Кравчинский говорит: «В настоящее время мы имеем уже один факт первостепенной важности, знаменующий собою этот переход социалистов на *почву чисто народную*. Стефанович с друзьями в чигиринской глуши создает первую в нашей революционной истории народную организацию, *безусловно революционную и народно-социалистическую* (?! Курсив мой. *А.*), которая в несколько месяцев охватывает собою до полутора тысяч крестьян. *Революционеры-социалисты здесь становятся впервые действительными, признанными вождями народных масс* (курсив мой. *А.*). Было бы крайней близорукостью и даже *нарушением основного принципа народнической программы* рекомендовать способ действия Стефановича для *всех местностей и народностей русской земли. Каждая местность и каждая народность* имеет свою

---

[1]) Он говорит: «... Бросим ту иноземную, чуждую нашему народу форму наших идей, заменим ее тою, которая ему свойственна, близка и родственна,—пойдет он и за нами. Пять лет тому назад мы бросили немецкое платье и оделись в сермягу, чтобы быть принятыми народом в его среду. Теперь мы видим, что этого мало— *пришло время сбросить и с социализма его немецкое платье* и тоже одеть в народную сермягу». «Немецкое» платье—это «научный социализм» Маркса, «народная сермяга»—*наше* «народничество». Какие неподдельные тоны *славянофильства*. «Немецкое платье», видите ли, не к лицу нам, русским, а *романское (анархизм* Бакунина-Прудона) под стать! *Бакунинская*, к слову сказать, антипатия к германской культуре, выражаясь мягко, а не *расе*, как это в самом деле,—сказывается здесь! И это проповедует Кравчинский, человек высоко развитый, культурный, красота и гордость социалистического народничества, внесший в это народничество золотые крупинки *немецкого* социализма!.. Курсив мой. *А.*

индивидуальную физиономию, и сообразно с ней должны изменяться способы действия в каждой из них.

Можно не соглашаться с теми приемами, к которым, *под давлением местных условий и крестьянского миросозерцания*, прибегли в чигиринском деле социалисты. Но не в них, в *частных* приемах, *которые будут разнообразиться до бесконечности*, сообразно с местными условиями, заключается громадное значение подобных попыток, а в том, что они впервые показывают нам возможность вызвать на свет мощную чисто-мужицкую революционную организацию, *исходя* из *местных крестьянских* интересов» (но *не* «миросозерцания», как выше было им же, Кравчинским, формулировано? Курсив везде мой. *А.*).

Кравчинский обещает в одном из ближайших номеров газеты поговорить подробнее об этой части нашей программы, а также и о чигиринском деле со всеми его «достоинствами и несовершенствами» и заключает: «делу этому, подобно делу Засулич, суждено *быть одним из поворотных пунктов* в истории русской революции. Как дело Засулич разом изменило характер нашей борьбы с правительством, так и это дело изменит характер нашей деятельности в среде народа». Далее следует:— « ... Оставьте катехизис и учебники! Погрузитесь в великое море народа, раскройте ваши очи, разверзайте уши!... « ... *не легко отличить действительно жизненное стремление массы от уродливых, болезненных продуктов ее ненормальных условий*... Но разве трудности пугают бойца? Разве не в них черпает он новые силы для их преодоления? Идите! Веруйте в свой народ, веруйте и в себя! И вы будете сильны в бою, тверды в невзгоде»! И последний аккорд: «Мы твердо веруем в то, что русская народно-революционная партия сумеет пойти по этому новому пути, сумеет избегнуть всех его опасностей, создаст народную силу— грозную, могучую, непобедимую. Мы верим в будущность Русской Народной Революции!» [1]).

Так писал один из редакторов «З. и В.» в конце 1878 г.

Мы видели, как излагал основы народничества—«теоретическую программу»—Плеханов. Параллель между этими двумя землевольцами, повторяю, невольно навязывается сама собою.

---

[1]) Курсив везде мой. *А.*

Нам поэтому остается еще дополнить программу Плеханова кое-какими подробностями, чтобы ярче оттенить эту параллель, эти *особенности* взглядов на один и тот же предмет двух товарищей той же организации, двух ответственных пред партией редакторов того же органа.

Какова практическая программа Плеханова? Что он насчет этого говорит? Как он аргументирует необходимость создания «народной партии» в массе? Это очень важно, ибо говорить *одно* и *то* же не всегда значит говорить *то* же *самое*.

Прежде всего бросается в глаза резкое различие стилей, особенно в изложении «практической программы» (тактики), обоих редакторов,—а стиль, говорят французы, это—человек.

Кравчинский говорит «жирным», по классическому выражению, стилем, его красноречие, в общем «жирное», есть и элементы декламаторства (хотя у Кравчинского это выходит, помимо его воли, почти бессознательно): его речь пышет жаром и огнем.

Это—речь баррикадного трибуна, народного «героя»: пафос глубокой веры в свое дело и жест несокрушимого, страстного, но умеющего владеть собою бойца и, наконец, «святой гнев», жгущий огнем слова и разящий холодной сталью кинжала врага своего. Темперамент боевой, он весь в своих жестах.

Но речь его не всегда плавная, последовательная, аргументация увертливая, порою слишком эластическая. Кравчинский—не мыслитель, не философ. Совершенную противоположность представляет собою Плеханов. Он—глубже, сосредоточеннее по своей психической индивидуальности человек. По познавательным своим наклонностям, он—исследователь, ученый, философ. Мысль его, за исключением тех случаев, когда он поддается своему полемическому жару (черта *идейного* борца),—течет плавно, без зигзагов, без компромиссов, холодная и блестящая, как сталь, но, как сталь, беспощадно разящая. Мысль его не запутывается в сетях *конкретных*, мелочных, противоречивых фактов, а выбирает она мастерски все *типичное*, *существенное*, *субстанциональное*, употребляя выражение Аристотеля. И вот почему, как это и показало будущее, Плеханов стал не только лидером русской социал-демократической партии, но и ее идеологом. Вот почему он вскоре развернулся не только как мыслитель-*марксист*, но и как мыслитель в широком *общественно-*

философском масштабе: как один из наших больших писателей, который, рядом с Радищевым, Белинским и Чернышевским, занял выдающееся место в истории нашего *общественного* самосознания. Но Плеханов не только мыслитель: по темпераменту— он также воин: он—трибун и публицист. И он порывается на баррикаду, но его «баррикада»—трибуна оратора и борца в западно-европейском смысле. Юношей он с красным знаменем вышел на площадь, но возмужалый он этого не делал и не мог делать. Я помню, как в Генуе, в 1907 г., происходила многочисленная демонстрация в память годовщины казни Джиордано Бруно. Плеханов был и на улице, и на площадях, и на кладбище, где у памятника Джиордано Бруно произносились горячие речи. Но Плеханов активного участия не принимал, не ходил он с красным знаменем, как, напр., некоторые соотечественники наши, не выступал с речами. Сосредоточенно-холодно глядели его глаза, мысль его витала и далеко и вглубь, но слово не сорвалось с его сжатых губ: не охотник он, вообще, до жестов, до фразы...

Но он выступал и выступает (напр., при постановке памятника Герцену в Ницце) и каждый раз выступает он, когда этого требуют, напр., жгучие моменты теории и практики социал-демократизма,—где бы то ни было,—или, когда это касается важного события *общеевропейского* и *русского* характера,—*мирового* какого-либо события,—повелительно требующего его мысли, освещения, истолкования и соответственной тактики—*политики*, в философском смысле слова. Можно и должно даже во многом не согласиться с ним, но он *такой*, каким я его написал.

И уже в №№ 3 и 4 «Земли и Воли», в своих передовых статьях, Плеханов уж, можно сказать, вполне определился, как писательская индивидуальность, вообще, и как трибун-публицист—в частности.

Заключительные слова первой статьи примечательны, и пусть читатель простит мне за большую выписку из нее. Вот, что он говорит:

— «... Желательные социалистам формы общественных отношений—*коллективное владение землею и орудиями труда*—еще не имеют практического приложения на Западе.

*

В формах капиталистической продукции существует только намек на них. Поэтому задачи социально-революционной партии заключаются в обобщении этих элементов общественного обновления, возведения их в стройную систему и в пропаганде в массах.

Способ капиталистической продукции таков, что пропаганда *коллективного труда* имеет столько же прецедентов в технике производства, как и пропаганда коллективизма владения; даже более: восприимчивость масс к этой последней идее развивалась именно из факта коллективного труда и только из него.

В нашем отечестве дело обстоит не так. Россия—страна, в которой земледельческое население составляет громадное большинство. Промышленных рабочих в ней едва ли можно насчитать даже один миллион, да и из этого сравнительно ничтожного числа большинство земледельцы по симпатиям и положению. Преобладающая форма землевладения в России не только не нуждается в пропаганде *(как на Западе. А.)*, но составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянства к земле, она составляет для крестьянина завет всей его истории. Коллективный труд не только не служит у нас прецедентом коллективного владения, но, напротив, *он сам может развиться только из этого последнего* (Курсив везде мой. *А.*). *Генезис этих главных черт социалистической продукции*, как видит читатель, *будет у нас обратный* (Курсив мой. *А.*). *Мы говорим «будет», потому что теперь, по нашему мнению, не настало еще время пропаганды коллективного труда. А не настало оно потому, что при том первобытном способе земледелия, какой практикуется нашим крестьянином, коллективный труд немного изменил бы условия успешности труда* (теперь говорят «*производительность* труда»). Там же, где успешность труда находится в большей зависимости от дружного, артельного ведения дела—во всевозможных промыслах—*такая пропаганда может и должна иметь успех*. Но там мы и без того видим всестороннее проведение артельного принципа в отношении и русского рабочего люда; если наши промышленные артели и клонятся к упадку, то главная причина этого заключается во вредном влиянии кулаков, существование которых так же необходимо в нынешнем государстве, как существование паразитов на теле нечистоплотного

человека. *Значит, главные усилия и здесь должны быть направлены на устранение развращающего влияния современного государства. А оно может быть окончательным разрушением государства и предоставлением нашему крестьянству возможности устраиваться «на всей своей воле» только.* (Курсив мой. А.)

Короче сказать, одно из требований западно-европейского социализма, коллективизм владения, составляет у нас существующий факт; *другое, коллективизм труда, не имеет под собою почвы в технике русского земледелия* (Курсив мой. А.).—*Таким образом, мы a priori пришли к тем же практическим задачам, которые ставили себе титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие.*

Мы пришли к «Земле и Воле».

Но тем самым центр тяжести нашей деятельности переносится из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации, для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем». В заключение Плеханов кстати устраняет одно возможное возражение его программе. Скажут, что «трудно строить практическую программу на основании земельных отношений, которые не сегодня-завтра могут быть разрушены правительственными распоряжениями. Известно, что правительство начинает высказывать большую склонность к введению участкового землевладения; а когда оно будет введено, русский народ станет на след того закона, по которому только капитализм может ее привести к социалистической общине.—Это не совсем так. Введение той или другой формы кооперации важно по тому влиянию, которое оказывает она на изменение народных привычек. Что коренного изменения народного характера нельзя ожидать тотчас же за падением общины—эту вполне понятную a priori мысль доказывают некоторые факты из жизни малороссов. Влияние чуждой им польской культуры разрушило их поземельную общину уже несколько веков тому назад.

Между тем, наделавшее столько шума «чигиринское дело» началось именно из-за стремления крестьян ввести у себя общинное землевладение. Таких фактов, конечно, не много, но они доказывают, что коренного изменения не произошло и там.

А покуда «настроение» народных масс останется таким же, как теперь, наша программа не нуждается в изменении» (Курсив мой. *А.*)

Мы познакомились с основоначалами теоретической и практической программы землевольцев, она же и программа *всех* социалистических народнических групп как на севере, так и на юге, повсеместно для всей России. Орган «Земля и Воля» в этом отношении оказал огромную услугу всем без исключения народникам. До этого никакой *печатной* программы, которая сделалась бы достоянием революционной молодежи, не было.

Печатная программа, наконец, появилась в свет. И что же? Потребность в выдержанной, стройной во всех ее частях программы была ли, с выходом «Земли и Воли», достигнута?

Мы познакомились с руководящими статьями двух самых крупных членов общества «З. и В.» и редакторами его органа. Что же—*одно* и *то* же говорят они? И *да*, и *нет!* Оба они—*анархисты*, оба одинаково пришли к Земле и Воле, т.-е. оба они—*социалисты народники:* «исконные идеалы» народа занимают у них обоих центральное место в их *теоретической* части программы. «*Теоретическая* программа», стало быть, в основных ее положениях, *та* же самая, и развита она у обоих отчетливо и выразительно. Но, переходя к *практическим* вопросам, к *практической* программе», они говорят *то* же самое, «но немножко иными словами», а за этим скрывается и *иное* содержание, *иной* смысл,—*тактический*. И это уже сказалось,—правда, не отчетливо и неопределенно,—но все-таки сказалось уже в № 1 (первом) «Земли и Воли», в передовой статье С. Кравчинского.

К чему, в самом деле, обязывает партию ее программа? Партия, в целом, и в лице ее представителей—в частности, должна мыслить и действовать согласно основным началам своей программы, исходя из философских предпосылок своей идеологии. Программа должна быть, таким образом, для партии высшей инстанцией, куда она каждый раз должна апеллировать, когда пред ней выступают разнообразные проблемы теоретического, а особенно практического характера. Последнее потому «в особенности», что практические вопросы—вопросы *жизни*, более сложные и противоречивые, более пестрые. Жизнь—пестрая ткань взаимоотношений, игра страстей и интересов, спутанных

нередко в клубок. Программа, как высший критерий, одна только может дать руководящие начала, ариаднину нить, при помощи которой только и можно выбраться из лабиринта «объективного хода вещей». Что же мы видим в статье Кравчинского? Из правильной совершенно предпосылки своей программы—о необходимости организовать в массе народной боевой революционной дружины—он неожиданно приходит к тому выводу, что ставит опыт организации такой боевой дружины, какую построил Стефанович, как пример «первостепенной важности, знаменующий собою этот переход социалистов на почву чисто *народную*» (Курсив мой. *А.*). Он делает потом массу оговорок («Было бы крайней близорукостью и даже *нарушением основного принципа* народнической программы рекомендовать способ действия Стефановича для *всех местностей* и *народностей* русской земли» [1]). Значит, там, где «местности» и «народности» позволяют это, *такой* способ действия *правилен* и *не* является «нарушением основного принципа народнической программы»? Стало быть, его можно «рекомендовать» bona fide? Стало быть царизм, как символ самого ужасного, самого темного политического и экономического гнета, становится и может стать на практике девизом освобождения масс?

И это называется «переходом социалистов на почву чисто народную»? И между этим «делом», делом Стефановича, проводится аналогия с «делом» Засулич?! [2]). Что все сие значит? Я уж

---

[1]) Курсив везде мой. *А.*

[2]) Аналогия эта неудачна, кроме того, еще тем, что неверно приписывает акту В. Засулич значение «поворота» в тактике революционеров. Этого на самом деле не было. И Кравчинскому, как землевольцу и как революционеру с таким большим революционным стажем, не могло быть неизвестно, что поступок насильника Трепова не мог и не должен был остаться без возмездия, что такого рода акты насилия и соответственная реакция на них со стороны партии предусматривалась уже обществом «Земля и Воля», и что это Общество, в связи с другими революционными группами, решило уж «казнить» за это Трепова. Дело в том, что в обществе «З. и В.» была особая группа с большими полномочиями и строго-конспиративная. Это—*дезорганизаторская* группа. Назначение ее было—целым рядом разнообразных действий и положений *ослабить правительственный механизм, внося в него элементы развала* (связи с различными лицами власти, проникновение в самое «осиное гнездо» ее,—в той или другой форме). Это—дезоргани-

не говорю о том, тут никакой аналогии и быть не может—аналогия эта или параллель весьма неудачная: Засулич совершила акт высшей человеческой справедливости—открыто, в лице Трепова, покарала насильничество,—как правительственную *систему*, как живой символ *царизма*, а Стефанович, во имя *социалистического* народничества, организует крестьян во имя...царя, от имени царя, прибегая к самозванству и подложному манифесту, пользуясь слепой верой чигиринцев в царя! Да ведь тут «социализма» и «революции» ни одного грана нет!... «Социализм» и «царизм», «революция» и темная реакция!...Стефанович, к счастью, не довел до конца своего дела. Я говорю «*к счастью*», ибо доведи оно это дело до конца, т.-е. не провались

зация, в *широком* смысле этого слова. *Специально* дезорганизация имела целью *оборону жизни, свободы и чести как отдельных лиц, так и партии в целом*. Устанавливая общую, основную тактическую линию, Общество предоставляет дезорганизаторской группе в каждом конкретном случае действовать самостоятельно, руководствуясь требованиями данного случая, или целого ряда таких случаев, если бы таковые, по внешним причинам—со стороны правительственной организации, на первом плане—имели место и вынуждали к этому общество «З. и В.» и другие причастные к нему группы или организации, большого или малого состава—все равно.

Это не был еще «террор» (мы этого термина не употребляли еще тогда), но это был уже—террор по существу его: по его содержанию, смыслу и действиям. Мы уже тогда *непосредственно* боролись с правительством, когда, напр., освобождали Кропоткина (*первый* дезорганизаторский акт общества «З. и В.»), когда «устранили» предателя (шпиона) Шарашкина и проч. и проч. Это была несомненно—*непосредственная* уже борьба с правительством, а, стало быть, и *политическая*, хотя и не отчетливо сознаваемая нами, как таковая,—как не сознают это люди, не знающие, что такое проза, но говорящие прозой. И если бы тогда, при возникновении общества «З. и В.», когда образовалась дезорганизаторская группа и установлены были ее функции, был прямо поставлен такой вопрос: если случаи и поводы для дезорганизации будут все чаще и чаще повторяться, паче чаяния, на практике, то не будет ли на них отвечать общество «З. и В.»? Ответ ясен: будет, обязательно будет, по мере сил и средств, не останавливаясь ни перед какими последствиями, ибо от этого зависит, прежде всего, жизнь партии, не останавливаясь и пред тем, кто будет ей на пути стоять—будет ли то простой предатель, высокопоставленное ли в правительстве лицо, или сам—«божьею милостью» царь.

Это—верно и вытекает из разума существования группы дезорганизаторской. Стало быть, Трепова неминуемо ждало возмездие—по заслугам его. В. И. Засулич только совершенно *случайно* предупредила уже налаженную

оно, помимо его воли,—пред нами разыгралась бы *не* революционное, а *реакционное* движение, и ореол царя засиял бы еще с большим блеском в глазах народа, и авторитет его вырос бы в несокрушимую силу, и царизм, одним словом, не пошатнулся бы в его устоях, а, напротив, увековечился бы во славу Господа и его Царя...

Кровавая расправа, драганады, не разбудили бы народной мысли, не разогнали бы тяжелого кошмара исторических традиций, не взорвали бы пьедестала идолопоклонничества перед «помазанником божьим»...«То паны, министры и сенаторы ви-

---

землевольцами и южанами (Валер. Осинским, М. Фроленко и Попко) «казнь» Трепова.

Если бы эта «казнь» не удалась, паче чаяния, в январе 1878 г., она повторилась бы, пока не достигла бы, так или иначе, намеченной цели. Это не подлежит сомнению. И *никакого тут поворота не было бы*, а лишь *последовательность* действий, диктуемая как самой функцией дезорганизаторской группы, так и позицией противника революционной партии—правительства, *непосредственного в данном случае злейшего врага ее*.

Правда, здесь не было бы того ореола индивидуального величия и благородства, которым был окружен поступок Засулич, не было бы взрыва того *общественного* сочувствия к этому акту, а, стало быть, косвенно и сплошного, открытого осуждения правительственной системы и, дальше, хотя бы временного, освежения и очищения затхлой до того *общественной* атмосферы. Это верно, и в этом, помимо *личного* героизма Засулич, великое значение ее поступка, *общественное* значение его.

Конечно, поступок Засулич, как всякий крупный факт, мог вызвать *подражание*, но это не было «*поворотом*» в деятельности партии, если бы последняя раньше *до* этого еще не решила так действовать *всегда* и *неуклонно*, как решилась на это случайно и единолично, сама собою, не предвидя этого прежде никогда, сама Засулич. Резюмирую. Никакого «поворота» акт 24 января 1878 г. (выстрел Засулич) не произвел в революционной партии, и Засулич ничуть не ответственна за него, и напрасно с ее именем связывается *начало* террора. Это недоразумение одно. Но прав, тем не менее, Кравчинский, утверждая, что опыт Стефановича послужит исходным пунктом «поворота», это, действительно, был факт, не только крупный в революционной среде народничества, долженствовавший вызвать подражание, но и жизненный факт, связанный с raison d'être партии: вызвать к жизни революционную деятельность народа.

К несчастью, тут-то именно Стефанович сыграл роль железнодорожного сигнальщика, страдающего дальтонизмом: он подвергал народный поезд костоломному крушению. И горе было бы России, если бы «поворотом» управляли дальтонисты, вроде Стефановича и К°. *А.*

новны, то—их рук дело!»...—с восточной резиньяцией приняли бы чигиринцы и их соседи «кровавую баню»...

Дело Стефановича («чигиринское дело») произвело сильную сенсацию в революционной среде, загипнотизировало, не увеличивая, эту среду—всех, и даже такую светлую голову, как Кравчинский, смутило до крайности, сбило с пути последовательного мышления, стерло, оттеснило «постоянное» из-за «случайного», против чего он сам же ратовал в теоретической части своей же программы. Правда, Кравчинский обещает, как мы выше уже отметили, «...подробнее поговорить и о чигиринском деле со всеми его *достоинствами* и *несовершенствами*». Какие же это «достоинства»? Несомненно—*первый* почин построения народной организации, ум и талант, вложенные в это дело, серьезно задуманное и в совершенстве, поскольку это обстоятельства позволяли, выполненное. Какие недостатки, «несовершенства»? Здесь мы должны допустить,—принимая во внимание благородную мысль Кравчинского и сильно развитое в нем чувство правды—одно, а именно: ложный, вредный, реакционный принцип, вложенный в основу построения Стефановича—*царизм*, «*авторитарный* принцип, по терминологии землевольцев. Кравчинский это чувствовал, но завороженный, как и многие другие, опытом Стефановича, с одной стороны, и увлекаемый страстным желанием двинуть поскорей народников в поход—с другой он, не рассуждая слишком много, поддается гипнозу удачного почина и готов его оправдать и восклицает:—«Оставьте катехизис и учебники! Погрузитесь в великое море народное!» Он хочет и оправдать Стефановича («...Можно не соглашаться с теми приемами, к которым, под *давлением местных условий и крестьянского миросозерцания* прибегли в чигиринском деле социалисты. Но не в них, в *частных* приемах, которые будут разнообразиться до *бесконечности*, сообразно с местными условиями, заключается громадное значение попыток, а в том, что они впервые показывают нам возможность вызвать на свет мощную, чисто-мужицкую революционную организацию, *исходя из местных крестьянских* интересов») и, незаметно для себя, запутывается в собственной аргументации, запутывается в мелочах, в недомолвках, явных нелогичностях, вымученных изворотах мысли. Чуется в его словах недовольство самим собою, скрытая досада,

и он торопится нервно как-нибудь связать свою расхлябанную мысль, которая как мы выше видели в аргументациях ее по поводу террора, была тверда, отчетлива и ясна, как ясны обычно его ум и его душа. Досадно. А дисгармония, как бы то ни было, была этим внесена уже в *первый* № «Земли и Воли», в *первую* ее руководящую статью. Повторилось опять старое, знакомое: один в лес, другой по дрова. Разброд и шатанье в самом жизненном—в *тактике* землевольцев [1]).

III.

Нам остается еще познакомиться с передовой статьей № 5 «Земли и Воли». Написал статью Л. Тихомиров. Предварительно, как это было установлено в Обществе «З. и В.», статья была прочитана в редакторской коллегии и в присутствии А. Д. Михайлова, как представителя «центра». Редакторская же коллегия была представлена только на этот раз двумя ее членами: Л. Тихомировым и О. Аптекманом, временно заменявшим Плеханова по случаю выезда его, в ожидании соловьевского покушения (так решил Совет), из Петербурга. Статья была одобрена. Сделаны были кое-какие замечания, особенно А. Михайловым, по поводу раскола (он был знаток в этой области, не только теоретически, но и практически, изучив в Саратовской губ. спасовцев до тонкостей). Написана статья живо, увлекательно и, в общем, дельно. Народнический тон выдержан, в целом, строго, хотя и с привкусом сомнительно пахнущего славянофильства и дешевой, захваченной демагогии по адресу «интеллигенции»: народ-де куды глубже понимает и всегда-де понимал свободу, чем образованный класс (свобода мирских сходов, веротерпимость, судебная гласность и проч., проч.). Очень подробно изложена тактика народничества (землевольчества тож). Автор подчеркивает настоятельную необходимость уже вполне созревшей задачи организации в деревне *боевых* дружин, вооруженных всеми материальными и духовными средствами активной борьбы.

Назначение этих боевых дружин—создать в деревне такую боевую революционную силу, которая бы в каждый крити-

---

[1]) Курсив везде мой. *А.*

ческий момент бытия деревни выступала в ее защиту, не останавливаясь ни пред какими способами: где нужно мирным, бескровным путем,—путям же этим несть числа (проникновение в разнообразные мирские должности, земская служба, захватывающая интересы населения, посылка ходаков и т. д., и т. д.),—а где нужно—то и силою, в той, опять-таки, или другой форме, по обстоятельствам глядя. Боевая революционная дружина в деревне—это ее охранительный отряд, оберегающий ее от эксплоатации деревенского кулака и притеснений деревенских и других властей. *Вооруженная*, она пускает в ход *насилие* и *устрашение* в разнообразных их сочетаниях и формах, выработанных уже вековым опытом самого народа. Это, одним словом, *аграрный деревенский террор*.

Такие дружины популяризируют в деревне *революционную* организацию, как *действительную* силу, способную на деле выступать в защиту народа—в противоположность мифической защите какого-то еще более мифического «далекого» царя.

Из сознания народа, таким образом, вытесняется чарующий и затемняющий его ум, расслабляющий его волю, сказочный образ. Это—во-первых. А, во-вторых,—народ сам, мало-помалу, втягивается в *активную* борьбу и, таким образом, разбросанные по селам и деревням России ячейки-дружины становятся центрами притяжения для организации в народе *революционной партии*.

Мысль эта, в общем, не нова, *новым* является лишь *аграрный, деревенский террор*, как *особая* форма народнической борьбы в деревне, противополагаемая *прежней* исключительной форме агитации в деревне—*бунтам*. Собственно и это—деревенский террор—не было открытием самого Тихомирова: мысль эта уже носилась, так сказать, в воздухе и была принесена в Петербург «деревенщиной».

Тихомиров же, со свойственной ему способностью схватывать всякую *новую* мысль, *новое* настроение, на лету, быстро усвоил это *новое* и воплотил его в живое слово—в свою статью. Тем более, что это вполне гармонировало с его тогдашним собственным умонастроением: *террор в городе, террор и в деревне*.

Очень характерны заключительные слова статьи: «...Насколько все это возможно? Конечно, нам станут указывать

на разные исторические законы и т. п. Прекрасно. Но исторические законы проявят свою силу и без нашего попечения, а мы пока будем делать, что можем и что считаем нужным. Начиная дело, будем стараться вести его по возможности основательнее и шире, а выйдет ли оно так стройно и гладко, как рисуется в теории, или только приблизительно к этому—зависит, конечно, от обстоятельств, и рассуждать об этом в настоящее время совершенно бесполезно»...

И дальше, на стр. 2: «И пока мы будем размышлять о *высшем развитии* и *конечных идеалах*—народ может быть доведен до такого состояния, что его уже не подымешь никакими способами. Нет, *нам нужны не идеалы*, нам нужно в самом скорейшем времени, пока еще не поздно, разбить эту ужасную государственную машину и поставить на ее место общественный строй, хотя бы и не идеальный, но все же обеспечивающий народу возможность дальнейшего развития. *Малый прогресс все же лучше большого регресса*» [1]).

И последний удар по арфе: «Оставим же бесплодное витание *в высших областях идеалов*, будем *практичны*, будем энергичны—и пусть знамя Земли и Воли *осенит* собою соединенные армии крестьян и революционной интеллигенции на *страх* всем эксплоататорам и вековым врагам народа!» [1])

Если читатель обратит внимание на «философские» суждения Тихомирова, он, смею думать, согласится со мною, что ум у Тихомирова—*поверхностный* ум, но гибкий, эластический, практический, короче: *оппортунистический*, с значительной примесью вульгарности. *Ближайшие* интересы данного момента, тускло освещаемые общим руководящим принципом, не говорю уж об *идеале*,—над последним он изощряет свои вульгарные выпады,—стоят у него на первом плане: он, как муха,—сказал бы я,—в совершенстве почти ориентируется в ограниченном поле *непосредственного* его наблюдения. Никаких широких горизонтов, мещанская ограниченность, мещанский практицизм. Соответственно с этим у него и стиль такой легкий, скользкий, порою—вульгарный, но зато общедоступный, популярный. Нет силы в этом стиле, потому что нет силы в самом авторе: нет крепких

[1]) Курсив везде мой. *А.*

принципиальных опор, нет твердых *убеждений*, нет, одним словом, *идеала*, этой «святая святых» всякого глубоко мыслящего и морально чувствующего человека. А последний его аккорд! («...и пусть знамя Земли и Воли *осенит* (какой «высокий стиль»! *А.*) собою соединенные армии и т. д.»). Разве это не (бессознательная, конечно) перефразировка на революционный лад обычной формы обращений в манифестах божией милостью русских монархов к «своему народу»? (Осени себя святым крестом, православный русский народ...на *страх* врагам престола и отечества!»).

И когда я сейчас сравниваю статью Тихомирова с вышеупомянутыми статьями Плеханова, то какая разница.

В статьях Плеханова *подлинный* талант, *оригинальность* мышления, даже при усвоении *чужой* идеи, *чужой* концепции, *своеобразная* манера популяризации своих идей и, наконец— что важнее всего, — *метод*, строго-научный, чего и в помине нет у Тихомирова. А, ведь, это писал совсем еще молодой человек, это *первый* литературный его опыт, да и тема-то какая сложная и запутанная! Обосновать революционное народничество данными научного социализма! Какие различные типы писательские, этот Плеханов и Тихомиров! Я только *теперь* понимаю, почему они оба так антипатичны были друг другу,— отчего, en passant, и пошла редакторская склока, отчего из этого выросла рознь и сообщилась *небольшой* части остальных товарищей по «Земле и Воле» [1]).

Но сейчас, читатель, каюсь: *тогда*, сорок два года тому назад, статья Тихомирова мне очень понравилась. Да и не мне одному. Молодежь, как я в этом тогда не раз убеждался, читала эту статью с восторгом. То была пора (весною 1879 года), когда вдумываться в «теорию» некогда было, когда «практика» захватывала людей своей злобою, когда *настроение* требовало неме-

[1]) Кстати. Ведь статья Тихомирова появилась *вне очереди*. Плеханов передавал мне, что на одном из редакционных совещаний было решено, чтобы продолжать дальнейшее теоретическое развитие землевольческой программы со всеми необходимыми дополнениями, уже внесенными в нее практикой. Статью должен был написать Плеханов, что он исполнил. Она была одобрена редакциею, особенно сочувственно к ней отнесся А. Михайлов. Как же это вышло, что в № 5 появилась неожиданно статья Тихомирова вместо Плеханова?.. *А.*

дленного ответа на «проклятые вопросы», когда ко мне лично обращались—

На проклятые вопросы
Нам ответы дай прямые!

Когда, одним словом, был большой спрос на популяризацию идей в Тихомировском духе. Это так. Думаю, что не преувеличиваю. Звезда Тихомирова, как идеолога революции, подымалась все выше и выше, его весьма охотно слушали, читали, преклонялись пред ним... А это создает самомнение,—конечно, в ограниченных людях,—стремление подыматься выше, сверх своих сил, т.-е. становиться на ходули... Плеханов же собственно только стал выдвигаться, набираться сил, расправлять свои крылья и —вдруг на пути Тихомиров: *соревнование*, сначала скрытое, а потом и явное, прорвалось таки, inde—неприязнь, антипатия и прочие всяческие трения, омрачавшие редакцию «З. и В.»...

Я так долго останавливался на журнале «Земля и Воля» потому, что ведь орган этот—орган *народнический*, *единственный* печатный орган того времени, в котором трактовалось *народничество*,—как *программа* и как *тактика*. То был *первый* опыт, выполнение которого взяло на себя общество «Земля и Воля»,—представить в более или менее стройной, последовательной форме изложение революционного народничества печатно.

Была ли выполнена эта задача? В *целом* и *существенном*—да! но в частностях—много разноречий и недомолвок. Уже у Кравчинского мы видим это,—в частности, в его отношениях к, так называемому, чигиринскому делу,—а у Тихомирова за его практицизмом и оппортунизмом много прорех. Но в конечном результате и у Кравчинского, а в особенности у Плеханова, мы находим ярко и отчетливо выраженным *основные* положения народничества: «объективный ход вещей», или, точнее, «общественное бытие определяет собою общественное сознание», а это значит: личность постольку может осуществить поставленные себе задания, поскольку, для их осуществления, имеются в наличности объективные для этого предпосылки. «Человек делает историю, но делает он ее не из головы своей, а головой своей» (Маркс), т.-е. опираясь на данныя «объективного хода вещей». Для настоящего времени это уж труизм, но для *того* времени, имея еще такую спутанную, так сказать, идеологию,

как революционное народничество, это было большое приобретение как теоретическое, так, в особенности, практическое. И это большая заслуга Кравчинского и Плеханова, что они внесли это основное положение марксизма в свою программу. Пусть люди знают размеры своих сил и возможных достижений! и тогда у них почва будет под ногами, и *идеалы* их и *конечная цель* будут постоянно маячить перед ними, направляя их текущую работу в направление этих идеалов и целей.

Не то у Тихомирова. Он отмахивается от «исторических законов», далеки, очень далеки, от него «высшие области идеалов», «высшее развитие»: «будем *практичны... малый прогресс все же лучше большого регресса*»...[1]). Но это—рискованное движение по наклонной плоскости практицизма все ниже и ниже...в трясину... Но мы тогда не замечали этих опасных, фальшивых, совершенно беспринципных нот. Мы находились всецело тогда под влиянием *непосредственно* угнетающих нас злоб дня, *неотложных*, будто императивных требований практики, и думали, и действовали под несознаваемой нами чисто обывательской, по существу, психологией мышления и практики. По поговорке: не сули журавля в небе, дай синицу в руки! Подкупала нас, и стариков и молодых, соблазнительно легкая и увлекательная форма, в какую удалось Л. Тихомирову облечь свое изложение, пропаганду народничества.

Но все-таки, за вычетом всех этих изъянов, в пропаганде «Землей и Волей» народничества, в целом, она, газета «З. и В.», выполнила, по справедливости, свое назначение, хотя, по злой иронии истории, в тот уж критический момент бытия общества «З. и В.» и всех народнических организаций, когда они *все*, т.-е. все революционно-народническое движение клонилось уж к упадку.

Об этом речь сейчас.

IV.

Каковы были наличные, духовные и материальные, силы общества «Земля и Воля»? Что оно успело осуществить из поставленных им на очередь колоссальных своих заданий за эти три года его существования? Ответить на этот вопрос значит ответить,

[1]) Курсив мой. *А.*

вместе с тем, и на вопрос о генезисе *террора,—как* и отчего он развился, развертываясь все больше и больше, во всю широту и глубину его,—как *настроение*, перевоплотившееся затем постепенно в *политическую* борьбу, на первых порах неотчетливо еще сформулируемую, но под влиянием или мысли и практики, окристаллизовавшуюся, наконец, в *народовольчество*—как *политическую* теорию и практику, и как, наконец, в последнем счете он, т.-е. террор, привел к расколу в обществе «Земля и Воля».

Обратимся к фактам. В средине января 1877 г., как известно, в Петербурге была окончательно построена организация, известная под именем «Северно-русское революционно-народническое общество», с 1878 г. известное уже под названием Общества «Земля и Воля».

В основу Общества был с самого начала положен принцип «централизации и дисциплины воли», по сильной терминологии незабвенного А. Д. Михайлова, этого самого яркого и последовательного представителя централизованного строительства революционных организаций.—«Если вы,—говорил он горячо на землевольческом Совете, в Петербурге, в 1878 г.,—если вы приняли программу кружка, если вы сделались членом организации, то в основных пунктах у вас не может быть разногласий с большинством ее членов. Вы можете разойтись с ними во взглядах на уместность и своевременность порученного вам предприятия, но в этом случае вы должны подчиниться большинству голосов. Что касается меня, то я сделаю все, что потребует от меня организация. Если бы меня заставили писать стихи, я не отказался бы и от этого, хотя и знал бы наперед, что стихи выйдут невозможные. Личность должна подчиниться организации!» [1]).

«Катон-цензор» одержал, в конце-концов, победу, хотя с оговоркой принимать, по возможности, в соображение личные наклонности членов организации.

Так на практике была осуществлена самая совершенная по тому времени форма революционной организации: *единство во множестве, гармония целого и составных его элементов.* Бла-

---

[1]) *Г. В. Плеханов.* Воспоминания об А. Д. Михайлове. Стр. 115—166, «Сочинения» Плеханова. Женева. 1905 г. Изд. Библиотеки Научного Социализма.

годаря этому, общество «З. и В.» сумело продержаться *три* года, что составляет уже довольно высокую *среднюю* продолжительность жизни для такого рода *подпольных* организаций. *Материальные* средства Общества, уже при основании его, были обеспечены «Лизогубовским фондом» — два больших поместья землевольца Д. Лизогуба. Рассчитывали, что, при удачной ликвидации этих поместий, получится сумма в 200—250 тысяч руб. А пока Общество снабжалось периодическими взносами в размере 5—8 тысяч. Если принять во внимание еще побочные случайные доходы (пожертвования лиц, сочувствовавших Обществу, выручки из продажи изданий Общества, экстренные сборы и проч.), а главное—крайний ригоризм в личной жизни членов Общества, не тративших и алтына на себя из общественного капитала,—если все это принять во внимание, то для *начала* дела средств было, пожалуй, достаточно, но *только* для начала. Но, ведь, в перспективе было большое дело, колоссальные, можно сказать, задания: *организация народно-революционной партии в деревне*— на первом плане. А другие дела, другие функции, нередко совершенно неотложные, напр., функции *дезорганизаторской* группы Общества (освобождение товарищей из тюрьмы и ссылки, защита свободы и чести товарищей,—словом, требования *самообороны*, в самом широком смысле этого слова, включая сюда и дезорганизацию тем или другим способом, правительственного механизма до цареубийства включительно и проч.), и обзаведение типографией и заграничным путем и т. д. и т. д.,—ведь на все это нужны были средства и средства! Затевали строить большой корабль, а большому кораблю и плавание большое полагается. Но вскоре же оказалось, что и на утлую ладью часто не хватает рессурсов. Как бы то ни было, но начать *надо* было, и *начало* двинуто было в ход. Как же пошло дело? был ли *только штаб*, а *армия* в перспективе еще, или и то, и другое уже было наготове? Пусть цифры говорят! В 1876—77 г., в год построения Общества в «основной» («центральный») кружок вошли следующие лица: 1) *М. Натансон*, 2) *Ольга Натансон*, 3) *«Сабуров»-Оболешев*, 4) *Александр Михайлов*, 5) *Адриан Михайлов*, 6) *Дмитрий Лизогуб*, 7) *Валериан Осинский*, 8) *А-др Квятковский*, 9) *«Боголюбов»-Емельянов*, 10) *М. Попов*, 11) *Г. Плеханов*, 12) *Преображенский*, 13) *В. Трощанский*, 14) *А. Зунделевич*, 15) *С. Баранников*,

16) *Ю. Тищенко*, 17) *С. А. Харизоменов*, 18) *Л. Буланов*, 19) *А-др Хотинский*, 20) *О. Николаев*, 21) *Никандр Мощенко*, 22) *О. Аптекман*, 23) *Игнатов*, 24) *Сергеев*, 25) *Крылова* и 26) *Мельгунов*[1]). Если к этому «центру» прибавить и остальных всех членов Харьково-Ростовского кружка, целиком вошедших в «общество «З. и В.», то всех землевольцев было maximum— 50 человек.

Было немного *сопричастных* к «центру», оказавших нередко большие услуги организации, вступавших с ней ad hoc в те или другие отношения (как, напр., С. Н. Лаврова, близкий друг Ольги Натансон, народница-пропагандистка чистой воды, сестры Корниловы, старые товарищи Натансонов по кружку чайковцев и проч.). К сожалению, делать им *учет* я не могу: то были все *добровольцы*, в *постоянных обязательных* отношениях к обществу «З. и В.» не стоявшие. Как их учесть? А, между тем, точный учет землевольческих сил был бы очень важен для определения *действительного* удельного веса организации «Земли и Воли», ставшей центром притяжения не только для отдельных народников и народнических ячеек севера России, но и в значительной мере и для непокорного, бунтовского, так сказать, по природе его юга. Считаю нужным здесь кстати оговориться. К числу землевольцев я отношу только тех моих товарищей, с которыми я работал как в центральной петербургской группе («основной»), так и в провинции,—все равно, были ли они чле-

[1]) Этот последний, Мельгунов, какая-то для меня почти мифическая личность. Зимою 1877 года он жил на конспиративной квартире землевольцев, занимал отдельную комнату, куда не всякому был свободный доступ. Я не сразу приобрел право заходить к нему. Присмотревшись ко мне, он показал мне свой платяной шкаф, битком набитый разными смертоносными орудиями (ятаганы, кинжалы, сабли, револьверы, словом — арсенал). Сделал большие глаза, а он, молчаливый, как Вильгельм Оранский, положил указательный палец себе на рот: не расспрашивай-де! Натансон частенько навещал его, и они, запершись, все о чем-то шушукались. Вскоре Мельгунов исчез совсем с землевольческого горизонта. Кто этот «таинственный незнакомец», так близко, повидимому, стоявший к «З. и В.»—не знаю. Уже, в 1879 г.., в Тамбове, пред Воронежским съездом, В. Н. Фигнер наводила о нем у меня справки, которые я ей дать не мог, так как ровно ничего об нем не знал и от товарищей тоже о нем ничего не слышал. Кажется, он *тогда* уже высиживал что-то грозное (не цареубийство ли ?) М. А. Натансон отклонил его. *А.*

нами-*учредителями* Общества, или просто членами его, как *народники-социалисты* («бунтари»), разделявшие программу «Земли и Воли» и действовавшие сообразно этой программе. Я назвал *только* 50 человек, но возможно, что их было и больше, но я с трудом припоминаю их. Пусть назовут их те, кто может их назвать, они этим окажут лишь услугу истории этого общества! И еще скажу. Я занес в свой список тех членов, о которых я доподлинно знаю, что они были землевольцами и работали так или иначе с землевольцами,—как ответственные пред Обществом представители (члены) его.

Тех же, которые *формально*, по старыми своим отношениям к «З. и В.», могли быть зачислены в число землевольцев, но не заявили об этом, как, напр., Петр *Кропоткин*, *П. Б. Аксельрод*, *Корниловы* и *Батюшкова*—все бывшие чайковцы—тех лиц, говорю я,—не вписал я в число *действительных* членов Общества «З. и В.», хотя некоторые из них, как я уже выше упомянул, оказывали нам временами большие услуги [1]). По этой же причине я не зачислил в члены Общества тех лиц, которые в капитальном труде Н. А. Рубакина «Среди книг» названы как члены общества «З. и В.», а именно: *С. Ковалика*, *П. Войнаральского*, *Д. Рогачева*, *Брешковскую*, *Л. Шишко* и, если память не изменяет мне, *Синегуба*, *Чарушина* и др. еще. Эти лица, если они и были кооптированы в тюрьме и крепости М. Натансоном, то это была кооптация фиктивная, ибо никто из них ни до кооптации, ни после актуально не работал и не мог работать в «З. и В.»: первые три потому, что они уже с конца, кажется, 77 г. (или в начале 78 г.) были уже «заживо погребены» в харьковских центральных тюрьмах, откуда они вышли лишь во время «диктатуры сердца» Лориса-Меликова: а последние все ушли — кто на каторгу, кто на поселение и житье в далекую Сибирь. Какие же они члены Общества «З. и В.»? Это—«мертвые души».

---

[1]) Покойный М. А. Натансон не раз мне говорил, что у Ободовской хранится какой-то *неприкосновенный для революционных целей фонд* из ее личных средств, которым он рассчитывает воспользоваться, при возвращении в Россию, для революционного строительства. (Сообщения эти были мне сделаны еще в ссылке в Якутской области, в первую половину 80-х годов (1884—85 г.г.) *А.*

После этих предварительных замечаний, продолжаю прерванную нить моей летописи о «Земле и Воле».—Дальнейшее «движение населения» в обществе «З. и В.», то-есть прибыль и убыль его членов, видно из следующего: в течение 1877—78 г.г. были приняты в центральную группу «З. и В.» следующие лица: 1) *Н. Короткевич* (летом 1877 г., из Саратовской группы, по предложению А. Михайлова, Н. Мощенко и О. Аптекмана), 2) *Н. С. Тютчев* (тоже летом 1877 г., в Петербурге, из местной *рабочей и дезорганизаторской* групп), 3) *С. Перовская*, 4) *М. Фроленко*, 5) *С. Кравчинский*, 6) *Д. Клеменц*, 7) *Бердников*, 8) *А. Пресняков*, 9) *Н. А. Морозов*, 10) *Л. Тихомиров*, 11) *В. Н. Фигнер* (все— в течение 1878 г., причем: Перовская, Фроленко, Кравчинский, Клеменц, Л. Тихомиров и Н. А. Морозов—как *бывшие чайковцы*, выразившие желание поступить в общество «З. и В.» [1]).

Наконец, на Воронежском съезде, в июне 1879 г., в общество «З. и В.» вступили: 1) *А. Желябов*, 2) *Н. Колоткович*, 3) *С. Ширяев*, 4) *Я. Стефанович*, 5) *Л. Г. Дейч*, 6) *П. Б. Аксельрод*, 7) *В. И. Засулич* (последние четверо заочно и единогласно), 8) *Сергеева* и 9) *М. Н. Ошанина*.

Итого всех членов «З. и В.», с *основания* до Воронежского съезда (включительно), т.-е. членов «центра» Общества, было 46: 26 *членов-учредителей*, при *основании* «З. и В.», *плюс* вновь кооптированных 20.

Какую же убыль потерпело Общество за все это время, т.-е. с начала 1877 г.? В самом начале, еще в конце 1876 г., 6 декабря, был арестован 1) *Боголюбов-Емельянов*, выдающийся

---

[1]) На малом Совете землевольцев, зимою 1877—78 года, было предложено кооптировать целиком *весь* кружок В. Н. Фигнер, т.-е. еще Ю. Богдановича, Иванчина-Писарева и Соловьева. Все горячо высказались *за* это предложение, за исключением Трощанского и, помнится, М. Р. Попова. Последние отнеслись отрицательно к Иванчину-Писареву, мотивируя свое отрицательное отношение тем, что Иванчин-Писарев может внести некоторый разлад, некоторое нежелательное, мягко выражаясь, трение в братски-товарищеские отношения организации «Земли и Воли». Вопрос не пошел дальше в Большой Совет «З. и В.», случайно собравшийся тогда в Петербурге. И В. Н. Фигнер стала с своей ячейкой в *федеративные* отношения к «З. и В.». Но землевольцы считали ее уже тогда своим *равноправным* членом, и на Воронежский съезд она явилась именно как вполне *равноправный* член, без всяких предварительных выборных формальностей.

работник, крупная сила; затем следуют: 2) *М. Натансон* (в мае 1877 года), 3) *Тютчев* (тоже летом 1877 г.); одновременно с этим, замечу в скобках, был разгромлен в Петербурге, благодаря предательству рабочего Шарашкина, почти весь кружок рабочих Натансона (Шарашкин убит, и к убийству был привлечен Н. С. Тютчев), а также его сотрудники—*Н. Кузнецов*, *Хазов*, *Чехов* и др. Прошло больше года со времени этих арестов, «центр» стоял крепко, и вот в октябре (15 октября 1878 года) страшный разгром всего «центра», арестованы: 4) *Ольга Натансон*, 5) *Олешев*, 6) *Адриан Михайлов*, 7) *Леонид Буланов*, 8) *Бердников* и 9) *Трощанский*. И все-таки, благодаря строгой организованности и дисциплине «центра», последний, находясь в самом огне обстрела, продержался без малого, со времени основания «З. и В.», два года! Это—отмечаю—большой срок продолжительности бытия, при тех условиях, революционной организации. Но удары и дальше сыпались на голову «З. и В.», хотя «центр», благодаря организаторским дарованиям А. Д. Михайлова, был восстановлен скоро. Весною и летом 1879 г. были арестованы: 10) *Д. Клеменц* (в Петербурге, весною), а в Киеве и Одессе (в мае и в августе) казнены—11) *Осинский* в Киеве, 12) *Лизогуб*—в Одессе[1]). Итого, с 13) *Кравчинским*, эмигрировавшим, выбыло за *три* года (без малого) землевольцев *13* членов «центра».

Что нам говорят эти цифры! Общество «З. и В.» не возрастало, оно даже потерпело небольшую убыль, в течение 1877—78 г.: накануне Воронежского съезда число его членов достигло лишь цифры 24. Как же оно, при таких широких своих заданиях, справилось со своей работой? Прежде всего, оно разделилось на группки, ячейки, каждая из которых выполняла свою функцию, но резкого разграничения, само собою, не могло быть, в виду недостатка сил. Работающему, напр., среди интеллигенции или рабочих, приходилось одновременно выполнять нередко обе работы. Весною 1879 г. Плеханову, напр., приходилось агитировать и среди рабочих, вести пропаганду и агитацию в среде молодежи и, вместе с тем, работать в газете «З. и В.»,

---

[1]) Кроме казненных Осинского и Лизогуба, умерли: *Ольга Натансон*, вскоре после суда и *Оболешев*, остальные сосланы—кто в административную ссылку (Натансон, М., и Тютчев, Н.), кто на каторгу, поселение и житье. *А.*

как редактор ее. М. Р. Попов стремится в деревню, собирает для этого группу соответствующих работников, но его отрывают (на время пока) и поручают ему устранить провокатора Рейнштейна. Это необходимо, это вопрос жизни и смерти для всего Общества: Рейнштейн готовит буквально смертельный удар. Sauve qui peut! Попов уж на дороге в Воронежскую губ., где у него уже сформирована группа для работы в деревне, а он экстренно отрывается от своей главной работы и едет в Петербург, чтобы передать Стефановича и его товарищей на руки Зунделевичу, для препровождения их за границу! А. Д. Михайлов едет в Петербург (весною 1878 г.) с планом организации раскольников в Саратовской губ. и вынужден оставаться на *всегда* в Петербурге, ибо, во-первых, без него не обойтись, а, во-вторых, на очереди ряд неотложных *дезорганизаторских (террористических* тож) начинаний. Это еще не *политическая* борьба, — последняя еще не оформлена, не определилась еще отчетливо в сознании землевольцев,—как *политическая* (*непосредственная* борьба с правительством): она в *настроении* и *сознании* действующих, пока как *оборонительная* лишь борьба, и диктуется она повелительно требованиями *самозащиты, самосохранения—«спасения жизни, свободы* и *чести* членов партии». Здесь рассуждать не приходится, здесь выбора нет: каждый, кто только способен на эту работу, обязан выполнять ее, будь он «деревенщик», как Попов и Михайлов, или незаменимый член интеллигентской, рабочей и редакторской групп, как А. Н. Морозов, Л. Тихомиров, С. Кравчинский и проч.,—все равно.

Где же тут быть строгой диференциации в работе?

Приходилось буквально разрываться, и началось уже оно с *самого начала* работы общества «З. и В.», при *первых* же его шагах, когда оно задумало еще построить землевольческие поселения в деревне—доминирующее его задание, центр тяжести его революционной работы, его устремлений и основной его цели. Что же оно успело, при наличности его сил, в этом направлении? Расскажем, как оно было—без преувеличений в ту или другую сторону, по возможности, объективно: ведь давно уж это было—45 лет тому назад!

«Все личное быстро осыпается» теперь. Можно быть объективным. Можно, хотя это трудно: пережитое начинает тревожить,

мучить, старые раны вдруг раскрываются и начинают сочиться кровью...Надо это преодолеть.—«Человечески переживать иные раны, — говорит Герцен, — можно только этим путем». Попытаемся.—В начале уже 1877 г. были, так сказать, форсированным маршем двинуты землевольцы в Саратовскую и Нижегородскую губернии для организации в названных местностях деревенских поселений [1]).

Весною 1877 г. в Саратов отправились Ольга Натансон и В. Трощанский для устройства местного «центра» для поселения. Кое-какие связи в обществе уже были там (присяжный поверенный Борщов, старик «радикал» Гофштеттер, нотариус Праотцев и местная революционная молодежь).

С помощью этих знакомств Ольга Натансон (по какому-то документу В. Н. Фигнер) устроилась вскоре фельдшерицей при губернской земской больнице, а Трощанский получил какое-то место,—*не важное*,—в земской управе. Я подчеркиваю слово «неважное», так как это неважное грозило стать важным. Дело вот в чем. Трощанский,—как жаловались мне товарищи в Саратове, когда я туда приехал,—позволял себе, получая жалованье только 25—30 р. в месяц, брать в театре первые места в креслах.

В провинции, где все на-перечет известны, это вызывало недоумение и всяческие гнилые пересуды: откуда-де у этого управского неважного чина средства на такие расходы? Пересуды же и обывательская болтовня—злейший враг для «под-

---

[1]) Были еще намечены Дон и Кубань. Но я не могу ни назвать всех лиц, посланных туда (помню только Рудакова и Никольского, «калмыка», по прозванию), ни определить числа их, ни сказать—как они устроились, что сделали. Знаю только, что как на Дону, так и на Кубани были *местные народнические* ячейки и группы. На Дону работали Мозговые, Зубрилов, кое-кто из харьковской молодежи.

Это весьма солидная *местная* группа, пользовавшаяся доверием и уважением местного населения,—народнически-*пропагандистская* по преимуществу. Но она имела все шансы на успех в случае, если бы этого потребовали обстоятельства, перейти и на почву *агитации*, как этого *главным* образом требовала программа. Группа эта находилась в связи с революционными элементами соседних губ. (Воронежской, Харьковской). В каких отношениях эта группа стояла к землевольцам,—я определенно не знаю, надо полагать—в *федеративных*. О Кубанской мало знаю, там были землевольцы-харьковцы Быковцев, Мощенко, Тищенко, Гартман, Боголюбов-Емельянов, но это было в 1875 году еще. М. б., связи и остались. *А.*

польной» организации.—Может быть, это было необходимо для завязывания знакомств?—спрашивал я. До известной степени—да! Но это не соответствовало его служебному положению: «первые места и к тому же расфранченный чуть ли не по последней моде»! Промах—что и говорить!

Но, тем не менее, связи стали налаживаться. Вдруг—телеграмма из Петербурга: М. Натансон арестован, и Ольга Натансон и Трощанский экстренно туда вызываются: они там оба нужны. «Центр» местный ликвидируется, а новые поселенцы-землевольцы все больше и больше стягиваются в губернию. Как же быть без «центра»? Спешно реставрируется *новый* «центр» из прибывших, но связи в обществе ослабли: новые люди, неизвестные обществу, надо еще присмотреться. Это—помеха с самого начала: трудно устроиться без связей, а некоторые положения (фельдшеров, писарей, учителей и проч.) именно и нуждались в связях с местными влиятельными лицами.

Из кого же образовалось саратовское поселение? как велико оно было? Из *центральной* («основной») группы «З. и В.», туда попали: 1) *Харизоменов*, 2) *Сергеев*, 3) *Николаев*, 4) *А. Д. Михайлов*, 5) *Аптекман*, 6) *Мощенко*, 7) *Хотинский* и, наконец, 8) *Плеханов*.

Землевольцы *не* учредители: 9) *Короткевич*, 10) *М. Новицкий*, 10) *А. Н. Демчинская-Новицкая*, 12) *С. Реброва-Харизоменова*, 13) *А. Богомаз*, 14) *М. Брещинская*, 15) *П. Бураков*, 16) *Я. Севастьянов*, 17) *П. Федоров*, 18) *Н. Быковцев* и 19, 20, 21—*трое* рабочих.

Устроились уже из них на *местах* в деревне к началу лета 1877 г. 1) *Харизоменов* (в качестве волостного писаря), 2) *Харизоменова-Реброва* (как жена), 3) *Новицкий* и 4) *Новицкая* (открыли сапожную мастерскую), 5) *Сергеев* (сельским писарем), 6) *Николаев* (тоже), 7) *Федоров* (мастеровым), 8) *Я. Севастьянов* (кажется, учителем) и 9) *Н. Короткевич* (тоже учителем). Все люди с революционным стажем, вообще. В городе в «центр» пошла *М. А. Брещинская*, а хозяйкой конспиративной квартиры—*Богомаз*. Остальные, за исключением, *А. Д. Михайлова*, завязавшего прочные знакомства среди саратовских городских спасовцев и вскоре, при их помощи, устроившегося в деревне, среди раскольников,—никто никак не могли, за недостатком связей,

устроиться (почему Мощенко, как хороший сапожник, не устроился—не знаю; Плеханову Аптекману, Хотинскому и Быковцеву совершенно не повезло [1]).

Во всяком случае *десять* человек уже поселились в деревне и в числе их *А. Д. Михайлов* и *С. А. Харизоменов* среди *раскольников*.

Я еще не упомянул о *трех* рабочих-землевольцах, горячо отозвавшихся на наш зов поселиться в деревне. Это были хорошие, твердые, убежденные народники. Но вышло неожиданно для нас что-то совсем неладное. Все лето убили они на поиски мест, исколесили пешком чуть ли не полгубернии и вернулись в Саратов ни с чем. Мало того. Они категорически заявили товарищам, что в деревне селиться уж не намерены, а будут продолжать свою работу в обычной для них среде—*городской*. По этому поводу было много объяснений и споров, но рабочие стояли на своем. Из споров выяснилось, что на рабочих деревня произвела сразу угнетающее впечатление: суровый, тяжелый обиход жизни, убожество и культурная обездоленность, душная атмосфера сумрачности, недоверия, недоступности (двух из этих рабочих приняли даже за «немцев»).

А, между тем, «это были испытанные люди, искренно преданные народным идеалам и глубоко проникнутые народническими взглядами...как ни удивляла нас эта отчужденность от «народа» его городских детей, но факт был налицо, и мы должны были оставить мысль о привлечении рабочих к собственно «крестьянскому делу» [2]). Одной иллюзией стало, таким образом, меньше: не все, значит, рабочие годятся для деревни. Рабочие-землевольцы, о которых я говорю, были *заводские* рабочие, с большими запросами, умственными и культурными навыками, прошедшие революционную выучку в Петербурге.

---

[1]) Об этом подробнее в моей книжке «Земля и Воля» 70-х годов. Глава V, стр. 111 и след. Здесь же подробности и о землевольцах-*рабочих*, приставших к саратовскому кружку для поселения в деревне. Всех же членов в Саратовской филиальной группе общества «Земли и Воли», считая, конечно, и *трех* рабочих, было двинуто 21 человек. *А.*

[2]) Г. *Плеханов*. «Русский рабочий в революционном движении». Издание второе, стр. 7. *А.*

Деревня, прямо сказать, испугала их. И они пока что остались в Саратове, где и завели сношение с местными рабочими.

Следуя их примеру, и Плеханов, потерпев неудачу в Аткарском земстве, где надеялся устроиться в качестве народного учителя, вошел в сношение с местными рабочими и местной молодежью. Пропаганда его,—пропаганда народничества,—имела, говорили мне, большой успех. Я ждал со дня на день обещанного места фельдшера в Саратовском уезде, а пока что помогал «центру» в сношениях его с внешним миром—товарищами, рассеянными по всей губернии, и петербургским «центром» нашим главным «штабом», который необходимо было держать в курсе наших дел. Из деревни, кто поближе к Саратову, нет-нет, да появляется на один-другой день за разными справками и сведениями. Поселение, хотя и небольшое, повидимому окрепло. Есть на местах и коренной, *не* пришлый, элемент. Надо работать, можно работать, но долго, очень долго. Деревенская действительность много сложнее, чем схематически наброшенная программой картина. Предстоит большая *предварительная* еще работа *подготовительного* характера. А *такая* работа, т.-е. *подготовительная*, требует людей, а их немного, считая даже *местных*, революционно-народнического направления. Для *прямой* же агитации, повидимому, пока еще нет благоприятной почвы. Приходится ждать, выжидать: искусственно агитации в деревне не создается. Таковы первые деревенские впечатления. В них не слышны высокие ноты, но нет также и уныния. Общий вывод такой: будем жить в деревне, а за нами, глядя на нас, пойдут и другие. Мы—передовой отряд, войско явится, когда поле битвы определится, обнаружится более отчетливо. Так говорили наши деревенщики-землевольцы.

Приближается осень. Стали замечать, что за нашей «коммуной» началась слежка, наивная и дерзко-глупая: стоят у ворот и прямо заглядывают в окна. Решено было ликвидировать спешно квартиру и, при провинциальной халатности местной сыскной власти, удалось бы всем исчезнуть, заметав следы. Это—во-первых. А, во-вторых, было постановлено, чтобы часть товарищей совсем выехала из Саратова,—раз не предвидится шансов устроиться в ближайшем будущем. Наконец, приняты меры, чтобы предупредить товарищей-деревенщиков о предстоящей перемене

квартиры «коммуны». Первыми уехали Мощенко, Аптекман и двое рабочих. К сожалению, временная нужда в деньгах задержала ускоренную переборку на другую квартиру, и облава явилась раньше, чем ожидали. Арестованы жившие в коммуне: Богомаз, хозяйка конспиративной квартиры, Быковцев, Бураков, Хотинский и Новицкая (она по болезни на время приехала в Саратов). Была, как водится, устроена засада, куда, на другой день, попали: Брещинская («центр»), Сергеев, приехавший только накануне, и Плеханов. Все были арестованы, но затем освобождены с подпиской явиться по требованию. Провал этот ничем серьезным не кончился, только одну Новицкую судили за проживательство под чужим именем и оправдали. Остальные—Плеханов, Хотинский и Быковцев своевременно уехали (Быковцев, впрочем, сразу выпутался, указав на какого-то важного в Саратове «дяденьку» иерея). И все-таки этот провал городской отозвался на деревню.

Во-первых,—«центр», по разным личным чисто мотивам, упразднился. Поселение осталось без «центра», авангард—без штаба. Это на практике значит свести поселение, как *единое* построение, на-нет: есть отдельные, распыленные элементы, но нет координирующего центра. А, во-вторых,—поселение, благодаря провалу, лишилось трех деревенских работников—Сергеева и двоих Новицких. Брещинская вышла совсем из организации, за нею последовала и Богомаз, а Бураков уехал в Петербург, где и устроился в землевольческой «вольной типографии». В саратовском поселении осталось только семь землевольцев на всю губернию. Восстановить «центр» было крайне необходимо, но свободных людей ни в Петербурге, ни на месте не оказалось, и только с начала лета 1878 г. (а может быть,—и с весны) в Саратов отправился Преображенский, член «центрального» петербургского кружка. Как долго продержалось саратовское поселение во всем его составе? Точно определить не могу, ниже увидим; уже летом 1878 г. Харизоменов и Харизоменова, Новицкий и Новицкая находились уже в числе поселенцев-землевольцев в Тамбовской губ.

Значит, *землевольцев* осталось в саратовском поселении всего на всего четыре человека. Почему и когда именно Харизоменовы и Новицкие бежали из Саратова,—не знаю. Может быть,

они ушли еще *раньше* восстановления в Саратове «центра», тогда это, понятно, в силу необходимости. «Центра» не было, а тут и А. Д. Михайлов вдруг снялся с своего насиженного «спасовского места» и прилетел в Петербург, где и застрял совсем. Осталось уж не четыре, а *три* только землевольца. Кому же охота быть заброшенным, когда в Тамбовской губ. строилось уже *новое* поселение со своим штабом? *Три* землевольца на всю губернию—*три* землевольца «*старой* гвардии»! Были ли местные еще элементы,—этого я не могу сказать доподлинно. Если и было, то вряд ли больше полдесятка и то опять таки, из «старой гвардии», ибо *молодые* не шли в деревню.

Таков опыт революционно-народнических поселений землевольцев в Саратовской губ.; за целый год (с весны 1877 г.) едва устроилось *десять* человек, а к концу уже года или к весне 1878 г., вернее, осталось только *три*. Я даже недоумеваю, для чего понадобилось Преображенскому реставрировать в Саратове центр? Очевидно, были надежды кое-какие, но об этом ниже.

Ну, как же дело обстояло с нижегородским землевольческим поселением? Оно было обдумано лучше саратовского. Землевольцы сразу устроились независимо от всяких покровительств и поощрений со стороны культурных общественных представителей. В Ардатовском уезде Линев, Ив. Л., под фамилией американского подданного *Джемса Филипса*, устроил круподранку, а недалеко от него заведена была кузнечная мастерская. На круподранке, в качестве простых рабочих, работали *А-др Квятковский* и Кржеминский («Володя»),—молодой человек *второго*, так сказать, революционного призыва (в саратовском же поселении, кроме кое-кого из *местных*, никого совсем не было из молодежи). Хозяйкой на круподранке состояла А. И. Каминер, с революционным прошлым. И. Л. Линев—хороший организатор, прошел суровую школу жизни в Америке (отсюда и его кличка, очень популярная и среди рабочих, «Американец»).

Одно время,—скажу уж попутно,—зародилось в 70-х годах среди социалистической молодежи любопытное очень направление. Собственно это было не самостоятельное направление, а лишь побочное *течение*, уклонившееся от главного русла того времени—социально-революционного. По идеологии своей эти люди

были убежденные социалисты. Но социалисты, решительно отрицавшие революционные формы борьбы, кровавые, насильственные способы ее. Исключительно только в мирной, бескровной, постепенной работе видели они способ реализации социалистического идеала. Где же возможна такая работа? В России? Но здесь—беспросветная действительность вековечного политического гнета, бесправная, темная, невежественная инертная масса, экономическая отсталость и разорение на основе уж воздвигающегося, строящегося уже денежного хозяйства. Какая же мирная социалистическая работа мыслима в стране деспотического режима? Ведь каждый шаг социалистической пропаганды станет могилой для самих пропагандистов. Века должны будут пройти, пока социалистическое семя взойдет. А этим временем зародится классовый антагонизм, классовая борьба, которые опять таки могут быть разрешены (если *могут* быть разрешены) кровавой революцией. Европа же менее всего благоприятствует их мирной социалистической работе: там гнет капиталистического государства все более и более растет, все сильнее и сильнее обостряются классовые противоречия, там потоки крови будут литься, а чем все это может окончиться—неизвестно...Где же возможна такая работа?—спрашивают «американцы». Ну, конечно, в Новом Свете! Там они, мирные социалисты, надеялись организацией коммунистических обществ заложить фундамент будущего социалистического строя. Там, в непочато свободной стране надеялись они начать строить новую жизнь. Жизнь без противоречий и гнета. Они, эти утописты, надеялись, веровали, что своим примером они увлекут других людей, и мало-помалу, вокруг коммунистических колоний, сгруппируются и соберутся «каменщики» новых форм жизни.

Как долго Линев пробыл в Америке, — я не знаю. Но в 1875—76 г. он уже в России. Пристает к «Земле и Воле», организует народнический поселок, о котором я только что говорил. В кузнечной мастерской работал С. Баранников. Сколько было всех членов в линевском поселке—не знаю, но во всяком разе не менее 6—8 человек. Выбор людей очень удачный. Квятковский и Баранников—прекрасные пропагандисты и, при благоприятных условиях, незаменимые агитаторы. В лице же Линева поселок имел выдающегося организатора, мягкого, терпимого,

умеющего связать людей и создавать новое дело. Казалось бы чего же лучше. Но рок уже висел над поселком. Вскоре после ареста Натансона (в мае 1877 г.), арестовывают, в числе других, и Н. Кузнецова. При аресте находят у него подробный адрес поселка Джемса Филипса. Последовал экстренный обыск на круподранке, а затем и в кузнице. В последней никого не застали (все убежали). Это более, чем подозрительно. Жандармы, сломя голову, летят обратно на круподранку и никого уж из жильцов, кроме Джемса Филипса (Линева), не захватили. Линев, конечно, был арестован. *Поселок провалился.* Скажу уж здесь кстати, что такая же участь в том же году постигла *народнические* поселения Иванчина-Писарева в Самарской губ. и Н. Н. Смецкой—на Урале. Поводом к провалу самарского поселения послужило то обстоятельство, что в Самаре получена местным «центром» телеграмма, что в Петербурге арестована некая Чепурнова, отправлявшаяся в Самару, при ней найдены были компрометирующие письма к самарским поселенцам. Получив эту телеграмму, все разбежались: братья Богдановичи, Иванчин-Писарев, Соловьев и другие. Люди уцелели, к счастью, но поселение всецело рушилось. Поселение же Смецкой сделалось, кажется, жертвой доноса со стороны местного человека. Арестована Смецкая, Окушко, другие бежали своевременно.

Таков итог *первого* опыта организации землевольческих и прочих народнических революционных поселений в деревне в 1876—77 г.г. Приходится констатировать с прискорбием, что крушение названных поселений не столько вызвано репрессиями *местных* властей, бдительностью *местной* власти, сколько главным, если не исключительным, образом, так сказать, рикошетом из *города* — Петербурга, или другого далекого пункта.

В самой организации поселений таились некоторые глубокие, но вполне устранимые дефекты, как-то: недостаток средств, отчего происходило нередко скучивание людей в одном пункте (в Саратове, напр., на конспиративной квартире), отсутствие в нас, что особенно важно—выдержки и дисциплины. Переписываться, конечно, надо, но принимая все предосторожности, которые в достаточной уже мере выработаны революционной практикой.

Из-за *случайного* ареста одного лица, снабженного письмами и адресами, убиваются наповал два прекрасных поселения (нижегородское и самарское)!..

V.

1878 г. «Человек,—говорит Гёте,—познает самого себя не посредством размышления, а посредством *опыта* и тогда лишь, когда приступает к выполнению своего *долга*» (Курсив мой. *А.*). В этом году и общество «З. и В.» энергично выступает опять и к выполнению своего старого «опыта», и лежавшего на ней «долга» пред революционной партией: она твердо решила *продолжать* опыт организации революционных сил в деревне. *Первый* опыт вышел неудачен,—точнее: он не *закончен*. Что из того? Первый шаг всегда труден, надо делать—*второй*.

На импровизованном съезде землевольцев в Петербурге, зимою 1877—78 г. на Большом Совете, в числе других текущих вопросов, особенно горячо дебатировался вопрос о деревенских поселениях. Неудачи в Саратовской и Нижегородской губерниях, конечно, глубоко огорчили всех, но не обескуражили: было единогласно решено продолжать начатое дело. Обществу «З. и В.» было известно, что В. Н. Фигнер, находившаяся тогда в Петербурге и бывшая в самых близких отношениях «З. и В.», намерена со своей группою построить поселение в Саратовской же губернии, где у Общества «З. и В.» сохранились еще тогда обломки поселения. Это было только на руку Обществу, а потому был поднят вопрос, не попытаться ли завести поселение еще в других местах. Я указал на Тамбовскую губ., где в одном из его уездов (в Борисоглебском) я уже раньше работал, где была небольшая ячейка местных людей, не только сочувствовавших нам, но уже работавших, где, наконец, были кое-какие связи (*свой* врач, *свои* учителя и т. д.). Я поделился с товарищами моими наблюдениями и впечатлениями, вынесенными мною из борисоглебской деревни. Я прямо заявил товарищам, что, если бы я не был «*командирован*» в Саратовскую губернию, то Борисоглебского уезда я бы сам не оставил. Там есть большие села (как Рассказово, напр.), там много сектантов, особенно молокан, там можно и следует работать: по внешности будто—тишь и гладь, но на самом деле там—под пеплом тлеют огоньки.

Мое предложение было принято сочувственно. И с весны 1878 г. стало устраиваться в Тамбовской губ. землевольческое поселение. Сделаем, как и прежде, учет этим силам. Там поселились из землевольцев «основного» кружка: 1) *Тищенко*, 2) *Хотинский*, 3) *Новицкий*, 4) *Харизоменов* (последние два из *саратовского* поселения), 5) *Гартман*, 6) *Николаев* (тоже из *саратовского* поселения), 7) *Мощенко*, 8) *Аптекман*, 9) *Э. К. Пекарский*, 10) *Харизоменова* и *Новицкая*—11-я. Что следует из этого учета? *Новое* тамбовское поселение опять таки *исключительно* составлено из членов *«основного* кружка» «З. и В.», построено в *ущерб* саратовского (откуда ушло *четверо*), что, оно наконец обновилось лишь *одним* представителем из молодежи—*Э. Пекарским* [1]).

Но была еще подмога со стороны *местной* народнической интеллигенции: там давно уже работал опытный пропагандист Н. П. Архангельский, там были рассеяны по губернии народники-учителя земских школ [2]).

Но «З. и В.» не ограничилась одним только тамбовским поселением. Несмотря на то, что в то время (весною 1877 г.) уже резко обозначился *поворот*, так сказать, *фронта* в работе представителей революционного движения и в их *настроении*, в общем,—землевольцы, как я уже говорил, настойчиво продолжали проводить в жизнь свою программу. *А. Д. Михайлов* составлял план организационной деятельности среди сектантов Поволжья; *М. Р. Попов*, *Квятковский*, *М. Н. Ошанина* и *Ширяев* решили построить поселение в *Воронежской* губ. Общество «З. и В.» сочувственно отнеслось к этому решению, и весною 1878 г. образовалась в Петербурге такая группа. В нее, в эту группу, в качестве пионеров, вошли: *Попов*, *Квятковский*, *М. Н. Ошанина*, ее сестра *Н. Н. Оловенникова*, *Геронимус* и др. Первым и отправились, в конце мая, в Новохоперский уезд, на земскую службу, в качестве фельдшера Н. Оловенникова и Геронимус. Вслед за ними предполагали отправиться М. Р. Попов, Квятковский и Ошанина. Последняя должна была поселиться

---

[1]) Я, впрочем, не уверен, перебрался ли из Саратовской губ. в Тамбовскую О. Николаев. Теперь понятно, почему Преображенский в Саратове восстановил «центр» местный: туда перебралась (в Вольске и Петровский те же) группа В. Н. Фигнер. *А.*

[2]) О Н. П. Архангельском см. мою книжку, стр. 106—107. *А.*

в *самом Воронеже* и организовать «центр» для поселения. Выбор весьма удачный: М. Н. Ошанина сумела бы завязать необходимые отношения в тамошнем культурном обществе и среди местной молодой интеллигенции. Попов же и Квятковский намерены были сначала, в качестве торговцев крестьянскими товарами, объехать Воронежскую губ., с целью подыскать более подходящие места для построения поселения. К сожалению, дело оттягивалось, в виду предполагавшегося освобождения Мышкина, и все трое—Ошанина, Квятковский и Попов—вместо Воронежа, отправились в Харьков. Не вдаваясь в подробности, скажу, что только летом 1878 г. Попов и Квятковский осуществили свой план: они ездили с товаром по ярмаркам, расспрашивали, знакомились, — словом, основательно зондировали почву и нащупали таки счастливо такое место, которое показалось им вполне подходящим для революционного поселения— locus minoris restiteniae (место слабейшего сопротивления),— как говорят медики. Попов и Квятковский едут поспешно в Воронеж, чтобы в облюбованное ими место вызвать наличный состав лиц, желавших поселиться в Воронежской губ. Но тут-то, в Воронеже, на них обрушилось большое несчастье: из Питера от А. Д. Михайлова получилось письмо, что центр организации «З. и В.» разгромлен, и что он, Михайлов, остался без средств и людей. Надо было ехать в Петербург обоим. Было решено, что *первым* поедет Попов, Квятковский пока что поедет на выбранное ими место, чтобы там все уладить. Попов же из Питера ему напишет,—ехать ли ему, Квятковскому, в Петербург или ожидать его в Воронеже [1]). Попов, очевидно, питал еще смутную

---

[1]) *М. Р.* Попов. Из моего революционного прошлого (очерк второй). «Былое», Июль 1907 г. *А.*

Я не могу здесь попутно не отметить то совершенно неверное объяснение, которое покойный Г. В. Плеханов дает «распаду» воронежского поселения. Он говорит:—«Я не могу припомнить теперь, по какой именно причине они (т.-е. наши воронежские деревенщики» Попов, Квятковский и др. *А.)* так скоро покинули облюбованное им место; но думаю, что причина эта была в значительной степени *субъективного свойства* (курсив Плеханова. *А.)*: в числе основателей воронежского поселения находилось несколько членов бывшего кружка так-называемых *централистов*, т.-е. *последователей П. Н. Ткачева* (Курсив Плеханова. *А.)*. Люди этого направления могли быть очень способными, энергичными и деятельными на поприще террора,—

надежду, что, может быть, так удачно начатое дело не заглохнет, но—опять таки увы!—воронежское поселение так и не было построено. Труды пропали даром, на землевольцев стала надвигаться неминуемая гибель, — гибель, если не *самого* народничества, то вытекавшей из него революционной работы в деревне. И в самом деле. На огромном пространстве двух соседних губерний — Тамбовской и Саратовской—только *два* революционных поселения: к р о ш е ч н о е — группы В. Н. Фигнер в *Поволжье* и чуть *количественно* побольше, землевольческое *тамбовское* поселение. (О *первом*, *старо*-саратовском поселении я не упоминаю, ибо оно в счет не может итти: вследствие переселения *оттуда* в Тамбовскую губ. четырех членов, старо-саратовское совер-

---

и такими в самом деле оказались некоторые члены Воронежского съезда, напр., покойная М. Н. Полонская (Ошанина, А.), но для работы в *крестьянской* среде (курсив Плеханова. *А.)* они годились очень мало уж по одному тому, что она плохо вязалась с их образом мысли. Они примкнули к воронежскому поселению за неимением более подходящей для них деятельности; а когда такая деятельность явилась вместе с началом *террористической* борьбы (курсив Плеханова. *А.)*, тогда они уже не могли усидеть в деревне и покинули ее при первом удобном случае». Совершенно неверно. Полонская-Ошанина предназначалась не в «деревню», а в *город*, как «центр» для поселения. Это—во-первых. *Главные деревенские* организаторы—Попов и Квятковский—*вызваны были экстренно* в Петербург Михайловым,—как, скажу мимоходом,—сам Михайлов был экстренно же вызван в Петербург Плехановым из Ростова на-Дону. Плеханов был в Петербурге, каждый день видался с Михайловым и не мог не знать «по какой именно причине они так скоро покинули облюбованное ими место». Да, ведь, они «*не покинули*», а их *вытребовал* «центр»; по этой же причине сам Плеханов с Михайловым должны были оставить «движение казаков на Дону», где все у них было уж мало-мальски налажено. Причина была важная—разгром петербургского «центра». Михайлов требовал приезда Попова и Квятковского, так как он, Михайлов, *остался без средств и людей*. Конечно, с отъездом *главных* основателей и работников поселения остальным членам поселения нечего было делать в деревне. При чем же тут «террористическая» борьба, подчеркиваемая Плехановым, при чем тут «последователи П. Н. Ткачева»? Странно: как это Плеханов забыл такую причину, которую никак нельзя было забыть, ибо она вызвала панику в наших рядах, панику и печаль? (См. предисловие к переводу Туна, изд. Рутенберг, 1906 г., стр. 25—26. Помечено мартом 1903 г. Вообще в этом Предисловии много недосмотров и неточностей, невзначай допущенных самим Плехановым в разгар полемики его с Э. А. Серебряковым). *А.*

*

шенно опустело; если там остался кое-кто, то самое большее— *три* человека [1]).

Таково было положение дел в 1878 г. Можно без преувеличения сказать, что этот год был *последним* годом существования землевольческих (народнических вообще) поселений. Они еще жили, эти поселения, но ангел смерти уже витал над ними. Тяжелое то было время для деревенщиков. Они ясно сознавали, что их ничтожная горсточка, которая с каждым днем, можно сказать, все больше и больше тает, что близится момент, когда эта горсточка совершенно исчезнет с поверхности, если не земли, то деревни...

Новые силы в деревню не приливают, тяга молодежи в деревню с каждым днем все ослабевает, а «неприкосновенный фонд общества «З. и В.»—«деревенщина»—все более и более растрачивается...

Банкротство надвигается неминуемо—боже упаси, если это уж *идейное* банкротство!...А, между тем, работа в деревне в *тот момент* представлялась особенно необходимой.

То была работа *подготовительно*-революционная по преимуществу, а не *агитационно-организационная*, как этого *требовала* программа, выработанная a priori головным способом, а не на основании опыта, почерпнутого из «хода вещей» в деревне.

Но эти последние два года работы в деревне, хотя и с значительными перебоями, убедили деревенщиков, что их работа, пока—работа *подготовительная*, требующая наличия *большого* числа работников, во-первых, и *продолжительное* время—во-вторых. *Большое* количество рабочих требовалось самыми свойствами работы: медленно, постепенно, капля по капле выдалбливать щели и трещины в инертной еще тогда, в целом, массе крестьянства. Через эти щели и трещины то и дело должны были проникать вглубь революционная мысль, чувство и воля. И вместе с объективным процессом истории «надеялись создавать, таким

---

[1]) Об *одиночках*, рассеянных, может быть, кое-где в названных двух губерниях, я не говорю потому, что они, эти одиночки, работавшие на свой страх и риск, но не связанные ни с какой организацией, *революционного* значения не могли иметь,—в том смысле, конечно, как это понималось революционным народничеством—создать в деревне боевую, импонирующую народу силу и воспитывающую в массе активный протест. *А.*

образом, в народе атмосферу *беспокойства, тревоги* и *недовольства.* И деревенщики, надо им справедливость отдать, в значительной мере успели в *этом* именно направлении. Это признано, так сказать, официально представителями разных общественных учреждений, имевшими, по тому или другому поводу, деловые отношения с деревенщиками: если все деревенщики таковы, они-де в короткое время завоюют деревню [1]). Это—факт.

Деревенщики сознавали значение своей работы, они отнюдь не предавались насчет своей работы каким-либо иллюзиям. И, сознавая свое значение в деревне, они тем более глубоко страдали. Страдали от того, во-первых, что события в народе двигаются слишком медленным темпом: *сознание своей силы недостаточно в народе, революционное настроение медленно назревает;* страдают деревенщики, во-вторых, от того, что убыль в их рядах, по разным причинами, непрерывно продолжается, что, наконец, в-третьих, эта убыль не возмещается притоком новых сил извне. Будь в деревне иное настроение—*активное,* то куда бы ни шло, можно было бы ограничиться и *сравнительно небольшим числом работающих в деревне:* во время возбуждения народной массы один-другой десяток энергичных, решительных, хорошо сплоченных деревенщиков был бы совершенно достаточен, как *фермент* восстания. Но сейчас в деревне не такое настроение умов, а потому эта непрекращающаяся убыль деревенщиков—смерти подобна. А убыль эта производилась совместным действием многих причин: то деревенщиков отвлекала то и дело из деревни все нараставшая и нараставшая *непосредственная* борьба с правительством в центре, неизбежные нередко, благодаря этому, аресты в деревне, так сказать, рикошетом; наконец, заметное чувство утомления работой в деревне и горькое сознание, что один в поле не воин. *Горькое чувство обиды, скорби, граничащее с отчаянием за дорогое дело; тяжелое чувство непримиримого озлобления против существующей власти, не только угнетающей массу материально, но обезличившей, обезволившей эту массу—морально; страх потерять последнюю опору в работе, единственную базу операционную,*—все это, в общей

[1]) См. мою книжку, стр. 173. *А.*

совокупности, породило в деревенщиках *настроение посчитаться с этим правительством во что бы то ни стало.*

Это последнее не высказывалось открыто, но оно всеми сознавалось, все глубоко переживали это и вдвойне страдали: «две души» боролись в деревенщиках: одна, по глубоким убеждениям их, властно удерживала их в деревне, хотя работа шла там толчками лишь, с перебоями и при постоянном уроне сил, другая немолчно толкала в город—на *непосредственные* схватки с правительством. И деревенщики незаметно для себя заражались мало-по-малу терроризмом, террористическим *настроением.* То была подлинная драма, скрытая в тайниках души...Пишущий эти строки как раз жил в ту пору, передумал и пережил эту драму. Много интересного мог бы он рассказать о той поре, о деревенщиках, но здесь это не у места. Скажу лишь, что после разгрома Петербургского центра деревенщиков сплошь охватило чувство *мести* к правительству, в сочетании с другим, не менее властным, чувством—чувством *страха.*—«Еще один удар, Осип, и от нас ничего не останется!»—с отчаянием говорил Хотинский, две недели спустя после погрома нашего «центра» в Петербурге.

— Что же делать?

— *От обороны перейти к нападению!* Это—*единственно* возможный исход для нас...Логика действительности сильнее нас: хотим или не хотим, а поневоле приходится бороться с правительством... Либо оно, либо мы...

— Чего добьемся этой борьбой?..Где же такой кучке справиться с таким колоссом?!...

— Колосс, говоришь? а вот уж скоро десять лет, а никак он не справится с нами...

— Напуган он, твой колосс!...Работаем мы, Осип, на буржуазию!.. Ирония истории...

— Как-так?...

— Не выдержать правительству, хотя нас кучка!...Хорошенько прижать его—и оно поступится своей властью... даст конституцию... а это-то и нужно прежде всего нашим Деруновым... Сегодня они—Деруновы, а завтра—Ротшильды и Мендельсоны... *Вот на кого работаем!...*

Я посмотрел на моего товарища по «З. и В.» и на друга моего детства. Как он изменился! В последний раз он был у меня

в последних числах августа, после убийства Мезенцева. Он мне передал многие чрезвычайно интересные подробности подготовления этого акта, особенно много о самом Кравчинском. Но об этом в другой раз. А сейчас арест наших товарищей по «центру» перевернул и Хотинского. Он тяжело страдал. И скажу: не один он; я многих видел—все были убиты. А люди эти были отнюдь не сантиментальные. Но провал «центра» внезапно предстал перед деревенщиками—как memento mori: еще *один* удар такой, и обществу «З. и В.»—смерть... Не надо было быть особенно проницательным, чтобы прочитать в сердцах деревенщиков одно властное, неотвязчивое чувство—*месть* правительству, месть за все—за невознаградимые потери Общества, за гнет и насилие, за бесправие и тиранию...

Пускай же мщение святое
Твоею владеет душой,
Пока насилие тупое
Царит над Русскою землей!..

Это чувство становится господствующим: не обороняться только, а *нападать*,—нападать, чтобы избегнуть гибели, крушения Общества «З.и В.», разгрома всей революционной партии... *Месть* и *страх* собственной гибели явились доминирующими мотивами, чем и объясняется не только оправдание террора, но и деятельное в нем участие многих *правоверных* народников, как А. Д. Михайлов, Квятковский и др.

И весною 1879 г. это направление в Обществе «З. и В.» вполне определилось в Петербурге, в его штабе, дирижирующем «центре» [1]).

Но настроение и *живших тогда в деревне* землевольцев было *такое* же. Многие, по темпераменту своему, не будучи сами способны к террористической борьбе, однако, вполне сочувствовали ей, этой борьбе.

Они еще жили в деревне пока что, но настолько от нее устали, что готовились уже совсем оставить ее (Тищенко, Хотинский, Николаев и Аптекман). Пишущий эти строки обрадовался всей душой, когда весною 1879 г. «центр» вызвал его чуть ли не

---

[1]) Подробно об этом я рассказываю в моей книжке, глава VIII, стр. 176 и следующие.

экстренно в Питер. Тяжесть свалилась с плеч. Такой уравновешенный человек, как Харизоменов, волновался, передавая пишущему эти строки свои впечатления о тамбовской деревне. Он был волостным писарем в одной из крупных волостей Тамбовского уезда. Он горько жаловался на то, что крестьяне Тамбовской губ. куда ниже саратовцев («Тамбовцы, изволите ли видеть, на волостном суде своем постановляют, чтобы парни секли девок за разные провинности!...»). Харизоменов был удручен, мрачно глядел на ближайшее будущее и, вообще, глядел уж волком...собираясь уже, очевидно, до «лясу»...Но куда?—вот вопрос! Тамбовское поселение еще жило, но дышало уже на ладан... *Внутренно* оно уже распалось, и толчок, данный этому распаду *извне—местная* администрация потребовала вдруг от всех *волостных* писарей уезда паспорта для проверки,—был лишь заключительным актом уже *самопроизвольно* обозначавшегося развала поселения.

Этот разговор имел место вскоре после 2 апреля (выстрела Соловьева). А к Воронежскому съезду осталось в деревне лишь *три* землевольца: *Харизоменов*, *Мощенко* и *Хотинский*—все из «центра» и *один Новицкий* с женой из бывшей саратовской колонии. Скажу уж кстати об участи саратовского поселения, построенного группой В. Н. Фигнер. Весною 1879 г. оттуда уехал Соловьев, вскоре один за другим оставили деревню и остальные члены поселения. В. Н. с сестрой позже всех оставили деревню, но уже в конце мая (или в начале июня) и Вера Николаевна и Евгения Николаевна, и Ю. Богданович, *все*, стало быть,—были уже в Тамбове в ожидании Воронежского съезда. И вот одно из *последних* народнических поселений тоже опустело. Подведя итог, можно сказать, что опыт построения народнических поселений в деревне в 1878 г. оказался *последним* опытом народников. К осени 1879 г. не осталось уж нигде ни одного поселения, а перед этим именно произошел раскол Общества «З. и В.». Умерла «З. и В.», а с ней, как бы догоняя ее смерть, умерли *все* народнические поселения. «З. и В.» завершила полный цикл своего естественного развития.

О Воронежском съезде я здесь говорить не буду. Я подробно изложил фактическую сторону еще под свежим впечатлением в моей книжке, в главе VIII. Я ничего к написанному

мною раньше прибавить сейчас не имею. Я хочу здесь подчеркнуть лишь одно обстоятельство, а именно: благоприятный для террористов-товарищей вотум по всем кардинальным вопросам терроризма до цареубийства включительно и права редакции «З. и В.» проводить *политический* взгляд в органе,—вотум этот, говорю я, диктовался повелительно тогдашним террористическим *настроением* громадного большинства съезда, т.-е. *террористическим настроением и деревенщины*. Это факт, и очень примечательный. Деревенщики не играли в дипломатию: они были убеждены, что никаких существенных разногласий—ни принципиальных, ни тактических—не было между товарищами-землевольцами в целом. Наоборот. Они, т.-е. деревенщики, видели в борьбе с *правительством*, в самых разнообразных ее формах, лишь удобный повод для продолжения работы в деревне: одни пусть тревожат правительство *сверху*, а другие (т.-е. деревенщики)—*снизу*. Надо попытаться использовать каждый крупный террористический акт, особенно же цареубийство,—как момент для *агитации* в деревне, как повод пробудить в народе *политическое* сознание, ослабить его веру в мифического царя, вдохнуть в него уверенность в том, что есть *другая* сила, которая постоит за него, защитит его от гнета и всякого насилия. Если—рассуждали деревенщики—*деревенский* террор (*аграрный* в частности) желательно проводить в массе, то, тем более, важны такие факты *городского* террора, как цареубийство и убийство высших правительственных чиновников. Нельзя же, в самом деле, поставить на одну доску убийство какого-нибудь урядника, станового, волостного старшину, деревенского кулака-мироеда и помещика-«аспида» и т. д., и т. д. с убийством царя и сановника!? Я говорю это не зря: я по этому поводу имел продолжительные разговоры со всеми моими товарищами-деревенщиками, и все они сочувственно относились к террору. Мало того. И товарищи-террористы по «З. и В.» тоже отнюдь не играли в дипломатию. Коробила лишь деревенщиков слишком резкая порою формулировка террористической тактики со стороны ее сторонников. И это порождало недоразумения и всяческие трения. А. Д. Михайлов и Н. А. Морозов в этом отношении доходили до крайностей. Теперь не время-де для программных вопросов,—аргументировал А. Д. Михайлов,—нужно *мстить*, прежде всего,

правительству за наших товарищей, надо *бить* это правительство, чтобы лишить его возможности раздавить партию. Еще весною 1878 г., когда А. Д. Михайлов явился в Питер из Саратовской губ. с широким планом организации раскола, и когда пред ним вдруг раскрылась вся немощь общества «З. и В.», он круто повернул, со свойственной ему прямолинейностью, фронт. Он заявил Г. В. Плеханову и другим, что, пока не удастся построить сильную революционную партию, о работе в деревне нечего думать. Плеханов в своих «воспоминаниях о А. Д. Михайлове» при этом лаконически замечает: «и с этим тогда нельзя было не согласиться». Н. А. Морозов в своей крайней апологии террора как будто и среди террористов стоял особо. Одним словом, Воронежский съезд не был только компромиссом, а искренним желанием обеих сторон не разбрестись врозь, когда именно требуется наибольшее сосредоточение и единение сил. А реорганизованное на Воронежском съезде общество «З. и В.» имело в своих рядах всего-навсего тридцать три человека! И эти силы еще дробить!...

Но вот уже спустя два месяца Общество все-таки раскололось.

Ни тогда, ни сейчас, 43 года спустя, я не могу себе с достаточной ясностью выяснить ближайшие мотивы этого отнюдь не неизбежного раскола. Меня тогда, во время раскола, в Петербурге не было. *Подробностей* я не знаю, а без них и разобраться-то нелегко. Кто собственно обострил отношения—террористы ли (и кто именно), или деревенщики (и опять таки: кто именно), мне не удалось и тогда установить, а сейчас это тем более трудно.

На Воронежском съезде, казалось, приняты были все меры к устранению трений в *редакторской* группе, где именно *впервые* эти трения приняли слишком острый характер. Что же собственно *такое* случилось за эти два месяца вакационного затишья, чтобы вдруг вызвать решительный разрыв? Жаль, что этот важный момент в истории общества «З. и В.» до сих пор остается недостаточно *объективно* освещенными. Раскололась маленькая организация на две крошечные самостоятельные ячейки, исповедуя, в существенном, *одну* и *ту же* идеологию—*социалистическое народничество*, имея *один* и *тот* же девиз—«Земля и Воля» (по крайней мере, в *первое* время после раскола)!...Непостижимо.

От этого раскола пострадала, прежде всего, группка народников — будущие чернопередельцы. О них сейчас несколько слов.

VI.

42 года тому назад, в середине, приблизительно, лета 1878 г. тяжко заболело общество «Земля и Воля». Оно стало хиреть от неизлечимого, медленно подтачивающего его недуга. В августе же 1879 г. почило вечным сном, оставив после себя наследницу— группу «Черного Передела», бывших землевольцев в числе 21 человека. Но не все они вошли в группу «Черного Передела». Туда вошли из *старых* землевольцев: 1) *Г. В. Плеханов*, 2) *Попов*, 3) *Ю. Преображенский*, 4) *О. Николаев*, 5) *Н. Короткевич*, 6) *М. Крылова*, 7) *В. Игнатов*, 8) *Л. Гартман*, 9) *Аптекман*. Из *новых*, принятых на Воронежском съезде, землевольцев вошли: 10) *Стефанович*, 11) *Дейч*, 12) *Аксельрод* и 13) *В. Засулич*. Остальные восемь землевольцев не вошли в группу: *Н. Мощенко* и *Д. Клеменц* сидели под замком: первый в доме предварительного заключения в Петербурге, второй—в Петропавловской крепости. *Хотинский* и *Кравчинский* были уже за границей, за ними вскоре последовал и *Тищенко*. *Н. Сергеев* и *Харизоменов* не пристали к «Черному Переделу», а *Мельгунов* давно уж «пропал без вести». *Вновь* кооптированы следующие лица: 1) *Козлов*, 2) *Е. Козлова*, 3) *Е. Н. Ковальская*, 4) *Е. Шевырева*, 5) *Н. П. Щедрин*, 6) *Переплетчиков*, 7) *П. В. Приходько-Тесленко* и 8) *А. Жарков* (наборщик—предатель) и, наконец, 9) *И. П. Пьянков*. Всего в группе «Черного Передела» 22 человека.

Впрочем, Л. Гартман скоро улетел из этого гнезда. Подготовляя в Москве подкоп, народовольцы, нуждаясь в рабочих силах, обратились к чернопередельцам, чтобы они отпустили к ним кого-либо из их товарищей. Вызвался Гартман. После взрыва 19 ноября 1879 г. под Москвою, Гартман вскоре эмигрировал. Заграницей Гартман уже является представителем партии «Народной Воли», которая открыто обращается к нему, уполномочивая его на те или другие действия. Скажу уж кстати, что Л. Тихомиров не раз пытался перетянуть меня в свою фракцию, но всегда получал один и тот же ответ: «Если товарищи

отпустят—пойду!». Конечно, он звал меня не для террористической работы, хотя он и не говорил—для какой именно работы, но это само собою, что не для террора. Я не помню, передавал ли это я товарищам, но они во всяком случае не отпустили бы меня. Заговорил я об этом, чтобы показать, какие вообще хорошие отношения установились между народовольцами и чернопередельцами, а у меня *лично* со всеми старыми товарищами по «З. и В.», вошедшими в «Народную Волю», неизменно сохранились старые симпатии. Л. Тихомиров, по тому или другому поводу, частенько приходил на конспиративную чернопередельческую квартиру. Не забывала чернопередельцев и С. Перовская, она все ждала, не построят ли чернопередельцы какого-либо поселения в деревне, куда она рвалась всей душой. Не дождалась, так как у чернопередельцев ничего в деревне не было построено, хотя у них были большие надежды на такого строителя, как Стефанович, слава которого не поблекла еще тогда. Не дождалась С. Перовская никакой работы в деревне и навсегда и окончательно ушла к народовольцам.—Наследство, полученное группою «Черного Передела» от общества «З. и В.», нельзя назвать большим: *пять №№ органа «З. и В.»*, как *завет* Общества, и *ни одного деревенского, революционно-народнического поселения.* С деревней порваны всякие связи. Надо строить опять по-новому. Это—завет «Земли и Воли». Сунулись было опять в Чигиринский уезд, так туда и подступиться нельзя было: военное положение создало в Чигирине такую обстановку, при которой нельзя было и думать о каком-либо революционном начинании там. Стефанович, следивший за рекогносцировкой Чигирина, вернулся в Петербург ни с чем и коротал дни свои в беседах со мною и другими товарищами. Он явно томился и в тяжелые минуты особенно ревностно сосал свою капсюльку, наполненную цианистым калием.

Про него сложилась целая легенда в революционной среде: фотографическая карточка его имеется-де на всех железнодорожных станциях, чуть ли не даже награда большая назначена за его поимку, и т. д., и т. д.

Стефанович решил живым не отдаться, а потому держит во рту наготове смертоносную капсюльку. Он жил особо, где-то на Кабинетской ул., кажется. Большая, обитая темными обоями

комната, дешевые ковры на полу; хозяйка—старая чиновница, молчаливая, словно дала зарок не говорить. Тишина поразительная. Что-то карбонарское, заговорщическое во всей обстановке.

Я часто бывал у него и долго длились наши беседы tête á tête. Мало говорит Стефанович, но хорошо слушает. Это придает ему вес, значение. Ко мне он относился очень симпатично, нередко загадочно улыбался, слушая меня.

Ну, а я, как и все, создал из него идола: «организатор народный!».

Но удивительно, что тогда ни я, ни товарищи мои, как Плеханов и М. Р. Попов, ни С. Перовская, с которой, во время редких ее посещений приходилось говорить и о Стефановиче,— не поставили даже такого простого вопроса: почему это у Стефановича так опустились руки? Почему он, такой выдающийся несомненно народный организатор, не *пытается* даже приложить свои силы в другом месте? Разве свет клином сошелся на Чигирине? Эти вопросы, казалось бы, были так естественны, а мы их и не подымали—просто не пришли в голову. А, между тем, на юге и юго-западе (в Волынской, Полтавской, Киевской, Черниговской, Екатеринославской и проч. губ.) было положительно неблагополучно. Помню, я получил корреспонденцию из Мглинского уезда. Прочел ее Стефановичу, жду его мнения, а он загадочно молчит. Чорт возьми! ни дать, ни взять—Вильгельм Оранский!..А в корреспонденции уж много такого горючего...Я нетерпеливо тормошу Стефановича, а он флегматически, ловко в это время маневрируя языком, чтобы перебросить капсюльку в другую часть полости рта, цедит: «Переборщил хлопчик!..из мухи слона делает».... А вот теперь, повторяю опять, из дел III отделения я вижу, что в то время,—по крайней мере в 78 г. еще,—на юге, в Полтавщине, напр., отголоски «царской грамоты», «царского комиссара» были очень еще живы и встревожили губернские власти зело. Почему же не пришло Стефановичу и всем нам в голову воспользоваться хотя бы и недостоверными слухами, получаемыми нами от наших корреспондентов, и попытаться построить на *новом* месте *новую* организацию на *строго-революционных* началах, как этого требовало социалистическое народничество, а, стало быть, *и* программа «*Черного Передела*»?

А этой нашей тогдашней резиньяцией—иначе я не могу охарактеризовать тогдашнее настроение чернопередельцев, с Стефановичем в главе—мы только подрезали тот народнический сук, на котором землевольцы-народники и их естественные наследники—«чернопередельцы - федералисты»—сидели до сих пор. Деревня ушла от «Черного Передела» и, повидимому, бесповоротно и надолго. Что же теперь? Что же чернопередельцы-народники значили без работы в деревне? Какое значение могла иметь наша пропаганда революционно-народнических идей среди интеллигенции и рабочих, когда прошлая наша деятельность в деревне оказалась *мало-результатной*, чтобы не сказать больше, а *настоящая*—находится только in spe? То были мучительные вопросы, истерзавшие всех чернопередельцев, в том числе и меня.

Я ухватился за «Черный Передел», как утопающий за соломенку. Хоть что-нибудь спасти из прошлого *революционного* народничества! Я тогда еще был настолько слеп, что не видел, что *революционное народничество* изжило уже самого себя, что оно—уже ueberwundener Standpunkt...Я не мог знать, что оно возродится, как *легальное* народничество, и внесет свою лепту в историю мирного культурного развития родины.

Одно только было ясно: пропаганда революционного народничества среди интеллигенции была еще менее успешна, чем во время землевольчества. *Тогда* молодежь *выжидала* результатов работы в деревне самих землевольцев и воздерживалась от *активного* пока участия, а теперь, не видя никакой работы в деревне, она просто не шла к чернопередельцам. А чернопередельцы, в лице Плеханова, Аптекмана, Николаева, Преображенского, Попова и Щедрина, ведших, до выхода еще газеты «Черный Передел», энергичную пропаганду среди молодежи, убедились вскоре, что молодежь отходит от них все больше и больше. Пристали лишь небольшие группки поддерживавших *единственное* практическое начинание чернопередельцев—издание органа «Черный Передел». Эти небольшие ячейки были убежденные народники-социалисты, всеми силами старавшиеся раздувать едва-едва тлеющие огоньки жизни в умирающем уже революционном народничестве.

Наиболее же боевые, темпераментные элементы ушли целиком в народовольчество. А *масса* молодой интеллигенции пере-

довой, вполне разделяя народнические идеалы как чернопередельцев, так и народовольцев—она не усмотрела у обеих фракций никакого *принципиального* различия—вырабатывала, между тем, основоначала будущего «*третьего элемента*» земских и общественных, вообще, учреждений,—элементы народившегося уже, но *еще* неоформившегося *легального* народничества. При такой позиции молодой интеллигенции к «Черному Переделу», последний eo ipso был осужден на фактическое бессилие. И оно так и было. И в Петербурге, и в Москве, и в Харькове и проч., где пытались работать чернопередельцы—везде одно и то же: безуспешность работы. На глазах чернопередельцев в провинции, образовавшиеся было уже ячейки чернопередельческого направления оставляют вдруг свои позиции и переходят к народовольцам. М. Р. Попов, один из столпов «Черного Передела, переходит в Киеве целиком к народовольцам—*фактически*, как работник, проводящий тактическую линию народовольцев, *формально*, вступая с народовольцами в определенные *федеративные* отношения. Мало того. Он подымает вопрос о *полном* слиянии обеих фракций,—народовольческой и чернопередельческой, убедившись, наконец, что это разделение послужило лишь во вред «передельцам». Неожиданный арест его и разгром всего его кружка приостановили дальнейшие его попытки в этом направлении. Отъезд за границу *Г. В. Плеханова, Стефановича, Дейча* и *В. Засулич фактически* ликвидировали группу «Черного Передела». Они уехали по единогласному постановлению Совета, который предвидел уж тогда, что ликвидация неминуемо и естественно надвигается, что, по крайней мере, надо спасти названных товарищей от бесплодной гибели их от рук правительства.

Прибытие из-за границы П. Б. Аксельрода, хотя на первых порах оживило несколько «Черный Передел», но только *оживило: существенной* перемены не произошло. «Черный Передел» не воскрес. Зародившееся в 1880 г. *новое* Общество «Земля и Воля», в значительной мере обязано этим П. Аксельроду. Оно, если не дело рук его, то—головы его. Общество это выпустило свою программу, одобренную эмигрантами-чернопередельцами, т.-е. группой Г. В. Плеханова, Стефановича, Дейча и проч. Отметим характерные черты этой программы. Прежде всего, политические требования признаются в ней самым категорическим образом.

В программе, между прочим, сказано: «В виду того, что всякая форма государственной организации, основанной на различии классов, является воплощением и поддержкой интересов эксплоатирующего меньшинства (в оригинале сказано: «эксплоатируемого»,—очевидно—опечатка. *А.*), что современное российское государство является самым беззастенчивым и самым грубым выразителем этой тенденции, *общество «Земля и Воля» признает необходимость непосредственной борьбы с его представителями, т.-е. так называемого террора политического»* [1]).

Мало того. Общество «Земля и Воля» предвидит даже возможность конституционного движения в России и не только не чурается его, а прямо зовет итти навстречу ему. Оно говорит: «В виду возможности конституционного движения в России, общество считает необходимым воспользоваться естественным в такой момент возбуждением умов, *чтобы ослабить веру народа в значение мирных легальных реформ.* Например, *во время избирательной агитации оно может выставить даже своих кандидатов с социально-революционной программой. Отношение к такой программе громадного парламентского большинства послужило бы одной из иллюстраций того положения, что народу остается надеяться лишь на революцию».*

Перед нами, таким образом, программа по существу своему, *за вычетом якобинизма*, мало отличающаяся от программы «Народной Воли». И тут и там *социально*-революционная основа, и тут и там ставится точка на «и», т.-е. выдвигается *политический* террор, *политическая* борьба. Мы ничего не знаем о дальнейшей судьбе этой народнической организации, этого *нового* Общества «Земля и Воля»—как долго оно просуществовало и *что* оно успело сделать [2]).

---

[1]) Курсив мой. *А.*

[2]) По поводу *нового* общества «Земля и Воля», общества, так сказать, *аксельродовского* направления, у меня за границей завязалась переписка (в 1907—08 г.г.). Аксельрод подробно знакомит меня с целью и ближайшими заданиями этого Общества и его отношениями к группе «Черного Передела», т.-е. собственно к редакции газеты «Черный Передел» (Последняя, т.-е. газета «Ч. П.», является лишь литературным органом Общества, выразителем его воззрений и тактики; во всей же своей практической деятельности во всех делах своих, Общество сохраняет полную свою автономность. Как численно было велико это Общество, что оно успело осуществить в то время,

Мы отметили ее существование лишь для того, чтобы показать, какой огромный успех, в смысле выяснения *политического* сознания, сделали вскоре даже народники,—люди, по основному своему воззрению, столь отрицательно относившиеся до сих пор к «политике».

Раз начавшаяся работа мысли в этом направлении продолжалась безостановочно. Скажу уж попутно, что уже в 1883 г. заграницей возникла из бывших членов группы «Черного Передела» *новая* группа «Освобождение Труда», поставившая себе целью пропаганду социально-демократических идей. Основателями были: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов.

Группа обнародовала свою программу. В высокой степени примечателен следующий пункт: «... Группа «Освобождение Труда» задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению. Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, группа «Освобождение Труда» *в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства* (курсив мой. *А.*) и расходится с партией «Народной Воли» лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о *задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса*». (Курсив последних строк авторов программы. *А.*)

Это признание со стороны бывших чернопередельцев, а особенно со стороны Г. В. Плеханова, самого ярого и последователь-

---

после разгрома всей почти группы «Черного Передела», преемником которой оно, это Общество, явилось,—П. Б. Аксельрод ничего положительного насчет этого не говорит. Единственный вывод: *были большие планы, была хорошо обоснованная программа*, применительно уж к новой революционной ситуации. И только. К сожалению, письма Аксельрода остались заграницей, и я сейчас не могу ими воспользоваться, чтобы процитировать все, что касается этого Общества. Такое же впечатление, как и письма, производит обстоятельная статья Аксельрода в цюрихском социал-демократическом обозрении «Jahrbuch für Socialwissenschaft», в статье под заглавием: «Entwicklung der soc.-rev. Bewegung in Russland». Аксельрод приводит, между прочим, и программу этого Общества и представляет все в таком виде, что получается впечатление *чего-то большого, серьезного*, но *фактов*, подтверждающих это, к сожалению, *не дает*. *А.*

ного противника политического террора, в высокой степени знаменательно. Это подтверждает косвенно мое утверждение, что народники («деревенщики») *психологически* были *так же* настроены, как и *террористы*-землевольцы.

Этот решительный сдвиг в сторону политической борьбы главарей «Черного Передела» и редакторов газеты «Черный Передел» выявился еще раньше, в течение уже 1880—81 годов,—что особенно легко проследить по газете «Черный Передел» за это время.

Но, прежде всего, несколько слов об организации *редакции* «Черного Передела».

В редакцию «Черного Передела», согласно ее декларации, о которой мы выше говорили, вошли: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Я. В. Стефанович и Л. Г. Дейч.

Аксельрода ждали со дня на день из-за границы, а торопиться с выпуском первого номера было необходимо, в виду тогдашних бурных обстоятельств. Решено было поэтому привлечь Аптекмана в редакцию. И первый номер, в руководящих его статьях ,был составлен исключительно Плехановым и Аптекманом. Когда, наконец, П. Б. Аксельрод прибыл, первый номер был уже почти весь набран. Из чернопередельцев лично знал Аксельрода только Плеханов, еще с осени 1875 г. Вот что Плеханов передавал мне о П. Б. Аксельроде.

В 1875 г. Плеханов был студентом Горного Института и далеко стоял от тогдашних революционных кружков молодежи: наука, в особенности химия, всецело владела им. Вдруг к нему привели ночевать незнакомого—на несколько ночей только. Это был П. Б. Аксельрод. Познакомившись, разговорились. Плеханов рассказывал, что Аксельрод с первого же раза произвел на него глубокое впечатление своей беззаветной революционной преданностью, своим революционным подвижничеством. Аксельрод увлек его и перезнакомил с некоторыми революционерами и революционными кружками. А перед своим отъездом из Петербурга,—прибавлю я от себя уже,—Аксельрод повидался с Натансоном, строившим тогда организацию «Земля и Воля», и указал ему на Плеханова, как на весьма талантливого юношу, которого следовало бы привлечь к делу. Натансон так и поступил: 6 декабря 1876 г. мы видим уже Плеханова в рядах землевольцев на «Казанской демонстрации».

Из *старых* землевольцев, не приставших к «Черному Переделу», Аксельрода знала еще Перовская. Она рассказывала мне, как Аксельрод умело ведет пропаганду среди цюрихских рабочих. Все это, говорю, придавало особую ценность привлечению в наши ряды Аксельрода, и я более, чем кто-либо из чернопередельцев, с нетерпением ждал приезда Аксельрода, ибо на мне, помимо редакторских обязанностей, лежала масса административных забот и, между прочим, работа среди молодежи и интеллигенции. Помню хорошо первые дни приезда Аксельрода. Как оживились мы все! Сколько горячих было споров, пока не сговорились окончательно! Между нами Аксельрод был уник, мы его прозвали с первого же раза «западником»: он никак не мог переварить того, что назвал совершенно правильно «славянофильством» в нашей идеологии, ему было совершенно чуждо название «народники» и он, «упорствуя, волнуясь и спеша», настойчиво убеждал оставить совсем это название и назваться «социалистами-федералистами», ибо это последнее, горячо доказывал Аксельрод, ео ipso приобщит нас к Международному Обществу Рабочих». Мы уступили. Аксельрод энергично взялся за работу. Анархист—он не был, по моему, бакунистом, хотя сам он причислял себя к *бакунинскому* толку. От Бакунина отличали его некоторые принципиально существенные разногласия: Бакунин выдвигал на первый план *стихийность*, революционный *инстинкт* масс, на которых базировал свою программу и тактику [1]). Аксельрод, наоборот, в центр программы ставит *сознательность*, а потому он придает такое большое значение *пропаганде:* « ... Пропаганда может внести *новое содержание* в народные движения и обеспечит за ним великое историческое значение по *нравственным* и *умственным* результатам для дальнейшего направления мыслей и чувств

[1]) Из современных мыслителей, французский философ Бергсон является самым ярким представителем учения об *инстинкте*, как доминирующем, в противоположность *сознанию*, факторе в «творческой эволюции» («évolution créatrice») живой организованной природы. К слову сказать. Это учение Бергсона в настоящее время явилось философским обоснованием современного французского *анархо-синдикализма*. «Инстинкт» Бакунина возродился, таким образом, в настоящее время,—может быть, и без ведома самого Бергсона,—под знаком «Бергсонизма». *А.*

*

народа» [1]). Это—во-первых. Аксельрод хотя и анархист, но он анархист в западно-европейском смысле: он враждебен *«государственности»*, западному *«парламентаризму»*, но по отношению к России, в противоположность Бакунину и его последователям, он является настоящим западником: он считает политическую борьбу в России неизбежной, но ставит ее под контроль социализма, как верховного критерия революционной деятельности; он поэтому решительно против аполитического настроения народников-бунтарей (бакунистов тож), его не удовлетворяют даже такие лозунги, как «Земля и Воля» и «Черный Передел», формулирующие «исконные идеалы народа». И вот с такими идеями, казавшимися нам, правоверным народникам, черной ересью, прибыл к нам Аксельрод, и, как прирожденный пропагандист, он стал неутомимо проводить их в подготовляемых им статьях для «Черного Передела» и среди молодежи. Быстро организовал он кружок, собиравшийся у Решко, из студентов, студенток, морских офицеров. Я помню хорошо брата Л. Буланова, мичмана (?) Анатолия Буланова, студента 4 или 5 курса Медико-Хирургической Академии, М. С. Уварова (впоследствии крупного земского деятеля, в качестве санитарного врача, типичного представителя «третьего элемента»). Я, между делом, захаживал в этот кружок и лично не раз убеждался, каким неотразимым влиянием там пользовался П. Б. Аксельрод. И, после уже полного крушения основной группы «Черного Передела», оставшись один, он с большей еще энергией продолжал начатое дело. И, если за группою «Черного Передела» и газеты ее можно признать несомненную заслугу в том, что она окончательно, в процессе своего развития, очистила революционное народничество от пережитков аполитизма, то в большей мере это—результат неустанной и последовательной пропаганды Аксельрода. По его инициативе, как я уже выше упомянул, образовалось «Северно-Русское Общество Земли и Воли», в 1880 г., с программой «социалистов-федералистов» и центральным органом его «Черный Передел». Общество это продолжало еще работать в этом направлении, т.-е. в направлении идей «Черного Передела», и по отъезде

[1]) Из статьи П. Б. Аксельрода «Переходный момент», «Община» №№ 8 и 9, ноябрь и декабрь 1878 года. *А.*

Аксельрода за границу, оно выпустило еще *пятый* номер «Черного Передела»,—*последний* его номер (удивительное совпадение: и «Земля и Воля» завершила также пропаганду своих идей *пятым* только номером). Надо полагать, что *этим* только, по необходимости, ограничивалась революционно-народническая работа названного Общества, как и других группок и ячеек чернопередельцев *аксельродовского* типа. Т.-е. *пропагандой печатной и устной среди интеллигенции передовой учащейся молодежи, среди рабочих и кое-каких элементов других* демократических социальных групп, доступных их воздействию. Скажу уж попутно, что, по возвращении моем из ссылки в 1886 г., я в Казани и Курске познакомился с уцелевшими от общего социально-революционного развала, последовавшего за полным разгромом «Народной Воли», некоторыми представителями *вторичной чернопередельческой* формации,—если хотите—*аксельродовской*. В Курске я даже случайно попал на небольшую сходку такой молодежи. Я был удивлен и поражен. На меня повеяло стариной, хотя и недавней еще. Молодежь эта опять собиралась... «в народ», да—в народ! собиралась повторить *тот* же опыт, который семидесятники проделали, но уже вооруженные не только традицией борьбы, но и результатами их опыта, теоретического и практического. Семена кое-какие, в последнем счете, были посеяны *революционным* народничеством («Землею и Волею» 70-х годов и преемником ее—«Черным Переделом»). Это—для меня несомненно. Да и большего нельзя было потребовать от революционного народничества, принимая во внимание всю совокупность тогдашней русской действительности. И самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет,—по поговорке французской.

И еще одно попутное замечание в связи с сказанным. Недавно я встретился с одним старым народовольцем, А. Л. Блеком. На мой вопрос, знает ли он что-нибудь о «Северно-Русском Обществе «Земля и Воля» 80-х годов, он высказался полным неведением (а А. Л. Блек тогда близко стоял к революционной среде вообще, и к народовольцам и чернопередельцам—в частности): о *таком* Обществе-де что-то не слышно было. Зато он передал следующие сведения о № 5 «Черного Передела». *Редакторами* № 5 были: Анатолий *Буланов* и Загорский, первый—моряк,

второй — юрист-студент, впоследствии — присяжный поверенный (последнего я тоже лично помню, но смутно).

Сотрудничали: Марковский, Святослав Адамович, Владимир Дмитриевич Ченыкаев (хороший мой знакомый, известный земский деятель—врач Саратовской губ.) и *Мих. Мих. Симзен*, врач Пензенской губ.

Причастны также были к группе «Черного Передела» мичман *Ник. Ник. Лавров* и *А-др Ник. Вырубов*, оба работали среди городских рабочих (последний, по сведениям А. Л. Блека, служил по выборам в земстве, потом выехал заграницу). Voila tout. Так как мое участие в «Черном Переделе» было оборвано, благодаря предательству Жаркова, при самом начале же существования «Черного Передела» (я был арестован 30 декабря 1880 г.), то весьма желательно, ради истины и верного освещения всей недолгой, в целом, революционно-народнической работы группы «Черного Передела», чтобы отозвались, если таковые есть, участники или примыкавшие просто к «Черному Переделу» лица и поделились своими сведениями о последних днях «Черного Передела». То, что я видел и пережил с «Черным Переделом»— было серо, сонно, вяло—в *эмоциональном* отношении, инертно, бездеятельно и неудачливо—в *волевом*. Мне казалось, что *революционное* народничество, как *идеология*, отмирает уже, народническая же *революционная* практика-изжитая уже иллюзия, мечта молодой фантазии, надуманных построений. Но, может быть, я ошибаюсь. Ведь то, что совершалось тогда вокруг меня— и победные действия восходящего тогда «народовольчества», и предсмертные судороги революционного народничества, и, в целом, идейная спутанность революционных и нереволюционных интеллигентских слоев общества, нестойкость их в преследовании своих задач, порывистость, но не порыв, экспансивность, но не глубина, доверчивость, но не вера и т. д., и т. д.,— все это воспринималось мною, может быть, слишком *субъективно*, а потому моя оценка как чернопередельческой работы, так и народовольческой грешит против исторической истины. Пусть же вносят поправки те, которые могут это сейчас сделать, и пусть торжествует только истина—суровая и нелицеприятная. Мне же, непосредственному участнику и современнику тех дел,— это *не дано и не может быть дано:* трудно быть одновременно

и историком в *научном* смысле, и *невольным* историком, т.-е. летописцем того, что сам переживал—*мемуаристом*.

Мне остается, в заключение, сказать еще несколько слов о содержании газеты «Черный Передел». О том сдвиге, который произошел во взглядах чернопередельцев по отношению к политической борьбе (политическому террору), я уже выше говорил. *Основными* его причинами и условиями были, с одной стороны, подлый, трусливый разгул правительства Александра II, а с другой—захватывающий пример борьбы против него народовольчества. Создалась атмосфера, насыщенная *политическим* гневом. Влияние *отдельных* личностей в этой драме было несомненно велико, но размах этого влияния определялся основными причинами и ими же ограничивался.

Что же касается пропаганды «Черным Переделом» его программы и тактики, то «Черный Передел» *не внес в этом отношении ровно ничего нового и оригинального*. Все—*старое, землевольческое*, начиная с социалистически-народнических предпосылок и, кончая деталями тактики. Так: *аграрный* экономический террор в деревне, с организацией боевых дружин, аналогичных ирландскому рибонизму, организация *городского* экономического террора среди рабочих на фабриках и заводах, опять-таки наподобие английских рабочих союзов до 1824 г. (статья Плеханова в № 4 «Земли и Воли»),—все это было подробно и основательно изложено в №№ 1, 3, 4 и 5 «Земли и Воли». И программа эта была санкционирована на Воронежском съезде полным составом всех членов общества «Земля и Воля», за исключением лишь отсутствовавших пяти действительных членов этого Общества,—Преображенского, Мощенко, Харизоменова, Хотинского и Зунделевича. Сам Плеханов в передовой своей статье в № 1 «Черного Передела» сылается на свои статьи в №№ 3 и 4 «Земли и Воли».

Это значит, что «Черный Передел» исчерпал себя как теоретически, так и практически, это значит, далее, что *его необходимо было уже заполнить новым содержанием*, что время его прошло, т.-е. *революционное народничество завершило уже полный круг своего существования—сошло со сцены*.

Кончаю. Я сделал все, что мог, пусть другие лучше сделают!

О. В. Аптекман.

7 марта 1922 г.
Петроград.

ЦѢНА 15 ЯНВАРЯ 1880 ГОДА. № 1. 25 К.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛ

ОРГАНЪ СОЦІАЛИСТОВЪ-ФЕДЕРАЛИСТОВЪ.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

В № 1 «Народной Воли» было уже заявлено о причинах прекращенія изданія «Земли и Воли» и появленія двух новых органов, не совсѣм согласных между собою в опредѣленіи практических задач русской соціально-революціонной партіи.

Нам остается лишь дополнить сдѣланное там объясненіе. Раскол в редакціи «Земли и Воли» не ограничился, к сожалѣнію, предѣлами литературнаго кружка; он выражал собою два различных теченія, возникшія внутри народно-революціонной партіи. Которое из них болѣе соотвѣтствует духу девиза этой партіи — Земли и Воли,—какое из двух новых изданій уклонилось от первоначальной ея программы—об этом не мѣсто высказываться в нижеслѣдующих немногих строках. Мы ограничимся, поэтому, замѣчаніем, что «Земля и Воля» по прежнему останется нашим практическим, боевым девизом, так как эти два слова наиболѣе полно и широко выражают народныя потребности, стремленія и идеалы.

В статьѣ о «Черном Передѣлѣ» подробно говорится об отношеніи повсемѣстнаго ожиданія народом передѣла земли к этой исторической революціонной формулѣ. Что касается названія нашего изданія органом соціалистов-федералистов, то оно объясняется нашим убѣжденіем, что лишь федеративный принцип в политической организаціи освободившагося народа, только полное устраненіе принудительнаго начала, на котором осно-

ваны современныя государства, и свободная организація снизу вверх—может гарантировать нормальный ход развитія народной жизни. Насколько торжество федеративнаго принципа может быть достигнуто одним ударом, одним побѣдоносным революціонным движеніем, невозможно, конечно, сказать в настоящее время. Но партія должна направить всѣ свои усилія к обезпеченію его торжества, и соціально-революціонныя изданія не могут обходить молчаніем этого важнаго вопроса.

Этнографическій состав населенія русскаго государства постоянно заставляет считаться с ним даже и в современной нам практикѣ. Малороссія, Белоруссія, Польша, Кавказ, Финляндія, Бессарабія—каждая из этих составных частей Россійской Имперіи имѣет свои народныя особенности, требует самобытнаго, автономнаго развитія.

В виду этого было бы весьма полезно развитіе мѣстной революціонной литературы; но пока оно составляет задачу будущаго, «Черный Передѣл» по необходимости является органом всѣх русских соціалистов, раздѣляющих основныя положенія его программы. Тѣм не менѣе каждое указаніе на мѣстныя отличія в постановкѣ соціальнаго вопроса и практических пріемах партіи, всегда найдет самый радушный пріем на страницах нашего изданія.

Наконец, исходя из условій русских общественных отношеній в постановкѣ своей практической программы, русская соціально-революціонная партія не может упускать из виду положеній научнаго соціализма, которыя должны служить для нея критеріем при оцѣнкѣ различных сторон и форм народной жизни. Изданіе, имѣющее в виду главным образом интеллигентных читателей—к которым мы относим также и часть городских рабочих—даже обязано указывать на тѣсную связь русскаго революціоннаго движенія с общими выводами западно-европейской жизни и мысли, оттѣнять их тождество—в послѣднем счетѣ—с стремленіями и задачами русской соціально-революціонной партіи. Сказаннаго, полагаем, достаточно, чтобы отклонить могущія возникнуть по поводу названія нашего органа недоразумѣнія.

[2] ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛ.

Глас народа—глас Божій.

В многомилліонной массѣ русскаго крестьянства безпрерывно появляется, исчезает и вновь возникает множество самых разнообразных слухов, толков и ожиданій. Несмотря на свое видимое разнообразіе, всѣ эти слухи имѣют один и тот же источник—страстное исканіе народом того или другого выхода из современнаго, невыносимо-тяжелаго положенія. Но ни один из них не пріобрел такого широкаго, можно сказать, повсемѣстнаго распространенія, ни один не остановил на себѣ в такой степени вниманія правительства и интеллигентнаго общества, как слух о предстоящем, будто-бы, в скором времени передѣлѣ земли. Никто не может указать нетолько автора этого «превратнаго толкованія», но даже и мѣста первоначальнаго появленія послѣдняго. Пущенный, быть может, одним из тѣх «бывалых» людей из народа, которым их продолжительное скитальчество по бѣлому свѣту сообщает не псевдо-цивилизованныя привычки городского обывателя из мѣщан, не презрительное отношеніе к «сѣрой деревенщинѣ», но глубокое, инстинктивное пониманіе народных потребностей и народнаго горя, слух этот облетѣл всю земледѣльческую Россію... и вездѣ перешел в непоколебимую увѣренность относительно скораго приближенія «слушнаго часа» и т. п. Не заботясь о том, чьим «священным правам», каким «общественным основам» противорѣчит его желанный аграрный переворот, народ наш положил ожиданіе этого переворота в основаніе своего примиренія с тяжелым настоящим, своих надежд на лучшее будущее. С точки зрѣнія этого, по его мнѣнію, неотвратимаго факта, он оцѣнивает всѣ событія внутренней и внѣшней жизни современной Россіи. Покушеніе на жизнь императора, казни политических преступников, стѣсненіе казаков, восточная война, приготовленія к ревизіи, всѣ эти факты, несмотря на их очевидную несоизмѣримость, взвѣшиваются народом исключительно с точки зрѣнія его завѣтных ожиданій земельнаго передѣла, в каждом из них он видит только подтвержденіе основательности своих надежд. Правительственный циркуляр, изданіем котораго г. Маков едва не оказал медвѣжьей услуги попу-

лярности царскаго имени в народѣ, встречен послѣдним с полным недовѣрием. «Так и перед волей не единожды читали и объявляли, а все-таки воля вышла»,—вот непредвидѣнный, вѣроятно, г. Маковым отвѣт, о своеобразную логику котораго разобьется еще не одно правительственное заявленіе.

Вліяніе этой непоколебимой увѣренности простирается даже на сферу чисто коммерческих отношеній: в нѣкоторых мѣстах крестьяне, как извѣстно, отказываются от покупки земель и избѣгают долгосрочных арендных контрактов. По своему вліянію на народные умы, слух о передѣлѣ земли может сравниться развѣ только с тѣми слухами об уничтоженіи крепостного права, которые ходили в народѣ чуть ли не с самаго возникновенія этого института в Россіи, послужили поводом ко множеству мелких волненій, с каждым годом расширявшихся и возраставших в числѣ *), и убѣдили, наконец, правительство | в том, что «лучше освободить народ сверху», нежели ждать, пока это освобожденіе будет предпринято снизу.

Не прошло еще и двадцати лѣт послѣ «великой реформы» нынѣшняго царствованія, как народ, со свойственной массам черною неблагодарностью, начинает поговаривать о передѣлѣ земли и толкует об этом с тою же роковою увѣренностію, которая один раз уже вынудила правительство к уступкѣ. Никто не может поручиться в том, что если бы правительство уступило и на этот раз, народ не потребовал бы от него новых и новых уступок, пока постоянно ограничивая и урѣзывая самого себя, государство не дошло бы, наконец, до полного самоотрицанія; а так как это послѣднее никак уже не может входить в правительственные виды, то никто не может поручиться также и в том, что народ не будет вынужден удовлетворять своим потребностям путем того воздѣйствія «снизу», тенет котораго все правительства и всѣ либералы в мірѣ избѣгают так же старательно, как Мефистофель избѣгал креста. Что касается до нас, революціонеров-народников, то мы считаем такое воздѣйствіе неминуемым, так как вся внутренняя исторія Россіи есть, по нашему мнѣнію, ничто иное, как длинное, полное трагизма повѣствованіе о борьбѣ на

*) См. кн. г. Романовича-Словатинскаго «Дворянство в Россіи», гдѣ представлена перепись этих волненій.

жизнь и смерть между полярно-противоположными принципами народно-общиннаго и государственно-индивидуалистическаго общежитія. Кровавая и шумная, как ураган, в минуты крупных массовых движеній, в родѣ бунтов Разина, Пугачева и др., борьба эта не прекращалась ни на минуту, принимая самыя разнообразныя формы. Откупаясь от государственнаго вмѣшательства в его жизнь во времена Грознаго, как откупался он когда-то от норманнов, хазар или, потом, татар; разбредаясь розно и заселяя пустынныя степныя окраины и лѣсныя тайги сѣвернаго поморья и Сибири; образуя шайки понизовой вольницы под предводительством своих любимых «атаманушек»; оплакивая «древнее благочестіе» в глухих раскольничьих скитах, народ вездѣ и всюду отстаивал одни и тѣ же стремленія, боролся за одни и тѣ же идеалы общежитія.

Свободное общинное самоустройство и самоуправленіе; предоставленіе всѣм членам общины сначала права свободнаго занятія земли «куда топор, коса и соха ходит», потом, с увеличеніем народонаселенія, равных земельных участков с единственною обязанностію участвовать в «общественных разметах и разрубах»; труд, как единственный источник права собственности на движимость; равное для всѣх право на участіе в обсужденіи общественных вопросов и свободное, реальными потребностями народа опредѣляемое соединеніе общин в болѣе крупныя единицы—«земли»: вот тѣ начала, тѣ принципы общежитія, которые так ревниво оберегал народ и которые, кратко формулируясь в боевом девизѣ «Земля и Воля», в минуты, когда чаша народнаго долготерпѣнія оказывалась переполненной до краев, обладали магическим свойством волновать умы массы от прикаспійской Астрахани до бѣломорскаго Соловецкаго монастыря. С самых ранних времен своего существованія государство вступило в противорѣчіе с этими принципами. Отдача свободных отолѣ общин в «кормленіе» представителям государственноиа власти, которые вмѣшивались в народную жизнь и лишили общину до тѣх пор неоспоримаго ея права на рѣшение возникавших внутри ея вопросов; произвольное обложеніе общин податьми для непонятных народу и чуждых его [3] интересам цѣлей; ахват общинных земель и раздача их частным лицам; раздачаз вотчин и помѣстій высшим классам и предоставленіе им права

на крестьянскій трудъ; полное закрѣпощеніе народа и насиліе, насиліе, насиліе, отъ насильственнаго спаиванія народа при «тишайшем» Алексѣѣ Михайловичѣ до обращенія с помощью военных экзекуцій сел в города и насильственнаго введенія культуры картофеля при «незабвенном» Николаѣ—вот тѣ блага, которыя приносило народу государство, тѣ пріемы, которых оно неуклонно держалось впродолженіе всей своей исторіи. Напрасно гг. оффиціальные историки стремятся убѣдить нас в том, что русскій народ не только добровольно призвал князей, но и всегда охотно подчинялся государственным порядкам. Это подчиненіе было настолько же добровольно, как и подчиненіе малорусскаго народа польскому или подчиненіе индійцев англичанам.

Во всѣх этих случаях было то-же насильственное вторженіе в народную жизнь, то-же непониманіе и игнорированіе ея склада и особенностей, то-же попраніе народных прав, и еще неизвѣстно, который из трех народов болѣе энергично протестовал, настойчивѣе отстаивал устои исконных бытовых форм своего общежитія. До сих пор Русское государство оставалось побѣдителем в его борьбѣ с народом, но кто возьмется высчитать шансы этой борьбы в будущем? До сих пор торжество государства было полно и повсемѣстно. Оно сдавило народ желѣзным кольцом своей организаціи; пользуясь ея преимуществами, оно с успѣхом подавляло не только мелкія и крупныя народныя движенія, но и всѣ проявленія самостоятельной народной жизни и мысли; оно наложило свою тяжелую руку на казачество, исказило земельную общину; заставило народ заплатить за его исконное достояніе — землю—выкуп, превышающій стоимость самой земли; но в то время, когда оно отпраздновало уже тысячелѣтній юбилей своего существованія, когда оно, повидимому, уже нимало не сомнѣвалось в окончательной гибели самобытной народной жизни, народ с полным спокойствіем и ничѣм неразрушимою увѣренностію заявляет, что далѣе так продолжаться не может, что сам царь поймет наконец эту невозможность и возьмет на себя почин перестройки общественных отношеній в духѣ исконных народных идеалов. Ничто не могло так горько отравить торжества побѣдителей, не могло нагляднѣе доказать, что вліяніе государственности было и остается до сих пор поверх-

ностным, что оно не простирается на умы и воззрѣнія массы, как этот замогильный голос заживо-погребеннаго, но все еще полнаго сил и способности к самобытному развитію народа.

Вот почему правительство забило тревогу и, вопреки всѣм прежним оффиціальным увѣреніям относительно того, что русская соціально-революціонная партія есть не болѣе, как «горсть злонамѣренных личностей», не имѣющих никакой почвы и вліянія в народѣ,—оно объявило, что ходящіе в крестьянствѣ толки о передѣлѣ земли нужно цѣликом отнести на счет соціалистической пропаганды. Оно приписало соціалистам такое громадное вліяніе на народные умы, о котором они до сих пор не всегда позволяли себѣ даже мечтать. Такова логика оффиціальных заявленій. Справедливость заставляет нас, однако, признать, что в подобной ошибкѣ правительство виновато менѣе, чѣм это может показаться с перваго взгляда.

Мудрено ли, что не имѣющее понятія об особенностях склада жизни и правовых воззрѣніях народа, из всѣх событій русской исторіи знающее лишь исторію дворцовых переворотов да лѣтопись дворцовых крупных и мелких интриг, часто забывающее даже исторію своих собственных «мѣропріятій», мудрено ли, говорим, что такое правительство с удивленіем и страхом услыхавшее о живущих в крестьянствѣ ожиданіях полнаго аграрнаго переворота, объяснило эти ожиданія вліяніем соціально-революціонной партіи? Оно узнало, что народ не признает за высшими классами права собственности на землю, что он требует нетолько экспропріаціи земли у высших классов, но и установленія совершенно иных, мало понятных с правительственной точки зрѣнія, форм отношенія к ней; оно узнало, словом, что народ ждет соціальной революціи, и, естественно, обвинило в том соціалистов.

Читатель, сколько нибудь знакомый с ходом возникновенія партій вообще, и русской соціально-революціонной в частности, не нуждается, конечно, в доказательствах того, что в данном случаѣ слѣдствіе принято за причину. Не потому народныя воззренія на землю и право владенія и пользованія ею противорѣчат воззрѣніям высших классов, не потому не согласуются они с понятіем о собственности, санкціонированным сводом государственных законов, что появилась в Россіи соціально-революціонная

партія. Напротив, эта послѣдняя потеряла бы всякій смысл существованія, навсегда осталась бы экзотическим растеніем, неизвѣстно кѣм и зачѣм пересаженным на русскую почву, если бы не было вышеупомянутой розни, если бы она не положила своего отпечатка на всю исторію внутренних отношеній в нашей странѣ, не проникала собою всѣх сфер человѣческаго общежитія. Этою рознью только и вызвана к жизни наша партія, в ней заключаются наши надежды, в ней видим мы залог своего успѣха и ее же считаем мы исходным пунктом, операціонным базисом нашей революціонной работы в народѣ. Полагаем, что небезполезно будет остановиться на этом нѣсколько долѣе.

Наши воззрѣния на практическія задачи нашей партіи составляются из двух слагаемых: общих указаній науки и спеціальных условій русской исторіи и современной дѣйствительности. Мы признаем соціализм послѣдним словом науки о человѣческом обществѣ и в силу этого считаем торжество коллективизма в области владенія и труда альфой и омегой прогресса в экономическом строѣ общества. Мы знаем, что выраженіе «природа не дѣлает скачков» одинаково приложимо как в сферѣ явленій природы, в тѣсном смыслѣ этого слова, так и в ходѣ развитія человѣческих обществ. Мы помним, что каждый шаг на пути этого развитія строго опредѣляется предшествующей исторіей общества и его состояніем в данный момент, словом, всей суммой данных динамики и статики разсматриваемаго общества. Но мы убѣждены также и в том, что палліативы не исцѣляют соціальных зол, что всякій общественный дѣятель должен стремиться провести в общество максимум необходимых и возможных реформ, что, выражаясь кратко, каждый общественный дѣятель должен быть радикалом. Так как экономическія отношенія в обществѣ признаются нами основаніем всѣх остальных, коренною причиною не только всѣх явленій политической жизни, но и умственнаго и нравственнаго склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнѣнію, радикализмом экономическим. Усилія реформатора-радикала должны направляться, главным образом, на максимальное измѣненіе к лучшему общественно-эконо[4]мическаго строя, не справляясь о том, мирно или при насильственном сопротивленіи

со стороны лиц, заинтересованных в сохраненіи стараго порядка, может совершиться это измѣненіе.

Всѣ эти положенія суть ничто иное, как выводы современной соціологіи, равно обязательные для всего человѣчества. Сознательно или безсознательно, слѣдуя или противорѣча им на практикѣ, с ними считались всѣ реформаторы и революціонеры, всѣ общественные дѣятели от Будды до К. Маркса, от «великаго» Ликурга до «маленькаго» Тьера или ген.-губ. Гурко включительно. Но едва мы захотим приложить эти положенія к практической дѣятельности в нашем отечествѣ, едва вмѣсто условій общественнаго развитія вообще, мы заговорим об условіях русскаго прогресса в частности, мы, логикою тѣх же самых положеній, обращаемся в русских революціонеров-народников. Только в формах русской народной жизни находим мы здѣсь задатки для развитія полнаго коллективизма в отношеніях производителей к орудіям труда, только отстаивая эти формы, мы можем найти незыблемую опору в крестьянской массѣ; в устраненіи враждебных вліяній и расчисткѣ пути для правильнаго развитія этих форм заключается сумма возможных в настоящее время экономических и, стоящих к ним в отношеніи слѣдствія к причинѣ, политических реформ в Россіи *). Но для осуществленія этого максимума реформ, нам прежде всего нужно обратить свои усилія на разрушеніе нынѣ существующаго в нашем отечествѣ государственнаго строя. Государству закрѣпощена главная масса народнаго труда. Созданное им, путем экспропріаціи земли у народа, малоземелье образует тот контингент искусственно оторванных от родной хаты и нивы батраков, из котораго набирают «рабочія руки» фабрики и заводы. Тяжелыми поборами оно заставляет крестьянина искать средства для удовлетворенія требованій государства на сторонѣ, т. е. вынуждает его отдавать себя в жертву хозяйской эксплоатаціи. Оно поддерживает кулачество и ростовщическій капитализм в деревнѣ и таким образом подбирается к формам народной жизни с самой опасной стороны. Выше мы старались исторически освѣтить враждебность государства к все-

*) «Болѣе полно эти мысли были развиты нами в № 3 «Земли и Воли» в статьѣ «Закон экономическаго развитія и задачи соціализма в Россіи», к которой мы и отсылаем читателя.

стороннему развитію форм народной жизни, теперь указываем на современныя отношенія народа к государству. Цѣль нашей статьи будет достигнута, если читатель согласится с нами, что все принадлежащее послѣднему будет безвозвратно потеряно для народа, что каждый год его существованія стоит народу массы бѣдствій, несчастій и горя, что оно деморализует народ, стараясь привить к нему формы чуждой ему жизни. Вот почему разрушеніе государственной организаціи должно составлять нашу первую задачу. А так как борьба с государством может совершаться только на почвѣ «Земли и Воли», то мы, исходя из вышеизложенных общих положеній соціализма, приходим к необходимости агитаціи во имя тѣх же начал, за которые уже боролись Разин, Пугачев и др., приходим к тому, что мы называем революціонным народничеством. Так, понимающій дѣло русскій агроном, руководствуясь общими положеніями агрономической науки, выросшей на почвѣ иных условій народонаселенія, сбыта, техники земледѣлія, утилизирует эти положенія, сообразно с русскими условіями выгодной эксплоатаціи почвы.

Вот почему мы называем нашу газету «Черный Передѣл». В этих двух словах заключается рѣшеніе крестьянскаго вопроса, от котораго, в свою очередь, зависят всѣ остальные. Конечно, рѣшеніе это касается только экономической стороны упомянутаго вопроса, но экономическія отношенія в обществѣ служат субстратом для всѣх остальных категорій человѣческих отношеній. Толкуя о «Черном Передѣлѣ», о землѣ, народ забывает, повидимому, о «Волѣ», т. е. о той суммѣ общественных реформ, которая исторически связана с этим словом, даже болѣе, народ наш, повидимому, считает возможным примирить передѣл земли с существованіем современнаго государства: он ждет этого передѣла от царя.

Но как бы ни думал об этом в настоящее время народ, от кого бы ни ждал он осуществленія его требованій, экономическая поземельная революція неизбѣжно поведет за собою переворот во всѣх других общественных отношеніях. В знаменитом девизѣ крупных народных движеній воля так же неотдѣлима от земли, как сила неотдѣлима от матеріи, как следствіе неотдѣлимо от причины. Пусть народ ждет поземельной революціи от царя, пусть он вѣрит в него, видит в нем своего защитника и ходатая.

Но царь, существующій в народном понятіи, и царь, сидящій на русском престолѣ—так же непохожи друг на друга, как римскій народный трибун не похож на восточнаго деспота, как Кай Гракх не похож на Шир-Али, и мы утверждаем, что даже происходившее под авторитетным знаменем Пугачевское движеніе логикою народных требованій было бы доведено до полнаго отрицанія царской власти, как мы понимаем ее теперь. А во-вторых, рано или поздно фикція должна исчезнуть перед указаніем опыта, народ должен увидѣть царскую власть в ее истинном свѣтѣ.

Соціально-революціонная партія должна взять на себя заботу, как о скорѣйшем разрушеніи этой фикціи, так и об уясненіи народу, проведеніи в его сознаніе всѣх необходимых слѣдствій ожидаемаго им аграрнаго переворота. Толкая народ в активную борьбу с государством, воспитывая в нем самодѣятельность и активность, организуя его для борьбы, пользуясь каждым мелким случаем для возбужденія народнаго неудовольствія и для сообщенія народу, путем пропаганды словом и дѣлом, правильных воззрѣній на смысл нынѣ-существующих и желательных в будущем соціальных отношеній, соціально-революціонная партія должна довести народ от пассивнаго ожиданія «Черного Передѣла», долженствующаго совершиться сверху, до активных требованій «Земли и Воли», предъявляемых снизу. В этом заключается задача и возможные предѣлы ея воздѣйствія на народ, только на этом пути ожидает нашу интеллигенцію славное историческое будущее, только на нем и встрѣтит она мост для перехода той громадной пропасти, которая отдѣляет интеллигенцію от народа чуть ли не со времени крещенія Руси и проникновенія в высшіе классы чуждых народу, выработанных на истощенной почвѣ разлагавшейся Византіи, воззрѣній и понятій.

Всѣ другіе пути дѣйствія, как бы ни казались они радикальны, как бы много ни сулили они народу, будут ретроградны по своему существу, потому что всѣ они предполагают не только сохраненіе государства, но и дѣйствіе с его помощью. Как бы ни приспособлялось го[5]сударство к народным потребностям и интересам, оно всегда во столько же раз меньше даст народу, во сколько индивидуалистическій принцип, лежащій в основѣ

современнаго государства (нетолько русскаго, но и всякаго другаго), во сколько этот принцип ниже принципа коллективизма мірской помощи и солидарности, на которых всегда строилась или стремилась построиться народная жизнь. В этом смыслѣ мы и говорили, что голос народа, требующаго аграрной революціи, есть как бы голос божій, указывающій нашей интеллигенціи ея истинное, провиденціальное назначеніе.

С.-Петербург 14 декабря.

В то время, когда, вслѣд за наступившим послѣ 1848 г. затишьем, в западной Европѣ снова начало усиливаться рабочее движеніе, в Россіи стали обнаруживаться революціонныя тенденціи в средѣ интеллигентной молодежи. Пройдя нѣсколько фазисов и захвативши извѣстную часть рабочаго населенія, русское интеллигентно-революціонное движеніе остановилось на так называемом народничествѣ, которое и составляет нынѣ преобладающее теченіе в нашем революціонном мірѣ. Какое значеніе может имѣть это движеніе в общей жизни страны? В состояніи ли оно измѣнить в теченіи вѣков установившееся отношеніе между народом и государством? В каком отношеніи стоит русское народничество к западно-европейскому соціализму? Эти вопросы, представляющіе интерес для всякаго, кто разсматривает событія нашей внутренней жизни не исключительно с точки зрѣния уголовнаго кодекса, естественно должны быть разработаны изданіем, посвященным пропагандѣ революціоннаго народничества в средѣ нашей интеллигенціи и указанію путей и способов его практическаго осуществленія. В предлагаемом рядѣ слѣдующих статей мы задаемся цѣлью дать на них посильный отвѣт.

Прежде всего нужно установить сколько нибудь опредѣленную и точную терминологію. Это тѣм болѣе необходимо в виду того, что с народничеством в разных странах и в различные періоды их общественнаго развитія могут быть связаны совершенно различныя и даже противоположныя друг другу теоретическія представленія и практическія программы.

Названіе «народно-революціонной» может быть отнесено ко всякой партіи, ставящей на своем знамени соціальную ре-

волюцію в интересах и согласно с воззреніями и идеалами народной массы. Но, употребленное без всяких оговорок, названіе это не дает еще никакого представленія о характерѣ долженствующаго совершиться переворота. Современные ирландскіе агитаторы были-бы народниками-революціонерами, если-бы вмѣсто болѣе или менѣе палліативных реформ, они указали низшему классу ирландскаго населенія на аграрную революцію, как единственный выход из его бѣдственнаго положенія. Агитація Гракхов в Римѣ, равно как и дѣлавшіяся во время Цицерона предложенія относительно передѣла земли, были радикально-народническими в полном смыслѣ этого слова, так как они вполнѣ совпадали с интерасами бѣднѣйшей части римских граждан и их представителями о справедливой организаціи поземельнаго владѣнія. Но как в современной Ирландіи так и в древнем Римѣ, аграрная революція могла бы лишь передать право поземельной собственности в руки всего народа, не внося новаго принципа в отношеніи людей к землѣ. Она могла бы только раздробить частную поземельную собственность, но не уничтожить ее совсѣм. В каждой из этих стран аграрная община исчезла уже задолго до названных нами аграрных волненій, и в населеніи успѣло изгладиться всякое представленіе о коллективной поземельной собственности, по крайней мѣрѣ на пахатныя земли.

Совершенно иное значеніе пріобрѣтают аграрныя волненія в странах, гдѣ община является преобладающей формой крестьянскаго землевладѣнія. Экспропріація крупных поземельных собственников необходимо ведет, в этом случаѣ, нетолько к болѣе справедливому распредѣленію экспропріированных земель, но и к замѣнѣ индивидуальнаго владенія ими коллективным, т. е. обусловливает торжество высшаго принципа имущественных отношеній. Такой именно смысл имѣют живущія в русском народѣ ожиданія чернаго передѣла, которыя, даже в тѣх частях нашего отечества, гдѣ существует подворно-наслѣдственное владѣніе землею, нерѣдко связываются с представленіем об общинном землевладѣніи и душевой разверсткѣ. Вслѣдствіе этого соціалист, провозглашающій коллективное владѣніе орудіями и объектами труда, по крайней мѣрѣ, в той части своей пропаганды, которая касается поземельнаго владѣнія, становится выразителем и обобщителем народных стремленій и, не отказы-

ваясь от своего выработаннаго наукою міросозерцанія, он с полным правом может назвать себя революціонером-народником в лучшем значеніи этого слова.

Сочувствіе массы земледѣльческаго населенія к коллективным формам землевладѣнія, в свою очередь, придает своеобразный вид как постановкѣ соціальнаго вопроса, так и практическим задачам соціалистической партіи в Россіи, сравнительно с ея задачами на Западѣ.

Чтобы опредѣлить и выяснить это различіе, нужно обратить вниманіе на тѣ формы кооперацiи производителей на Западѣ, которыя служат как бы прообразом организаціи труда и владѣнія в будущем обществѣ. Эти формы созданы крупной капиталистической промышленностью. Соединяя в одно организованное цѣлое изолированных производителей ремесленнаго періода, соціализируя труд, она подготовляет почву для соціализаціи владѣнія, которое, со времени разрушенія западно-европейской поземельной общины, стало индивидуалистическим даже по отношенію к недвижимой собственности. Так как в настоящее время уже немыслим возврат к ремесленному изолированному производству, то единственно-возможное рѣшеніе рабочаго вопроса заключается в экспропріаціи капиталистов и организаціи коллективнаго владѣнія орудіями друда.

Техника современнаго производства, начавшись соціализаціей труда, логически-неизбѣжно ведет к соціализации владѣній, т. е. к практическому осуществленію соціалистических ученій. Родившись на фабрикѣ, рабочій соціализм проникает и в деревню, вслѣд за исчезновеніем мелкой поземельной собственности и капиталистической организаціи земледѣльческих предпріятій. При господствѣ индивидуальнаго владѣнія землею, соціализація поземельнаго владѣнія может явиться лишь как **[6]** слѣдствіе соціализаціи труда в таких предпріятіях. Неудивительно поэтому, что соціал. пропаганда встрѣчает самый радушный пріем в мѣстностях, охваченных процессом капиталистическаго производства; напротив, мелкіе собственники-крестьяне относятся к ней очень враждебно и составляют надежную опору реакціонных партій. Классическим примѣром в этом случаѣ может служить земледѣльческое населеніе современной Франціи. Но и там концентрація поземельнаго владѣнія в руках

крупных собственников рано или поздно вытѣснит господствующую нынѣ систему землевладѣнія и французское крестьянство, силою экономической необходимости, вынуждено будет присоединиться к революціонной арміи городского пролетаріата.

Таким образом, капитализм подготовляет почву соціализму и является его необходимым предшественником. Но, как мог уже замѣтить читатель из вышеизложеннаго, неизбѣжность капиталистической продукціи, как переходной ступени к соціалистической организаціи будущаго общества, признается нами лишь для тѣх сфер имущественных отношеній людей, гдѣ индивидуализм являлся до тѣх пор исключительно-господствующим принципом. Еще со времени феодализаціи поземельной собственности на Западѣ, этот послѣдній вытѣснил собою коллективное владѣніе землею; что касается орудій труда, то они по самым свойствам своим требовали единоличнаго владѣнія и лишь введеніе машин крупной промышленностью создало конкретную основу для примѣненія к ним коллективнаго начала.

Поэтому всѣ сферы имущественных отношеній в западноевропейском обществѣ должны были пройти чистилище капиталистической продукціи, чтобы реорганизоваться на началах коллективизма. Там же, гдѣ эти послѣдніе проникают собою, по крайней мѣрѣ, поземельныя отношенія массы, их дальнейшее развитіе и распространеніе на движимыя орудія труда может совершиться естественным путем, конечно, при благопріятных условіях. Коллективныя формы владѣнія даже движимой собственностью не представляют чего-либо новаго и неизвѣданнаго в исторіи имущественнаго права. Мы встрѣчаем их на первых ступенях общественнаго развитія и если онѣ, мало-по-малу разрушаясь, уступили, наконец, мѣсто торжеству противоположных им индивидуалистических форм, во всѣх извѣстных нам культурных странах, то до сих пор еще вопрос о причинах их исчезновенія представляется далеко не рѣшенным окончательно и безапеляціонно в сторону внутренней необходимости. Напротив, даже с предвзятою мыслью предпринятые изслѣдованія приводят лишь новыя доказательства в пользу того мнѣнія, что исчезновеніе коллективизма обусловливалось неблагопріятным стеченіем исторических условій. Онѣ не только не носят в самих себѣ элементов разложенія, но, напротив, при благо-

пріятном стеченіи обстоятельств прогрессируют и совершенствуются, налагая свою печать на всѣ предпріятія общинников. Стремленіе к коллективной организаціи промышленных предпріятій было замѣчено во всѣх странах, гдѣ поземельная община сохранилась в болѣе или менѣе полном видѣ.

Таково, напр., развитіе артельных промыслов в тот період нашей исторіи, когда государственный гнет, с одной стороны, не успѣл еще подавить народной иниціативы, а с другой—не породил еще того кулачества, которое монополизирует в настоящее время всѣ отрасли промышленности.

Подобное же явленіе замѣчается и в Индіи, гдѣ уже древнѣйшія законодательства упоминают о «людях, соединившихся с цѣлью содѣйствовать, каждый своими трудами, успѣху общаго предпріятія». Несмотря на множество самых неблагопріятных исторических вліяній эти кооперативно-промышленныя товарищества существовали вплоть до англійскаго завоеванія. Но, разумѣется, примѣненіе принципа кооперації возможно только в тѣх сферах труда, гдѣ оно способно повести к увеличенію его производительности. Современное состояніе, напр., нашего земледѣлія, господство экстензивной культуры почвы, не благопріятствует общинной эксплоатаціи полей. Самое употребительное при такой обработкѣ земледѣльческое орудіе—соха, с которою, как извѣстно, с удобством может управляться один рабочій. Раздѣленіе труда между отдѣльными работниками невозможно при подобном состояніи земледѣльческих орудій, а потому артельная обработка мірских земель не в состояніи была бы увеличить его производительность. В этом нужно искать разгадки того на первый взгляд страннаго явленія, что, несмотря на всю привычку нашего крестьянина к артельной организаціи, он не примѣняет своего излюбленнаго артельнаго принципа з земледѣлію. Совсѣм иное значеніе имѣет этот принцип в других отраслях сельскаго хозяйства и вообще крестьянскаго обихода. Покос лугов, вырубка лѣса, рытье канав и т. п. часто требуют дружных усилій всего міра, и здѣсь мы видим примѣненіе коллективнаго труда.

Таким образом, соціализація земледѣльческаго труда может явиться естественным слѣдствіем общиннаго землевладѣнія лишь на извѣстном уровнѣ сельско-хозяйственной культуры.

Введеніе интенсивных способов обработки почвы и болѣе совершенных земледѣльческих орудій не только не затрудняется, но, напротив, значительно облегчается существованіем нераздѣльной поземельной собственности в общинѣ. А это введеніе поставит на очередь вопрос об артельной эксплоатаціи мірских полей. Тогда и пропаганда послѣдней получит, так сказать, экономическую санкцію и будет, без всякаго сомнѣнія, плодотворной. В настоящее же время только общинное землевладѣніе и артельная организація народной промышленности составляют практически осуществимую в Россіи часть соціалистической доктрины. Поэтому онѣ и должны быть взяты агитаціонным девизом русской соціально-революціонной партіи. Говорим агитаціонным, потому что возможность и предѣлы п р о п а г а н д ы в различных частных случаях могут и должны быть шире требованій, непосредственно вытекающих из условій переживаемаго Россіей фазиса экономическаго развитія.

Так понимаем мы различіе, существующее в постановкѣ и способах рѣшенія соціальнаго вопроса на Западѣ Европы и в Россіи. Но это различіе не исчерпывается вышеуказанным. Как это понятно само собой, оно простирается и на практическіе пріемы нашей партіи, что и составит предмет слѣдующих статей.

[7] П И С Ь М О
К БЫВШИМ ТОВАРИЩАМ.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Прежде всего, товарищи, привѣтствую вас всѣх и крѣпко жму вам руки! Пусть этот привѣт и это рукопожатіе служат лучшим доказательством той симпатіи, которую я всегда чувствовал к вам и которую я сохранил даже теперь, несмотря на наше рѣзкое расхожденіе. Скоро будет полгода с тѣх пор, как мы разошлись. Факт этот,—крайне для меня прискорбный,— теперь уже не подлежит никакому сомнѣнію и, так сказать, публично констатирован с перваго же дня появленія в свѣт вашего органа «Народная Воля».

Вы сказали ваше первое слово, теперь очередь за нами. Не думайте однако, что я намѣрен в этом письмѣ пускаться

в подробное изложеніе нашей программы. Здѣсь это не у мѣста.

Моя цѣль—разъяснить тѣ разногласія, которыя послужили поводом к нашему раздѣленію.

Как видите, мы снова поднимаем тот жгучій вопрос, с которым у нас,—я говорю лично о себѣ,—связано столько тяжелых воспоминаній. Вы, вѣроятно, помните, как я отнесся к нашему раздѣленію. Оно произошло, когда я был в провинціи.

Вернувшись сюда, я застал умы до того возбужденными, что не предвидѣлось никакой возможности предотвратить разрыв соглашеніем. Я протестовал тогда энергично, как умѣл и понимал. Я говорил, что крайне неразумно, неразсчетливо расходиться нам в то время, когда наша партія еще не достаточно окрѣпла, когда мы еще не успѣли организовать в народѣ достаточно солидную боевую партію, когда самое положеніе вещей,—безпрерывная и неустанная борьба с правительством в той или другой формѣ,—требует от нас большей концентраціи сил и энергіи. За-одно со мной стояли очень многіе из наших товарищей, которые частью вошли к вам, частью остались у нас. И они, подобно мнѣ, настойчиво отстаивали необходимость совмѣстнаго дѣйствія и рѣзко протестовали против раздѣленія, как причины, ослабляющей наши силы. Но эти резоны, к сожалѣнію, не привели ни к чему. Одна часть ударилась исключительно в борьбу с правительством, считая ее злобою дня, другая, напротив, в силу естественной в таком случаѣ реакціи, стала вовсе отрицать необходимость в данный момент непосредственной борьбы с правительством и убѣждала сосредоточить свои силы в народѣ. Т. об. разногласія о пріемах борьбы перешли в разногласія принципіальныя: вы предлагали политическую борьбу на первом планѣ, мы—экономическую.

В настоящее время вы выступили публично в вашем органѣ с пропагандой новых принципов и новых способов борьбы. Вы зовете на этот «новый» путь молодежь, общество и всѣх, кто только способен к активной борьбѣ. Вы доказываете необходимость в данный момент политической борьбы с цѣлью политическаго переворота. Не отрицая абсолютно возможность дѣйствія в народѣ, вы находите однако, что «при настоящих условіях она слишком затруднена».

А потому вы говорите: «для партіи абсолютно необходимо измѣнить эту обстановку, необходимо обуздать правительственный произвол, уничтожить это нахальное вмѣшательство в народную жизнь и создать такой государственный строй, при котором дѣятельность в народѣ не была бы наполненіем бездонных бочек Данаид». Независимо от этого соображенія, необходимость систематической борьбы с правительством с цѣлью «политическаго переворота» и «передачи государственной власти в руки народа» вытекает, по вашему мнѣнію, из специфических особенностей современнаго русскаго государства и из отношеній его к другим «соціальным группам».

Пока у нас не образовались классы, извѣстным образом обособленные с опредѣленными политическими и экономическими тенденціями, борьба с правительством не представляет особых затрудненій. Опасность наступит тогда, когда буржуазія наша, начинающая лишь зарождаться, окрѣпнет настолько, что захватит политическую власть в свои руки. Борьба же с буржуазным государством, конечно, по вашему мнѣнію, не в примѣр труднѣе, чѣм с современным. Проповѣдуя политическій переворот, вы тѣм не менѣе считаете нужным заявить, что отнюдь не отрѣшаетесь от переворота экономическаго, соціальнаго. Послѣдній у вас тѣсно сростается с государственным, который, будучи совершен, даст народу возможность устроиться согласно своим идеалам, наклонностям и стремленіям.

Мысли, высказанныя в «Н. Р.», настолько важны и серьезны по своим практическим послѣдствіям, по тому вліянію, которое они могут оказать на еще неустановившееся убѣжденіе, что я считаю необходимым нѣсколько остановиться на них.

Мнѣ кажется весьма странной, чтобы не сказать больше, ваша увѣренность в необходимости в д а н н ы й момент политическаго переворота в Россіи. Увѣренность ваша в этом отношеніи доходит даже до того, что вы не церемонитесь называть «предразсудком», «боязнью собственной ной мысли» (№ 2 «Нар. Воли») всякое мнѣніе, несогласное с вашим.

Общественныя явленія слишком сложны и обусловливаются взаимодѣйствіем слишком многих факторов, чтобы позволительно было людям интеллигентным относиться к ним так просто, примитивно. Каждый общественный дѣятель, тѣм болѣе револю-

ціонер-соціалист, к которым, конечно, вы причисляете и себя, должен прежде всего умѣть толково оріентироваться в этой массѣ разнообразных факторов. Он должен понимать и знать, что из этой массы надобно выдѣлять такіе факторы, которые г л а в н ы м и с у щ е с т в е н н ы м образом обусловливают это, а не другое состояніе общества, эту, а не другую физіономію его. Критика современнаго общества убѣдила людей науки, что в основѣ его лежат главным образом отношенія экономическія, которыми по преимуществу и опредѣляются остальныя отношенія—государственныя, юридическія, нравственныя и пр. А потому понятно, что каждая живая партія должна избрать точкою приложенія своих сил базис даннаго общества—его экономическія отношенія.

Историческій же опыт учит нас, что реорганизація общества на болѣе справедливых основаніях возможна лишь при помощи экономической, соціальной революціи, что политическіе перевороты н и г д е и н и к о г д а не могли обезпечить народу экономическую и политическую свободу. Идеалы политической свободы,—верховное право [8] народа, всеобщее избирательное право,—во имя которых еще так недавно совершались политическія революціи, в настоящее время потеряли всякую силу и обаяніе. Как продукт критики мысли своего времени, как результат коллективной умственной работы философіи XVIII вѣка, эти идеалы, естественно, должны были служить лозунгом для передовых лучших людей западной Европы. Политическіе революціонеры новѣйшаго времени, начиная с 1789 до 1848 г., нетолько во Франціи, но и во всей остальной континентальной Европѣ, горячо вѣрили в обновляющую силу этих политических идеалов и думали, что д о с т а т о ч н о политическаго переворота, чтобы разрушить старое общество и воздвигнуть на его развалинах новое, болѣе справедливое и согласное с требованіями этих идеалов. Как дѣти своего времени, как сторонники философов XVIII вѣка, они думали и мыслили, как эти послѣдніе, апріористично, метафизически. Выдвинув на первый план апріористичные, идеальные принципы,—право человѣка, верховное право народа,—эти люди игнорировали реальныя, экономическія отношенія, внѣ которых всякая политическая деятельность становится сизифовою работою.

Вся система политических заговоров, захватов власти, пущенная в ход якобинцами 89 г. и, с легкой их руки, подхваченная якобинцами Италіи, Испаніи в первой четверти настоящаго вѣка, может служить примѣром того, как шатки, непрочны политическіе перевороты, совершающіеся сверху, «во имя народа», но без его иниціативы. Да и понятно. Развѣ может быть прочна та система, которая основывается главным образом на принципѣ: «все для народа, но ничто при посредствѣ самаго народа?» Люди, исповѣдующіе этот принцип, само собою, отрицают всякую иниціативу в народѣ, считают массу совершенно индифферентною, безразличною средою, над которою позволительно продѣлывать всевозможные фокус-покусы. Как бы ни были такіе люди преданы народу, как бы искренни ни были их симпатіи и стремленія, способ их реализации должен непремѣнно и роковым образом приводить к діаметрально противоположным результатам. Вспомните, напримѣр, хоть знаменитых эксцентриков-революціонеров, якобинцев 1789 г.—Робеспьера, Дантона и Марата! Они сложили свою голову на плахѣ. Вы думаете: за народ? О, нет! За «единую нераздѣльную республику» т. е. за старый принцип государственности. Какова была их тактика, система? Террор, насиліе и принужденіе. Во имя чего они это дѣлали? Во имя прав человѣка, прав народа, а особенно во имя общественной безопасности. Сторонники по преимуществу правительственной иниціативы, ставя выше всего государство, якобинцы предоставляют себѣ, во имя громких и высоких принципов, думать и дѣлать все, что им угодно. Абстрактно понимая свободу, они во имя ея уничтожают монополіи, привиллегіи, цехи и другія корпораціи, и в то же время во имя той же свободы издают декреты, лишающіе рабочих права ассоціацій, сходок, стачек, т. е. естественнаго права самозащиты. «Якобинство (говорит Прудон) было главною причиною паденія свободы во Франціи, и оно же с 1804 по 1815 г. грозило уничтоженіем ея во всей Европѣ».

«Наполеон I, образованный в школѣ Робеспьера, который был для него всегда великим геніем, захватив власть, сдѣлался тотчас же идолом якобинцев. Оттого они и прозвали его Робеспьером на конѣ. Его 18 брюмера можно считать как бы отмщеніем за 9 термидора. Он наполнил якобинцами свой

главный штаб, свои совѣты, свою администрацію и всѣх их возвел в дворянство. Зато и секта выказала ему свою признательность; она изобрѣла формулу посвященія: «император значит—революція, император значит—демократія».

Таков якобинизм, каким рисует его Прудон, этот честный и талантливый защитник народных прав и интересов. Он совершенно прав, утверждая, что политическая свобода якобинцев привела во Франціи к политическому рабству наполеоновскаго абсолютизма. Но было бы несправедливо думать, что якобинцы стремились к этому сознательно. Для лучших представителей его политическая свобода была не пустое слово, не пустой звук, брошенный на вѣтер, а искреннее, глубокое убѣжденіе, выработанное у них под вліяніем древних классиков и современной им философіи. Это была своего рода религія, «благая вѣсть», которой они мечтали обновить одряхлѣвшее общество и водворить царство Свободы, Равенства и Братства. Мечтатели сложили голову за эту свободу, но сами вырыли ей яму, сами разбили тот кумир, которому поклонялись! Виновата та система, тѣ способы и пріемы борьбы, которыми они хотѣли реализировать свой идеал, свою «единую нераздѣльную республику».

В послѣдних трех словах скрываются причины и послѣдствія их пораженія и гибели. Что такое «единая нераздѣльная республика». Это—абсолютная монархія Людовика XIV, говорившаго, что «государство—это я», это—имперія Наполеона, утверждавшаго, что «имперія—это революція, демократія». В основѣ их один принцип—государственность и централизація: авторитет и иниціатива власти, с одной стороны, безгласность и подчиненіе массы—с другой.

Раз революціонная партія выставила на своем знамени этот принцип, она—партія реакціи и застоя. Она теряет почву под ногами, лишается довѣрія и поддержки массы, и, слѣдовательно, сама себя обрекает на пораженіе и смерть.

Лучшей иллюстраціей нашей мысли могут послужить отношенія французских крестьян к первой республикѣ. Еще в своих наказах національному собранію народ прямо заявляет, что если не будет приступлено немедленно к отмѣнѣ феодальнаго права, то он откажется присягнуть конституціи, а слѣдовательно и защищать отечество от грозившей ему внѣшней

опасности. Эта угроза крестьян так сильно подѣйствовала на законодателей, что они немедленно декретировали уничтоженіе феодальныхъ правъ. Что эта угроза могла бы легко осуществиться, можно убѣдиться на примѣрѣ вандейцев. Эти послѣдніе возстали на защиту стараго режима, главным образом, потому, что с ним невольно ассоціировалось у них представленіе об извѣстной степени экономической обезпеченности. Извѣстно, напр., что в нѣкоторых мѣстностях Вандеи вплоть до самой революціи сохранилось личное крѣпостное право, а с ним и крѣпость лица к землѣ. Благодаря этому, экономическое положеніе этих, крѣпких к землѣ, крестьян было сравнительно лучше, чѣм положеніе лично свободных, но обезземеленых. Если к этому прибавить ту ненависть, которую питали к возроставшему в то время волонтеріату всѣ французскіе крестьяне, а особенно вандейцы, то станет совершенно понятным, почему эти послѣдніе так отчаянно защищали старый порядок. Роялисты прекрасно [9] знали в этом отношеніи вандейцев и умѣли эксплуатировать их в свою пользу.

Если мы обратимся теперь к политическим движеніям Испаніи и Италіи в первой четверти настоящаго вѣка, то найдем массу аналогичных явленій, подтверждающих вышесказанную мысль.

В Испаніи эти явленія выражены особенно рѣзко. В то время, как высшіе интеллигентные классы, проникнутые философскими идеями XVIII вѣка, увлекались политическими идеями французских якобинцев, народ служил слѣпым орудіем реакціи в руках попов, монахов и іезуитов. Политическая исторія Испаніи новѣйшаго времени до послѣдних дней состоит из безпрерывных, упорных, сопровождаемых с обѣих сторон ужасными жестокостями, междуусобиц двух партій: либерально-конституціонной, опирающейся на войска и городское населеніе, и реакціонно-монархической, опирающейся главным образом на духовенство, крестьян, разбойников и разнаго рода подвижной, бродячій элемент. Не проходило года без мятежа или государственнаго переворота. То побѣждают одни, то другіе. То заводятся конституціонные учрежденія, широкая политическая свобода, кипит либеральная дѣятельность, то все это уничтожается одним ударом: водворяется «законный порядок», упразд-

няются и уничтожаются нововведенія, начинаются гоненія, преслѣдованія, неслыханныя жестокости и казни. Революціонная мысль, лишенная возможности высказаться открыто, работает тайно, подпольно. Вся Испанія покрывается сѣтью тайных обществ, заговоров. Ожидается подходящій момент, чтобы поднять знамя возстания. Так было, напр., в 1820 г., когда войска, собранныя в Кадиксѣ для отправки в Америку, совершили военную революцію и возстановили конституцію 1812 г. Король испанскій, «возлюбленный» Фердинанд, торжественно клялся в вѣрности конституціи. Но реакція не дремала. Она пошла работать тѣм же путем, что и революціонеры. Начинается энергичная агитація в средѣ преданных реакціи крестьян, вербуются волонтеры во имя «священной войны против еретиков-революціонеров», составляются банды, вспыхивают повсемѣстныя возстанія. Фердинанд благословляет «священную войну», призывает французское оружіе и при помощи его подавляет революцію. Снова начинается реакція—реакція, неслыханная в лѣтописях исторіи. В теченіе 3 мѣсяцев казнено до 3.000 революціонеров!

Совершенно такую же картину, с небольшими лишь оттѣнками, представляет нам революціонное движеніе в Италіи.

Слух о революціи в Испаніи быстро облетѣл всю Европу и вызывал такія же движенія, во имя тѣх же идеалов и принципов, в Италіи. В Сициліи, Неаполѣ и Сардиніи почти одновременно вспыхивают возстанія. Милан был взят инсургентами-карбонарами, которых в то время насчитывали в Италіи до 300.000 человѣк. Созвана была юнта и введена конституция, буквально списанная с испанской: Король Фердинанд со слезами на глазах присягнул конституціи. Потом пошла старая, но «всегда новая исторія». Реакція, встревоженная этими повсемѣстными возстаніями, затрепетала, и «союзныя арміи» Меттерниха поспѣшили потушить революціонный пожар.

Такова была судьба политических переворотов в первой четверти текущаго столѣтія в большей части Европы. Мы видѣли, во имя каких идеалов они совершались, какія общественныя группы в них участвовали, какія средства и орудія борьбы ими практиковались и наконец, каково было отношеніе к ним массы крестьянскаго народа. Но традиціи конституціонной

свободы на умерли. Грянула февральская революція. Революціонная волна из Франціи быстро распространилась по всей Европѣ. «Божіею милостію» монархи то бѣжали в страхѣ, то должны были уступить требованіям времени и, волею-неволею, дать конституціи:

Таким образом, конституціонныя идеи, послѣ долгой и упорной борьбы, восторжествовали по всей Европѣ в 1848 г. Но торжество конституціонных идей стало торжеством буржуазіи. С этого момента она выступает борцом и проводником их в политической жизни западных народов. Для нея эти идеи нужны, как средство борьбы против враждебных ей элементов: королевской власти, гдѣ таковая есть, с одной стороны, и массы рабочаго сословія повсюду—с другой. Чѣм сдѣлалась буржуазія для народа, слишком хорошо извѣстно.

Февральская революція—это первый массовый протест французскаго рабочаго против буржуазной формы эксплуатаціи его труда. С этого момента на историческую арену выступает рабочее сословіе, выразителем мнѣній и стремленій котораго в научной формѣ является соціализм. Лучшіе передовые люди на западѣ отказались в настоящее время от идеалов политической свободы, как отживших свое время, и избрали своим лозунгом соціализм, во имя котораго они организуют, сплачивают и подготовляют массы.

Задачи их—реорганизація экономических и общественных отношеній при посредствѣ народа и самим народом.

Если для вас неубѣдительны выше-приведенные мной факты из европейской исторіи, то я попрошу вас вспомнить кое-что из исторіи польских движеній, особенно послѣдняго времени. Главная тенденція этих движеній—политическая независимость Польши, казалось, должна была бы обѣщать полный успѣх иниціаторам.

Политически-національная независимость во всяком случаѣ принцип слишком понятный для народа, чтобы не откликаться на него, чтобы не возстать во имя его. Образованіе в новѣйшее время независимаго итальянскаго королевства, автономія Венгріи, независимость Румыніи, Черногоріи, Сербіи и пр.,—все это факты, говорящіе в нашу пользу.

Отчего же польскія возстанія окончились так плачевно? Главная, по нашему мнѣнію, причина заключается в том, что поль-

скіе заговоры, агитаціи по преимуществу ограничивались привиллегированным и городским сословіем. Масса же польскаго и литовскаго крестьянства не была пріобщена к этим движеніям. Партія «бѣлых», состоявшая главным образом из знатных и богатых дворян, вообще была всегда очень умѣренна и только впослѣдствіи, когда движеніе разрослось, она пристала к нему. До крестьян этой партіи никакого дѣла не было: по своим традиціям дворянским, она слишком презирала это «быдло», чтобы об нем думать, и слишком высоко цѣнила свои сословно-дворянскіе интересы.

Партія «красных», состоявшая из интеллигентной молодежи, сразу поставила вопрос как слѣдует: она поняла, что масса только тогда станет за них, когда ей обезпечат необходимыя экономическія льготы. А отсюда понятно, почему «красные» потребовали освобожденія крестьян от [10] крѣпостного права и надѣленія их землею без всякаго выкупа. К сожалѣнію, «красные» сосредоточили свою дѣятельность в городѣ, гдѣ их сторонниками были ремесленники, фабричные и заводскіе рабочіе. Если бы «повстанцы» догадались сорганизовать крестьянство, то успѣх возстанія был бы несомнѣнен. Нетолько русское правительство, но и союз трех сосѣдних государств вряд-ли могли бы что либо сдѣлать с партизанским народным возстаніем.

Если опыт Западной Европы неизбѣжно приводит нас к отрицанію идеалов политической свободы, как средств, способных осуществить народныя желанія, то собственная наша исторія приводит нас к тому же, но иным путем. Спокон веку наша исторія шла таким образом, что между государством и народом не образовались и не могли образоваться промежуточныя, самостоятельныя общественныя группы. Наша исторія выработала лишь двѣ самостоятельныя враждебныя одна другой силы—государство и народ.

Отсутствіем указанных промежуточных групп и объясняется бѣдность нашей общественной жизни. Общественное мнѣніе, как выраженіе преобладающаго в данное время направленія, у нас едва теперь зарождается. До этого у нас были отдѣльныя лица, группы лиц,—кружки того или другого направленія, с тѣми или другими оттѣнками. Эти лица или кружки, не имѣя опредѣленных сословных традицій, то приставали к госу-

дарству, служа ему непосредственно—во вред народу, то стояли особо, образуя центр, вокруг котораго группировалось все молодое, честное и интеллигентное. Задачи и цѣли этих кружков, широта их умственнаго кругозора, круг их дѣятельности, естественно, должны были измѣниться со временем и сообразно тѣм условіям, посреди которых им приходилось существовать.

Но не смотря на это видимое различіе кружков, в них нельзя не замѣтить общаго, так сказать, основного тона. Этот основной тон выражается в том стремленіи к умственному развитію, которое составляет характерную черту всѣх наших кружков в разныя времена. Таковы были, напр., кружки Новикова, во времена Екатерины и кружки Станкевича и Бѣлинскаго в новѣйшее время, умственныя завоеванія, сдѣланныя западноевропейскою наукою в разнообразных сферах знанія, а особенно в соціологіи, усилили умственное броженіе наших кружков, пробудили в них критику мысли в опредѣленном, соціальном направленіи. Раз мысль начала работать в этом направленіи, она неизбѣжно должна придти к отрицанію современных государственных и общественных форм, как тормазов нормальнаго развитія отдѣльных личностей и масс.

Из кружков, таким образом, исключительно «самообразованія», «саморазвитія» с теченіем времени вырабатываются группы с опредѣленными политически-экономическими тенденціями. Являются кружки радикальные. Из области толкованій, прений и самоуясненій они переходят в сферу практической дѣятельности—они становятся революціонными. Таковы были кружки Декабристов и Петрашевцев. Первые имѣли характер по преимуществу политическій, вторые—экономическій. Декабристы, проникнутые политическими идеалами французских революціонеров, задумали, подобно им, государственный переворот с цѣлью освобожденія Россіи от ненавистнаго им правительственнаго гнета. Это был первый и единственный в нашей исторіи строго-задуманный план военнаго заговора. Сомнительно, чтобы они, в случаѣ даже полнаго успѣха, съумѣли удержаться на высотѣ своих задач и стремленій. Мы видѣли, к чему привел якобинизм в Европѣ. Дальнѣйшая исторія нашей радикальной мысли есть исторія развитія нашей революціонной партіи, задачи и стремленія которой болѣе или менѣе извѣстны.

*

Из этого бѣглаго очерка явствует, что нашею прошедшею исторіею созданы такія условія, в силу которых дѣятельность лучшей части нашей интеллигенціи должна была, по необходимости, получить двоякое направленіе: либо служить правительству, либо стать о с о б о,—воспитывая и возбуждая вначалѣ лишь о б щ е с т в е н н о е самосознаніе, а впослѣдствіи, с дальнѣйшим развитіем критики мысли,—и н а р о д н о е. Но становясь на сторону народа, она естественно должна была сдѣлаться носительницею е г о идеи, которая во всяком случаѣ не могла быть политическою, или же потерпѣть полное фіаско, как это было, напр., на Западѣ.

Вы, конечно, теперь легко можете убѣдиться, что мы сами заражены тѣм непріятным для вас «предразсудком», который отрицает политическую борьбу и политическіе перевороты. Впрочем, считаем нужным оговориться. Мы возстаем против полит. борьбы не безусловно, а ставим ее в зависимость от предварительной революціонной работы в народѣ. В отношеніи к Россіи необходимость этого способа дѣйствія доказывается, по нашему мнѣнію, почти математически. Скажите, каким образом вы думаете осуществить политическій переворот в Россіи? Думаете-ли опереться на какія-либо сословія или же на собственныя силы—силы партіи? Кромѣ заговоров—дворцоваго и военнаго,—мы не видим других путей для осуществленія политическаго переворота у нас в настоящее время.

Что касается дворцоваго заговора, то мы убѣждены, что вы не станете и рук своих марать в этой грязной работѣ.

Какое значеніе имѣют и к чему могут приводить военныя революціи, мы уже неоднократно говорили. Россія в этом случаѣ не может быть исключеніем. Романовы, надѣемся, не откажутся без борьбы, если такая понадобится, от своих «Божіею милостію» прав. Для них вдоволь хватит у нас реакціонных элементов во всѣх сферах, чтобы с их помощью устроить контр-революцію и подавить заговор. Что за этим послѣдует—извѣстно. На другія же сословія, кромѣ военнаго, вряд ли вы сами разсчитываете. Это, по крайней мѣрѣ, явствует из ваших собственных слов, из той характеристики, которую вы даете современному государству нашему. Дворянство, молодая наша буржуазія, литераторы, ученые и пр. не имѣют у нас пока никакой самостоятельной силы, а составляют лишь неотдѣлимую часть нашего

государства, с которым они связаны болѣе или менѣе искренно общими интересами. Они слишком пассивны, неопытны в борьбѣ, безпринципны—кромѣ принципа наживы,—чтобы рисковать своим привиллегированным положеніем, своим кошельком ради борьбы с правительством, котораго они спокон вѣку покорно слушались. Остается наша молодая интеллигенція и многія отдельныя личности разных сословій и положеній. Они-то и составляют главный контингент нашей революціонной партіи, ими она восполняется и растет.

Спрашивается: что может сдѣлать эта, сравнительно, немногочисленная группа, полная энергіи и рѣшимости, [11], вѣрующая в себя и в свои принципы, в смыслѣ захвата власти, политическаго переворота?

Не знаю, товарищи, представляете ли вы себѣ это конкретно. Единственное орудіе ея борьбы—это систематическая терроризація правительства, в роде той, которая так ловко практиковалась польским «жондом» в послѣднем возстаніи.

Но исторія послѣдняго доказала, что кинжал революціонеров—недостаточно устойчивая точка опоры для зданія не только политической свободы, но и національной независимости.

Положим даже, что вам повезет, почему бы то ни было,—ведь вся ваша система террора основана на случайностях,—тогда правительство, напуганное и смущенное, вынуждено будет пойти на уступки, согласиться созвать «обывателей», допустить Земскій Собор, словом, даст конституцію. Не знаю, товарищи, задумались ли вы крѣпко над тѣм, какія серьезныя и важныя последствія для народа (ведь вы все это, конечно, дѣлаете для «народа») могут возникнуть из этого вновь созданного вами положенія вещей? Вы потому именно теперь так сильно настаиваете на необходимости непосредственной борьбы с правительством и на необходимости конституціоннаго режима, что желаете, во-первых, задержать у нас процесс образованія буржуазіи, как экономическаго и политическаго класса, и, во-вторых, очистить путь для болѣе плодотворной дѣятельности в народѣ. Но поймите, что, дѣйствуя теперь таким образом, вы фатально, помимо своей воли, добиваетесь совершенно противоположнаго! Правда, наша буржуазія, как политическая сила, пока находится лишь в потенціональном состояніи. Но, слабая поли-

тически, она в настоящее время, при общей нашей экономической бѣдности—народа, дворянства и других соціальных групп—составляет единственную солидную силу. Правительство в настоящее время принимает всѣ мѣры, для увеличенія роста ея. Покровительственный тариф, система внутренних займов, субсидіи на железно-дорожныя и другія крупныя предпріятія,—это первоначальное капиталистическое накопленіе совершается с вѣдома правительства, для него самаго и для излюбленнаго его дѣтища—буржуазіи.

Кромѣ этой непосредственной помощи, правительство способствует ея развитію и косвенно—цѣлым рядом законодательных мѣр, клонящихся к «упраздненію» общины. Общинное землевладѣніе, очевидное дѣло, стоит на дорогѣ нашему буржуа, надо его, значит, убрать. Каковы тенденціи нашей буржуазіи, привожу нѣсколько крупных фактов из нашей недавней общественной жизни.

В 1870 г. петербургское земство ходатайствовало о введеніи подворнаго владѣнія, а в 1872 г. мнѣнія большинства лиц, выслушанных коммиссіею для изслѣдования сельскаго хозяйства, высказались в этом же смыслѣ. Наконец, разосланные в 1878 г. в присутствія по крестьянским дѣлам вопросы о способах замѣны общиннаго владѣнія подворным, доказывают, что заключенія коммиссіи приняты во вниманіе. В настоящее время, кажется, вошло уже в силу правительственное постановленіе, которым облегчается выход общинника из общины.

Развѣ не характерно заявленіе московской биржи, недавно поданное Грейгу о том, чтобы всѣ финансовыя мѣропріятія правительства совершались с ея вѣдома, сообразно ея интересам?

Всегда осторожная, боящаяся всяких заговоров и смут, буржуазія наша, тѣм не менѣе, прекрасно съумѣет воспользоваться тѣм переполохом, который вы намѣрены произвести. Когда понадобится, она обнаружит немало энергіи, находчивости и ума. Найдутся писатели, ученые и ораторы, готовые защищать ее, облечь ея требованія в законную форму. Да и теперь уже большинство наших ученых и публицистов, за весьма немногими исключеніями, работают в пользу буржуазіи. Возьмите, напр., хоть бы «Труды» разных наших коммиссій, проекты вольно-экономическаго, ссудо-сберегательнаго и других обществ, чтобы убѣдиться в том, что буржуазная тенденція, если не сказать

наука, вполнѣ сложилась у нас и что она ждет лишь политической арены.

Вот эти-то люди—ученые, адвокаты, литераторы, но больше всего и по преимуществу капиталисты, крупные и мелкіе хищники и проч., и проч.—имя им легіон—с остервененіем набросятся на тот «общественный пирог», который будет преподнесен им Александром II, или Александром III, или же временным революціонным правительством—все равно, под видом конституціи.

В то время, как эти жадныя акулы будут пожирать и упиваться этим «пирогом», вы будете стоять в сторонѣ и... злобствовать.

Народ же не станет за конституцію, как это было всегда и повсюду. Вы разсчитываете на избирательную агитацію, на депутатов, которые будут представлять крестьянство; напрасно, и вот почему: когда совершится переворот сверху, народ будет захвачен врасплох. Правительственная перемѣна, без вякаго сомнѣнія, вызовет в нем сильное броженіе. Начнутся, как это обыкновенно бывает, самые разнообразные толки, имѣющіе непосредственное, разумѣется, отношеніе к его земельным интересам, будут, может быть, посылаться прошенія, ходаки. Могут даже быть мѣстные бунты и всякаго рода «нарушенія общественной тишины». Словом, движеніе будет сильное, но не настолько, чтобы оно послужило в пользу народу. Что же из этого выйдет? В этом хаосѣ воспользуются прежде всего враждебные народу элементы, как это было и всегда.

Вспомните, напр., исторію крестьянских приходских наказов перед началом великой революціи. Как их фальсифицировали, урѣзывали и передѣлывали в средних и высших инстанціях. Весьма также интересна в этом отношеніи недавняя еще исторія плебесцита во Франціи. А какова избирательная система в Великобританіи, мы ссылаемся на рѣчь Гладстона, произнесенную им в парламентѣ в 1872 г. по поводу ирландскаго земельнаго билля. В этой рѣчи оратор констатирует факт, что в Англіи и в Ирландіи помѣщик принуждает фермера, под страхом изгнанія его с арендуемаго им участка земли, подавать голос во всѣх общественных и парламентских выборах по приказанію лорда-вотчинника.

Подобная же система выборов будет несомнѣнно практиковаться и у нас, как это уже и теперь происходит в небольшом видѣ при выборах земских и городских гласных. Какую роль играет народ в этих собраніях—прототипах будущаго Земскаго Собора—слишком хорошо всѣм извѣстно. В городѣ в Земскій Собор попадает богатый, вліятельный купец, в деревнѣ в большинствѣ случаев—богатый, «знатный мужик»—«хозяйственный мужичек»,—[12] надежда и радость наших либеральных публицистов и становых приставов, которые с рѣдким единодушіем относят ожиданіе чернаго передѣла к числу «историческихъ предразсудков нашего народа». В число депутатов от крестьян попадет также мѣстный землевладѣлец—«барин». Всѣ эти люди попадут главным образом вслѣдствіе экономической от них зависимости населенія: подкуп, интрига и систематическое спаиваніе или прямое запугиваніе выступят тогда в полном блескѣ. Нѣт сомнѣния, что попадут в Земскій Собор и честные люди, представители крестьянских интересов, но таковых, по необходимости, будет так мало, что вліяніе их останется ничтожным.

Вы указываете на Галицію, гдѣ в 1848 г. представителей от крестьян было много в рейсхратѣ. К сожалѣнію, вы не приводите числового отношенія этих дѣйствительных представителей крестьянских интересов к фиктивным; а без этого трудно судить об участіи галиційских крестьян в избирательной агитаціи, а, слѣдовательно, и о значеніи этой агитаціи. Сколько бы их ни было, присутствіе их во всяком случаѣ не помѣшало галичанам поддерживать реакціонную политику вѣнскаго правительства, политику, которую вы, товарищи, едва ли рѣшитесь назвать выражавшею интересы галиційскаго народа.

Раз мы признали, что избирательная агитація, при указанных выше условіях, будет вестись у нас неправильно, мы, конечно, не можем придавать какое-либо серьезное значеніе Земскому Собору, как выразителю народной воли, а слѣдовательно, и той конституц:и, которая будет продиктована этими представителями. Так я смотрю на нашу конституцію, всякую, которая добывается тѣм способом, какой вы рекомендуете. Но не думайте, пожалуйста, товарищи, что я вообще против конституціи, против политической свободы.

Я слишком уважаю человѣческую личность, всех честных и искренних людей, чтобы быть против политической свободы.

Как на Западѣ, так и у нас стремленіе к политической свободѣ есть результат нашего прогрессивнаго умственнаго развитія, продукт нашего общественнаго самосознанія—понятіе вполнѣ опредѣленное, оформленное и ясно сознаваемое.

Для народа политическая свобода есть инстиктивное стремленіе к свободѣ вообще, она у него всегда и непремѣнно ассоціируется с каким-нибудь конкретно-осязаемым представленіем—фактом (право равнаго пользованія и владѣнія землею, право каждаго человѣка пользоваться продуктами своего труда, право каждаго взрослаго рабочаго участвовать в обсужденіи общественных вопросов и проч.). Слѣдовательно, говорить что идея политической свободы для народа—вещь непонятная ненужная—не резон. Она для него такая же необходимая потребность, как и для интеллигентнаго. Разница в том, что эта потребность у народа сростается с другими, болѣе насущными, основными потребностями экономическаго свойства. Эти-то послѣднія должна принять в резон каждая соціально-революціонная партія, если она желает, чтобы политическая свобода была вполнѣ обезпечена и гарантирована от узурпацій и искаженій враждебных ей элементов. А это может быть достигнуто лишь организаціей в народѣ боевой партіи на почвѣ экономических отношеній, как их понимает народ.

Задачи такой партіи: подготовлять умы, средства и орудія борьбы—в мирное время; регулировать, направлять движеніе — в революціонное. Чѣм раньше такая народная партія съорганизуется, тѣм вліятельнѣе она будет в момент революціи, тѣм больше она будет имѣть шансов утилизировать ее в интересах народа. Для такой дѣятельности, понятно, требуются люди с извѣстной выработкой характера, способные приспособляться к народной средѣ, организовать, сплачивать народ,—словом, требуется тип народнаго организатора-революціонера.

Если этот тип пока и рѣдкость в нашей средѣ, то отчаяваться этим особенно не слѣдует; он выработается практикой, опытом, как это бывает во всякой дѣятельности. Притом мы вовсе не думаем, чтобы вся тяжесть револ. дѣятельности в народѣ лежала бы исключительно на интеллигенціи.

Наша роль в народѣ — по преимуществу иниціаторская, все остальное должно дѣлаться самим народом, лучшими его представителями. Народ же давным давно выработал этот тип. Я говорю о тѣх протестующих элементах, которые во всякое время можно найти в народѣ—будь это сектатор в родѣ Никиты Семенова или же ловкій смышленый агитатор в родѣ Прядко. Как энергично, ловко ведут свои дѣла эти народные организаторы, можно видѣть, напр., из недавно помѣщенной, кажется, в «Молвѣ», корреспонденціи из Вологодской губ. о сектантѣ-бѣгунѣ 20 лет, проповѣдывавшем свое теологически-анархическое ученіе в своем родном селѣ в виду начальства. О другом подобном же типѣ я собрал недавно самыя вѣрныя свѣдѣнія. Это—женщина-шалопутка, нѣсколько лѣт пропагандировавшая на далеких окраинах Россіи, а в настоящее время она продолжает ту же работу в одной из центральных губерній. Эти типы и созданныя ими организаціи могут служить лучшим отвѣтом тѣм из наших скептиков, которые слишком мало вѣрят в народную самодѣятельность.

Этот скептицизм обыкновенно происходит либо от недостаточнаго знанія народной жизни, либо от преднамѣреннаго игнорированія хороших ея сторон. А между тѣм нѣт предразсудка болѣе вреднаго, болѣе опаснаго, чѣм этот. Обыкновенно думают, что «сѣрая» народная масса совершенно однородна, и по двумтрем фактам позволяют себѣ дѣлать обобщенія. Люди, жившіе нѣсколько с народом, знают, какое громадное разнообразіе в привычках, взглядах, в степени умственнаго развитія и способности к активному протесту представляет этот народ в предѣлах даже одной волости. Такая разнородность массы составляет, по нашему мнѣнію, самое благопріятное условіе для револ. дѣятельности.

Настоящій момент мы считаем наиболѣе благопріятным и необходимым для этого. Правительственный гнет, правда, поставил нам на пути новыя препятствія, но они не непреодолимы. Если трудно дѣйствовать в извѣстном положеніи, то можно выбрать многія другія, менѣе уловимыя для правительственнаго надзора. Напрасно вы думаете с автором «письма из деревни», что теперь созданы в деревнѣ такія условія, при которых революціонная дѣятельность крайне непродуктивна, так что при-

ходится «биться об народ, как рыба об лед». Единственный вывод, который, по нашему мнѣнію, можно сдѣлать из письма вашего автора, это то, что в настоящее время нельзя заниматься культурною дѣятельностью, так как приходится каждую минуту открыто сталкиваться с такими [13] элементами, для которых эта дѣятельность помѣха. Но я спрошу: развѣ революціонеру необходима такая дѣятельность, чтобы о ней печаловаться? Пусть об этом плачутся культур-трегеры! Революціонер же всегда и при всяком правительстве найдет поле для своей дѣятельности—это тайная, подпольная агитація. Развѣ метерниховская реакція помѣшала организаціи массѣ тайных обществ в Испаніи и Италіи? Развѣ у нас военное положеніе мѣшает дѣятельности городского террора?

Нам кажется, товарищи, что вы слишком уж мрачно смотрите на деревенскую дѣятельность, слишком мало вѣрите в способность народа к революціонной организаціи.

Вы не вѣрите в народ, вы не вѣрите в революцію! Но что значит, спрошу вас, не вѣрить в революцію? Развѣ можно не вѣрить в то, что есть явленіе естественное, историческое и необходимое? Даже такіе спокойные, объективные историки, как Шлоссер и Циммерман, и то вѣрят в неизбѣжность революціонных движеній. Да иначе и быть не может. Пока будут существовать такія ненормальныя общественныя отношенія, при которых большинство будет эксплуатироваться меньшинством, пока существует антагонизм, рознь интересов, до тѣх пор, говорим мы, разнаго рода противорѣчія могут быть разрѣшены не иначе, как революціонным путем. Если внимательно наблюдать общественныя явленія, то между ними можно всегда открыть такіе симптомы, на основаніи которых можно с нѣкоторою вѣроятностью діагносцировать приближеніе революціи. Надо только имѣть глаза, чтобы видѣть, и уши—чтобы слышать.

Так как революція обыкновенно подготовляется исподволь, то можно замѣтить некоторую постепенность в явленіях. Сначала, пока паталогическія явленія еще слабы, в массѣ обладает настроеніе мирное, желаніе порѣшить многія недоразумѣнія соглашеніем, законным путем. Это—період пассивнаго протеста (посылка ходаков, прошеній и челобитных всякаго рода).

Второй період—*періодъ активнаго протеста*—начинается тогда, когда вѣра в законный путь утрачена, когда одновременно с этим паталогическіе процессы обострились. Этот період проявляется увеличеніем числа преступленій против собственности, разнаго рода аграрными преступленіями, наконец, болѣе или менѣе крупными *спорадическими* бунтами. Этот же період обыкновенно бывает богат разнаго рода толками и «превратными слухами», волнующими и возбуждающими народ.

Наконец, когда всѣ противорѣчія, экономическія, общественныя и государственныя доходят до крайней степени своей интенсивности, тогда всѣ мелкія, изолированныя движенія быстро, почти мгновенно, под вліяніем случайной искры, объединяются и сливаются в одно разрушительное революціонное движеніе. Это третій період—революціонный. Для революціонной партіи, в подготовительном смыслѣ, самый важный період—это второй. В этот період партія должна напречь *всѣ* свои усилія, всю свою энергію, *чтобы во что бы то ни стало* организовать революціонную партію в народѣ. В противном случаѣ она рискует быть застигнутою, как «тать в нощи», т. е. не воспользоваться результатами революціи. Необходимость этой партіи во второй період важна еще в том смыслѣ, что партія может значительно ускорить исход его, бросить ту искру, которая нужна для революціоннаго пожара. Она может, если это найдет нужным, часть сил отрядить в город.

Крупный террористическій поступок в городѣ в извѣстный момент может быть очень кстати. Неожиданный, смѣлый удар сверху, цѣлый ряд систематических нападеній снизу разрушат старый экономическій и государственный строй, и на развалинах его воздвигнуто будет новое, созданное самим народом общество. Какова будет форма новаго общества, и как скоро и быстро совершится процесс разрушенія стараго, мы об этом пока говорить не будем. Но что мы в настоящій момент переживаем *второй* критическій період, мы в этом глубоко убѣждены.

Положеніе нашего крестьянства, по сознанію даже легальной литературы, поразительно напоминает собою положеніе французских крестьян в концѣ XVIII в., наканунѣ революціи.

Все остальные симптомы, которыми характеризуется второй період, выражены теперь очень ясно.

Ближайшею задачею нашею, слѣдовательно, должна быть организація теперь той народно-боевой партіи, о значеніи которой мы уже говорили.

Если мы этого не сдѣлаем, если мы к этому не подготовим народ, революціонное движеніе, как всякое стихійное движение, может пройти грозою через всю Россію, не принося народу ничего существеннаго. Революціонная партія, которая отказалась бы теперь от народа, стала бы партіею застоя и реакціи.

Тяжолое, подавляющее впечатлѣніе производит на нас теперешнее положеніе революціонной мысли. Под вліяніем исключительных условій минуты люди фактически отказываются от живых, признанных наукою принципов, ради будто «новых», но в сущности давным-давно отживших и отвергнутых наукою. И люди вздумали расходиться в самый критическій момент как партіонной, так и народной жизни.

8 декабря 1879 года.

ЧИГИРИНСКОЕ ДѢЛО.

Крестьянское общество «Тайная Дружина».

(Опыт революціонно-народной организаціи).

Не стану входить в подробное изложеніе экономическаго положенія крестьян Чигиринскаго уезда: с одной стороны оно выдается своею особенностью в ряду большей части мѣстностей нашего отечества, с другой—цѣль этой записки: представить мой образ дѣйствій в попыткѣ создать революціонную организацію в народѣ. Как извѣстно из судебнаго процесса 17 іюня 1877 г. («Кіевлянин», фельетон—«Чигиринское дѣло»), волненія чигиринских крестьян возникли еще в 70-х годах из-за требованія душевой разверстки земли, вмѣсто бывшей участковой. Люстраціонныя коммиссіи, снаряжавшіяся правительством для улаженія крестьянских дѣл, давали только повод к усиленію этих волненій. Произвол в нарѣзкѣ участков, потворство извѣстному грабителю общественных земель—миров. поср. Шушерину, фактическое запрещеніе переселеній (выселяться разрѣшено было только бобылям, т. е. безземельным, а таких в полном

смыслѣ слова в этой мѣстности не [14] существовало) и, самое главное, принужденіе к участковому владѣнію землею всѣх крестьян—побудили большую часть послѣдних отказаться от составленных коммиссіями люстраціонных актов. В крестьянствѣ распространилось глубокое убѣжденіе, что дѣйствія и постановленія коммиссій противны волѣ царя, которому приписывались намѣренія, совершенно тождественныя с желаніями крестьян. Желанія эти в началѣ не шли далѣе разверстки на души тѣх только земель, которыя входили в предѣлы дач волновавшихся сел; но мало-по-малу, благодаря слухам, разносимым богомольцами и разным другим прохожим и бывалым людом, крестьяне стали сильно сомнѣваться в законности поземельных платежей и вѣрить в существованіе неприведеннаго в исполненіе царскаго указа об отнятіи от помѣщиков всѣх земель и об увеличеніи вслѣдствіе этого душевого надѣла до 15 дес. В числѣ множества легенд, распущенных в народѣ, особенной популярностью пользовалась слѣдующая. Царь поспорил с министром (каким—неизвѣстно); первый утверждал, что большинство крестьян желает душевого (общиннаго) владѣнія землей, второй—что участковаго. В доказательство своей правоты министр предложил сдѣлать перепись желающих того и другого способа земельной разверстки, и если он, министр, останется прав, то царь обязывается всѣх участковых подарить ему. Исторія, разсказанная в этой легендѣ, пріобрѣла такую несомнѣнность, что крестьяне говорили губернатору, явившемуся по поводу волненій в с. Шабельники: «Мы царевы и не хочем буты за министром, бо вже добре знаемо, як то буты пид панами». Сначала крестьяне ждали губернатора, в увѣренности, что он рѣшит дѣло в их пользу; но должны были убѣдиться в противном и рѣшили доставить непосредственно самому царю прошеніе с жалобою на беззаконіе властей (это были волости: Шабельники, Боровица, Адамовка, Мудровка, Чаплище, Цвитпа, Новоселица). Во главѣ семи ходаков стоял извѣстный Ѳома Прядко, легенды о котором далеко не соотвѣтствуют личным его качествам, как пришлось мнѣ убѣдиться в тюрьмѣ. Ходаков перехватили на дорогѣ (кромѣ Прядко, успѣвшаго скрыться) и по этапу препроводили во-свояси. Это еще болѣе укрѣпило убѣжденіе, что чиновники представляют царю ложныя свѣдѣнія о цвѣтущем

будто бы положеніи крестьян и оберегают его от непосредственных сношеній с послѣдними. Крестьяне еще тверже стали упорствовать: не хотѣли вносить поземельных платежей и наотрѣз отказали губернатору, явившемуся (в маѣ 75 г.), во главѣ экзекуціи, подписаться на участковые надѣлы. Меньшинство, болѣе наивное, поддалось на слѣдующую удочку: мировой посредник прочел им резолюцію министра и заявил, что это, мол, такая бумага, которую достаточно выслушать, чтобы отказ на участки не имѣл уже никакой силы; большинство разбѣжалось, а оставшіеся на сходкѣ поддались этому аргументу и подписали. Так разсказывали нѣкоторые из этой группы. Немало дѣйствовали на крестьян и подстрекательства Прядко, что их желанія и царева воля одно и то же, а также разносимые прохожим людом слухи о вышедшем будто бы, но скрытом панами, царском указѣ, которым повелѣвалось отнять у помѣщиков всѣ земли и надѣлить ими душевым способом всѣх крестьян. Появились и мѣстные экзальтированные фанатики, публично толковавшіе о божественных видѣніях, свидѣтельствовавших им о правотѣ их дѣла; такова, напр., Евдокія Лихошерстова. В маѣ мѣсяцѣ 75 г., как я уже сказал, были наконец употреблены экзекуціонныя мѣры*). Это была поистинѣ баши-бузукская расправа. Губернатор подзывал каждаго и спрашивал, согласен ли он подписаться на участковый надѣл; послѣ отказа приказывал валить на землю и сѣчь. Двоих засѣкли до смерти. Первыя избіенія были так чувствительны, что многіе поколебались и уступили, но большинство устояло. Экзекуція этим не ограничилась: приступлено было к описи и распродажѣ имущества для пополненія накопившихся недоимок. В ближних селах не хотѣли раскупать награбленнаго крестьянскаго добра; пришлось чинить распродажу подальше от мѣст волненій (в м. Смѣлѣ, напр.). Шабельницкая волость была раззорена до крайности; солдаты, водворенные здѣсь на постоѣ в январѣ 76 г., для окончательнаго усмиренія, довершили раззореніе. Около 100 хозяев были разосланы по тюрьмам. К этому бѣдствію присоединилась непримиримая вражда двух еще до экзекуціи существовавших сторон: душе-

*) Экзекуція была только в Шабельницкой вол. (села: Шабельники, Мордва, Погорѣльцы).

виков и участковых (они же и «ахтовые», подписавшіе люстраціонные акты). Душевики отказались от земли совсѣм, если правительство не хочет допускать душевую ея разверстку; поэтому вся, прежде бывшая во владѣніи душевиков, земля, подѣленная на участки, сдана была в пользованіе подписавшим акты люстраціонной коммиссіи. Послѣ этого, понятно, враждебное отношеніе душевиков к пайщикам.

Нельзя было не замѣтить, что в дѣлѣ волненій крестьяне руководились побужденіями чисто реальнаго свойства. Так, за участковый надѣл (не менѣе 12 дес.) оказались семьи, не изобиловавшія числом ревизских душ, вслѣдствіе чего душевой надѣл не представлял для них в суммѣ количественнаго перевѣса над участковым. За душевой надѣл стояли семьи с 4, 5 и болѣе ревизскими душами. Мировой посредник лишил душевых права голоса на сходѣ. Актовые (участковые или пайщики) шпіонили и доносили начальству, что творится между душевиками; подстрекаемые становым приставом, они устроили ночные обходы с цѣлью выслѣживать, нѣт ли между душевыми сборищ, какихнибудь толков, чтенія бумаг и т. п. Вражда достигла такой степени, что в церкви душевые (общинники) стояли отдѣльно от пайщиков, а встрѣчи на улицѣ часто не обходились без ссор и драк. Рельефно сказывается рознь этих партій в слѣдующем фактѣ. Войдя под вечер в Шабельники (зимой в 75 г.) и желая разузнать, гдѣ хата Л-ря Т-ки, я обратился к первому встрѣчному мальчику 6—7 лѣт; он недовѣрчиво посмотрѣл на меня и спросил: «А на вищо вам Л-ря Т-ка?» (один из ярых душевиков, арестованный). Я назвался его родичем. «Якый же вы ему родич?» Я сказал какой и с какого села, что отвѣчало дѣйствительности. «Так вы небож его!» удивился мальчик. «Чуете-ж, дядечку, начал он шопотом, не идить цим кутком, хоть воно и блыще, бо тут усе пайкові, як забачуть, певне в волость попруть; идить сиею стежкою, огородами, выйдете на куток душовых, там усяк вам покаже». И он вывел меня на тропинку в лозах, по набережью Днѣпра.

Ограбленные, раззоренные экзекуціей крестьяне не падали духом; они твердо надѣялись, что так или иначе, а царь узнает, как беззаконно обошлись с ними и, разумѣется, удовлетворит их за всѣ перенесенныя ими обиды от начальства. Они глубоко сожалѣли, что нѣт ни средств [15], ни людей для вторичнаго

снаряженія ходаков; лучшіе из крестьян—в тюрьмах; семейства их, лишившись хозяев, обѣднѣли до того, что питались побирательством (так было уже в 76 г.); дѣти «пухли от голоду», как говорили сами крестьяне. При всем том, малѣйший слух, подающій надежду, таинственно сказанное слово—возбуждали бодрость и рѣшимость стоять на своем, не подписываться на участки, не платить оброка. Вѣра, что сам царь непремѣнно пріѣдет в обиженныя волости и накажет беззаконных чиновников, упорно держалась. Начальство понимало, какое вліяніе оказывают на крестьян разносимые прохожим людом слухи, а потому, напр., в Шабельниках и Боровицѣ всякаго прохожаго тащили в волость и «удостовѣрялись в его личности» обысками.

При таких условіях не было возможности основаться нашему брату в которой-нибудь из волновавшихся деревень, чтобы непосредственно слѣдить за ходом и характером движенія и, соотвѣтственно нашим цѣлям, вліять на крестьян. Приходилось ограничиваться столкновеніями с крестьянами в ближайших заводах, в монастырях, или просто в степу. Увѣренность крестьян, что намѣренія царя непремѣнно согласны с желаніями народа, была до такой степени упорна, что заставляла меня видѣть заранѣе полнѣйшую безполезность доказывать противное. «Нехай царь прийде и велить нам на участки,—ми против царьского слова не пидемо, держимся ж за душевий, бо знаем, що така царьска воля», часто приходилось мнѣ слышать. Естественное исканіе какой-нибудь поддержки в надеждѣ на осуществимость своих завѣтных желаній, благодаря извѣстной послѣдовательности событій нынѣшняго царствованія, сложило народную логику так: царь вызволил крестьян из панской неволи; за это паны три раза покушались на его жизнь. Недаром же царь вызвал против себя такое ожесточеніе дворян: значит, он за крестьянство стоит и, значит, не хотѣл ограничиться дарованіем одной воли, а дал и землю в количествѣ, желаемом народом, и без всякой за нее платы. Это убѣжденіе обусловило и пассивность крестьянскаго протеста, и нежеланіе их преступать границы легальности: покажите, мол, нам настоящій закон за царскою печатью—мы безпрекословно подчинимся ему, а не то дѣлайте с нами, что хотите, мы все перенесем; но вы, мол, понесете достойную кару от заступника нашего—царя.

Упорство крестьян поддерживалось главным образом тѣми из них, которые, в количествѣ 100 чел., содержались по уѣздным городам при полицейских управленіях, пользуясь однако свободой: днем они имѣли право отыскивать себѣ работу в городѣ, а на ночь являлись в часть (Прядко содержался в замкѣ, в секретной). Казенной пищи им не отпускалось, работу не всегда можно было найти, так что нерѣдко они, шатаясь по городу, просили милостыню. Каково же было с их семьями, лишенными имущества, земли и главных рабочих рук—хозяина! И при всем том на частыя увѣщанія полицейскаго начальства «дать подписку» (на участки) и идти домой они отвѣчали отказом. В нѣкоторых уѣздах, впрочем, власти были настолько гуманны, что отпустили крестьян к своим семьям без «подписки», под надзор мѣстной (Чигиринской) полиціи, без права выѣзда из предѣлов своего уѣзда. Зато в Сквирѣ смотритель тюрьмы (в Сквирѣ нѣкоторые были заключены) употреблял крестьян, как рабочий скот: Д. Г-ко и С. Ш-ко, запряженные в плугѣ, пахали его поле. В Кіевѣ (9 чел.) просили губернатора пустить их домой, или же, по крайней мѣрѣ, отпускать им казенное продовольствіе, и получили такой отвѣт: «Пока не подпишетесь — пропадете в Кіевѣ; а казенной пищи бунтовщикам не полагается: бунтовщик хуже разбойника». «Нехай нас хоть в Днѣпрі потоплять, а не підпишемося», говорили крестьяне; они вѣрили, что прежде чѣм дойдет дѣло до потопленія их в Днѣпрѣ, царь провѣдает про них и вызволит из бѣды. Таково было сопротивленіе чигиринцев властям.

Я задался цѣлью прежде всего внести в этот тупой протест революціонный элемент: возбудить сознаніе необходимости активнаго образа дѣйствій, внушить надежду не на постороннюю помощь, а единственно на свои собственныя силы. Короче, на значительно уже подготовленной почвѣ я задумал попытаться создать революціонную организацію, на знамени которой были бы начертаны желанія народа—«Земля и Воля», желанія, к которым нам пока нечего прибавлять. Конечною цѣлью тайнаго крестьянскаго общества должно было быть возстаніе.

Надѣяться хоть на нѣкоторое осуществленіе этой задачи, по моему мнѣнію, возможно было, только руководясь слѣдую-

щим началом: приноравливаться в своем образѣ дѣйствій к характеру крестьянскаго міросозерцанія, не вносить ничего такого, что переворачивало бы вверх дном тѣ основы, с которыми сжился и к которым привык народ, быть, так сказать, радикалом постольку, поскольку им может быть крестьянин. Исходя из этого общаго положенія, мнѣ нужно было принять во вниманіе и тѣ мѣстныя частности, которыя я вынес из моих наблюдений; они, эти мѣстныя условія, обязательно начертывали мнѣ общую программу моих дѣйствій в преслѣдованіи своей задачи.

В концѣ 75 г. крестьянская злоба дня заключалась в вопросѣ, как дать знать о себѣ царю.

Наиболѣе вліятельные из крестьян были размѣщены по уѣздным городам; необходимо было прежде всего заручиться их довѣріем. В Кіевѣ при полицейском управленіи состояло 11 человѣк, в числѣ которых был нѣкто Л. Т-ка, о котором я слыхал раньше. Это был один из самых зажиточных хозяев, бывшій волостной судья, и человѣк уже пожилой. В семьѣ его числилось всего двѣ ревизских души, и это обстоятельство, казалось, не представляло ему никакой личной выгоды стоять за душевой надѣл, тѣм болѣе, что, будучи хозяйном богатым и вліятельным, он всегда мог получить участок в 20 и болѣе дес., чему много было примѣров. Однако же Л. Т-ка был из числа особенно упорно стоявших за душевую разверстку и, как волостной судья, не мало вліял на устойчивость в этом смыслѣ всей волости (Шабельницкой). С ним-то я прежде всего и познакомился под видом крестьянина Херсонской губ. Послѣ нѣскольких свиданій с ним, я дал замѣтить, что имѣю сообщить ему нѣчто важное. «Признавайся, чоловіче добрий, чи ти с добром до нас, чи с бідою», упрашивал он, заинтересованный. Я объяснил, что хлопочу по дѣлу своих односельчан и уполномочен ими отправиться с прошеніем к царю. При этом я приводил ту мысль, что еслиб к царю явилось возможно больше ходаков с прошеніями, то это тѣм скорѣе побудило бы его обратить вниманіе на крестьян, а потому предложил присоединить ко мнѣ своего ходака.

Л. сильно заинтересовался моим предложеніем и поспѣшил оповѣстить о нем других. Но далеко не всѣ отнес[16]лись ко мнѣ с довѣрчивостью Л.; они просто подозрѣвали, не переодѣтый ли я полицейскій, подосланный начальством выпытать их намѣ-

*

ренія. Но мои увѣщанія не сдаваться на «подписку», крѣпиться и обнадеживанія в благопріятном исходѣ дѣла—разсѣяли их подозрительность, хотя нѣкоторые в моем предложеніи продолжали видѣть какой-нибудь панскій подвох, и в удостовѣреніе, что я не лгу, потребовали показать приговор от общества. Удовлетворенные с этой стороны, крестьяне стали откровеннѣе. Им неизвѣстно было настоящее положеніе дѣл дома (это было в декабрѣ 75 г., а увезены они из дому в маѣ того же года), родичи давно не являлись к ним, так что они не знали, найдется ли в Шабельниках подходящій человѣк для роли ходака и нужныя средства. Я говорил, что, прежде чѣм идти в Питер, я должен еще побывать дома, и крестьяне убѣдительно просили меня зайти в Шабельники и повидаться с нѣкоторыми из душевиков; в числѣ послѣдних должен был найтись, по их мнѣнію, охотник идти со мною к царю. Я согласился и направился в Шабельники к женѣ Л.

Меня поразило удивленіе хозяйки, как я мог пробраться, не будучи замѣчен актовыми, что непремѣнно сопровождалось бы препровожденіем в волость. Этой благопріятной для меня случайностью я был обязан во-первых тому, что шел вечером без всякой ноши, что придавало мнѣ вид мѣстнаго человѣка, во-вторых—мальчику, объяснившему мнѣ, как избѣжать полицейских взглядов актовых. Я был встрѣчен семьей с довѣріем и радушіем, как принесшій вѣсть и поклон от хозяина. Хозяйка тотчас распорядилась устроить караул из своих дѣтей, чтобы можно было успѣть спрятать меня на случай приближенія к дому кого-нибудь из властей. Она знала всѣ подробности общественных дѣл своего села и относилась к ним с таким участіем, что я счел возможным долго не медлить и сообщить ей настоящую цѣль моего прихода. По ея мнѣнію, подходящаго человѣка для роли ходака в селѣ не было: всѣ сколько-нибудь значительные—арестованы, между прочим и тѣ, на которых разсчитывали кіевляне. Тѣм не менѣе она все таки хотѣла переговорить на счет этого кое-с-кѣм и сообщить мнѣ результаты, когда я зайду вторично, на обратном пути из дому в Кіев.

Это посѣщеніе состоялось через двѣ недѣли. Я был принят с прежнею таинственностью. Поздно вечером, когда всѣ дѣти уже уснули, хозяйка привела двух крестьян, с которыми я дол-

жен был потолковать. Они подтвердили заявленіе Л-хи: в селѣ не было никого, кто рѣшился бы взять на себя ходачество, наконец и денег, нужных для этого дѣла, собрать было не с кого (извѣстно, что крестьяне привыкли всякія ходатайства считать сопряженными с значительными расходами. Кстати сказать, и сам знаменитый Прядко далеко не безкорыстно хлопотал по мірскому дѣлу). В концѣ концов крестьяне стали просить, чтобы хоть ужь я замолвил за них словечко—все равно, дескать, буду видѣть царя, обѣщая «по вік бога молити» за меня. Я, разумѣется, не отказал, и на другой день глухими стежками был выведен из села. На этот раз, однако, участковые замѣтили, что я заходил к Л-хѣ, дали знать в волость, и начальство не замедлило явиться с допросом: кто был и куда ушел. Л-ха сказала, что заходил какой то «подорожный» заночевать и, благодаря тому, что указала им дорогу, противоположную той, гдѣ шел я, гонцы меня не настигли.

Свѣдѣнія, принесенныя в Кіев, были приняты здѣшними крестьянами с огорченіем. Я не сказал о просьбѣ двух шабельничан похлопотать за них перед царем и ждал, что заявят эти. Но они, очевидно, не рѣшались просить меня о том же, единственно не надѣясь, чтобы я столь важную миссію захотѣл взять на себя безвозмездно. И только послѣ того, как я выяснил, насколько важно для меня лично, чтобы царь увидѣл обращающимися к нему не одно мое село, а много, они стали уже «покорно» просить написать и от них прошеніе, описать в нем звѣрства экзекуціи и принужденія их начальством на «ахту», скрытіе от них настоящих царских указов, и, между прочим, просили не забыть привести в прошеніи слова губернатора, сказанныя всему сходу крестьян, что «земля не царская, а панская». Редакціей прошенія они остались довольны, и я, обѣщая вернуться в маѣ мѣсяцѣ, отправился в Питер. Это было в февралѣ 1876 г.

Итак, значительная доля моей цѣли была достигнута. Но успѣх этот дался далеко не легко: нерѣдко установившееся, как казалось, довѣріе крестьян вдруг смѣнялось недовѣріем; были между ними два упорных скептика, большею частью даже не являвшіеся на сходки со мною; они постоянно сдерживали довѣрчивость остальных. Наконец, я сознавал, что для успѣха дѣла мнѣ необходимо по возможности не заявлять себя со стороны,

чуждой крестьянству, по крайней мѣрѣ на первых порах, при часто колебавшемся довѣріи. Это условіе, заставляя быть в положеніи натянутом, дѣлало продолжительные мои переговоры с крестьянами чрезвычайно утомительными; нельзя было, напр., не присоединиться к крестьянам в их усердных молитвах к богу о ниспосланіи благополучнаго исхода столь важному предпріятію.

Теперь мнѣ предстояло принести от царя и предложить крестьянам план революціонной организаціи. Всѣ мои наблюденія утвердили меня в той мысли, что только авторитетное начало может гарантировать принятіе задуманной мною организаціи, а таковым в данном случаѣ могло быть только имя царя Александра II. При отсутствіи у крестьян идейнаго отношенія к дѣлу,—как к средству, закрѣпляющему каждаго члена будущаго тайнаго общества за своей организаціей, я обратился к присягѣ, обряд которой, при извѣстной обстановкѣ, должен был дѣйствовать на крестьянина внушающим образом. Конечно, прочность организаціи могла зиждиться главным образом на разумности ея построенія, соотвѣтственно условіям крестьянскаго быта, а также, не в меньшей степени, на вліяніи отдѣльных выдающихся личностей и моем собственном; а за недостатком этих условій, как пришлось потом увидѣть, дѣло и не принесло желаемых результатов.

По возвращеніи из Питера, я должен был явить крестьянам во 1-х, «Тайную высочайшую грамоту» и во 2-х, «Устав Крестьянскаго Общества Тайная Дружина».

Грамота представляла воззваніе, вѣрнѣе, повелѣніе от имени царя к крестьянам: соединиться в тайныя общества с цѣлью возстанія против дворян. В ней развивалась такая мысль. Царь с самаго начала своего царствованія заботился о благѣ крестьянства, но всегда встрѣчал упорное сопротивленіе дворян. Манифестом 19 февраля 1861 г. он даровал крестьянам не только личную свободу, но и всѣ земли в личное пользованіе, уравняв в размѣрѣ надѣла всѣ сословія (усадьбы дворян остались за ними— таково [17] мнѣніе народа. Но паны не допустили осуществленія воли царя во всей ея полнотѣ и всякими ухищреніями и обманом оставили крестьян почти в прежнем положеніи. Наконец, царь, не имѣя даже в своей семьѣ единомышленников (наслѣдник

за дворян) и окруженный всюду врагами, пришел к убѣжденію полнѣйшаго своего безсилія—сдѣлать для крестьян что-либо благое единоличною своею властью и предлагает крестьянам самим бороться за свои интересы, с этою цѣлью повелѣвает всему крестьянству соединяться в тайныя общества, именуемыя «Тайныя Дружины», и подготовлять силы для вооруженнаго возстания против наслѣдника, великих князей, дворян, чиновников и попов.

Тайныя общества должны организоваться по плану утвержденнаго царем устава. Во главѣ извѣстнаго района Тайных Дружин стоят коммиссары, составляющіе из себя центр революціоннаго правленія—«Совѣт Коммиссаров». Царь завѣщает и послѣ смерти своей продолжать и довести до конца крестьянское дѣло.

Вот сущность «Высочайшей Тайной Грамоты». Она была напечатана на большем листѣ бристольской бумаги с золотой печатью: «Императоръ Александръ II».

Устав крестьянскаго общества «Тайная Дружина» состоял из 6 глав. Вот вкратцѣ их содержание: 1) Обязанности Коммиссара состоят в руководствѣ и наблюденіи за ходом дѣл Дружины (извѣстнаго округа), в доставленіи им субсидій, изданіи обязательных для них дополненій к уставу, выработанных вмѣстѣ с старостской радой. 2) Обязанности каждаго члена Тайной Дружины. Поступающій в члены Тайнаго Общества дает клятву на вѣрность ему и принимается только за поручительством двух дружинников. Дружинники обязаны помогать друг другу в нуждах; всякій должен имѣть для себя пику и хранить ее до времени возстанія; вносить ежемѣсячно по 5 коп. в кассу Дружины и непрестанно заботиться о привлеченіи новых членов. 25 дружинников составляют староство и избирают из себя старосту. 3) Обязанности старосты. Староста наблюдает за ходом дѣл своего Староства, собирает денежные взносы, приводит к присягѣ вновь поступающаго члена, слѣдит за строгим сохраненіем тайны существованія общества. Староста избирается на 3 мѣс. 4) Старостская рада. 20 старостъ составляют атаманство; всѣ староства или атаманства составляют из себя правленіе, или Раду. 5) Обязанности атамана. Атаман избирается радою из старост. Это—посредствующее лицо в сношеніях Дружины

с коммиссаром. Он, так сказать, власть исполнительная, рада— законодательная. 6) Казначей, избираемый также только из старост Радою, завѣдует общественными суммами. В концѣ устава текст присяги и обряд ея произношенія: «перед иконой Спасителя, евангеліем, зажженой свѣчей и двумя крестообразно сложенными (воткнутыми) пиками или ножами». В большинствѣ экземпляров Устава вначалѣ напечатана и В. Т. Грамота. На Уставѣ прикладывалась печать Совѣта коммиссаров, герб которой представлял пику и топор, накрест сложенные. Таков устав. Текст присяги был напечатан и отдѣльными листами.

Я мог вернуться из Питера только в ноябрѣ 76 г., между тѣм как обѣщал крестьянам в маѣ (не позже). Крестьяне, конечно, могли думать, что меня постигла обыкновенная участь ходаков, и забыть про мое существованіе; поэтому еще в іюнѣ мѣсяцѣ было доставлено от меня письмо в с. Шабельники (гдѣ уже многіе знали, куда и зачѣм я отправился) с извѣщеніем о благополучном исходѣ возложеннаго на меня порученія и с намеком, что несу очень важныя бумаги. *) Письмо это родичи доставили и кіевлянам. Оно дѣйствительно напрягло их ожиданіе в сильной степени, и когда я явился в Кіев, то крестьяне встрѣтили меня с чрезвычайною радостью.

На сходкѣ (их уже осталось 9 чел., трое ушло домой) я объявил им, что царя видѣл и получил от него бумагу, которую обѣщал им прочесть в таком только случаѣ, если они поклянутся мнѣ— хранить в тайнѣ все, что из нея узнают. Они охотно согласились; тогда я развернул большой лист В. Т. Грамоты и прочел, объясняя каждую ея мысль. Затѣм предложил им организоваться в тайное общество с цѣлью возстанія, как единственнаго средства достиженія своих желаній.

Крестьяне, очевидно, ничего подобнаго не ожидали и на первом сходѣ не дали мнѣ никакого отвѣта. Они могли думать, что результатом доставленія их прошенія царю будет немедленный приказ — отпустить их всѣх по домам без «подписки» и если

*) Письмо это было доставлено Л—хѣ. «Актовые» подсмотрѣли, как зашел к ней какой-то человѣк и читал «бумагу» (письмо); через нѣсколько минут послѣ его ухода нагрянуло волостное начальство с обыском и с намѣреніем схватить неизвѣстнаго человѣка. Ни письма, ни человѣка не нашли.

не личный пріѣзд царя, то снаряженіе такой уж коммиссіи, которая должна рѣшить дѣло в их пользу, удовлетворить всѣ их желанія.

На другой день мнѣ удалось склонить троих (в том числѣ Л. Т-ку); но потом, смущаемые болѣе скептичными, они опять стали колебаться. Нѣкоторые прямо высказывали, что это какой-нибудь хитрый дворянскій подвох, чтобы переманить их на сторону министра (т. е. сдѣлать участковыми), а один (впослѣдствіи самый дѣятельный) говорил,—не польская-ли это, мол, штука? Этому недовѣрію подал повод я-же своей собственной ошибкой: дѣло в том, что я высказал необходимость, послѣ присяги на вѣрность тайному обществу, дать «подписку», чтобы имѣть возможность отправиться домой и там явиться первыми распространителями и устроителями Тайной Дружины. Но с «подпиской», по мнѣнію крестьян, непремѣнно соединялось писаніе креста, а это они считали в нѣкотором родѣ присягой, закабаляющей их под иго дворян (от неграмотных, в случаѣ надобности в подписи их имени, обыкновенно требуется написать собственною рукою крест или же употребляется так наз. отбираніе рук: грамотный, подписываясь за неграмотнаго, берет послѣдняго за руку и потом подписывается). Поняв, наконец, в чем дѣло, я поспѣшил заявить, что раз подписка дѣлается в формѣ писанія креста, то давать ее ни в каком случаѣ не слѣдует.

Этот компромисс видимо успокоил крестьян. На другой день трое из них изъявили согласіе присягнуть немедленно; но я совѣтовал им склонить и остальных, чтобы тайна дѣла не оставалась ввѣренной не желавшим присягнуть. Через нѣсколько дней согласіе дано было всѣми, кромѣ одного старика, продолжавшаго колебаться. От меня потребовали присягнуть первому. Я объяснил им слова клятвы и исполнил их требованіе. За тѣм, предложив крестьянам предварительно объяснить, как они понимают слова присяги, приступил к обряду; но нерѣшительный старик все еще колебался, и только убѣжденія остальных, нѣсколько даже угрожающаго характера, заставили его перекреститься и стать на колѣни.

По приведеніи к присягѣ, я посвятил нѣсколько сходок[18] на объясненіе обязанностей, налагаемых Уставом. Общій план

они поняли сейчас-же, но нѣкоторые частности усваивали с трудом (напр., значеніе пароля). За то высказывали много практических соображеній, принятых мною во вниманіе потом, при составленіи дополнительнаго устава... Нѣкоторыя функціи, по мнѣнію крестьян, сопряженныя с отвлеченіем от хозяйственных работ, будут исполняться нерадиво; а пьянство навѣрное поведет к оглашенію тайны существованія сообщества; в виду послѣдняго обстоятельства, если Дружина станет многочисленной, они проэктировали ограничить мірским приговором число кабаков в селѣ.

Из Устава крестьяне узнали, что существенною обязанностью дружинника должно быть вербованіе новых членов; отсюда они сознавали необходимость отправиться домой. Я объяснил им, что простая подписка, «без креста», не может имѣть никакой обязательной силы послѣ данной ими присяги; между тѣм в числѣ их (8 ч.) грамотнаго никого не было, что непремѣнно явится тормазом успѣха их дѣятельности, как первых распространителей Тайной Дружины. Поэтому я предложил по крайней мѣрѣ одному их них изъявить полицмейстеру согласіе (фиктивное) на «подписку», и если при этом креста не потребуется, то и дать таковую с тѣм, чтобы отправиться домой, посвятить там в дѣло одного из пользующихся довѣріем грамотных крестьян и привезти его ко мнѣ. Сдѣлать это вызвался Л. Т-ка. С торжеством объявил он мнѣ на другой день, что не только креста не потребовали, а даже не потрясли за руку, прежде чѣм подписать его имя.

Я не имѣл еще печатнаго Устава, а рукописными снабжать Л-ря не рѣшался, так как таковой в глазах крестьян мог не возымѣть значенія; поэтому Л. уѣхал без всяких бумаг; я сказал только, чтобы тот из грамотных, на котораго падет выбор, поклялся хранить в тайнѣ все, что услышит от Л-ря, а уж я сам приведу его к формальной присягѣ.

Спустя двѣ недѣли (февраль 1877 г.), Л. вернулся, но один; подходящій грамотный хотя и нашелся в лицѣ отставнаго унтерофицера Е-ма О-ка, по каким-то семейным дѣлам пріѣхать ко мнѣ он не мог; готовность же служить дѣлу изъявил полную, если я сам пріѣду в Шабѣльники и предъявлю «настоящую бумагу»; да и Л. просил меня пріѣхать, ибо ему, как подписавшемуся на «ахту» и явившемуся без всякаго удостовѣренія,

что он сдѣлал это ради цѣлей Тайной Дружины, не оказывается должнаго довѣрія.

Я не имѣл возможности ѣхать немедленно с Л. Снабдив его печатным Уставом и печатными же бланками присяги, я поручил ему самому показать бумаги О-ку и взять с него присягу, а через двѣ недѣли обѣщался пріѣхать сам в Черкассы, гдѣ Л. должен был ждать меня, заготовив заранѣе мѣсто для сходки.

Л. предсказывал огромный успѣх дѣлу и вообще отличался оптимизмом своих взглядов; человѣк мягкій и довѣрчивый, он любил выражаться аллегорически; фигуральная рѣчь его, обыкновенно, страдала неясностью мысли; но, кажется, эти именно качества его и производили обаяніе. Крестьянин легко подчинялся ему, увлеченный таинственностью, с которой Л. сулил ему исход из его многострадальной жизни. В нем, в Л., я совершенно не замѣтил корыстных видов в предстоящем участіи в дѣлѣ; отношеніе его ко мнѣ было просто и не отличалось характером преклоненія перед важностью моей особы, чего нельзя было не видѣть в других. Словом, Л. мог быть прекрасным пропагандистом и вербовщиком для тайнаго общества, но едва-ли хорошим организатором.

Я опять не мог пріѣхать в Черкассы в условленное время. Между тѣм Л. не бездѣйствовал. Между душевиками, как наиболѣе сплоченною стороною, очень скоро разнесся слух, что Л. привез с собою утѣшительныя вѣсти; крестьяне сами приходили к нему и просили «признаться»; «куда ви, дядечку, туда вже и нас ведить: вмісті бідувалі, вмісті и вмірать будем»—говорили они.

Л. при этом оказался далеко не конспиратором: в темную ночь он собрал до 300 человѣк в степу, в разрытом курганѣ («Козацька Могила»); при свѣтѣ фонарей грамотный прочел Устав и тут же всѣ 300 или около приняли присягу.

Это обстоятельство не замедлило сдѣлаться извѣстным властям. Дѣло было так: нѣкто Левушин, бывшій волостной писарь, присутствовал также на сходкѣ в Казацкой Могилѣ и до того был потрясен всѣм слышанным и видѣнным, что сошел с ума. Он явился к попу и стал ругать его за то, что тот всегда подбивает крестьян соглашаться на участки, между тѣм как настоящая воля царя не такова, что Л. привез истинный царскій указ и, весь в орденах и «с шаблюкою в руках», читал его

народу. Как ни безсвязна была болтовня Левушина, во всяком случаѣ поп не мог не замѣтить, что в селѣ неладно. Дѣло дошло до слѣдствія, но так как обыски ничего не обнаружили и никто не подтвердил слов сумасшедшаго, то их просто приняли за полуумный бред. Узнав об этом через родичей, оставшихся в Кіевѣ дружинников, я поспѣшил отправиться в Шабельники, тѣм болѣе, что не выполненное мною обѣщаніе пріѣхать в назначенный срок произвело на крестьян охлаждающее дѣйствіе, и дѣло, послѣ сбора в Казацкой Могилѣ, пріостановилось. Два дружинника (послѣ примѣра Л-ря уже не опасавшіеся «креста») были отправлены мною вперед с посланіем к Дружинѣ вообще и к Л-рю в частности; послѣдняго я просил приготовить безопасное мѣсто для сходки и пріѣхать за мною в Кіев.

Л. пріѣхал на Ѳоминой недѣлѣ; по его словам, посланіе мое вызвало такое оживленіе, что в нѣсколько дней число дружинников достигло 500. Разумѣется, этот быстрый успѣх дѣла был только количественный; большинство, как пришлось мнѣ потом убѣдиться из разговоров с нѣкоторыми, не понимало смысла Устава; были и такіе, которые не уразумѣли даже цѣли тайнаго общества; эти послѣдніе просто поддались обаянію столь многозначительных для крестьянина слов «земля и воля», а имя царя, упоминаемое в Уставѣ, сложило пониманіе ими дѣла в том смыслѣ, что всякій, давшій предлагаемую присягу, получит от царя землю и волю.

Я. С.

(Окончаніе слѣдует).

[19] ДВА ЭПИЗОДА
ИЗ ЧИГИРИНСКАГО ДѢЛА *).

Поздней зимней ночью по огородам и садам пробирался дѣд Оврам к одной из убогих хат села Ш., в которой тускло свѣтил еще грязный каганец. Старик часто останавливает свои

*) В настоящем разсказѣ я изобразил с фактической точностью два эпизода из чигиринскаго дѣла. Весь первый эпизод написан мною почти дословно по разсказу Оврама. Второй—со слов его же и многих других членов Тайной Дружины. Оврам—это тип народнаго конспиратора, проявившій себя особенно рельефно в двух приведенных мною случаях. К сожалѣнію, дѣятельность его скоро была прервана арестом.

шаги, оглядывается по сторонам и вслушивается в малѣйшій шорох. Вот он добрел до хаты Дейка, остановился у плетня и тихо стал манить к себѣ собаку; кудлатая дворняжка выбѣжала из-под сарая и, увидав незнакомаго человѣка, уже готовилась броситься на него с лаем, как к ногам ея полетѣл кусок хлѣба. Она схватила его в зубы и занялась нежданной пищей. Оврам перелѣз через плетень, осторожно подошел к окну, поглядѣл в него и слегка постучал в стекло пальцем. Огонек замелькал в хатѣ, дверь завизжала, и у порога показался сѣдой, высокій, но еще бодрый старик.

— Это ты, Оврам? Войди, будь ласков. Дѣти мои уже давно спят. Я вот сейчас разбужу своего Терешку, пусть покараулит на дворѣ, чтобы вражій глаз чей не подглядѣл, как мы будем толковать с тобою.

В хатѣ полумрак. Старуха на печи разматывает нитки. Оврам и Дейко усѣлись за столом. Оврам начинает рѣчь свою издалека. Он говорит о том, как трудно ихнему брату живется при теперешних порядках. В старину куда лучше было: и подати легче, и начальство сговорчивѣе. А теперь. Вот уж 3-й год, как министр тянет их дѣло. И вѣдь немногаго они хотѣли: хотѣли увеличенія надѣла до 5 дес. на душу и общиннаго владѣнія землею, да чтоб начальство поступало с ними по закону: не скрывало от них настоящих царских указов, не налагало на землю никаких платежей. А до чего же они дохлопотались? Ходаки к царю перехвачены панами, забиты в кандалы и брошены в тюрьму. Затѣм—экзекуція, постой военных команд, опустошивших их села, словно послѣ нашествія непріятеля; высылка лучших людей в разные города под присмотр полиціи, и в концѣ концов земли столь же мало и еще большіе платежи; да к тому же полное раззореніе крестьянских хозяйств, доведшее чуть не всѣх до побирательства. Гдѣ-же найти выход из этого положенія? Гдѣ-же доискаться правды? Оврам остановился на минуту и потом еще тише продолжал:

— Я знаю, как нам из бѣды выйти, знаю, только опасаюсь сказать тебѣ, Дейко. Это дѣло необычайно важное, и кто узнает, в чем оно заключается, тому нельзя уж от него отказаться.

— Оврам! воскликнул Дейко,—развѣ не вмѣстѣ терпѣли мы горе? Будем же и умирать вмѣстѣ. Я на все готов. Не бойся же

меня, говори все, что знаешь: старуха моя тоже понимает, о чем не следует болтать.

— Я не имѣю права говорить тебѣ, Дейко, об этом дѣлѣ, пока ты и жена твоя не дадите мнѣ клятвы— | молчать, как могила о том, что бы вы от меня не услышали.

— Я согласен, отвѣчал Дейко; иди, старуха, приложимся к этой иконѣ.

— Станьте же на колѣни, сдѣлайте три поклона и поклянитесь.

Дейко с женою опустились перед образом и повторили свое обѣщаніе. Они собирались ударить послѣдній поклон, как Оврам проворно вынул из-за пазухи деревянный крест и положил его пред стариками.

— Цалуйте этот крест, сказал он, и затѣм прибавил: этот крест не простой: кто клянется перед ним, тот пусть хорошо помнит свою клятву, иначе страшная бѣда постигнет его.

Дейко и жена его были крайне взволнованы всѣм этим. Баба вздрагивала, моля Оврама просвѣтить их темныя очи. Дейко с каким-то страхом и в то же время с нетерпѣніем, ждал чего-то необычайнаго. Он, как отставной солдат, сознававшій всегда свое превосходство над Оврамом, теперь глядѣл на него с видом благоговѣнія. Между тѣм Оврам разстегнул свою свитку, снял красный пояс и размотал в нем сверток, завернутый в платочек. Он дѣлал это молча, медленно, придавая каждому своему движенію вид какого-то священнодѣйствія; наконец, развернув сверток, положил на стол печатные листы бумаги. Нѣсколько минут длилось молчаніе. Дейко как будто не смѣл прикоснуться к лежащим на столѣ бумагам; баба пристально и с любопытством смотрѣла на них, не шевелясь на своем мѣстѣ. Оврам молчал, словно хотѣл уловить силу впечатлѣнія, произведеннаго всей своей тайнственностью на стариков.

— Ты грамотен, Дейко, посмотри же, какія это бумаги. Видишь ли, что это такое? сказал он, взяв в руки печатные листы.

Дейко поднес каганец к бумагам и, все еще не оправясь от своей робости, отвѣтил: «как же не видѣть—это печать».

— Прочитай же, что на ней написано.

— «Пе-чать Со-вѣ-та Коммиссаров», стал разбирать Дейко.

— Боже мой! вот он настоящий-то (царскій) указ! всплеснула баба руками, словно ужь поняла наконец, в чем дѣло.

— А что изображено в серединѣ этой печати, присмотрись хорошенько, Дейко.

— «Топор и пика, недоумѣвая, отвѣчал Дейко.

— «Топор и пика, подтвердил торжественно Оврам. До сих пор мы боролись с панством, подставляючи ему наши спины, теперь понимаешь, с чѣм надо выступить против врага?

Дейко немного струсил: все, к чему Оврам, очевидно, клонил свою рѣчь, было для него совершенно неожиданно. Он ничего не отвѣчал на вопрос Оврама и не спускал глаз с страшной печати. Баба стала смутно догадываться, что затѣвается что-то опасное и утирала рукавом слезы.

— Теперь садись и читай, да читай потише... а то там наш караульщик-то не уснул-ли? и Оврам стал заглядывать в окна.

«Устав тайного крестьянскаго общества «Тайная Дружина»— начал свое чтеніе Дейко. «Тайная Грамота»—продолжал он, переворачивая первый лист бумаги: «Любезные наши крестьяне»! Дейко остановился, как будто вдумываясь, от кого бы могло исходить это воззваніе. Из **[20]** дальнѣйшаго чтенія он понял, от кого. В «Тайной Грамотѣ» царь Александр II объявлял крестьянам, что всѣ его благія начинанія для них всегда встрѣчали упорное сопротивленіе дворянства. Еще в 1861 г. он пытался передать в руки крестьянам всѣ помѣщичьи земли без всяких выкупных или оброчных платежей; но ему удалось только уничтожить крѣпостное право, да и за это паны три раза покушались извести его. Царь объявлял, что не только помѣщики— враги крестьян, но и сам наслѣдник престола, все великіе князья, всѣ министры и сенаторы—против них, а потому он совершенно не в силах сдѣлать что-нибудь доброе для народа. Если же крестьяне хотят, чтобы вся земля, захваченная помѣщиками, принадлежала им, если хотят владѣть ею, не платя ни поземельных, ни других каких бы то ни было налогов, если хотят, чтоб не было ни помѣщиков, ни чиновников,—то пусть сами, своею силою, не надѣясь на него, на царя, добьются всего этого. Для такой цѣли крестьяне призывались соединяться в тайныя общества и заготовлять оружіе; и когда такія общества будут многочисленны,—возстать открыто против дворян, чиновников, попов и всѣх врагов народа.

Дейко окончил чтеніе «Грамоты», еще раз прочел подпись под ней: «Александр II», и прошептал:

«Так неужели и царь не может помочь нашему горю! На кого же нам послѣ этого надѣяться! На самих себя. Что же мы сдѣлать-то можем, когда меж нами нѣт никакого согласія, когда нам подчас и куска-то хлѣба не на что купить!

— Так-то так, Дейко, только слезами доли не завоюешь; если мы царскаго слова не послушаемся,—заморят нас паны, закрѣпостят нас снова. А примем мы царскій совѣт, то найдутся такіе люди, что без помощи нас не оставят.

— Ты правду говоришь, Оврам; будем дѣлать так, как велит нам устав «Тайной Дружины».

Дейко был ободрен таинственным намеком Оврама на помощь каких-то людей.

— Но будь же откровенен со мною, Оврам: как попала к тебѣ такая важная бумага? Теперь тебѣ нечего бояться меня: я цѣловал крест молчать, чтобы от тебя ни услышал, да и старуха моя не меньше меня боится бога.

Любопытство давно мучило Дейко, но не болѣе как любопытство; все поведеніе Оврама было так важно-таинственно, так внушительно и серьезно, что у Дейка не явилось и малѣйшаго сомнѣнія в подлинности бумаг.

— Всему свое время, Дейко. Никто, ожидая весны, не сбрасывает уже и кожуха: придет время, тогда и кожух скидать надо. Читай же дальше, так и без меня больше узнаешь.

Дейко усѣлся за стол и принялся за чтеніе: «Тайныя Дружины имѣют своим назначеніем подготовиться к возстанію против панов, чиновников, купцов и других врагов крестьянства, чтобы отнять захваченную ими землю и добиться для народа воли».

Долго и с вниманіем читал Дейко устав «Тайной Дружины»; он останавливался и развивал тѣ мѣста его, которыя ясны были его пониманію, и пропускал без замѣчаній непонятные ему пункты. Оврам слушал далеко не с таким вниманіем, как чтец; он торжествовал, приобрѣтая грамотнаго члена, и рѣшился сегодня же покончить свою роль. Старуха очень мало интересовалась содержаніем устава. Зная, что не ея дѣло многое знать, она больше занята была мыслью о том, счастье или несчастье принес в дом ея с собою Оврам. Дейко кончил.

— Что же ты на все это скажешь? обратился к нему Оврам послѣ нѣкотораго молчанія: хочешь ли служить святому народному дѣлу? Авось, даст бог, увидим еще счастливые дни в своей жизни; а уж если нам бог не судил,—что-жь? не для себя же ты ухаживаешь за молодой яблоней, что у тебя в огородѣ, вѣдь для дѣтей ты ее ростишь, поливаешь. Так будем же стараться, чтобы хоть дѣтям нашим счастливѣе жилось. Хочешь вступить в наше тайное общество, хочешь стать таким же дружинником, как и я?

Дейко не отвѣчал; он волновался от избытка впечатлѣній; слезы капали у него из глаз. Он понял всю опасность дѣла, и страх подавлял в нем рѣшимость. Надежда на что-то недосказанное Оврамом, на что-то утѣшительное взяла верх, и Дейко сказал:

— «Я уже говорил тебѣ, Оврам, что готов умирать с тобою вмѣстѣ. Пусть будет, что будет,—горше ужь не будет, чѣм есть, а то, бог даст, хотя дѣти добром помянут... Я согласен стать дружинником.

— Так сними же образ спасителя и присягни мнѣ в том. Такой порядок, так велит Устав. Привяжи хмѣлинку к тычинкѣ, она из своего огорода не уйдет. Заткни, хозяйка, чѣм-нибудь окна, пусть и твой караульщик не знает, что мы тут дѣлать будем.

Затѣм Оврам вытащил из-за голенищ восковую свѣчу, зажег ее и прилѣпил к столу.

— Если люди не видят, то пусть же свѣт видит то важное дѣло, которое ты хочешь совершить. А вот лучших свидѣтелей твоей клятвы не найти, как это, продолжал Оврам, вынимая из-за пазухи крест и евангеліе.

— Дай-ка еще, хозяйка, нож, будь ласкова; отрежем хлѣба: хлѣб всегда и вездѣ нужен человѣку. Оврам сдѣлал вид, что хочет откроить кусок хлѣба: «нѣт-ли острѣе ножа, хозяйка; для такого важнаго часа пусть ничто не идет туго». Он взял другой поданный ему нож, но вмѣсто кройки хлѣба воткнул оба ножа крестообразно в стол: «лучше хлѣба рѣзать не будем; подашь нищему цѣлый,—больше спасибо скажет; а эти ножи пусть напоминают тебѣ, Дейко, что с ними тебѣ бороться с врагами, и от них же погибнуть за измѣну народному дѣлу».

Дейко молча глядѣл на эти приготовленія. Нельзя сказать, чтоб он чувствовал себя прекрасно: мысль, что он у порога новой жизни, перспектива которой для него так не ясна, вызвала в нем нѣсколько давящее чувство. Однако же рѣшительность всего поведенія Оврама повліяла на него настолько, что он болѣе не колебался. Старуха дрожала от страха: восковая свѣча, крест, евангеліе—все это напоминало ей погребальную обстановку.

Наконец, Оврам, подав небольшой печатный листок Дейку, сказал:

— Вот слова присяги: стань на колѣни и читай.

Дейко опустился на пол, перекрестился и стал читать. Он был спокоен. Только в концѣ текста, гдѣ призывается проклятіе божеское и человѣческое на измѣнников клятвѣ, голос его задрожал, и он поднялся на ноги.

— Теперь ты наш, ты дружинник, давай же поцѣлуемся, сказал Оврам, и они поцѣловались три раза. Только стараго дуба ни вдвоем, ни втроем не повалишь: надо валить его гуртом. Ищи же и ты людей до этого гурту, как я тебя нашел.

[21] II.

В нѣсколькихъ верстах от деревни Самбор стоит огромный курган, свидѣтель времен Запорожской сѣчи и казачества на Украинѣ. Долго не давали покоя этому кургану: не один убогій украинец, в надеждѣ на клад, терзал его своим заступом; другіе сдѣлали из него мѣсто добыванія глины, наконец, величавый стан его окончательно изуродовал археолог. Теперь он имѣет вид довольно обширной ямы с вырытою в стѣнѣ ея довольно обширной пещерой.

Однажды, в началѣ весны, в темную, беззвѣздную ночь курган или Казацкая Могила, как его называли в народѣ, представлял странное и торжественное зрѣлище. Могила вмѣстѣ с пещерой, была переполнена народом. В толпѣ было человѣк триста. Нѣсколько фонарей освѣщали внутренность могилы. В пещерѣ—небольшое из земли возвышеніе; там же в сторонѣ—стол, на котором что-то прикрыто бѣлой скатертью. Всякій старается, вытянув шею, посмотрѣть, что дѣлается в пещерѣ. У всѣх на лицѣ выраженіе напряженнаго ожиданія.

Но вот на земляное возвышеніе вступил высокій с длинными сѣдыми усами старик. Он окинул взглядом собраніе, оперся на свою толстую палку и начал рѣчь:

— Господа громада! Я собрал вас затѣм, чтобы повѣдать всѣм вам вмѣстѣ о том великом дѣлѣ, о котором каждый из вас кое-что слышал уже, и затѣм, чтобы всѣ вмѣстѣ вы послушали, что пишется в тѣх важных бумагах, которыя я послал являть между людьми. Вы видѣли, господа громада, как весенняя вода бѣжит по рвам, по долинкам, ища себѣ выхода в Днѣпр. Там ей только вольно, там только течет она, не встрѣчая на пути своем никаких преград и задержек. Мы, как тѣ весеннія воды, вездѣ ищем выхода туда, гдѣ идет вольная дорога нашему теченію. Но куда бы мы ни кидались, всюду только и видим что гати: тут нам пан стоит середь дороги, там—становой, а там поп растопырил руки. Как же нам выйти из этой «загороды», чтобы течь вольно, как весенняя вода по Днѣпру? А вот слушайте, какой совѣт подается нам в этих бумагах.

Старик вынул из-за пазухи печатные листы и подал их стоявшему возлѣ него Дейку. Послѣдній занял его мѣсто на возвышеніи и начал нараспѣв чтеніе Тайной Грамоты и Устава.

Толпа заколыхалась и подалась ближе к пещерѣ, но при первом же словѣ чтеца глубокая тишина водворилась в могилѣ. Громко и внятно стало раздаваться мѣрное, монотонное чтеніе Дейка. Самое напряженное вниманіе овладѣло всѣми, словно никто не знал еще, в чем дѣло.

«Добре царь каже», слышался иногда сдержанный голос в толпѣ. «Такой правды мы еще не слыхали», замѣчали некоторые. «Извести это проклятое панство», вырывалось у болѣе горячих.

Дейко кончил. Оврам взял у него печатные листы и указал на печать.

— Видите ли, что в серединѣ этой печати? Вот топор и вот пика. Это печать «Совѣта Коммиссаров»; ему-то, сему Совѣту, и поручено распространять в народѣ эту Грамоту и призывать людей в Тайныя Дружины.

Толпа опять заволновалась, силясь еще ближе податься к пещерѣ.

— Что же скажете, господа громада? Хорошо ли говорит царь?

*

«Добре, дуже добре, что и говорить, лучшаго слова мы и не слыхали», пронеслось в толпѣ.

— А коли добре, чего же вам больше ждать? Согласны вступить в Тайную Дружину, согласны присягнуть, что готовы и головы положить за святое народное дѣло?

«За что же нам и умирать, как не за себя, да за дѣтей наших? Согласны, дед Оврам, согласны! Ты на дурное совѣта не станешь давать... Доколѣ нам терпѣть! Мало мы еще терпѣли!—шумѣла громада: пик раздобудем, а то и с косами пойдем.

«Вот, братцы, сабля, чѣм не панская! заорал какой-то голос, и над толпой показалась старая, заржавленная сабля.

Волненіе вдруг овладѣло всѣм собраніем. То горькія жалобы, то страшныя угрозы вырывались из этой толпы; все смѣшивалось в один общій стон, далеко уносившійся в поле. Казалось, нашелся, наконец, давно выжидаемый удобный момент: чувства, накопившіяся за время всего происходившаго в могилѣ и до сих пор сдерживаемыя, готовы были излиться вполнѣ.

Оврам продолжал стоять на возвышеніи, опираясь на свою палку.

— Господа громада! силился сказать он громким голосом: господа громада! Слушайте же дальше, что я буду говорить вам.

Движеніе мало-по-малу прекратилось, толпа притихла и стала слушать.

— Так вы согласны пристать к Тайной Дружинѣ, начал Оврам: знайте же, что это дѣло великое и от всякаго ненадежнаго человѣка—тайное. Узнают паны, что у нас что-то затѣвается, лихо и нам и еще кому-то будет. А наиболѣе своих же баб беречься надо: бабьяго языка ничѣм не удержишь; забѣжит к попадьѣ, к дьячихѣ, выпьет чарку—долго-ли бабѣ язык развязать? Пойдет трещать да и натрещит, что и сама потом не рада будет. А дѣло наше надо нам беречь сильно, надо, чтобы наша Дружина росла и крѣпла, как можно скорѣе. Вдвоем или втроем немного сможешь, а громада—великій человѣк. Лишь бы твердо стоять друг за друга: птица—и та понимает это. Сорока нападает на гнѣздо ласточки, чтобы поживиться ея яйцами, и цѣлая стая ласточек подымается на защиту одной и прогоняет непріятеля. Так нужно заступаться и нам друг за друга. Только вы, братцы,

знаете, что сноп тѣм прочнее, чѣм крепче перевеслом его свяжешь. Так ли я говорю, господа громада?

— Лучше не скажешь, дѣд Оврам,—отвѣчали в толпѣ: Веди нас, куда знаешь, за тобой не отстанем.

Оврам сошел с землянаго возвышенія и поставил на него стоявшій в сторонѣ стол. Он снял с него бѣлую скатерть, и крестьяне увидѣли на нем икону Спасителя, крест, Евангеліе и два крестообразно воткнутых ножа. Затѣм он зажег толстую восковую свѣчу и сказал:

— Господа громада! Перед этим, что вы видите на столѣ, вы будете давать вашу клятву. Станьте же на колѣни и повторяйте тѣ слова, что будет читать вам Дейко.

Толпа зашумѣла и опустилась на колѣни; только Оврам и Дейко стояли в глубинѣ пещеры. Мѣрно стало раздаваться чтеніе текста присяги, и всѣ разом подхватывали каждое ея слово.

«Клянусь посвятить всю свою жизнь святому народно**[22]**му дѣлу. Клянусь с оружіем в руках бороться против помѣщиков, чиновников и всѣх врагов наших»... громко отчеканивал Дейко.

— Клянусь! загудѣла разом громада.

ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Женева. 30 ноября.

Граждане Редакторы.

Получивши Ваше любезное приглашеніе сотрудничать в затѣваемом Вами органѣ, я спѣшу отвѣтить на него братским рукожатіем русским революціонерам, которые не только не теряют бодрости, несмотря на всѣ преслѣдованія, но с каждым разом все смѣлѣе поднимают голову.

В настоящій момент, когда всѣ правительства соединяются для преслѣдованія соціализма, революціонеры тоже должны братски протянуть друг другу руки, несмотря на раздѣляющіе нас границы.

Впрочем, солидарность между революціонерами—не мечта, а существующій факт; несмотря на различія средств, которыя естественно должны приспособляться к мѣстным особенностям данной страны, мы всѣ идем к одной цѣли: полному освобожденію

труда. Подобно тому, как язва, разъѣдающая один из органов тѣла, отзывается на всем организмѣ, так и народы не будут вполнѣ свободны, пока хоть один из них останется в рабствѣ, уж по-этому одному они не могут не быть солидарны.

Итак, привѣт мой «Черному Передѣлу», новому бойцу за дѣло свободы, за то дѣло, которое в своем окончательном торжествѣ соединит все человѣчество в единую и великую семью.

В этом письмѣ я сдѣлаю краткій обзор замѣчательнѣйших событій в революціонном мірe западной Европы за этот год.

Во Франціи, с которой всегда надо начинать, когда дѣло идет о революціи, соціалистическое движеніе, парализованное со времени громаднаго кровопусканія 71 г., теперь снова ожившилось, особенно с начала сентября, когда возвратились из Новой Каледоніи помилованные коммунары.

Думали, что эти помилованные, утомленные страданіями долгой ссылки, будут благодарны на дарованную милость, но ошиблись.

Вам извѣстно, конечно, что в числѣ помилованных не вошел никто из приговоренных за прямое участіе в Парижской Коммунѣ, и что большинство из них еще томится на безплодной почвѣ Новой Каледоніи или в изгнаніи. А между тѣм республиканское правительство осмѣлилось объявить в своем циркулярѣ, что в число исключенных из амнистіи попало лишь нѣсколько человѣк, осужденных по политическим причинам, масса же их состоит из субъектов, находившихся в постоянных столкновеніх с уголовной полиціей.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . **набором этих послѣдних строк типографія «Чернаго Передѣла» закончила свою работу: 28-го генваря она была арестована и вмѣстѣ с нею погибли пять наших товарищей, памяти которых мы и посвящаем это изданіе.**

Вот вкратцѣ исторія этого печальнаго событія. Саратовской группой наших товарищей был приглашен для работы в типографію наборщик, Александр Жарков. В продолженіе 3-х лѣт почти он был извѣстен, как человѣк, хотя недалекій, но довольно преданный дѣлу, притом чрезвычайно искусный

знаток своего ремесла. Он стал работать. Дѣйствительность показала, что в нем ошиблись. Через нѣкоторое время представилась необходимость перенести типографію в другое мѣсто. Жарков воспользовался этими днями, чтобы поѣхать в Саратов по своим личным дѣлам. В Москвѣ его арестовали с номерами «Народной Воли». Допрос: Кто такой?—Наборщик. Гдѣ служит?—Без мѣста. Откуда?—Из Саратова. Справки: Жарков работал там то, получал хорошую плату и бросил без видимой причины свое мѣсто. Тотчас подозрѣніе, не в тайной ли он типографіи. Посыпались угрозы смертной казнью. По настоящим временам, от угроз казнью до самой казни недалеко; Ж. струсил: цѣною тайной типографіи и жизни работавших в ней он рѣшился спасти свою собственную. Ночью с величайшей осторожностью полиція сняла с петель двери квартиры, гдѣ помѣщалась типографія. Всѣ работники спали и проснулись только тогда, когда жандармы бросились их вязать. Жарков получил свободу и . . . . . пошел дальше: он взялся указать полиціи Плеханова и Тихомірова;—но это ему не удалось: он был убит на набережной Невки. Всѣ экземп. газеты были захвачены; осталось только 5—6, по которым мы и воспрозводим настоящее изданіе. Из нижеслѣдующих статей только корреспонденціи с «Тихого Дона» и из «Кіева» (15 дек.) должны были войти в первоначальный состав газеты.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

ИЗ КІЕВА.

15 Декабря 1879 г.

Товарищи!

Вѣсть о Вашем намѣреніи издавать газету, которая главным образом будет имѣть в виду рабочій люд села и города, принята у нас с восторгом. Пока мы не станем крѣпче на ноги, пока не удастся нам создать свой орган, который сосредоточит свое вниманіе на нуждах кружков нашего края, Вы, конечно, охотно откроете доступ в вашу газету выраженію и наших мнѣній. В Кіевѣ три организованных кружка, связанных друг с другом тѣсным союзом. Всѣх нас 36 человѣк, кромѣ того мы послали своих людей в нѣкоторые из близ лежащих заводских пунктов,

как . . . . . для пропаганды и организаціи таких же кружков. И в . . . . успѣли уже соединиться 5 человѣк, принявших устав нашей организаціи. Мы послали нашу программу к одесским рабочим и просили их прислать нам свою; затѣм постараемся войти в постоянныя отношенія с ними. Бѣда наша в том, что мы бѣдны: в кассѣ нашей два—три десятка рублей; революціонной же организаціи без матеріальных средств крѣпкой быть нельзя, а тѣм паче «в наше время, когда . . . . ». Бѣдны мы потому прежде всего, что всѣ, за исключеніем двух, народ простой, рабочій. На помощь интеллигенціи в настоящую пору мы мало полагаем надежд. Огромное большинство ея давно стало забывать нас; а присутствіе интеллигенціи в наших рядах, тѣсная связь ея кружков с нашими, послужила бы не только матеріальной поддержкой рабочих групп, но и их умственной опорой. Вот почему мы так рады Вашему начинанію, в надеждѣ, что Вы нам личным примѣром своим, так и печатным словом привлечете хоть часть интеллигентных сил в нашу среду.

* * *

P. S. Программу наших кружков просим Вас отпечатать отдѣльными листами.

---

[23] 24 марта.

По позднѣйшим извѣстіям, в Кіевѣ арестовано 10 человѣк, благодаря доносу шпіона Зембрандскаго (Полозова—псевдоним). При помощи послѣдняго Кіевскіе соціалисты получали кое какія свѣдѣнія из жандармскаго управленія. Такой маневр для сближенія с революціонерами был выбран очень удачно, и если шпіону не довѣряли внутренних тайн,—то во всяком случаѣ он успѣл повидать многих.

Непростительная халатность в организаціонном отношеніи!...

Когда стали замѣчаться нѣкоторыя странности в поведеніи Полозова,—возникли сомнѣнія в его благонадежности. Но один из товарищей, особенно довѣрявшій Полозову, в опроверженіе подозрѣній на его счет, устроил опыт: он оставил у Полозова ящик, будто бы с динамитом, предупреждая, что зайдет за этим ящиком завтра. Зашел, взял ящик и тут же на улицѣ был арестован. Факт этот убѣдил всѣх окончательно, что Полозов—

шпіон. Надо было от него отдѣлаться. Нѣкто Поликарпов взялся за это дѣло. Зазвав его в свою квартиру, Поликарпов стрѣляет по нем из револьвера: шпіон, оказалось—в кольчугѣ; второй выстрѣл ранит шпіона в горло. Тут на шум стали сбѣгаться сосѣди, и Поликарпов, вѣроятно не разсчитывая на возможность бѣжать, третьим выстрѣлом убивает себя; Зембарандскій же остался жив и указал полиціи всѣх, кого знал.

С «ТИХАГО ДОНА.»

Читателям, вѣроятно, извѣстно, что в Землѣ Войска Донскаго вот уже около двух лѣт происходит массовое казацкое волненіе по поводу введенія на Дону земских учрежденій. Всѣ извѣстія об этом волненіи, помѣщенныя в наших легальных газетах, имѣют характер отрывистых сообщеній, отнюдь не раскрывающих причины, побуждающей казаков отказываться от земства. Между тѣм протест донцов против введенія земских учрежденій вызывается тою же общею причиной, которая до сих пор возбуждает повсемѣстное волненіе на Дону.

В послѣдніе $1^1/_2$—2 года это волненіе выразилось цѣлым рядом болѣе или менѣе крупных событій. Распоряженіе о передачѣ казацких лѣсов в веденіе земства встрѣчено было открытым сопротивленіем Луганской *) и др. лѣсных станиц. Сдѣлано было даже покушеніе на жизнь земскаго таксатора, что послужило поводом к аресту 60-ти казаков. Подавивши это движеніе, правительству пришлось считаться с отказом Хоперскаго, Донецкаго и Черкасскаго округов от платежа земских повинностей и выбора гласных. Эти три округа категорически заявили, что не желают введенія земства. Лѣтом 1879 г. Хоперскій округ отправил к наслѣднику «ходаков» с прошеніем об отмѣнѣ того же земства. Считаю поэтому умѣстным изложить причины этого движенія, крайне интереснаго, как по величинѣ района, им охваченнаго, так и по продолжительности и упорности сопротивленія.

---

*) Смотри «Земля и Воля» №№ 2 и 4 Корреспонденціи из Каменской станицы.

Главная причина непринятія казаками земства заключается в прошлой исторіи Донскаго казачества, в цѣлом его міровоззрѣніи, в его взглядах на свои обязанности к государству и на права на свою землю. В самом дѣлѣ, Войско Донское прожило 300 лѣт жизнью, исполненной боевых подвигов, нападеній на непріятеля и обороны от него. В продолженіи этих 300 лѣт оно с непомѣрными трудностями завоевало себѣ Тихій Дон, цѣною своей крови платя непріятелю за каждую пядь земли. В этой вѣковой борьбѣ с непріятелями, в этой безустанной оборонѣ своего семейнаго очага, да и всего государства русскаго от разграбленія полудиких хищников—казачество, с одной стороны, пріобрѣло непоколебимое убѣжденіе, что его земля есть полная его собственность, добытая кровью его предков, что она свободна от всяких налогов и не может облагаться ими и—что, с другой стороны—казаки своими услугами государству заслужили себѣ права и привиллегіи, что они люди свободные, не подлежащіе никаким податям и повинностям и что служат царю и отечеству добровольно, по собственному своему согласію. «У мужика, говорят казаки, земля царская, поэтому он и платит за нее подати, а у нас—казаков своя собственная, да и служим то мы царю по своей охотѣ, и за эту добровольную службу царь должен присылать нам свои грамоты, подтверждающія наши старыя вольности казацкія.»—Понятно, в какое противорѣчіе с этими коренными взглядами казачества стали земскіе поборы и повинности, да и вообще самое существованіе земства. Кромѣ того глубокаго убѣжденія, что, заставляя казаков платить налоги за землю, земство и правительство обращает их из вольных людей в мужиков, обиднѣе чего для казака трудно выдумать,—казаки недовольны земством за то, что оно стѣсняет их свободу, вторгается в их внутреннюю хозяйскую жизнь. Дѣйствительно, всѣ свои хозяйственныя потребности, как напр. пользованіе лѣсами, рыбными ловлями, постройка мостов, исправленіе дорог и проч., все это дѣлалось и рѣшалось самими казаками по их обоюдному согласію. Внѣ своего станичнаго сбора они не признавали по этим вопросам никакой другой власти. А тут земство отбирает лѣс, размежевывает его на части, указывает какой рубить, а какой не слѣдует; за потраву молодаго лѣса скотом берет штрафы с хозяина, платит большія суммы лѣсничим и над-

смотрщикам. На первых же порах по введеніи на Дону земства это противорѣчіе между коренными взглядами и убѣжденіями казаков с одной стороны и притязаніями земства с другой—вызвало повсюду ропот и недовольство. Вездѣ собирались шумные сборы, на которых на тысячу ладов разбиралась несовмѣстность земских учрежденій с казацким бытом. Признавая, что отобраніе лѣса в распоряженіе земства равносильно с посягательством на вѣковыя казацкія права, на их свободу и собственность,—казаки прогоняли от себя землемѣров и лѣсничих, пріѣхавших размежевывать лѣс, а в нѣкоторых мѣстах, напр. в станицах Луганской и Еланской, даже грозили их жизни, если они не уберутся по добру по здорову *). Жаль было смотрѣть на этих чиновников, запуганных и голодных, так как ни одна казачка не соглашалась продать им чего-нибудь съѣстнаго. Начальство вынуждено было сдѣлать уступку: лѣса отбирались только в тѣх станицах, гдѣ этому не оказывали препятствія. Но так как таких станиц в войскѣ почти вовсе не оказалось, то снова было приступлено к склоненію казаков отдать лѣс. То путем обмана, то угрозами начальству удалось наконец добиться от казаков оффиціальных приговоров станичных сборов об отдачѣ лѣса. Насколько дѣйствительны эти приговоры и как они исполняются вы увидите ниже. Как бы там не было, для казаков была важна хоть временная уступка начальства. И вот казаки Хоперскаго, Донецкаго и Черкасскаго округов отказываются от взноса земских платежей и не выбирают гласных. Мало того, в Хоперском округѣ организуется цѣлая депутація к наслѣднику с прошеніем от казаков всѣх станиц об отмѣнѣ земства. Неизвѣстно, принята ли была эта депутація в Аничковском дворцѣ, или была отослана домой по этапу? Скорѣе можно предположить послѣднее. За то доподлинно извѣстно, что все казачество с надеждою ожидало результатов от этого посольства. Однакожь надежды их обманули. Земства не отмѣнили, а по высочайшему повеленію в Новочеркасскѣ образовалась коммиссія для разсмотрѣнія вопросов, касающихся практическаго примѣненія земских учрежденій в З. В. Д. «Как там не измѣняй, разсуждают казаки, а всетаки

*) В Еланской станицѣ казаки с саблями гонялись по полю за землемѣрами.

толку не выйдет; мы совсѣм не хотим земства.»—Опять ропот и безконечные, бурливые станичные сборы. Велят казакам выбирать депутатов в коммиссію, а они не выбирают, да и идти в депутаты никто не хочет, хотя угодливое начальство предлагает им и прогонныя и порціонныя деньги на все время засѣданій коммиссіи. Так и засѣдает в настоящее время эта несчастная коммиссія, не имѣя в своей средѣ ни одного простаго казака и не зная, к каким умиротворяющим положеніям придти? Можно наперед предсказать, что ничего хорошаго она не выдумает, да и выдумать-то при таких обстоятельствах невозможно. А между тѣм казаки, видя, что их ходатайство не уважено, самым безпощадным образом вырубливают лѣс. Рубят даже так называемыя заповѣдныя рощи. Антагонизм между казаками и земством в нѣкоторых мѣстах дошел до такого развитія, что при всем недостаткѣ и дороговизнѣ лѣса, казаки жгут его цѣлыми массами. «Если уж не нам, так пусть и земству не достается!» говорят они. Так разсуждают и поступают казаки в лѣсных станицах Хоперскаго, Донецкаго и Усть-Медвѣдицкаго округов. Гдѣ же нѣт лѣса, там главную роль играет земля и земскіе на нее налоги. «Кровью мы свою землю завоевали, кричат старики на сборах, без крови и не отдадим, а платить за землю не будем, потому что она наша собственная!» В иных мѣстах встрѣчаешь еще сохранившуюся вѣру в царя и убѣжденіе, что земство введено без его вѣдома. «Не хотим мы земства, возражают здѣсь уговаривающему их земцу, или начальнику,—это наше начальство его выдумало, а царь про то не знает! Подай нам подлинную Лександрову руку, тогда мы повѣрим!» Но в Хоперском округѣ, населенном преимущественно раскольниками, послѣ неудавшейся посылки ходаков таких восклицаній уже не услышишь. Там полное отчаяніе, что прош[24]ли счастливыя времена казачества, что им не на кого надѣяться и что, если дорога им воля казацкая, дорог Тихій Дон, то крѣпко должны они стоять друг за друга и общими усиліями противодѣйствовать всѣм нововведеніям, которыя всѣ имѣют конечною цѣлью обратить казаков в податных мужиков. Всякое измѣненіе в Войскѣ, будь то слух, что Міусскій округ отойдет к предполагаемой Таганрогской губерніи, будь то распоряженіе об отобраніи от казаков казенных ружей — все это служит для них новым подтвержденіем их подозрѣній и самая

ничтожная причина, или удачно пущенный слух может поднять на ноги всю область. Если же принять во вниманіе, что казаки вооружены поголовно, то очевидно, насколько важен Дон в революціонном движеніи!

РОСТОВСКІЙ БУНТ 2-го АПРѢЛЯ.

2 апрѣля, как и всегда в большіе праздники, базарная площадь пестрѣла цѣлым рядом качель и балаганов с их неизмѣнным пискливым ванькой и визгом разбитых шарманок. Горлодерство пьяных солдат, крики балаганных шутов, разудалыя пѣсни, остроты и прибаутки панорамщиков; «ахи» манерных мамзелей, быстро взлетавших вверх в качельных ящиках с своими кавалерами,—все это сливалось в какой то гул, говорившій лишь о широком разгулѣ и полном забвеніи всякаго горя.

Веселился народ, тот самый народ, к которому направлены всѣ наши помыслы и который так мало знает, кто мы и за кого. И вот в самый разгар веселья на этом пестром полѣ стало вырисовываться темное пятно: народ стал скучиваться вдруг у одной из качелей, привлеченный какой то дракой. Толпа становилась все гуще и гуще. Дѣло же было просто вот в чем: урядник приказал поунять свой разгул какому то сильно подпившему мастеровому; послѣдній отвѣчал ругней. Взбѣшенный урядник, вцѣпившись в волосы дерзкаго гуляки, тащил его в участок. «Братцы, ослобоняй!» раздался голос и нѣсколько человѣк бросилось на урядника: моментально жертва была свободна; но толпа заколыхалась сильнѣе, брань и угрозы со всѣх сторон посыпались на урядника. Послѣдній, почуяв, очевидно серьезную опасность, пришпорил коня и быстро ускакал. Гнѣвные крики все росли и росли.—«Пойдем на полицію, разнесем на куски этих мучителей!!...» И сотни голосов завопили: «Разнесем, разнесем!»—«Всѣх властей долой, долой царя!»—послышались голоса замѣшавшихся в толпу двух—трех соціалистов...

Масса рванулась с мѣста и словно по командѣ двинулась по направленію к полиціи. На пути нѣсколько голосов предложили разрушить зданіе думы; в отвѣт послышалось: «Общественнаго трогать нельзя!»—и в безпорядке, густою массою

народ поспѣшно подвигался впередъ. Вотъ показалось зданіе полиціи: усиленные взрывы угрозъ и ругни потрясли воздухъ; шаги удвоились; черезъ минуту толпа врывалась уже въ самое зданіе. Полицейскіе разбѣжались; немногіе попавшіеся въ руки, подверглись страшнымъ побоямъ. Раздался треск, затѣмъ опять и и опять: это ломали шкафы, хранилища всевозможныхъ дѣловыхъ бумагъ, текущихъ и архивныхъ. Весь этотъ плодъ канцелярщины подвергся безпощадному уничтоженію: мелкіе клочки бумаги устлали полъ полицейскаго зданія и прилегающаго къ нему тротуара. Въ одной изъ комнатъ слышится голосъ: «Сюда, сюда! Часть толпы бросается на зовъ. «Раздайся!» кричитъ кто то, взобравшійся на столъ: и золоченая рама, съ портретомъ Александра II повалилась на землю. Неизвѣстно, кто былъ иниціаторомъ этого преступленія, соціалистъ ли, или просто безъ всякихъ тенденцій кто нибудь изъ толпы; но какъ бы то ни было, а царскій образъ, какъ говорятъ, подвергся участи канцелярскихъ бумагъ: надъ нимъ наругались, выкололи глаза и затѣмъ истерзали въ куски. Вдругъ опять новый зовъ: «Братцы, деньги! грабь, сколько хошь.» Кто то увидѣлъ въ шкафу цѣлыя пачки денегъ, но—о чудо!—народъ не бросился загребать ихъ въ карманы: мелко разорванныя ассигнаціи разлетались въ разныя стороны... Разрушеніе продолжалось недолго: скоро все было уничтожено, поломано, повыброшено въ окна. Не находя болѣе пищи своему гнѣву, толпа направилась къ дому полиціймейстера. Тутъ же жилъ и исправникъ. Но обѣ эти власти, получивъ донесеніе, что народъ овладѣлъ зданіемъ полиціи, соблагоразсудили немедленно удрать въ Нахичевань. Толпа не знала этого и приблизившись къ ненавистному дому, увидѣла дряхлаго городового, охранявшаго входъ въ помѣщеніе бѣжавшаго начальства. Старикашка храбро обнажилъ свою саблю; но кто то съ хохотомъ вырвалъ ее у него изъ рукъ. «Ступай, дѣд, по добру да по здорову! Тебя и бить то не за что»—замѣтили въ толпѣ.—В это время на порогѣ явилась фигура въ очкахъ въ какой то чиновничьей формѣ. Она напра|вила въ толпу револьверъ, требуя смириться и разойтись. Нѣсколько человѣкъ кинулось на нее изъ переднихъ рядовъ, но фигура успѣла улизнуть, заперевъ за собой дверь. Тогда стали выбивать окна 1-го этажа, въ квартирѣ полиціймейстера; ворвавшись такимъ образомъ въ домъ, сломали дверь и дали свободный входъ всей массѣ. Но въ квартирѣ, кромѣ горничной

и любовницы полиціймейстера, никого не нашли. Их не тронули: рыдающія и молящія о пощадѣ, онѣ были дѣйствительно жалки. Все бросились к столу, обильно уснащенному всевозможными пасхальными явствами; стали христосоваться и принялись за явства. Кончили. Вдруг раздались музыкальные звуки: кто то сидѣл за фортепіано и игралъ марсельезу. «Ломай, трощи!» послышалась команда,—и опять прилив страшнаго гнѣва: все, что было в домѣ подверглось ломкѣ; улица забаррикадировалась кусками мебели, одежи и т. п. Не пощадили и фортепіано, звуки котораго только что слушали. Но, замѣчательно: квартиру исправника оставили в покоѣ. «Не тронь его, ребята, худа от него нам никакого не было; и точно тоже восклицаніе о приставѣ Нижегородцовѣ: не тронули и его. Отсюда бурная и все болѣе озлобляющаяся толпа, двинулась ко 2-й части. На Садовой улицѣ послышались приглашенія разорить извѣстнаго здѣсь ростовщика Гуровича, но эти голоса были заглушены криками: «Деньги нам не нужны; на часть, на острог!» И 2-я часть подверглась участи первой. Затѣм настала очередь ненавистнаго ростовцам пристава Бубликовскаго. Но,—по пословицѣ: знает кошка, чье мясо съѣла,—Бубликовскій заранѣе предвидѣл этот визит; он благоразумно спровадил свою жену с вещами в безопасное мѣсто, но совершенно неблагоразумно сам остался в квартирѣ. При приближеніи народа, он храбро встрѣтил его в корридорѣ с револьвером в руках и требовал смиренія. Эта смѣлость обошлась ему дорого: избитый до полусмерти, с выбитым глазом, еле спасся он каким то чудом. Уничтожив до тла буквально все, что только было в домѣ злополучнаго Бубликовскаго,—народ двинулся на острог. Здѣсь к этому шествію примкнула свѣжая толпа дотолѣ не принимавшая участія в дѣлѣ, толпа «босовиков». Босовики,—это элемент, составляющій принадлежность всякаго огромнаго промышленнаго центра в Россіи. Но нигдѣ он так не многочисленен, как в Ростовѣ. Это самая разношерстная масса: тут и бѣглые солдаты, наудавшіеся дворяне, крестьяне, бросившіе цѣлыми семьями свою родину и в отчаяніи возвращающіеся назад, нашедши в Прикавказьѣ, куда прежде стремились, пески, вмѣсто кисельных берегов и рѣк медовых; истратившись дорогой окончательно, эти несчастные застряли в Ростовѣ, в надеждѣ заработать на дальнѣйшее путешествіе до родины. Но здѣсь

и без них огромный излишек рабочих рук; и пришлось им волей-неволей увеличить собою контингент того люда, которому пропасть если не украсть; люда, проводящаго ночь под крыльцами базарных лавок лѣтом,—а зимою в вырытой в навозной кучѣ ямѣ. Вот эта то голодная, полунагая масса, услыхав, что в центрѣ города народ бунтует, сбѣжалась с его окраин и в количествѣ нѣсколькихъ сот человѣк пристала к воинственному шествію на острог. Новый прилив сил, казалось, ободрил толпу; и воздух огласился страшными криками радости и угроз против ненавистных властей. «Да здравствует свобода!» со всей мочи кричал голос одного из соціалистов.—«Да здравствует свобода!» подхватила толпа. Так подвигалась она все дальше и дальше. Вдруг впереди на встрѣчу народной толпѣ показалась катящаяся бочка. Это было у водочнаго завода Когана. Сам Коган стоял на крыльцѣ с пачкой ассигнацій в руках. Хитрый жид, блѣдный, дрожа, как осиновый лист, но в то же время с заискивающей улыбкой, приглашал народ покутить на свой счет. Напрасно раздавались протесты со стороны немногих, напрасны были просьбы:—огромное большинство, в том числѣ вся «босая команда», накинулось на бочку... Горѣлка потушила пожар.

Только небольшая кучка, человѣк во сто, остановилась как будто обезкураженная неожиданным отливом сил: «идти ли на острог, или нѣт?»—«Да здравствует свобода! Долой тюрьму!» ободрил ее чей то голос, и эта кучка пошла вперед. Но острог, оказалось, окружен войском, и безоружная кучка остановилась; остановилась, в досадѣ послала солдатам тучу ругательств и... разошлась.

Между тѣм «босовики», осушивши бочку горѣлки, бросились разорять публичные дома. Уж только тут полиція пришла в себя и сообразила, что дѣлать. Переодѣтым городовым приказано было замѣшаться в толпу и отмѣчать знаками тѣх, кто бушевал. Таким способом на улицах нахватали человѣк до 200. Большинство из них вскорѣ освободили; оставили в тюрьмѣ человѣк 30. Но в числѣ этих послѣдних—или «босовики», или тѣ из толпы любопытных зрителей, которых отмѣтила знаком усердная рука полицейскаго.

На другой день, когда уже в Ростов вошел отряд казаков, рабочіе грушевских шахт, услыхав о ростовском бунтѣ, двину-

лись на помощь своим собратам. Их было нѣсколько сот. Но встрѣтив на [25] оврагѣ нѣкоторых из участников бунта, бѣжавших из города от преслѣдованія полиціи и, узнав от них, что всѣ уже кончено, воротились назад.

Таков, по разсказам очевидцев, ростовскій бунт.

ПОЛЬСКОЕ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ *)

27 Марта.

Еще в 1878 г. в № 1 «Земли и Воли» была помѣщена корреспонденція из Варшавы, в которой сообщалось в общих чертах о зарождающемся там соціалистическом движеніи и обрушившихся на него преслѣдованіях. С тѣх пор движеніе это пошло дальше, распространяясь главным образом в средѣ городских рабочих, которые, благодаря быстрому развитію промышленности, все болѣе и болѣе приближаются к типу обще-европейскаго пролетаріата, представляя из себя удобную почву для привитія соціалистическаго ученія.

Періодически повторяющіеся погромы сильно препятствуют возникновенію прочной организаціи рабочаго класса. Тѣм не менѣе она дѣлает успѣхи, поскольку это возможно под давленіем русско-политических условій вообще и военнаго положенія в частности. Благодаря этим послѣдним, соціалистическое движеніе в русской части Польши насчитывает уже не мало жертв. Варшавская цитадель помѣщает в своих стѣнах около 100 человѣк, раздѣленных на 4 категоріи и ожидающих, смотря по времени своего заключенія, болѣе или менѣе скораго рѣшенія своей участи. По другую сторону границы, в Австрійской части Польши соціалистов также не оставляют без преслѣдованій. В настоящее время в Краковѣ судятся 35 человѣк наших товарищей, обвиняющихся «в нарушеніи общественнаго спокойствія». (Нечего прибавлять, что это «нарушеніе» выдумано единственно для того, чтобы примирить австрійскую «свободу слова» с пре-

*) Мы получили от одного из наших польских товарищей корреспонденцію, из которой, по недостатку мѣста, помѣщаем только слѣдующее извлеченіе. *Ред.*

слѣдованіями соціалистов). На скамьѣ подсудимых фигурируют, как мѣстные элементы, выработавшіеся частью на международной почвѣ польско-русинскойпропаганды во Львовѣ, частью под вліяніем Варшавскаго движенія, так и элементы пришлые или, говоря точнѣе, тѣ из Варшавских соціалистов, которым удалось избѣгнуть русской тюрьмы и поселиться в Галиціи. Предсказывать заранѣе результат процесса, который начался 16 февраля и продлится, по всей вѣроятности, еще мѣсяца два, разумѣется, крайне трудно. Можно только утверждать, что он окажет сильное вліяніе на умы той части интеллигентной молодежи и рабочих, которая не успѣла еще выйти из-под давленія псевдо-либеральных и клерикально-аристократических тенденцій господствующих классов.

Слѣдует, однако, признать, что рабочіе австрійской части Польши в послѣдніе 2—3 года значительно подвинулись в отношеніи пониманія своего современнаго общественнаго положенія и своего отношенія к господствующим классам. Так, напр., во Львовѣ, гдѣ существует нѣсколько правильно организованных рабочих обществ, издается спеціально-рабочая 2-х недѣльная газета «Praca» («Труд»), говорим—спеціально рабочая потому, что она поддерживается на средства рабочих и редактируется самими рабочими. Поставив себѣ в началѣ цѣлью пропаганду отвлеченной науки и сплоченіе рабочих, газета эта, под вліяніем успѣхов соціализма в Галиціи, стала принимать все болѣе и болѣе соціалистическій оттѣнок и разсуждать о дѣлах рабочих с соціалистической точки зрѣнія, посколько это возможно в предѣлах австрійской конституціи. Как газета рабочих, «Praca» пользуется большою популярностью в их средѣ.

Ея агитація не осталась без вліянія на рѣшеніе рабочаго собранія, состоявшагося во Львовѣ 28 декабря 1879 г. Обсуждая всесторонне свое положеніе, рабочіе, которых присутствовало около 500 человѣк, рѣшились обратиться к Вѣнскому парламенту с нѣкоторыми опредѣленными требованіями. Они добиваются пока уничтоженія всѣх цеховых стѣсненій, которыя тяготят на них, втискивая жизнь их в тѣсныя рамки, и всеобщей подачи голосов, как орудія улучшенія их положенія в будущем.

Несмотря на внѣшнюю форму петиціи, исходная точка преній рабочих на собраніи была чисто соціалистическая.

Вообще, все шире разростающееся рабочее движеніе во Львовѣ, с одной стороны и Краковскій процесс, всѣх поражающій своей новизной и повсюду вызывающій самые оживленные толки—с другой распространяют сѣмя «пагубнаго ученія» в польском обществѣ, которое, полагаясь на силу и живучесть своих національных традицій, считало себя застрахованным от соціалистическаго движенія, охватывающаго сосѣднія земли на Западѣ и Востокѣ.

Упомянем еще о «Równoscii» («Равенство»), соціалистическом органѣ, издаваемом польскими эмигрантами в Женевѣ. Как журнал, стоящій на точкѣ зрѣнія Интернаціонала и при том вполнѣ революціонный, он, конечно, запрещен в Галиціи, но тѣм не менѣе проникает в среду интеллигентной молодежи и рабочих русской Польши и Галиціи.

Заканчивая свою корреспонденцію, автор посылает соціалистам-народникам братскій привѣт и выраженіе полной солидарности.

ФРАНЦІЯ.

Исторія идет скачками. Період возбужденія, оживленія, стремительнаго движенія вперед смѣняются всегда періодами апатіи, которыми враги прогресса пользуются, как лучшим моментом для реакціи.

Если затѣм мы обратимся к хронологіи этих періодов возбужденія и упадка общественной жизни, то замѣтим нѣчто на первый взгляд совершенно случайное и непонятное: полный цикл общественнаго движенія совершается приблизительно лѣт в 20, т. е. во время, необходимое для полнаго развитія человѣческаго поколѣнія; так было, по крайней мѣрѣ, в послѣднее столѣтіе европейской исторіи. Точно вся нравственная сила, весь энтузіазм націи расходуется на один порыв к лучшему будущему, повторить который не хватает болѣе сил и нужно, чтобы подошло новое поколѣніе, которое взяло бы на свои молодыя плечи бремя, оказавшееся не под силу старому, и понесло его по тяжелой дорогѣ прогресса.

Здѣсь не мѣсто разбирать, составляет ли такое явленіе результат человѣческой природы, или же диких условій современ-

наго строя Европы. Факт не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію.

В 1871 г. среди потоков крови, криков убиваемых женщин и дѣтей и грохота разносимых артиллеріей зданій, французская буржуазія праздновала свою побѣду над парижским пролетаріатом.

Никогда еще побѣда людей «порядка» не была ни такой кровавой, ни такой полной. Страшная бойня, совершонная 20 л. тому назад седанским героем показалась ничтожной сравнительно с рѣзней Тьера и Мак-Магона. Сорок тысяч человѣк—цвѣт французской націи—была убита; шестьдесят тысяч—бѣжали или были высланы в Кайену. Буржуазія торжествовала. Ей казалось, что привидѣніе анархіи и коммуны навсегда уложено в могилу, из которой никогда не подняться ему. И дѣйствительно, во Франціи стали совершаться вещи по истинѣ невѣроятныя. Казалось, что традиція всѣх революцій девятнадцатаго вѣка погибла окончательно и смѣнилась средневѣковым клерикализмом, роялизмом, іезуитизмом. Франція казалась мертвою и, словно черные коршуны, попы и монахи насѣли уже на ея труп.

Но убить идею невозможно, потому что она безплотна. Она живет в умах, в книгах, в преданіях. Если это идея прогрессивная, идея жизненная, то живое всегда найдет себѣ мѣсто в живом. И чѣм сви[26]рѣпѣе были преслѣдованія, тѣм рѣзче подчеркнута идея их вызвавшая. Вот почему во всѣ времена гоненія только усиливали распространеніе преслѣдуемых ученій.

Так было и относительно Парижской Коммуны.

Великія идеи, брошенныя ею в мір, не могли быть выжжены никаким огнем, ни потоплены никакими потоками крови. Звѣрства версальцев окружили их только новым ореолом, привлекавшим к ним все, что было мыслящаго и благороднаго в средѣ французскаго народа. Мало по малу идеи эти начинают распространяться, проникать в почву, пускать корни, пробиваться наружу.

Когда прошло первое оцѣпененіе послѣ ужасов «кровавой недѣли», французскіе рабочіе начинают собираться в группы—потребность общенія была всегда первой ступенью в соціалистистическом движеніи. Собираясь вмѣстѣ, рабочіе

толкуют о своем положеніи и, разумѣется, о средствах улучшить его.

Ліонскій конгресс 78-го года был первой попыткой французских рабочих договориться по этому предмету до каких-нибудь общих рѣшеній. Но это была попытка самая робкая и нерѣшительная. Ліонскій конгресс не принял ни одного радикальнаго рѣшенія и ограничился повтореніем избитых, лишенных всякаго смысла для рабочаго народа, формул буржуазнаго либерализма. Конгресс этот привел в глубокое уныніе наиболѣе передовых представителей французскаго пролетаріата, доказательством чему может служить полная горьких упреков статья одного из бойцов коммуны в соціалистическом обозрѣніи (Travailleur). Но и тогда уже нѣкоторые голоса с надеждой привѣтствовали этот конгресс, как признак возобновленія соціальнаго движенія в средѣ французскаго пролетаріата (см. Общину № 3). Послѣдніе оказались правы. Раз пробудившись, умственное движеніе рабочих не могло остановиться на этой первой ступени. Рабочіе должны были или сами отречься от права на существованіе, или рано или поздно сдѣлаться соціалистами. Такова логика жизни и, не будучи пророком, можно было предсказать это. Но что дѣйствительно трудно было предсказать, что дѣйствительно показалось бы невѣроятным в то время, так это быстрота, с какой французскій рабочій совершил этот переход.

В октябрѣ прошлаго года в Марселѣ собирается новый рабочій конгресс. Сто десять делегатов от разных рабочих обществ является на него. И что же? Единогласным рѣшеніем конгресс этот называет себя *соціалистическим*. Затѣм, большинством 71 голоса против 39, он без всяких оговорок объявляет себя «за *коллективную собственность*, за отнятіе в пользу коллективности земли, рудников, машин, путей сообщенія, зданій, накопленных капиталов, которые должны служить на пользу всему человѣчеству». Он не говорит уже о выкупѣ,— а провозглашает необходимость экспропріаціи, коротко и ясно, без всякаго вознагражденія. Он не возлагает больше никаких надежд на мирный прогресс, невозможный при нынѣшних условіях и сознательно заявляет, что эта экспропріація может совершиться только посредством силы.

Вот что такое Марсельскій Конгресс, составляющій поворотный пункт в исторіи соціально-революціонного движенія и открывающій собою цѣлый ряд уже организующихся в настоящее время новых соціалистических конгрессов в разных городах Франціи.

Мѣсяц тому назад, в день годовщины Парижской Коммуны, в Парижѣ, в знаменитой Sale d'Arras устраивается первое открытое празднованіе коммуны. Сотни сочувственных и поздравительных адрессов несутся к нему со всѣх концов Франціи и Европы.

Под давленіем общественнаго мнѣнія французское правительство оказывается вынужденным дать, если не полную, то частичную амнистію. И вот нѣсколько сот тысяч рабочих встрѣчает амнистированных овацією, давно не виданной в Парижѣ. И не смотря на всѣ мелочныя преграды со стороны правительства, подобныя же встрѣчи привѣтствуют возвращеніе каждой партіи каіенских страдальцев.

Коммунар Умбер выбирается огромным большинством в муниципальный совѣт.

Всеобщая амнистія только вопрос времени.

Что же дѣлает правительство ввиду грозной, все поднимающейся революціонной волны?

Еще задолго до марсельскаго конгресса оно постаралось обезпечить себя от наслѣдников людей, которых оно избавило в 71 г. Свобода слова была ограничена законом запрещавшим собираться и устраивать общества без разрѣшения правительства. Итальянец Коста был осужден на два года тюремнаго заключенія за одну принадлежность к Интернаціоналу. Свобода печати была стѣснена безусловно покорными правительству судами, приговаривавшими к десяткам тысяч штрафа соціалистическія газѣты, придираясь ко всякой мелочи с явной цѣлью раззорить редакцію и поставить ее в невозможноть продолжать изданіе.

Тѣм не менѣе, не смотря ни на закон Дюфора, ни на пени, ни на аресты соціалистическая пропаганда все усиливалась. Період застоя, слѣдовавшій за страшным пораженіем французскаго пролетаріата в 71 году, кончился. Движеніе вступило в свой восходящій фазис, и с колебаніями и неровностями оно

роковым образом будет рости и рости с каждым годом и мѣсяцем и правительству оказавшемуся не в силах подавить его в зародышѣ, конечно, не удержать его дальнѣйшаго развитія.

В ту самую минуту как мы пишем эти строки телеграмма из Парижа извѣщает о новой мѣрѣ французскаго правительства. Восемьнадцать соціалистов изгнано из Парижа за соціалистическую пропаганду.

Ничто не доказывает так ясно безсилія правительства подавить движеніе как это грубое насиліе.

Очевидно, обыкновенных мѣр, находящихся в распоряженіи власти, недостаточно. Она должна будет мало по малу прибѣгнуть к своему послѣднему средству—силѣ оружія.

Но тогда то и начнется начало конца!

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

В послѣдніе годы недостаток доступной пониманію народа соціалистической литературы сдѣлался особенно ощутителен. Вышедшія нѣсколько лѣт тому назад народныя книги частью разошлись, частью арестованы полиціей и служат лишь вещественными доказательствами при обвиненіи того или другого соціалиста в распространеніи «превратных толкованій». Кромѣ того, серія наших народных изданій не отличалась полнотою и имѣла в виду главным образом читателя-крестьянина, оставляя в сторонѣ другіе слои трудящагося населенія Россіи. Городскіе рабочіе, казачество и солдаты были совершенно лишены литературы, которая трактовала бы о необходимости кореннаго измѣненія существующаго строя, исходя из явленій жизни, окружающей этих читателей, затрогивая их наиболѣе жизненные интересы. А между тѣм, практическая жизнь приводила соціалистов в соприкосновеніе со всѣми этими элементами русской общественной жизни и часто заставляла сожалѣть о полном отсутствіи приспособленной к их пониманію и интересам соціалистической литературы.

Мы думаем, что пришло время хотя отчасти исправить этот недостаток и предлагаем всем сочувствующим дѣлу соціалистической пропаганды оказать как литературное, так и матеріаль-

ное содѣйствіе *изданію* серіи соціалистическихъ книгъ и брошюръ для народа на великорусскомъ и украинскомъ языкахъ.

В настоящее время готовятся к печати:

«ЧТО ТАКОЕ СОЦІАЛИЗМ»
(для рабочих) и
«ИСТОРІЯ РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА».

Как матеріальныя пожертвованія, так и рукописи просим передавать: в Россіи—лицам, близко стоящим к редакціи «Чернаго Передѣла»; за границей—редакціям: «Общины» («Работника») и «Revoltè» в Женевѣ.

Сентябрь 1880 г. Цѣна 25 коп.

№ 2.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛ

ОРГАНЪ СОЦІАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ.

В виду того, что кружки солидарнаго с нами направленія не успѣли еще обзавестись органом на родной почвѣ, мы сочли нужным издать за границей 2-й № „Чернаго Передѣла".

Лондон, 2 сентября.

Нам, соціалистам конца 70 и начала 80 гг. пришлось быть современниками весьма серьезнаго перелома в общественной жизни Россіи. Когда-то всесильный, нигдѣ и ни в ком не встрѣчавшій сопротивленія, абсолютизм обнаруживает старческую дряхлость и почти полную безпомощность. В его разслабленном организмѣ жизнь поддерживается только усиленными пріемами возбуждающих веществ в видѣ всевозможных «временных мѣропріятій», от военной диктатуры до заграничных займов и новых выпусков бумажных денег включительно. Все искусство придворных знахарей, вся мудрость Зимняго Дворца пущены в оборот, но полученные до сих пор результаты едва ли могут назваться отрадными для безкорыстных и нанятых сторонников абсолютизма.

Это и не удивительно. По традиціонной привычкѣ—искать в казармѣ разрѣшенія общественных вопросов, перепуганный самодержец рѣшил, что храбрый генерал непремѣнно должен быть «мудрым правителем» и, не долго думая, произвел «фельдфебеля в Вольтеры». Лорис-Меликов был облечен полномочіями, неслыханными в Россіи со времен «Царя Земщины», блаженной памяти татарина Симеона Бекбулатовича. Занявши свой «высокій пост», Михаил Таріэлович принялся спасать «порядок»,

«семью», «собственность» и все, к чему взывают предержащія власти, когда начинают опасаться за свои прерогативы. Он «карал», «миловал», обѣщался чего то «непотерпѣть», кого то призвать к «содѣйствію власти», а в послѣднее время отважился даже на переименованіе III-го отдѣленія, со всѣми его чадами и домочадцами, в департамент полиціи политической. Но, вопреки увѣреніям сикофантов, его воззванія не содержали в себѣ рѣшительно ничего оригинальнаго, его «реформы» оказались тѣм низко-пробным политическим шулерством, в области котораго наше правительство составило себѣ такую печальную извѣстность.

Нѣкоторая разница между нашими «помпадурами борьбы» замѣчается только в слогѣ. Михаил Таріэлович любит «штиль» высокій и просит общество о «содѣйствіи власти». «Сам» предпочитает язык, если не совершенно «подлый», то, во всяком случаѣ, простой и безъискусственный. «Господа,' говорит он, многіе из вас—домовладѣльцы, слѣдите, пожалуйства, за своими жильцами». В «добром русском сердцѣ» такая откровенная просьба находит даже болѣе сочувственный отклик, чѣм псевдолиберальное краснорѣчіе бывшаго диктатора. Это доказывается тѣм, что в отвѣт на призыв самодержца слушатели гаркнули немедленное и дружное «ура», между тѣм как читатели Лорис-Меликовской прокламаціи и до сих пор продолжают чесать у себя в затылкѣ. Что же касается сердец, лишившихся своей первобытной чистоты под тлетворным вліяніем Запада, людей недовольных современными русскими порядками, то опыт показал уже, как относятся они к правительственным просьбам о помощи и обѣщаніям реформ. О соціалистах, разумѣется, нечего и говорить. Это люди до такой степени испорченные, что бесѣды с ними возможны только в застѣнках «департамента полиціи политической». Но стоит припомнить земскіе адрессы, записку профессоров Петербургскаго университета, стоит раскрыть книжку сколько-нибудь честнаго журнала, развернуть номер мало-мальски чистоплотной газеты—чтобы увидѣть, как глубоко упал абсолютизм в общественном мнѣніи. Обязанность вынимать правительство из петли, которой оно само себя захлестнуло, общество не отдѣляет и не может отдѣлить от права участія в управленіи и его контроля.

Тлетворное віляніе Запада сказалось на всем общественном мнѣніи, и правительству волей-неволей прійдется пойти на уступки. Александр Николаевич пока еще не понимает или дѣлает вид, что не понимает, всей безъисходности своего положенія. Повидимому, он надѣется еще поддержать колеблющуюся «храмину» абсолютизма соединенными силами дворников, полиціи, жандармеріи и всѣх забалканских и закавказских героев. Но отличившіеся «в дѣлах против непріятеля» полководцы, не обнаруживают никаких талантов в походѣ против духа времени; высочайше пожалованныя в соловьи кукушки остаются кукушками. А положеніе дѣл с каждым днем ухудшается. Невыносимая духота чувствуется во всей общественной атмосферѣ. Всѣ сознают крайнюю ненормальность современнаго положенія, всѣ ищут выхода из него, но в умышленно поддерживаемой правительством темнотѣ всѣ бродят ощупью, сталкиваются, ушибаются, посылают друг другу проклятія и постоянно натыкаются на новыя препятствія. «Слово и дѣло государево» распространяет настоящую панику, шпіонство достигает небывалых размѣров, и даже дѣти играют в военные суды и смертные приговоры.

Над Россіей тяготѣет проклятіе, налагаемое исторіей[2] на всякую отсталую и развращенную страну. Сама природа как будто ополчается на наше несчастное отечество и поражает его цѣлым рядом бѣдствій. Неурожай, засуха, жучки, черви, голод, пожары, эпидеміи, эпизоотіи и т. п. и т. п.—вот чѣм полны отдѣлы внутренних извѣстій наших газет; вот картина, по яркости красок, не уступающая картинѣ египетских казней. Ни в чем неповинный народ бѣдствует, голодает, раззоряется окончательно. Вслѣд за послѣднею коркою хлѣба, он потеряет также и терпѣніе. Как предвѣстники приближающейся грозы, то здѣсь, то там вспыхивают волненія; в нѣкоторых мѣстах крестьяне отказываются платить недоимки и ободряют себя тѣм соображеніем, что «хуже не будет». «Хуже не будет, хуже невозможно»—это вопль отчаянія, в котором народы как и отдѣльныя личности, рѣшаются на все, трусы дѣлаются героями, самые слабые люди силачами.

Так продолжаться долѣе не может. Общество увидит, наконец, всю глубину пропасти, на край которой привело его правительство и, движимое чувством самосохраненія, добьется

необходимых реформ. В противном случаѣ Гордіев узел современной безурядицы будет разрублен топором крестьянина.

Но вѣроятнѣе первый исход. Один из Александров—II или III—это, в сущности, все равно—вынужден будет высочайше пожаловать конституцію, которая удовлетворит интересам высших классов. На минуту нарушенное согласіе между ними и монархом возстановится, голодающему народу кинут корку—другую хлѣба, охранителей из «департамента» замѣнят охранители из Земскаго Собора, и «порядок» будет возстановлен, к общему удовольствію всѣх, заинтересованных в его сохраненіи.

В этом спорѣ за власть между отживающим абсолютизмом и нарождающейся буржуазіей, какую роль будут играть соціалисты? Сосредоточат ли они свои силы на политической борьбѣ, или найдут для себя в народѣ дѣло болѣе плодотворное, болѣе достойное партіи, написавшей на своем знамени экономическую революцію в интересах трудящихся масс?

Конечно, не нам, отрицающим всякое подчиненіе человѣка человѣку оплакивать паденіе деспотизма в Россіи; не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшнѣх усилій и стольких тяжелых потерь—желать его продолженія. Мы знаем цѣну политической свободы и можем пожалѣть лишь о том, что русская конституція отведет ей недостаточно широкое мѣсто. Мы привѣтствуем всякую борьбу за права человѣка, и чѣм энергичнѣе ведется эта борьба, тѣм болѣе мы ей сочувствуем. «Свѣта, больше свѣта»!—На этом требованіи сойдутся всѣ честные и уважающіе себя люди в Россіи. Но кромѣ выгод, которыя несомнѣнно принесет с собою политическая свобода, кромѣ задач ея завоеванія,—есть другія выгоды и задачи; и забывать о них невозможно именно в настоящее время, когда общественныя отношенія так заострились и когда, поэтому, нужно быть готовым ко всему.

Кризисы, переживаемые обществом, при замѣнѣ одного режима другим, всегда сопровождаются нѣкоторым броженіем в народѣ; при благопріятных условіях оно разрѣшается рядом болѣе или менѣе сильных волненій. И это понятно. Народу всегда тяжелѣе всѣх других классов приходится расплачиваться за ошибки правительства. Отсюда—недовольство, с особенной силой проявляющееся в минуты правительственной дезор|гани-

заціи. Так было во время Великой Революціи во Франціи, так было в Германіи в 1848 году. Народ возобновлял свою вѣковую распрю с господствующими классами и поджигал помѣщичьи замки, не справляясь о консервативном или либеральном образѣ мыслей их владѣльцев. Исходы таких волненій опредѣлялись, конечно, всей суммою современных им условій. Но в алгебраической суммѣ послѣдних весьма значительную отрицательную величину всегда—составляло отсутствіе в народѣ сплоченности, единства и организованности дѣйствій. В то время иначе и быть не могло. Крестьянскія массы только в рѣдких, исключительных случаях способны выдвинуть из своей среды достаточное количество организующих и руководящих элементов. Интеллигенція же того времени почти цѣликом стояла на сторонѣ буржуазіи и на благо народа смотрѣла сквозь призму интересов 3-го сословія. Это опять таки было естественно тогда, но совершенно непозволительно для соціалистической интеллигенціи нашего времени. Было бы очень печально, если бы, увлеченные политической борьбой, мы предоставили народным волненіям совершаться без нашего участія, воздѣйствія и вліянія. Поступая таким образом, мы собственноручно подписали бы себѣ патент на безпочвенность, который так усердно навязывают нам наши враги. Соціалистическая «партія» без почвы и вліянія в народѣ, без заботы о их пріобрѣтеніи—это non sens, «штаб без арміи» мнимая величина, не имѣющая значенія в ходѣ общественной жизни страны. С такою партіей было бы ненужно считаться ея врагам: они могли бы игнорировать ея требованія, без всякой серьезной для себя опасности.

Итак, разсуждая даже исключительно с точки зрѣнія нашего вліянія на ход политических событій в Россіи, мы должны поставить дѣятельность в народѣ превыше всѣх задачь, как источник нашей силы и наших успѣхов в борьбѣ с врагами, которых в конституціонной Россіи у нас, конечно, будет не менѣе, чѣм теперь и которыя всѣми силами будут стараться затруднять нашу дѣятельность, помѣшать нашей пропагандѣ, объявить нас внѣ закона.

Но какую же проповѣдь понесем мы в эту среду, какія задачи и цѣли укажем мы ей, как наиболѣе важныя и легче всего достижимыя? Экономическій вопрос всегда и вездѣ был

и будет сильным, жгучим, самым существенным вопросом для трудящихся масс. С точки зрѣнія этого вопроса онѣ опредѣляют свое отношеніе к существующему порядку вещей, благословляют или проклинают появленіе новаго, отталкивают или поддерживают различныя партіи. Выступая активно в моменты общественных кризисов, народ преслѣдует именно цѣль своего экономическаго освобожденія. Вопросы политическіе имѣют для него второстепенное значеніе, если не игнорируются им совершенно. В этом—несчастіе всѣх буржуазных и дворянских партій и—залог несомнѣннаго успѣха для соціалистов, которые признают коренную важность экономическаго вопроса и рѣшают его в пользу трудящихся масс. Но здѣсь же и предостереженіе для соціалистической интеллигенціи. Всякое ея уклоненіе с пути экономической революціи будет наказываться ослабленіем ея связи с народом, потерей ея значенія, паденіем ея вліянія в народной средѣ.

Вот почему, при всем нашем сочувствіи политичеткой борьбѣ, на которую устремилось уже немало силь ког[3]да-то работавших вмѣстѣ с нами, мы говорим, что борьба эта имѣет лишь второстепенное значеніе; вот почему мы говорим: современное положеніе дѣл в Россіи не только не требует сосредоточенія *всѣх* наших сил на политической аренѣ, но болѣе чѣм когда либо вызывает спрос на них со стороны народа.

* * *

«Но, говорят нам, дѣятельность в народѣ так сильно затруднена; мы окружены в деревнѣ цѣлою сѣтью шпіонства; каждый шаг наш наблюдается и принимается к свѣденію; о работѣ сколько-нибудь продолжительной нечего и думать. Мы должны от нее отказаться, если не хотим «тратить всѣ силы на то, чтобы биться около народа, как рыба об лед».

На это мы замѣтим, что мы сами виноваты, если не воспользовались многими представлявшимися нам случаями усилить свое вліяніе и сдѣлать популярным и свое имя в народѣ. Стоит лишь припомнить волненія казаков на Уралѣ, в Полтавской станицѣ Кубанскаго Войска и на Дону; стачки рабочих в Серпуховѣ, Костромѣ, селѣ Тайковѣ; наконец, в Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, чтобы увидѣть, как обильна была наша жатва

и как мало оказалось жнецов. Во всѣх этих случаях соціалисты не сдѣлали и сотой доли того, что они должны были и могли сдѣлать даже при существующих политических условіях. А сколько крестьянских волненій стало нам извѣстным только когда «порядок был возстановлен», о скольких из них мы совсѣм не имѣли свѣдѣній? Одно только Чигиринское дѣло было попыткой утилизировать спорадически вспыхивающіе в крестьянствѣ волненія, с цѣлью созданія в его средѣ болѣе или менѣе широкой революціонной организаціи. И результаты этой единственной в своем родѣ попытки едва ли подтверждают основательность вышеизложенных пессимистических взглядов. Крестьяне так горячо относились к вопросу своего освобожденія, так охотно примыкали к организаціи, что неожиданно-обширное распространеніе ея, можно сказать, и погубило дѣло. Но случайность болтливости одного из членов могла бы быть устранена болѣе осмотрительным пріемом новичков в организацію; это сообщило бы ей устойчивость и тогда, как знать, чѣм окончилось бы дѣло? Говорить ли о городских рабочих? Повторять ли, что Малиновскіе, Обнорскіе, Петры Алексѣевы, Петерсоны и т. д. служат наглядным доказательством плодотворности нашей дѣятельности в рабочей средѣ? Лѣт 20-25 тому назад группа рабочих-соціалистов в Россіи была бы «чудом родины своей», а в начале 80 гг., нам пришлось услышать об арестѣ тайной типографіи петербургских рабочих и о готовившемся к изданію соціалистическом рабочем листкѣ.

Мы не спорим, не мало неудач пришлось нам пережить, но причины их надо искать не в свойствах народной среды и— по крайней мѣрѣ частью—не в современных политических условіях, а в собственной нашей неловкости, в нашем собственном неумѣньи. Но и это—болѣзни излѣчимыя. Ряд наших недостатков располагается, во времени, по убывающим, а не по возростающим степеням. Но довольно об этом. Наша статья переросла уже намѣченные для нея размѣры и мы почти до пост-скриптума должны были отложить многіе, весьма существенные вопросы. Пріемы революціонной дѣятельности в народѣ должны прежде всего занять остающееся мѣсто. Перейдем же к их разсмотрѣнію.

Выше мы старались показать, что соціалистическая интеллигенція лишится почвы в народѣ, если хоть на время откажется

от преслѣдованія задач революціи экономической. Мы говорили, что в минуты, когда народное вниманіе будет возбуждено политическими событіями в странѣ, соціалистическая пропаганда,—словом и дѣлом—пріобрѣтет особенно важное значеніе и особенно внимательных слушателей; мы утверждали также, что если начнутся в народѣ волненія, на обязанности нашей интеллигенціи лежит их расширеніе, организація и внесеніе в них возможно болѣе широкой революціонной идеи. Но для этого нужно имѣть предварительно связи в народѣ, нужно упрочить свое положеніе в его средѣ. И чѣм скорѣе будут исполнены эти приготовительныя работы, тѣм спокойнѣе мы будем смотрѣть на приближающіяся событія, тѣм увѣреннѣе пойдем мы к своей цѣли.

Переход орудій и объектов труда в руки трудящихся—такова формула ее выражающая, таков девиз соціалистической революціи. И чтобы ни принесли с собою грядущія событія, мы никогда не должны терять ее из виду.

Трудная и долгая работа ея достиженія не подходит, разумѣется, под раз навсегда установленные шаблоны, не укладывается в неизмѣнных рамках, а разнообразится в связи с условіями времени и окружающей среды. Устная и письменная пропаганда должна вносить в сознаніе народа идею соціалистической революціи со всѣми ея выводами и послѣдствіями. Но при настоящих условіях соціалистическая пропаганда должна вестись тайным образом, при запертых дверях и опущенных сторах. Поэтому она поневолѣ будет затрогивать только отдѣльных личностей. Чтобы вліять на массу нужно изыскивать другіе способы дѣйствій. Посредственно или непосредственно, они заключаются в словѣ «агитація». В русской соціалистической литературѣ достаточно уже занимались разработкой вопроса о значеніи агитаціонных пріемов. Поэтому мы излишним считаем приводить новые аргументы в их пользу. Интереснѣе вопрос о точках опоры для нашей агитаціи, тѣх исходных пунктах ея, которые, в главных чертах, всегда могут быть указаны для данной среды и извѣстнаго времени. Имѣя дѣло с массой всегда можно указать среднюю ариѳметическую недовольства составляющих ее единиц, найти ту струну народнаго сердца, которая больнѣе всего затрагивается окружающей дѣйствительностью. Для русскаго крестьянина такую больную струну составляет, без сомнѣ-

нія, вопрос аграрный. Крестьянин с завистью смотрит на барскую и казенную землю; он недоволен своим надѣлом, задавлен лежащими на нем платежами; он ждет аграрных перемѣн, «чернаго передѣла», «слушнаго часу» и т. п. Но вмѣсто хлѣба правительство и высшіе классы подают ему камень. И по временам, терпѣніе его истощается, долго накоплявшееся недовольство прорывается пассивным сопротивленіем или открытым бунтом. Тогда готова почва для соціалистической агитаціи. Революціонер должен явиться обобщителем частных причин народнаго недовольства, подвести их к знаменателю экономической революціи, поддержать стойкость и энергію в протестующей массѣ. Насколько удастся ему эта работа в каждом частном случаѣ, предсказать, конечно, невозможно. Масса не всегда одинаково настроена в пользу радикальнаго рѣшенія волнующих ее вопросов. Но в этом направленіи должны вліять на нее соціалисты. Недоконченное в одном случаѣ довершится [4] в другом, пропаганда дополнит вліяніе революціонера на отдѣльных, выдающихся личностей, организація свяжет их в один революціонный союз, образует из них звенья одной цѣпи, и основанія народной соціально-революціонной партіи, в данной мѣстности могут считаться заложенными.

Но говоря об агитаціонном способѣ дѣйствій, мы должны коснуться тѣх сторон ея, которыя, при недостаточно внимательном к ним отношеніи, легко могут сдѣлаться отрицательными. По нашему мнѣнію, Сцилла и Харибда агитаціи лежит, 1) в так называемых ближайших, минимальных требованіях и 2) в предразсудках массы, с которыми агитатору во всяком случаѣ приходится считаться. Устремляясь на путь первых, мы из соціалистов-революціонеров превратились бы в соціальных реформаторов; излишній оппортюнизм по отношенію к народным предразсудкам может привести нас к самым опасным компромиссам.

Аграрная революція, как выражается она в народных требованіях, сама по себѣ есть минимум в сравненіи с задачами и требованіями соціализма. Ставя эту революцію исходным пунктом своей агитаціи в народѣ, мы должны всѣми силами стараться обобщать и расширять ея требованія в соціалистическом духѣ, а не урѣзывать их, отвлекая вниманіе народа на различные палліативы. Организація поземельнаго кредита, увеличеніе

надѣлов, уменьшеніе податей, расширеніе крестьянскаго самоуправленія и огражденіе его от произвола администраціи— всѣ эти и подобныя им требованія могут служить *поводом* для агитаціи, в том или другом частном случаѣ. Но единственною *цѣлью* ея должно быть приведеніе их к одному общему знаменателю экономической революціи. Предлагать же эти полумѣры всей массѣ крестьянства, как средства серьезных улучшеній в ея судьбѣ—значило бы упрочивать, а не разрушать существующій нынѣ общественный строй. Сказанное относится ко всѣм моментам народной жизни, не исключая момента политических преобразованій в Россіи. В послѣднем случаѣ, как и во всѣх других, на подготовленную ходом событій почву мы должны бросать сѣмя экономической революціи, хотя бы всходы не вездѣ обѣщали быть одинаково хорошими.

Перейдем к вопросу о политических суевѣріях массы, разстаться с которыми ей иногда труднѣе, чѣм вступить в открытый бой с ея угнетателями. Может ли соціалист утилизировать эти предразсудки для цѣлей революціи? Встрѣтивши на страницах «Чернаго Передѣла» разсказ о Чигиринской попыткѣ наших товарищей, многіе приняли нас за апологетов такой утилизаціи. Но это ошибка. Ниже мы перепечатываем письмо, помѣщенное нами в польском соціалистическом изданіи «Rownosci». Читатель может видѣть из него, как относимся мы к «Чигиринскому дѣлу». Здѣсь же мы скажем вообще, что вливаніе новаго вина в старые мѣхи совершенно неблагодарная работа, осужденная исторіей на полное безплодіе. И на страницах «Чернаго Передѣла» немыслима программа, ищущая в народных предразсудках опоры для соціально-революціонной дѣятельности, видящая в них фундамент и основу народнаго освобожденія. Чѣм скорѣе и полнѣе совершится разрушеніе политических идолов народа, тѣм скорѣе пробьет час его экономической свободы. Соціалистическая агитація всегда должна имѣть в виду эту зависимость и не щадить усилій в борьбѣ с политическими суевѣріями массы. Только при соблюденіи этого условія созданныя в народѣ революціонныя организаціи будут обнаруживать устойчивость и жизненность, растущія вмѣстѣ с его сознаніем и политической опытностью.

Заканчивая теперь нашу статью, мы не лишним считаем сдѣлать небольшую оговорку. Когда мы говорили об условіях

и способах соціалистической дѣятельности в Россіи, мы имѣли в виду, главным образом, крестьянскую среду. Мы указывали на важность агитаціи в этой средѣ, на необходимость сплачиванія и организаціи выдвигаемых ею революціонных сил; мы старались формулировать требованія, во имя которых может совершиться сліяніе соціалистической интеллигенціи с массой земледѣльческаго населенія. Но это не значит, чтобы *в цѣлях* наших лежал какой нибудь особенный, крестьянскій соціализм. Мы совсѣм не отрицаем значенія революціонной работы в наших промышленных центрах. Такое отрицаніе невозможно для нас уже и потому, что мы не в состояніи опредѣлить заранѣе из каких слоев трудящагося населенія будут вербоваться главныя силы соціально-революціонной арміи, когда пробьет час экономической революціи в Россіи. В настоящее время промышленное развитіе Россіи ничтожно и понятіе — «трудящіяся массы» почти покрывается понятіем «крестьянство». Поэтому, говоря о практической дѣятельности, мы, главным образом, имѣем в виду экономическій быт, нужды и требованія земледѣльцев. И если грозѣ соціальнаго переворота суждено предупредить значительныя измѣненія в общественном строѣ Россіи—главный интерес этого переворота сосредоточится на вопросѣ аграрном. Но пока мы дѣлаем свое дѣло, русская промышленность также не стоит на одном мѣстѣ. Нужда отрывает крестьянина от земли и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим, центр тяжести экономических вопросов передвигается по направленію к промышленным центрам.

Распредѣленіе наших сил должно сообразоваться с этим органическим процессом. Укрѣпившись на фабрикѣ и в деревнѣ, мы займем позицію, соотвѣтствующую не современному только положенію, но всему ходу экономическаго развитія Россіи. Написавши на своем знамени девиз: «рабочій бери фабрику, крестьянин—землю»; связавши в одно цѣлое революціонныя организаціи промышленных и земледѣльческих рабочих, мы можем предоставить ход экономических измѣненій в Россіи их естественному теченію и не бояться их колебаний в ту или другую сторону.

Печатаемая ниже программа общества «Земля и Воля» получена нами от Петербургско-Московской организаціи, возникшей вслѣд за арестом типографіи «Чернаго Передѣла» и с нею многих наших товарищей. Читателям само собою ясно, что эта программа—наша программа, что практическія задачи Общества—наши задачи.

Остается лишь пожелать скорѣйшаго появленія таких же Общест и в провинціях.

Концентрація революціонных сил в столицах погубила бы движеніе, и если до сих пор никакія правительственныя репрессаліи не в силах были его задушить, то единственно благодаря децентрализаціонному его характеру.

Провинціи должны явиться такими же революціонными [5] пунктами, как и столицы. Названіе общества «Земля и Воля» Сѣверно-русским доказывает, что товарищи наши не упускают из виду этой необходимости. Неизбѣжным дополненіем Сѣверно-русской организаціи должна явиться организація Южно-русская. При условіи тѣсной связи и взаимной помощи между ними, такое раздѣленіе ревлюціонных групп окажет им несомнѣнную пользу в смыслѣ большаго знанія экономических особенностей и бытовых привычек различных мѣстностей Россіи.

ПРОГРАММА

СѢВЕРНО-РУССКАГО ОБЩЕСТВА

„ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“.

Вѣковой разлад свой с государством и высшими классами русскій народ выразил в революціонной формулѣ «Земля и Воля».

Эта формула служила девизом массовых народных движеній и в сжатом видѣ выражает всѣ стремленія и требованія, до которых додумалась самобытная народная мысль, возвышалась народно-революціонная иниціатива.

Становясь на сторону народа, революціонная интеллигенція не может игнорировать формулы выраженія народных воззрѣній и народнаго недовольства, сохранившей все свое значеніе и до настоящей минуты.

Эта формула должна служить девизом объединенія революціонной интеллигенціи с угнетенным народом.

Сѣверно-русская революціонная организація соціалистов-федералистов пишет ее на своем знамени, считая однако своею обязанностью освѣтить и расширить эту формулу на основаніи выводов и данных современнаго соціализма.

Поэтому общество «Земля и Воля» объявляет себя солидарным с программою русских соціалистов-федералистов, а вслѣдствіе этого и с приницыпами Международной Ассоціаціи Рабочих.

Взвѣшивая различныя стороны современных общественных *ошнсшеній в сѣверной Россіи* *) *с точек зрѣнія руководящих принципов, изложенных* в программѣ русских соціалистов-федералистов, общество «Земля и Воля» признает:

а) Так как в настоящее время крестьянство составляет в этой части Россіи коренную силу в экономическом и численном отношеніях;

б) Так как, вслѣдствіе своих исконных воззрѣній на труд, как на единственную основу движимой и недвижимой собственности, крестьянство не признает права на землю за тѣми, кто не обрабатывает ее своими руками;

в) Так как это противорѣчіе между правовыми воззрѣніями крестьянства и высших классов выражается в повсемѣстном почти и очень напряженном ожиданіи земельнаго передѣла, т. е., отобранія земли у высших сословій и передачи ея в руки земледѣльцев;

г) Так как, вслѣдствіе сохраненія поземельной общины, как преобладающей формы крестьянскаго землевладѣнія в сѣверо-восточной Россіи, переход земли в руки народа знаменовал бы собою уничтоженіе частнаго землевладѣнія и замѣну его коллективным;

д) Так как при современном состояніи орудій народной промышленности, артельная организація промыслов является слѣдствіем общинных привычек народа, выросших на почвѣ коллективнаго землевладѣнія;

*) Называя себя Сѣверно-русским, общество «Земля и Воля» относит к району своей дѣятельности и мѣстности Юго-Восточной Россіи, в которых условія быта сельскаго населенія приняли формы, характеристичныя для русскаго Сѣвера.

е) Так как трудящееся населеніе центров крупной промышленности в сѣверо-восточной Россіи не разорвало еще связи с деревней и, кромѣ того, по своей малочисленности не может даже начать борьбы за свои интересы, помимо союза с крестьянством;—то на основаніи всего вышесказаннаго возможно скорѣйшее совершеніе ожидаемой народом аграрной революціи было бы весьма существенно, как переходная ступень для полнаго переустройства общества на соціалистических основаніях. А потому сосредоточеніе главных сил общества «Земля и Воля» в деревнѣ с цѣлью агитаціи на почвѣ вышеуказанных требованій земельнаго передѣла и организаціи народно-революціонных сил является одною из главнѣйших его задач.

Необходимым дополненіем к революціонной дѣятельности в деревнѣ—общество «Земля и Воля» считает пропагандистическую, агитаціонную и организаторскую дѣятельность в средѣ промышленных рабочих.

Примѣчаніе.—Что касается агитаціи кежду городскими рабочими, то, в виду отсутствія в этой средѣ таких общераспространенных требованій, как земельный передѣл в крестьянсввѣ,—агитація на почвѣ частных поводов недовольства (стачки, вопрос о заработанной платѣ, величинѣ рабочаго дня и пр.) пріобрѣтает особенно важное значеніе. Пріемы революціонной дѣятельности общества «Земля и Воля» должны разнообразиться согласно мѣстным экономическим, историческим, энтографическим и другим особенностям.

Признавая, что современныя условія Россіи выдвигают на первый план агитацію во имя земельнаго передѣла, признавая необходимость пользоваться частными спеціальными поводами народнаго недовольства, при чем на обязанности революціонера лежит возможно большее расширеніе района народных волненій и внесеніе в них болѣе широкой революціонной идеи,—общество «Земля и Воля» считает соціалистическую пропаганду весьма важным средством созданія сознательнаго меньшинства в рядах народно-революціонной организаціи.

В виду того, что всякая форма государственной организаціи, основанной на различіи классов, является воплощеніем и поддержкой интересов эксплуатирующаго меньшинства, что современное Россійское государство является самым беззастен-

чивым и самым грубым выразителем этой тенденціи,—общество «Земля и Воля» признает необходимость непосредственной борьбы с его представителями, т. е., необходимость так называемаго террора политическаго.

Однако общество «Земля и Воля» признает, что сосредоточеніе на этой борьбѣ не только всѣх, но даже и главных его сил поставило бы его в противурѣчіе с указанными выше задачами аграрной революціи.

В виду возможности конституціоннаго движенія в Россіи, общество считает необходимым воспользоваться естественным в такой момент возбужденіем умов, чтобы ослабить вѣру народа в значеніе мирных легальных реформ.

[6] Напримѣр, во время избирательной агитаціи оно может выставить даже и своих кандидатов с соціально-революціонной программой. Отношеніе к такой программѣ громаднаго парламентскаго большинства послужило бы одной из иллюстрацій того положенія, что народу остается надѣяться лишь на революцію.

Примѣчаніе.—Болѣе подробное развитіе изложенной здѣсь программы заключается в «Объяснительной Запискѣ» к программѣ общества «Земля и Воля», к которой и отсылаем читателей. *)

ЧИГИРИНСКОЕ ДѢЛО.

Крестьянское общество «Тайная Дружина».

(Опыт революціонно-народной организаціи).

(*Окончаніе*).

В концѣ апрѣля мы с товарищем в сопровожденіи Л. отправились в с. Россошинцы, гдѣ назначена была сходка. Был базарный день, и навстрѣчу нам безпрестанно попадались возы, тянувшіеся в м. Худяки на ярмарку. Это обстоятельство было для Л. совсѣм не кстати, ибо в Кіев он отлучался тайно, без разрѣшенія властей. «Вот этот наш и тот наш, а вон тот не наш», заявлял

*) «Объяснительная Записка» вмѣстѣ с программой русских соціалистов-федералистов будет напечатана в скором времени.

Л.и спѣшил насунуть на голову кобеняк своей кирси, чтоб не быть узнанным «не нашим». Но на протяженіи 18—20 верст Л-ю очень рѣдко приходилось прибѣгать к этой предосторожности, ибо большинство встрѣчавшихся были «наши». Очевидно было, что агитація велась усердно.

Верст за 6 до с. Россошинец мы расплатились с возницей и, свернув с большой дороги, пѣшком направились в село. Был уже вечер, когда мы вошли в дом друженника. Часов в 9—10 стали сходиться в клуню, гдѣ должно было произойти собраніе. Цѣпь сторожей, как вокруг клуни, так и по дорогѣ предохраняла нас от опасности. В с. Россошинцах дружинников было пока всего нѣсколько десятков, почему эти предосторожности были не излишни.

На сходку явилось из 4-х деревень 28 старост, из которых атаманом был Е. О—к. Я постарался прежде всего узнать, как понимали крестьяне цѣль «Тайной Дружины», как относились они к предстоящей ближайшей задачѣ—возстанію и как они съорганизовались. Очевидно было, что присутствовавшіе дружинники-старосты были, так сказать, наиболѣе интеллигентный элемент; нѣкоторые были грамотны. Атаман был отставной унтер-офицер гвардіи, его помощник—фельдфебель. Всѣ знали и хорошо понимали Устав Общества, хотя доселѣ в их руках был всего один печатный экземпляр, но рукописных копій ходило по рукам множество. Значеніе лозунга «Земля и Воля», опредѣленное в Уставѣ, им было вполнѣ понятно, а пароли, не дававшіеся разумѣнію первых адептов, уже практиковались самым широким образом. Однако же, по сознанію самих старост, не мало было и таких, которые вступали в Дружину, думая, что этим они каким-то образом избавляются от ненавистнаго «министра» и его чиновников. На сколько старосты и вообще вся Дружина ясно понимали неизбѣжность возстанія, видно было из того, что самый важный вопрос, волновавшій крестьян до моего пріѣзда, был—заготовка пик и другаго оружія. По весьма понятным причинам, я не стану разсказывать, как справились Дружинники с этим вопросом; скажу только, что они были им заняты до такой степени, как я не ожидал.

Староства обыкновенно формировались по куткам (кварталы). Всякій старался прежде всего привлечь в Общество свою родню

к родичу и подойти легче, да и пощадит он скорѣе брата или свата, на случай бѣды. Число членов Дружины трудно было опредѣлить. Правильное распредѣленіе по староствам существовало только в с. Шабельниках и Погорѣльцах. Атаман Е. О—к вручил мнѣ список членов своего атаманства. Веденію списков крестьяне придавали огромное значеніе; и хотя эта мѣра была крайне непрактична в конспираціоннном отношеніи, но пришлось мириться с нею: обыкновенно крестьянин, вступая в Дружину, требовал немедленнаго занесенія своего имени в список, послѣ чего чувствовал себя как будто внѣ опасности от всяких чиновничьих подвохов. В одном селѣ адамовской волости было только 2—3 дес. членов, не успѣвших еще съорганизоваться по староствам. Нѣкоторые заявляли, что, побывав на праздниках у своих родичей за Тясьмином, привлекли их в Дружину; но никто не знал, как стояло теперь там дѣло. За то Шабельницкая волость почти вся была в руках Дружины. Частыя сборища—то для обсужденія какого нибудь вопроса, то для привода членов к присягѣ—не могли не обратить на себя вниманія участковых. Чтобы отбить у них охоту шпіонить, Дружина распорядилась устроить свои ночныя варты. Варты эти расхаживали ночью по селу, ловили шпіонов, вслѣдствіе чего происходили частыя обоюдныя драки. Волостное начальство, привыкшее к враждѣ двух партій, пока не обращало на это вниманія. Дружина имѣла при волости своих агентов, которым было наказано сообщать своим старостам о тѣх или других намѣреніях волостных властей. Но с этой стороны, не смотря на случай с сумашедшим Левушиным, опасность еще не угрожала. Распространеніе Тайнаго Общества ограничивалось предѣлами душевиков: послѣдніе не рѣшались ввести в Дружину актовых; хотя многіе из этих отверженных, вынужденные принять акты экзекуціей или поддавшись хитростям чиновников, теперь были крайне недовольны своим невольным примиреніем с начальством, но все таки не пользовались дружелюбіем упорных душевиков. Большинство старост было против открытія им доступа в Дружину. Долго пришлось мнѣ убѣждать собраніе в непрактичности и несправедливости такой мѣры. Распространеніе Тайнаго Общества в средѣ актовых могло доставить Дружинѣ сплошное населеніе не только сел, но даже волостей,

а слѣдовательно—и возможность имѣть свое волостное начальство. Старостская Рада сдалась на послѣдній аргумент, постановив однако, чтобы за всякаго актоваго было вдвое больше поручителей, чѣм за душевика. В кассѣ Дружины не было ни копѣйки, и атаман обратился ко мнѣ с просьбою доставить царю прошеніе о выдачѣ совершенно раззоренным Шабельничанам денежной помощи. Я старался увѣрить их, что никакой помощи от царя им ждать нечего, что все, что он может, он уже сдѣлал, указав путь, как освободиться от панско-чиновничьей неволи; больших же надежд на царя и быть не может. Чтобы загладить непріятное разочарованіе, я тут же заявил, что они могут обратиться чрез меня за помощью к такой же мужицкой Дружинѣ как они, но «русской», ибо обязанность дружин—помогать друг другу деньгами и всѣм, чѣм нужно. Я обнадежил их, что таким путем они навѣрно получат желаемую сумму (1000 руб.) Этим, с одной [7] стороны, хотѣл я уничтожить надежды крестьян на царя, с другой—живым примѣром вызвать взаимную помощь одного староства или атаманства другому. Имѣя в виду создать организацію на таких основах, которыя воспитывали бы ея членов в духѣ враждебности к существующим политическим порядкам, я смотрѣл на развитіе так назыв. «нелегальности» дружинников, как на один из главных элементов, содѣйствующих этой цѣли. Поэтому добрая часть времени была посвящена мною на убѣжденіе крестьян не даваться в руки властей, а, при малѣйшей опасности быть арестованным,—укрываться, уходить из своего села в другое. Сочлены такого дружинника должны поддерживать его семейство, помогать послѣднему в хозяйствѣ и т. п. Кстати, в этот же вечер пришлось одному сдѣлаться нелегальным. Это был извѣстный уже Л. Т—ка. Водворенный на мѣстѣ жительства под надзор уѣздной полиціи, он два раза отлучался ко мнѣ в Кіев без разрѣшенія исправника. Участковые как-то пронюхали, что Л—я нѣт в селѣ и донесли. Уже под утро из Шабельник (15 верст от мѣста нашей сходки) прибѣжал дружинник и сообщил, что из волости предупреждают о присылкѣ за Л. городоваго от исправника. Тут же рѣшено было, чтобы Л. не являлся болѣе в Шабельники, а жил под другим именем за Тясьмином, распространяя там тайное общество. Рѣшено было сейчас же выдать из кассы, (в которую я внес 50 руб.,)

3 р. его семейству и дѣлать тоже ежемѣсячно. Паспорт Л—ю я обѣщал доставить.

Был уже восход солнца, и на дворѣ стояла приготовленная для нас повозка. Передав атаману нѣсколько экземпляров печатнаго Устава, мы начали уже прощаться, но атаман отозвал меня в сторону и сказал, что, для упроченія довѣрія к нам дружины, слѣдовало бы нам дать присягу на вѣрность ей в присутствіи всѣх старост. Таков был смысл его нерѣшительной рѣчи. Я с товарищем охотно согласились. В клуню принесли стол, накрыли его скатертью, положили икону и зажгли восковую свѣчу, не забыли также воткнуть крестообразно и два ножа. Мы прочли текст присяги, провѣряемый по печатному листку атаманом. Всѣ были очевидно довольны. «От тепер ми своіми очіма бачім, що ви такі ж дружинники, як і ми», заявляли нам. Так закончилась старосткая Рада в с. Россошенцах.

Дальнѣйшій ход исторіи Тайнаго Общества шаг за шагом прослѣдить очень трудно. Дружина быстро разросталась, с рѣшеніем привлекать в ея члены и актовых. Сначало жизнь Общества соредоточивалась главным образом в волости Шабельницкой. Но вскорѣ образовались новые центры, жившіе болѣе или менѣе независимо, не справляясь при всяком представлявшемся дѣлѣ с мнѣніем шабельничан. Напрасны были мои увѣщанія, которыя я расточал в своих «посланіях» к Дружинѣ—прекратить массовой пріем членов и заняться внутренними дѣлами. Уже в маѣ мѣсяцѣ распространился слух по всей округѣ, что желающіе освободиться от панско-чиновничьей неволи должны записываться в какое-то общество и что в этом дѣлѣ верховодят Шабельничане. Так, Адамовская волость рѣшила послать своих делегатов в Шабельники доподлинно узнать, какое такое ведется у них дѣло. Им объяснили, приняли в Дружину и, снабдив Уставом, отправили обратно. Через 2 недѣли Адамовка насчитывала уже 250 дружинников. Заведеніе, помимо Шабельничан, непосредственных сношеній со мною было первым вопросом, возникшим в новом пунктѣ. Отрядили трех депутатов и послали в Крылов, куда должен был пріѣхать я в $^1/_2$ іюня. Но им не было суждено повидаться со мною. Дело в том, что вмѣстѣ с адамовчанами отправились два старосты из с. Мордвы. Эти послѣдніе успѣли уже потерять свою легальность и сильно разыскива-

лись властями. В Крыловѣ на базарѣ их арестовали, а вмѣстѣ с ними и Адамовских депутатов. Уже в это время по всей мѣстности успѣл не только проникнуть слух, что в Чигиринщинѣ ведется какое-то важное дѣло, но и самое слово «дружинник» извѣстно было, как синоним отщепенства от обыкновеннаго, спокойно живущаго люда. Мордвянскіе дружинники обратили на себя вниманіе полицейскаго тѣм именно, что на базарѣ на них указывали пальцами, как на «дружинников». У адамовчан нашли список 250 членов, а у И. П—го список лиц селенія Мордвы, имѣющих ружья. Только благодаря увѣреніям арестованных, что эти списки обозначали крестьян, желавших подписаться под каким-то прошеніем губернатору, начальство не узнало их настоящаго значенія. Однако же арестованных не отпустили. Уѣздныя власти все болѣе и болѣе убѣждались, что в средѣ крестьян затѣвается что-то неладное. Правда, это «что-то» им представлялось в видѣ стараго дѣла по поводу земли и люстраціонных актов. Но все-таки надзор, в особенности за Шабельницкой волостью, был усилен. Актовые, натравляемые исправником, удвоили свою бдительность относительно душевиков. Л. Т—ка, прокравшійся однажды в родное село, чтобы повидаться с семьею, был замѣчен актовыми, схвачен и доставлен в уѣзд. Этот арест, лишив дружину наиболѣе дѣятельнаго из ея членов, нисколько однако же не повредил тайнѣ ея существованія. Л. Т—ка упорно молчал, и раздосадованныя власти сослали 65 лѣтняго старика в г. Ковно. Постоянно отвлекаемая от своих внутренних дѣл опасеніем быть обнаруженной, Дружина стала придумывать способы, как усыпить крайнюю бдительность своих врагов. Душевики, которые, как я выше сказал, составляли большинство Шабельницкой волости, до сих пор отказывались брать землю. Это обстоятельство главным образом давало повод начальству смотрѣть на них, как на элемент неблагонадежный, не смирившійся и послѣ экзекуціи. Старостская Рада порѣшила объявить исправнику, что душевики согласны, наконец, взять землю на условіях люстраціонных актов. Сначала мѣра эта вызывала даже со стороны нѣкоторых подозрѣніе в измѣнѣ Тайному Обществу, но Рада убѣдила Дружинников согласиться, опираясь на слѣдующій довод: владѣніе землей на условіях, требуемых правительством, не будет продолжительно, так как скорое возстаніе измѣнит

порядки согласно цѣлям Тайнаго Общества; а между тѣм начальство перестанет слѣдить за ними, как за бунтовщиками, и замѣченное им движеніе в народѣ легко будет представить как бы вызванным совѣщаніем крестьян по вопросу—брать землю или нѣт. Отвлекши таким образом вниманіе начальства, можно будет спокойно заняться устройством внутренних дѣл Общества, приведеніем в извѣстность числа его членов, заготовкою оружія и пр. Атаман с 2 шабельницкими старостами явился в Крылов узнать, как я отношусь к такому распоряженію Рады. План был составлен умно; но результаты его были парализованы внезапным обстоятельством. Шабельницкому волостному старшинѣ удалось напоить одного недавно обращеннаго дружинника и кое-что от него вывѣдать. Он узнал, что крестьяне приносят присягу какой-то Дружинѣ; и хотя болѣе опредѣленных свѣдѣній от пьянаго нельзя было добиться, тѣм не менѣе этот случай утвердил окончательно убѣжденіе, что в народѣ ведется опасная [8] противоправительственная агитація. Дѣло дошло до губернатора, от него в жандармское управленіе, и спеціальная коммиссія, с генер. Павловым во главѣ, помчалась в Чигирин. Двѣ недѣли сыщики гоняли из села в село; сдѣлано было множество обысков, но безуспѣшно. В эти двѣ недѣли дружинники пріостановили свою агитацію и, при нашествіи непріятеля, немедленно давали знать другим селам о предстоящей опасности. У одного дружинника, посланнаго извѣстить Шабельничан о ночном нападеніи на Мордву, пала лошадь, и он бѣгом, почти выбившійся из сил, добрался до хаты атамана с опасной вѣстью. Даже дѣти заразились всеобщим настроеніем и, завидѣв вдали на шляху толпу богомольцев, бѣжали в село с криками: «москалі, москалі!»

Благодаря такого рода предосторожностям, 2-х недѣльныя усилія жандармской коммиссіи привели только губернатора к убѣжденію, что уѣздная полиція от излишняго усердія из мухи дѣлает слона. Жандармы ни с чѣм вернулись в Кіев: нигдѣ никаких бумаг найдено не было, ни один арестованный не сказал ничего, относящагося к дѣлу общества. Дружина вздохнула свободнѣй, чѣм когда-либо.

Отчасти мои убѣжденія—устныя и письменныя—прекратить пріем членов и заняться самоустройством, отчасти соб-

ственный опыт заставил Дружину умѣрить агитацію и обратиться к внутренней жизни организаціи. Справиться с нею было не легко. Обыкновенныя, повседневныя нужды перепутывались с массой новых вопросов, никогда не вторгавшихся прежде в бѣдную интересами жизнь мужика. Я должен сказать, что мнѣ, с двумя товарищами по дѣлу, пришлось играть весьма ничтожную роль во внутреннем устройствѣ нами же созданной организаціонной машины. Надо было жить среди самих крестьян,—вникать во всѣ детали мужицкаго житья, чтобы понять истинную причину возникновенія той или другой потребности Общества и направлять ход его согласно революціонной цѣли. Мы же сталкивались с Дружиной болѣе, так сказать, оффиціально, в образѣ все же какого-то начальства. Поэтому одному уже многое было скрыто от наших глаз; указанія, даваемыя мною, иногда не соотвѣтствовали условіям среды и вслѣдствіе этого не приводились в исполненіе. Единственным средством направлять внутреннюю жизнь Общества представлялось поселеніе в мѣстах, гдѣ существовала Дружина, нѣсколькихъ интеллигентных революціонеров, в качествѣ простых дружинников. Мы прекрасно понимали необходимость этой мѣры и стали искать подходящих людей. К сожалѣнію это нам не удалось, потому что осуществленіе плана замедлялось. А между тѣм Дружина справлялась сама, как умѣла, с внутренней своей безурядицей. На первом планѣ жизни Общества, главным образом Шабельницкого атаманства, являлся голод. 1000 руб., занятые будто-бы у россійской Дружины, выдавались мною по частям в 150, в 200 руб. Всѣ они уходили на прокормленіе наиболѣе голодающих семей. В началѣ Рада выдавала деньги старостам, которые распредѣляли их нуждающимся, каждый в своем старостве. Но эта мѣра оказалась крайне неудобной. Дѣло в том, что Шабельничане славились своей бѣдностью во всей окружности. До сих пор питались они побирательством, расхаживая из села в село и собирая куски хлѣба. Вдруг нищенство их прекратилось, и на базарах в Чигиринѣ, в Худяках, в Медвѣдовкѣ бабы стали покупать хлѣб на наличные деньги. Разумѣется пошли недоумѣнія, толки: откуда у них деньги и т. п. Все это привлекало вниманіе властей, и без того имѣвших достаточно причин глядѣть на Шабельничан подозрительно. С другой стороны, давно невиданные

рубли своим появленіем послужили не малым поводом к возбужденію страстей главным образом среди баб. Однажды между ними разнесся слух, что Старостская Рада, утаивая общественныя деньги, выдает меньше, чѣм бы слѣдовало. Толпа баб, окружила хату атамана и с угрозами требовала возвращенія утаенных денег. С трудом успокоили их и убѣдили разойтись. Но впредь, во избѣжаніе толков в народѣ и соблазна между бабами, Старостская Рада рѣшила удовлетворять нуждающихся натурой, а не деньгами: на ярмарках, на лѣво-бережной сторонѣ закупали воз-два хлѣба и распредѣляли семьям по числу душ.

Роль женщин в исторіи Тайнаго Общества была довольно значительна. Хотя юридически онѣ не входили в состав Дружины, но фактически знали почти все, что в ней дѣлалось: не было никакой возможности изолироваться дружинникам от своих жен. Хотя Устав не говорит о допущеніи женщин в Тайную Дружину,—обыкновенно и от жены поступающаго в члены требовалась присяга в сохраненіи тайны Общества. Однако же мнѣ постоянно приходилось слышать жалобы на болтливость баб. Многіе серьезно держались того мнѣнія, что бабы погубили все дѣло. В особенности попы вывѣдывали от них многое. Шабельницкій іерей для этой цѣли пускал в ход водку и даже неподобающее его сану волокитство за молодицами. Однажды старосты убѣдительно просили меня избавить их от этого шпіона-волокиты, опаснаго и дѣлу Тайнаго Общества и семейному счастью молодых супругов. Но вмѣстѣ с тѣм были женщины, которыя пользовались всеобщим почетом и были очень полезны Дружинѣ. Такова жена Л—я, которой повѣрялись многія тайны, доступныя лишь одним старостам. В ея хатѣ шли первые мои переговоры с крестьянами. Другая, жена одного богатаго мужика (Адамовской волости), с двумя маленькими дѣтьми была посажена в тюрьму за то, что не хотѣла сказать, гдѣ проживал ея муж, существовавшій нелегально. Пол года высидѣла она в тюрьмѣ, хозяйство ея было совсѣм разорено, хата заколочена, хлѣб растаскан; но от нея все таки ничего не добились. А между тѣм ей было извѣстно очень многое и даже Устав и списки хранились у нея.

Важным обстоятельством, послужившим причиной той гласности, какую пріобрѣтало дѣло, являлось пьянство. В до-

полненіе к Уставу пришлось ввести обязательным ограниченное употребленіе водки; разумѣется, толку от этого было не много. Вновь вступающіе члены, послѣ присяги, считали своим долгом завершить дѣло выпивкой; а старосты, на которых лежала обязанность, по рѣшенію Рады, искоренять этот обычай, не всегда и в себѣ самих находили достаточно твердости, чтобы не впасть в соблазн.

Послѣ іюльскаго нашествия кіевской жандармеріи, поводом к которому послужил напоенный волостным старшиной дружинник, Рада серьезно стала помышлять об уничтоженіи шинков; намѣревались оставить на всю волость только один. Необходимыя хлопоты по этому дѣлу готовились уже начаться, и лишь раскрытіе Тайнаго Общества предупредило их.

Не меньшая доля безурядицы, по-мимо вышеприведенных причин, вносилась в Тайное Общество враждой отдѣльных личностей между собою и в особенности честолюбіем и корыстолюбіем атамана. Е. О—к эксплоатировал не только свою, но и сосѣднія дружины. Пользуясь непониманіем Рады в дѣлѣ канцелярской механики, он выставлял в своих отчетах очень крупныя суммы на расходы по этой части; напр. на бумагу и свѣчи у него выходило[9]по 6 руб. в мѣсяц. Мои сомнѣнія в вѣрности отчета он старался разсѣять увѣреніем, что для вящшей безопасности приходится писать днем при свѣчах в темном погребѣ, и так как бумага в их мѣстах составляет предмет запретный, то спеціально надо ѣздить за покупкой ея в Чигирин (за 20 верст). Не убѣжденный этими доводами, я писал Радѣ, совѣтуя ей тщательнѣе контролировать траты общественных денег. И когда Рада стала внимательнѣе слѣдить за этим, атаман нашел другой источник своих доходов: он брал дань со всякаго вновь вступающаго в Дружину за внесеніе его имени в список. Мало того, получая ежемѣсячно 15 руб., по опредѣленію старостской Рады, он требовал вознагражденія и от других Дружин, обращавшихся к нему за совѣтами. Как солдат, привыкшій слѣпо повиноваться начальству и точно выполнять приказанія, он часто дѣйствовал на перекор Старостской Радѣ. Видя, что ночныя варты, обыкновенно из молодежи, чинят безпорядки в селѣ, не достигая цѣли, а только усиливая бдительность властей, я посовѣтовал ему не допускать безцѣльных буйств молодых

друженников. Послѣ этого он, кстати и не кстати, придерживался системы тишины и порядка. Когда Адамовская дружина, раздраженная арестом своих трех делегатов в Крыловѣ, рѣшила идти в Чигирин и выручить их из тюрьмы, атаман остановил ее и тѣм вызвал общее неудовольствіе против себя. Подосланные исправником шпіоны шатались посюду, и с нѣкоторыми из них дружинники задумали расправиться, но и тут атаман помѣшал во имя порядка и спокойствія, необходимаго, по его мнѣнію, до времени открытаго возстанія. Но когда я написал Радѣ, чтобы шпіонов ни в каком случаѣ не щадили и заявил атаману, чтобы он понимал «порядок» не в смыслѣ потворства агентам полиціи, тактика его измѣнилась послѣ этого совершенно в другую сторону. Так однажды он настаивал сжечь волостное управленіе, на что Рада не согласилась, считая такую затѣю опасной для хат самих же друженников. В другой раз, когда разнесся слух, что в волость должна явиться какая-то чиновничья коммиссія, он велѣл оцѣпить дороги в село и не пропускать в него панов. Коммиссия не пріѣзжала, а шатающіяся с дубинами толпы парней обращали на себя вниманіе проѣзжающих. Все это вмѣстѣ взятое—корыстолюбіе и администраторская неспособность—вооружило против атамана многих старост. Постоянно слышались голоса за его смѣну. Но он держался, благодаря единственно своей грамотности.

Особенно опаснаго врага пріобрѣл он в лицѣ К., одной из замѣчательных личностей, каких когда-либо встрѣчал я в средѣ крестьян. К. был не грамотен; умный, способный, он был необыкновенно дѣятелен и всецѣло, без всякой корысти, предался дѣлу. Он страстно вѣрил в возможность возстанія, но в то же время не страдал излишним оптимизмом. К. не жил надеждой на какую-то постороннюю силу, как многіе другіе и относился ко мнѣ совершенно просто, без малѣйшаго подобострастія. По его мнѣнію, атаман болѣе, чѣм кто нибудь, губил Тайное Общество. Настаивая на его смѣнѣ, он заранѣе рѣшительно отказывался заступить его мѣсто.

Наконец, я сам предложил Радѣ выбрать другого атамана.

15-го августа Е. О—к прибыл ко мнѣ в Кіев и объявил, что он уже не атаман. С ним вмѣстѣ от Адамовской дружины пріѣхал Андрей Приходько. Адамовчане и Мордвяне объявили себя

особыми атаманствами, хотя каждое из этих сел и не заключало в себѣ 500 членов (в 1-м было до 500, во 2-м до 150). Но они порѣшили управляться помимо Шабельницкаго атамана. Послѣднему этот сепаратизм крайне не нравился и, как объясняли злые языки, единственно лишь потому, что из его рук уплывала возможность распоряжаться суммами этих двух Дружин. Атаман всячески находил намѣренія сепаратистов неосновательными и незаконными; поэтому адамовчане послали спросить на сей счет моего мнѣнія. Была у них еще и другая ко мнѣ просьба. В сентябрѣ предстоял выбор новаго волостнаго старшины. *) Дружина прочила на это мѣсто своего человѣка. Желая имѣть все волостное начальство из «своих», адамовчане просили меня доставить им человѣка в писаря, так как у них не было подходящаго на такой пост. Этот случай был, как нельзя болѣе кстати, чтобы помѣстить там интеллигентнаго человѣка.

Вмѣстѣ с атаманом должен был явиться в Кіев и К.; но Е. О—к постарался не допустить его до свиданія со мною. Он уѣхал днем раньше, чѣм было условлено, и когда К. прибыл в Кіев один, то в условленном мѣстѣ найти меня уже не мог, почему и вернулся обратно. Дѣло в том, что атаман совершил крупную кражу, которую легко мог разоблачить К. при свиданіи со мною.

В іюлѣ мѣсяцѣ начался в Кіевѣ процесс по старому Чигиринскому дѣлу, (тянувшемуся еще с 75 г.) Процесс окончился для крестьян довольно счастливо, по крайней мѣрѣ сравнительно с тѣм, как они ожидали. Из нѣскольких десятков осужденных только Ѳома Прядка был лишен всѣх прав и сослан в Сибирь, остальные приговорены к тюремному заключенію не свыше двух лѣт. **) Приписывая легкость приговора (подсудимые ждали чуть не каторги и разстрѣла) защитѣ своих адвокатов, благодарные крестьяне рѣшили удѣлить им 100 руб. Атаману поручено было доставить эти деньги мнѣ для передачи по назначенію. Я совѣтывал им не лишать себя такой суммы, заявив, что если адвокаты люди хорошіе, то вполнѣ удовлетво-

*) Адамовка не была в числѣ опальных волостей, и здѣсь старшина избирался громадой, а не назначался посредником.

**) Осужденных 74 и 262 оправданных.

рятся одним чувством благодарности со стороны крестьян; деньги же поручил атаману вручить обратно Старостской Радѣ. Но этих денег Рада больше уж не видала. Хотя об этой кражѣ я узнал только в тюрьмѣ, однако и без того было уже достаточно поводов относиться к атаману крайне недовѣрчиво. Поэтому, желая обстоятельнѣе познакомиться с положеніем дѣл Тайнаго Общества и из источников, болѣе вѣрных, я поручил О—ку и А. Приходьку собрать представителей от всѣх сел, гдѣ есть хоть нѣсколько человѣк дружинников, для личных переговоров со мною. Собраніе условлено было на лѣвом берегу Днѣпра в урочищѣ «Дубок». Снабдив обоих дружинников письмами к их дружинам и печатными экземплярами устава, я распростился с ними.

Это было мое послѣднее свиданіе на свободѣ с дружинниками.

По дорогѣ в Адамовку, разставшись с атаманом, Приходько завернул отдохнуть в корчму. Здѣсь он застал знакомаго отставного солдата Конограя. Выпили по чаркѣ,—разговорились; Коноград подносит еще и еще. Ласый до горѣлки, Приходько умиляется: отчего же не привлечь добраго человѣка в Дружину? И Приходько дает волю своему краснорѣчію. Он забыл даже взять с своего собесѣдника обычную предварительную присягу. Коноград охотно соглашается стать дружинником, но от присяги уклоняется и наровит узнать, у кого хранится Устав. Приходько хоть[10]и пьян, но помнит, что до присяги Устава показывать не полагается. «Ладно», говорит Коноград, «завтра покончим дѣло у тебя в хатѣ». Распрощались; Приходько—домой, а Коноград спѣшит в Чигирин к исправнику: «так и так, ваше—скородіе, требуют присяги, иначе не дают в руки бумаг. Как прикажете»? Обрадованный исправник, конечно, приказывает присягнуть, жалует 10-ти рублевку за усердіе и обѣщает больше, как только бумаги будут доставлены ему. На другой день Коноград у Приходька: присяга дана, и Устав в его руках. «Чуешь, свате, пійдем же вмісті тепер до іспрaвника с цею бумагою, тай викажешь ему усю правду; тоді хоть кари не приймешь, а може добудешь щей награжденіе». Видя колебаніе растерявшагося Приходька, Коноград замѣчает: «як знаешь, бумага не важка, донесу и без тебе». Приходько попался в засаду;

разсчет говорил ясно в пользу предложенія Конограя, и они отправились вмѣстѣ к исправнику.

Из захваченнаго таким образом Устава, властям, конечно, стало уже ясно, в чем дѣло. Тайное Общество было открыто. Пошли аресты. Испуганныя власти, ожидая вооруженных сопротивленій крестьян, дѣлали набѣги на села, в сопровожденіи военных команд. Сперва накинулись на Шабельники. Здѣсь первыми жертвами их были атаман и нѣсколько неуспѣвших разбѣжаться старост.

Разсказывали мнѣ в тюрьмѣ, что, когда жандармы врывались в хату атамана, народ стоял огромной толпой тут же около против выстроеннаго ряда солдат. По словам дружинников, многие выражали намѣрение броситься отбивать атамана. На мой вопрос, почему же этого не сдѣлали, отвѣчали: не нашлось такого, который бы первый двинулся с мѣста.

О—к недѣли двѣ крѣпился и даже устоял против побоев. Но будучи привезен в Кіев, он, как солдат, против магическаго дѣйствия генеральских эполет Павлова устоять не мог и рапортовал все, что только знал и даже больше, чѣм было на самом дѣлѣ. Он и Андрей Приходько указали мѣсто нашего послѣдняго свиданія, и 4 сентября я с товарищами был арестован.

Всѣ почти уѣздныя тюрьмы Кіевской губ. переполнились дружинниками. Однако же далеко не всѣ упали духом, вслѣдствие такого погрома. Многие бѣжали из своих сел и успѣли поднять в других мѣстах такую атитацию, какая проявилась развѣ только при началѣ самаго дѣла. О моем арестѣ с товарищами еще не знали, и это обстоятельство поддерживало бодрость нѣкоторых. К. дѣйствовал с необычайной энергией. Многія села, до сих пор державшіяся вдали от непосредственнаго участія в дѣлѣ, теперь, увидѣв, с каким остервененіем начальство накинулось на дружинников, окончательно убѣдились, что дѣло Дружины—дѣло правое. То, против чего паны и чиновники, уже по одному этому должно быть благопріятно народу,—такова логика крестьян.

Сосѣдняя большая волость, которую удерживал от увлеченія шабельничан нѣкто Г—зь, бывшій волостной старшина

и чрезвычайно там вліятельный, теперь вошла в Дружину. Разнесся слух, что кто к 1-му октября не запишется в Дружину, тот останется за панами. Под вліяніем этого слуха, деревня М—ка настоятельно требовала у Г-зя немедленнаго ея пріобщенія к дѣлу. Г—зь уклонялся, находя пагубным для дѣла вступленіе всего села в Дружину. Тогда М—чане насильно усадили его в повозку, увезли к себѣ и заставили на сходкѣ нѣсколькихъ сот крестьян прочесть Устав и привести их к присягѣ. Этот случай не замедлил дойти до свѣдѣнія жандармов, и Г—зь был арестован. Бесѣдуя со мною в тюрьме, он жаловался на К., будто бы распустившаго слух, что срок возстанія близок. Этим, по его мнѣнію, было вызвано, повредившее дѣлу, массовое возбужденіе. Были примѣры, что агитаторы прибѣгали к угрозам и насилію там, гдѣ сравнительно состоятельные крестьяне не особенно тяготѣли к Дружинѣ.

Понимая какую роль в крестьянствѣ играют «ватажки», правительство хватало главным образом их. Достаточно было лишить село одного-двух вліятельных агитаторов, чтобы возбужденіе крестьян улеглось. Впродолженіи 8 мѣсяцев вылавливали вожаков, постоянно мѣнявших свое мѣстопребываніе и, таким образом, ускользавших от рук начальства. Без них масса падала духом и мало-по-малу утихала. В концѣ мая уже 1878 года в Кіевскую тюрьму привели трех послѣдних, нелегально существовавших, дружинников. Между ними был и извѣстный К. Он казался совершенно бодрым и жалѣл только, что разстроились его планы, как начать дѣло в другом мѣстѣ и на других основаніях. На слѣдствіи он держал себя рѣзко и на вопрос, как он смѣл возстать против закона, отвѣчал: «які там ваші закони, и я б такі написав, як би був грамотний». Узнав в тюрьме, что за народ идет много и «образованных» людей, из панов, слыша о выстрѣлах в Трепова, в Котляревскаго, об убійствѣ Гейкинга, заключенные дружинники говаривали: «не теперь, так в четверг буде і на нашій вулиці праздник». На мои разспросы, каково настроеніе масс в настоящее время, К. отвечал, что все притихло, присмирѣло, но, прибавлял он, и застывшую смолу ничего не стоит зажечь.

Окончив изложеніе Чигиринскаго дѣла, я должен сказать, что разсказ мой сжат и не полон. Чрезвычайно характерные эпизоды, отношеніе крестьян к нашей пропагандѣ, к возстанію, их политическій и экономическій идеал; наконец, взаимныя наши отношенія уже в тюрьмѣ и характер поведенія их на слѣдствіи перед властями,—многое из всего этого упомянуто мною лишь вскользь, многое упущено совсѣм. С одной стороны, ограниченный размѣр статьи, с другой—«всѣм весьма понятныя причины» и сдѣлали мой разсказ крайне неполным.

Я. С.

ОТ РЕДАКЦІИ. *)

Помѣщая на страницах нашего журнала разсказ о Чигиринском дѣлѣ, мы вовсе не думаем пропагандировать тѣх средств, какія в нем практиковались.

По нашему мнѣнію, дѣло это имѣет значеніе, как чрезвычайно важный опыт созданія революціонной организаціи среди народа; в этом отношеніи оно заслуживает особеннаго вниманія русских соціалистов и главным образом теперь, когда событія грозят увлечь чуть не всѣ революціонныя силы в борьбу, имѣющую очень мало общаго с вопросом экономической революціи в Россіи.

Мы думаем, что этот разсказ должен служить отвѣтом скептикам, сомнѣвающимся в возможности созданія революціонной организаціи среди народа и серьезнаго отношенія с его стороны к этой организаціи.

В теченіи девяти мѣсяцев существования Чигирин[11]скаго Тайнаго Общества не было ни одного случая доноса или измѣны какого нибудь из его членов. Аресты начались только благодаря неопытности, неосторожности,—качествам свойственным, как извѣстно, не одним только крестьянам. Горячее же участіе Чигиринцев в дѣлѣ их освобожденія доказывает, что неудачи,

---

*) Это заявленіе было напечатано в польском соціалистическом журналѣ «Rownosc» послѣ вых да 1-го № Ч. П., гдѣ помѣщено начало «Чиг. дѣла».

испытанныя нашими товарищами, работавшими среди народа, зависѣли больше от них самих, чѣм от той среды, в которой приходилось им дѣйствовать.

Но с Чигиринским дѣлом связано понятіе об авторитарном знамени и об агитаціи во имя идеализированнаго народом царя.

Должны ли мы стать защитниками подобнаго рода дѣйствій? Не колеблемся отвѣтить на этот вопрос отрицательно; тѣм болѣе, что сами иниціаторы чигиринскаго дѣла никогда не имѣли намѣренія поддерживать этой вѣры в царя среди крестьян.

Безпристрастный читатель на основаніи вышеприведеннаго разсказа, согласится, что всѣ стремленія интеллигентных участников этого дѣла были направлены к ослабленію авторитарнаго принципа и к развитію революціонной самодѣятельности народа. Они старались убѣдить крестьян, что царь не в состояніи улучшить их несчастную судьбу и что им остается положиться лишь на свои собственныя силы.

Тѣм не менѣе мы понимаем всю натянутость положенія соціалиста, дѣлающаго народу такія заявленія от имени царя.

Мы не можем не указать на необходимость избѣгать подобных положеній и стараться подкопать вѣру народа в помощь и благосклонность царя.

Какіе бы ни были практическіе результаты Чигиринскаго дѣла, мы никогда не отступим от убѣжденія, что уничтоженіе вѣры в царя есть одно из необходимых условій народнаго освобожденія.

Если бы мы хотѣли говорить об этом подробнѣе, то должны были бы повторить все, высказанное в статьѣ: «Черный передѣл (в № 1).

Этим заявленіем мы надѣемся предупредить ложное пониманіе наших взглядов на задачи революціонной дѣятельности в народѣ.

НѢМЕЦКАЯ СОЦІАЛ-ДЕМОКРАТІЯ. *)

Не удивительно, что соціалисты-революціонеры всѣх стран наблюдали движеніе нѣмецкаго соціализма с чрезвычайно разнородными чувствами и что многіе из них, не смотря на видимые успѣхи этого движенія, предвидѣли в нем очень мало реальных результатов. С другой стороны многим в настоящее время является совершенно непонятным, каким образом такой ничтожный факт, как исключительный закон против соціалистов октября 1878 г., мог нагнать настоящую панику среди громких ораторов и писателей нѣмецкаго соціализма.

В то время, как другіе стараются подражать нѣмецкому рабочему движенію, несмотря на пережитый опыт, я считаю чрезвычайно важным появленіе в органах не-нѣмецкой революціонной прессы критической оцѣнки, вполнѣ безпристрастной и вполнѣ правдивой, недавней исторіи нѣмецкаго соціалистическаго движенія. Если вѣрно то положеніе (в чем я не сомнѣваюсь), что народы из всей предшествовавшей исторіи преимущественно научаются тому, как им в будущей борьбѣ за свое освобожденіе *не* слѣдует поступать; если ошибки наших отцов, которым мы, может быть, обязаны теперешним нашим рабством, краснорѣчиво и громко взывают к нам—поступать в будущем умнѣе, прямѣе и осмотрительнѣе; то исторія послѣдняго времени, являющаяся по отношенію к нам не в грудѣ мертвых бумажных памятников, а в массѣ полных жизненности ощущеній,—пріобрѣтает тѣм болѣе цѣны, что мы можем избѣжать ея ошибок в дальнѣйших наших практических предпріятіях.

Хотя період времени от мая 1864 г. до мая 1878 г. и значительный, но все, совершившееся за это время в области

*) Печатая статью І. Моста, мы имѣли в виду дать возможность нашим товарищам выяснить рознь, существующую между направленіем партій «Social-demokrat'a» и «Freiheit'a». Но при этом считаем нелишним замѣтить, что рѣзкіе пріемы, к которым прибѣгают вообще представители нѣмецких фракцій во взаимной полемикѣ, ни в каком случаѣ не могут пользоваться нашим сочувствіем. Соглашаясь с автором статьи относительно необходимости для нѣмецких соціалистов болѣе революціоннаго образа дѣйствій, мы с удовольствіем замѣчаем на Цюрихском конгрессѣ явные признаки такого направления в тактикѣ партіи.

нѣмецкаго рабочаго движенія, достаточно характеризовать вкратцѣ.

Господствовавшій во всей Германии мнимый конституціонализм, отражаясь все болѣе и болѣе гибельно на всей общественной жизни и, своими пагубными тенденціями и государственными иллюзіями, производя в головах всѣх политиков какое-то опьяненіе идеями законности и мирнаго прогресса, душил в самом зародышѣ всякое революціонное движеніе и неминуемо должен был противудѣйствовать стремленіям рабочих. Вредное вліяніе, оказываемое на положеніе рабочаго вопроса этой системой современнаго государства, имѣло тѣм болѣе сильное дѣйствіе, что нѣмцы, в противуположность большей части прочих народностей, почти не имѣют никаких революціонных традицій.

Не мало до сих пор писалось об основателѣ нѣмецкаго рабочаго движенія предшествовавшаго періода—Лассалѣ. Система его, если так можно назвать ряд предложеній, поставленных им, была на столько суха и трезва, что может быть вполнѣ характеризована нѣсколькими словами. Вопрос, поставленный Лассалем, поднимавшійся еще до него Шульце-Деличем и многими другими, заключается в том, каким образом при помощи основанія производительных ассоціацій рабочіе могут освободиться от гнета капитала. Лассаль нашел идею о производительных кооперацiях саму по себѣ вполнѣ цѣлесообразной, но, основываясь на новѣйших политико-экономических исслѣдованіях, он оспаривал положеніе, что в капиталистическом строѣ общества наемный рабочій может располагать большими средствами, чѣм сколько абсолютно необходимо для поддержанія его существованія, и что будто бы у него могут оставаться сбереженія для различных кооперативных предпріятій. В противуположность этим средствам самопомощи Лассаль выставил требованіе государственной помощи (широкій государственный кредит и т. п.). Этот кредит он разсчитывал получить парламентским путем—введением общей подачи голосов.

Идея Лассаля была с жадностью подхвачена рабочими и распространялась необыкновенно быстро. С перваго взгляда очевидно, что лассалевскія положенія вполнѣ входили в рамки конституціонализма и ни в чем не противорѣчили существовав-

шей тогда конституціи; поэтому увѣренія тогдашних агитаторов, повторяемыя ими при всяком удобном и неудобном случаѣ, что они намѣрены осуществить свои стремленія, оставаясь на «мирном и законном пути»,—эти увѣренія нам кажутся совершенно ненужными и излишне-вѣрноподданическими. Послѣдовавшее затѣм введеніе этой формулы в программу является уже верхом нелѣпости.

Лассалевская программа, постепенно расширявшаяся, обязана своим успѣхом тому, что к первоначальным требованіям общей подачи голосов и образованія производительных ассоціацій путем государственной помощи присоединились различныя старыя требованія буржуазно-демократических кружков. Отдѣльные голоса, подымавшіеся в то время против подобной постановки вопроса, оказались совершенно безплодными; они заглохли в общем гулѣ шумной, хотя, по сущности своей, мелкой агитаціи.

Либкнехт, в котором читатель позднѣе увидит яростнаго противника революціи, в лучшіе годы своей жизни (31 мая 1869 г.) произнес следующія справедливыя слова: «соціализм не есть вопрос теоріи, но вопрос реальной силы, вопрос, рѣшающійся не в парламентѣ, а на улицѣ, на полѣ битвы, подобно тому, как рѣшаются всѣ вопросы реальной силы... Революція не дѣлается с разрѣшенія высшаго начальства; соціалистическія идеи не могут быть осуществлены в современном государствѣ. Для того, чтобы воплотиться в жизнь, соціализм должен ниспровергнуть существующее государство... Долой культ всеобщей подачи голосов!»

Подобное воззваніе к народу можно было читать и в «Volks-[12]staat'ѣ» (1869-1876 г.). Но преклоненіе пред «законностью», свойственное лассальянству и программѣ нѣмецких рабочих, все сильнѣе и сильнѣе прорывалось при агитаціи. Смиреніе это нисколько не уменьшалось, не смотря даже на давленіе правительства, которое все безцеремоннѣе обращалось с агитаторами рабочаго движенія. Правительство подвергало ораторов и писателей рабочей партіи тюремному заключенію на цѣлые годы, гнало их из города в город, произвольно конфисковывало их газеты и брошюры и вообще самыми разнообразными способами доѣзжало всякого, кто занимался рабочей агитаціей.

Отпор, представленный против всѣх этих беззастѣнчивых правительственных репрессалій, имѣл чисто отрицательный характер. Чѣм грубѣе наступали прокуроры и полицейскіе, тѣм покорнѣе и смирнѣе являлись «вожди рабочих». Все, что они дѣлали, они предварительно много раз взвѣшивали, опасаясь совершить что-нибудь незаконное.

Таким образом все движеніе из года в год мельчало и мельчало. Дѣло, наконец, дошло до того, что всякій энергическій поступок, совершенный нѣмецкими и не-нѣмецкими рабочими подвергался безпощадному порицанію и окрещивался антисоціалистическим, «не научным»; ежеминутно раздавались предостереженія вродѣ: «рабочіе, не увлекайтесь, не допускайте себя обмануть разным провокаторам!»

Таким образом, вмѣсто того, чтобы развивать инстинктивныя революціонныя стремленія рабочих, их всегда систематически подавляли. Недостаток смѣлости, которая так сильно дает себя чувствовать в настоящее время, происходит не столько вслѣдствіе національных свойств нѣмецкаго рабочаго, (хотя, конечно, ему до извѣстной степени врожден дух рабской покорности), сколько вслѣдствіе проповѣдей об умѣренности, читавшихся на всякіе лады тѣми людьми, которым слѣдовало бы стараться приготовить нѣмецкій пролетаріат к соціальной революціи.

Втеченіе 14-ти лѣт только о том и старались, чтобы основать, как можно больше газет и завоевать, как можно больше депутатских мѣст в рейхстагѣ. Количество органов было доведено до пятидесяти, а депутатов засѣдало двѣнадцать. В 1878 г. было подано в пользу разных «вожаков рабочих» около пятисот тысяч голосов. Эти цифры производили чрезвычайно эффектное впечатлѣніе заграницей, гдѣ они служили единственным указателем размѣров нѣмецкаго движенія. На самом же дѣлѣ это были нули, которым не доставало цѣлаго числа.

Чѣм болѣе появлялось газет, тѣм больше ощущался недостаток интеллектуальных сил в редакціях и администраціи. Всякая посредственность считала себя способной редактировать газету или занимать мѣсто в администраціи. Не даром называли их «чиновниками партій», потому что на самом дѣлѣ из них образовалась такая бюрократія, которая в своей закаменѣлости не уступала даже бюрократіям современных государств.

Кто раз попал в «чиновники партіи», тот сейчас же начинал ощущать призваніе сдѣлаться кандидатом рейхстага. Парламентскіе же депутаты наслаждались блаженным сознаніем важности своего сана. Их титулы всегда печатались крупными буквами, когда в газетах или отдѣльных объявленіях возвѣщалось о каком-нибудь собраніи, гдѣ кто-либо из них должен был говорить рѣчь. Как это ни кажется абсурдным, но они дѣйствительно составляли соціально-демократическую аристократію, и чиновные ревизоры разъѣзжали по странѣ с даровыми билетами перваго класса, выданными из казны.

Сначала эти люди пользовались своим пребываніем в парламентѣ для того, чтобы от времени до времени бросить в лицо господствующих классов роковое «Mene Tekel!» Но парламентаризм—эпидемическая болѣзнь, роковым образом заражающая всякаго, кто только прикасается к этой язвѣ. Громовые протесты против господствующей соціальной системы, которые сначала раздавались с трибуны рейхстага, мало-по-малу слабѣли, и их мѣсто замѣнила пустая болтовня. Предложенія, вносившіяся в парламент, отличались своей слабостью. Эти предложенія дѣлались при полной увѣренности, что они, подобно ненужной бумажкѣ, немедленно отправятся под стол. Но нужно же было так или иначе принимать участіе в парламентских словоизверженіях.

Только в немногих городах газеты были в состояніи стать на собственныя ноги. Большая часть их страдала прогрессивно возроставшими дефицитами. Для увеличенія доходов газет стали производить самые разнообразные эксперименты; стали печатать невозможно дрянные романы и хвалить разныя «секретныя лекарства», одним словом были готовы запрятать соціализм на самый задній план, лишь бы только подобная операція была выгодна в денежном отношеніи.

Чуть только кто-нибудь попытается противудѣйствовать этому скандальному порядку вещей, от него тотчас же стараются как-нибудь отдѣлаться. Подобно тому как прусское правительство наказывало своих провинившихся чиновников, назначая их на непріятныя мѣста, нѣмецкая соціаль-демократія навязывала недовольным членам партіи разныя ненужныя и опасныя миссіи, на которых эти послѣдніе, конечно, обжигались, воз-

буждали против себя судебныя преслѣдованія и заканчивали тюремным заключеніем. Это был самый распространенный способ, при помощи котораго партія освобождалась от протестующих элементов, причем их обыкновенно напутствовали эпитетами вродѣ неловких крикунов, упрямых глупцов и т. п. В этом отношеніи я основываюсь на богатом опытѣ, пережитом мною лично. В то же время я считаю себя счастливым, что половину того времени, которое я провел в Германіи, дѣйствуя в нѣмецкой соціалистической партіи (1870-1878), мнѣ пришлось провести в стѣнах тюрьмы, ибо никто не может быть на столько увѣрен в собственных силах, чтобы противустоять зараженію этой парламентской эпидеміей.

Но довольно! Агитація все болѣе и болѣе принимала коммерчески-дѣловой и поповскій характер. Большинство партіи, которая тѣм не менѣе все болѣе и болѣе росла, состояло из того сорта людей, которые плетутся за вожаками, очень мало понимая даже, что такое соціализм. Никто ничего не сдѣлал для того, чтобы систематически развивать этих людей, а тѣм менѣе для их революціоннаго воспитанія. Вѣдь все должно было совершиться вполнѣ «мирно и законно»!

Право, Бисмарку вовсе не нужно было исключительных законов против соціалистов для того, чтобы уничтожить эту партію. Подожди он еще нѣсколько лѣт, она сама собою превратилась бы в прогрессивную партію № 2.

Все то, что я до сих пор говорил звучит, правда, довольно рѣзко; но сказать это—было необходимо для уразумѣнія настоящаго положенія нѣмецкой соціал-демократіи.

11 мая и 2 іюня 1878 г. Гедель и Нобилинг совершили покушенія на жизнь преступнаго германскаго деспота. Хотя первый вовсе не попал в цѣль, а второй нанес только нѣсколько ран, но оба выстрѣла сдѣлали огромную дыру в «мирном и законном» ходѣ развитія Германіи. Эти два покушенія вызвали распущеніе парламента и ухудшеніе состава новаго; они раздражили и вызвали к дѣятельности реакціонные элементы, которые в настоящее время бушуют по вопросам о налогах, о тарифѣ, полиціи, попах, одним словом, по всяким вопросам. С перваго взгляда кажется, что покушенія имѣли самыя гибельныя послѣдствія, но мы сейчас увидим, что результаты, полученные в послѣд-

ней градаціи, представляются в совершенно противуположном свѣтѣ.

Исключительные законы против соціалистов отрѣзали соціал-демократам всѣ законные пути и этим самым заставили их или дѣйствовать нелегальными средствами, или же предаться спячкѣ. Большая часть так называеых «вожаков» и выбрала второе рѣшеніе. Болѣе же смѣлые члены партіи рѣшили стать на нелегальную почву и в настоящее время намѣрены основывать повсюду тайныя революціонныя общества. Таким образом они рѣшились взяться за ту работу, которая всегда предшествует революціям, не обреченным на неудачу при самом своем зарожденіи.

Если бы они захотѣли слѣдовать за тѣми, которые раньше играли роль представителей партій, то о подобном рѣшеніи, конечно, не было б и рѣчи. Не смотря на очевидную невозможность вести какую бы то ни было пропаганду прежними путями; несмотря на очевидно вредное, отравляющее дух народа, вліяніе всяких попыток в этом направленіи, бывшіе вожаки только о том и заботились, чтобы сохранить возможность издавать свои газеты и при законах против соціалистов. Конечно, с теченіем времени большая часть этих «органов партіи» прекратилась, надѣлав массу долгов на поддержку своего существованія и продав для этой цѣли не одну кооперативную типографію.

К рабочим они продолжали обращаться с предостереженіями «не увлекайтесь! не дозволяйте себя провокировать!» Повсюду слышались проповѣди о спокойствіи, терпѣніи и тому подобных добродѣтелях. Вмѣсто того, чтобы явный механизм партіи немедленно превратить в тайный, комитет партіи был просто распущен, и всѣ организаціи предоставлены на произвол полиціи. Что из этого могло выйти? Конечно, кромѣ всеобщей распущенности, ничего. Если на нѣкоторых выборах в их пользу и подавалось значительное количество рабочих голосов, то им еще нѣт основанія особенно гордиться или хвастаться этими «побѣдами», так как при выборах эти «соціа[13]листическіе» кандидаты выставили себя просто свободно-мыслящими людьми (libres penseurs). Прежде единственным мотивом, заставлявшим соціалистов принимать участіе в выборах вообще, выставлялись агитаціонныя цѣли. Теперь же, послѣ законов против соціалистов, о достиженіи этих цѣлей и рѣчи быть не могло; и «соціалисты» стали

участвовать в выборах—для выборов, превратились в парламентаристов par excellence и вполнѣ уподобились этим, прежде столь ненавистным для них, прогрессистам. И вот Бебель рекомендует прогрессистскія газеты, как самое подходящее чтеніе для рабочих; Вальтейх не стѣсняется участвовать в образованіи «большой демократической партіи, в которой и соціалисты будут имѣть мѣсто»; Газенклевер и Либкнехт не стѣсняются войти в компромисс с Филделевской «Leipziger Volksblatt» и участвовать в одном и том же дѣлѣ.

В то время, когда законы против соціалистов еще обсуждались в рейхстагѣ, Брон заявил громко с парламентской трибуны, что ему нѣт никакого дѣла до этих законов, а Бебель дал понять, что с введеніем их соціалистам больше нечего будет дѣлать в парламентѣ. Законы были приняты и вошли в силу, а рабочіе депутаты преспокойно оставляют у себя в карманѣ свои мандаты и обмѣниваются ничего не говорящими фразами с тѣми людьми, которые их, как соціалистов, объявили стоящими внѣ закона.

«С парламентской трибуны можно бросить в страну соціалистический лозунг», говорили тогда экс-вожаки. Посмотрим! Когда в мартѣ 1879 г. обсуждался закон об объявленіи Берлина на осадном положеніи, Либкнехт взошел на трибуну. Послѣ совершившихся ужасов полицейскаго произволы и жестокаго самоуправства над сотнями людей, послѣ безчисленных обысков, арестов, ссылок, послѣ скандалов всякаго рода,—можно было ожидать, что Либкнехт с парламентской трибуны начнет с горечью бичевать лакеев самодержавнаго правительства. Но вот что между прочим мы находим в стенографическом отчетѣ его рѣчи:

«Господа, всѣ органы нашей прессы и всѣ представители нашей партіи единодушно и громко заявили, что если закон против соціалистов будет принят, мы, само собою разумѣется, будем соблюдать его, так как наша партія — партія реформ в самом строгом смыслѣ слова, а никак не партія насильственной революціи, что само по себѣ безсмыслица... Я самым рѣшительным образом протестую против того мнѣнія, что мы будто-бы стремимся к ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя»... Можно ли основательнѣе и яснѣе *отказаться* от соціально-демократической партіи?

В том же году Либкнехт попал в саксонскій парламент и без малѣйшей оговорки принял присягу (клянусь всемогущим богом и т. д.), которой обязывался при всѣх своих предложеніях и голосованіях имѣть в виду благо короля и отечества!

Между тѣм в Цюрихѣ появился соціалистический «Jahrbuch», в котором разбирается и рѣзко порицается вся бывшая дѣятельность нѣмецкой соціал-демократіи на том основаніи, что она была *слишком радикальна, слишком воинственна, слишком послѣдовательна*. Вскорѣ затѣм появился в Цюрихѣ «Social-demokrat», объявившій себя оффиціальным органом всей партіи. Эта газета заявила в 1 №, что не слѣдует выступать против «общаго права».

Мало по малу, однако, под вліяніем рабочих, революціонируясь грубыми притѣсненіями правительства, газета стала склоняться к революціонному образу мыслей. Тѣм не менѣе общее ея направленіе осталось реформаторским.

Как противувѣс очерченному мною направленію, в январѣ 1879 г. выступила газета «Freiheit» с чисто соціалистическою программой. Естественно, что «Freicheit» реформаторам не понравилась и вызвала против себя с их сгороны нападки, которые, разумѣется, не оставались без отпора. Мы считали необходимым воспользоваться всѣми фактами, имѣвшимися у нас под руками, чтобы предостеречь рабочих от вліянія легально-реформатской пропаганды, парализующей их энергію.

Положеніе дѣл, как слѣдовало ожидать, обострилось. Между двумя направленіями нѣмецкой соціал-демократіи произошел окончательный разрыв. Мы считаем это чрезвычайно важным моментом, потому что в жизни партій ничто не бывает опаснѣе политической расплывчатости.

Настоящее положеніе вещей лучше всего характеризуется в статьѣ, помѣщенной в № «Freiheit» от 28-го февраля 1880 г.; поэтому я и цитирую существенные пункты, приведенные в этой статьѣ. Там говорится:

«Мы болѣе чѣм когда-нибудь убѣждены в том, что идея *революціи* должна проповѣдываться пролетаріату все с большей и большей настойчивостью. Между тѣм группа Либкнехт и К⁰ никогда не упускают случая выставить соціал-демократов, как партію реформ.

«В виду наглаго произвола реакціи, мы считаем всякое революціонное дѣйствіе, хотя бы оно проявлялось в формѣ атентата—справедливым, ободряющим, возбуждающим, а—стало быть, и полезным.

«Мы крестимся обѣими руками каждый раз, когда смѣлые личности—мужчины или женщины—с благородным самоотверженіем наносят удары тиранам или их клевретам.

«Мы ненавидим монархію, как постыднѣйшую из форм, под которой господствующіе классы угнетают народ, и поэтому готовы бороться с ней всѣми орудіями, в том числѣ и кинжалом. Они же приносят ей вѣрноподданическую присягу и продают право первородства революціоннаго принципа за чечевичную похлебку жалких избирательных мандатов в жалкія камеры.

«Мы питаем самую жгучую ненависть к нѣмецкому бонапартизму, к системѣ Бисмарка и никогда не упускаем случая заклеймить ее по достоинству.—Они же идут на копромиссы со всевозможными охранителями.

«Мы сражаемся с церковью и всѣми ея ученіями, потому что видим в ней самую гнусную из организацій, направленных против свободы и прогресса.—Они же, даже в настоящее время, когда все поповство точь в точь, как в средніе вѣка, идет во главѣ реакціи,—даже в настоящее время утверждают, что религіозный вопрос слѣдует обходить, как кошка обходит горячій котел, и мотивируют такую тактику то тѣм, что религіозный вопрос давно уже сдан в архив, то тѣм, что он слишком крѣпко коренится в умах народа.

«Мы проповѣдуем сословную борьбу против буржуазіи и стараемся возбудить в пролетаріатѣ ту ненависть, которая необходима во всякой сословной борьбѣ и которая, как справедливо замѣчает Гервег, одна может разорвать цѣпи, сковывающія до сих пор народ.—Они же объявляют, что главная цѣль соціалистов заключается в том, чтобы проскользнуть в среду имущественных и образованных классов и отыскивать между ними кандидатов в парламент для защиты пролетаріев,—система, которую так часто предлагали и которой, к сожалѣнію, так часто слѣдовали, хотя она всегда приводила к тому, что народ нанимал козла своим садовником.

«Мы относимся к парламентаризму тѣм враждебнѣе и считаем его тѣм недостойнѣе пролетаріата, чѣм скандальнѣе обнаруживается вся пошлость этой кукольной комедіи.—Они же считают настоящій момент как раз подходящим для того, чтобы призывать массы сосредоточить все свое вниманіе на этом глупом фарсѣ, в котором им самим приходится играть самую незавидную роль.

«Мы желаем, чтобы политика рабочаго сословія приняла, наконец, свое настоящее направленіе, потому что иначе пролетаріат упустит удобнѣйшій момент для начала рѣшительной борьбы,—почему нас и называют *подстрекателями*.—Они же надѣются спокойствіем и покорностью добиться разрѣшенія начать легальную агитацію. Таким образом они поддерживают в массах заблужденія тѣм болѣе вредныя, что они разслабляют и без того не особенно энергичный нѣмецкій народ.

«Мы считаем своею обязанностью выставить на вид всѣ ошибки наших противников, потому что иначе мы были бы сообщниками в дѣлѣ, которое считаем гибельным и заслужили бы вѣчное проклятіе рабочих. Поэтому мы всегда высказывали, что находили достойным порицанія.—Они же отвѣтили на нашу чисто принципіальную критику чисто личными оскорбленіями.

«Мы убѣждены наконец, что наша пропаганда всего болѣе способна революціонизировать рабочій класс, что она не может внушать врагам соціализма ничего, кромѣ ужаса.—Они же думают, что это вызовет только смѣх наших врагов.

«Одним словом мы—революціонная соціал-демократія; они—соціалисты прогрессисты. Поэтому между нами и ими общаго очень мало.»

На этот раз довольно. Болѣе подробное и обстоятельное различіе этих двух партій постараюсь разсмотрѣть в одном из слѣдующих номеров вашей газеты.

І. Мост.

[14] ФРАНЦІЯ. *)

Даже из неполных свѣденій, попадающих в русскія газеты, наши читатели знакомы, болѣе или менѣе, с усиленной агитаціей, которая велась за послѣдніе полтора года во Франціи, в пользу амнистіи коммунаров.

Агитація была успѣшна,—амнистія дана, хотя и не полная. Но, кромѣ этого прямаго результата, агитація имѣла еще и другой—косвенный: она в значительной степени содѣйствовала возрожденію и быстрому развитію революціоннаго соціализма во Франціи. Правда, крайняя радикально-республиканская партія, начавшая эту агитацію, о соціализмѣ не думала; для нея вопрос об амнистіи был лишь орудіем борьбы за власть с представителями оппортюнизма. Но потому именно, что орудіе было слишком остро, вопрос слишком наболѣл и возбуждал громадный энтузіазм, он, помимо воли вожаков, с точки зрѣнія человѣколюбія и прощенья, на которой желали удержать его ораторы Палаты, быстро перешел, как в крайней прессѣ, так тѣм болѣе, в восторженных толпах, встрѣчавших первыя партіи возвращенных коммунаров, в страстныя обвиненія против версальских палачей, реабилитацію и прославленіе людей, а иногда и принципов коммуны.

Вслѣдствіе страстной интенсивности агитаціи нельзя было не допустить этих обвиненій и прославленій, а допуская их, не было возможности зажать рта и революціонному соціализму.

Дѣйствительно, в началѣ 1880 года пресса соціально-революціоннаго направленія сильно оживилась. Рядом с умѣренным и крайне неопредѣленным «Le Proletaire», бывшим до тѣх пор единственным соціалистическим органом во Франціи, снова является, давно замолкшая под ударами правительства, «Egalité», в провинціи выходят: «La Fédération»,—орган рабочих конгрес-

*) Этот слишком краткій перечень в высшей степени интересных событій сдѣлан нами на основаніи прекраснаго очерка соціалистических движеній во Франціи, присланнаго П. Л. Лавровым. К нашему крайнему сожалѣнію, незначительный размѣр изданія и поздняя присылка статьи лишают нас возможности не только напечатать этот очерк цѣликом, но даже сдѣлать из него сколько-нибудь полное извлеченіе.

сов, «Le Droit Social» и «La Révolution Sociale»—органы революціоннаго коллективизма. Кромѣ газет, создался и орган научнаго обсужденія вопросов соціализма—«La Revue Socialiste».

Но соціалисты этим не ограничились. Они рѣшили воспользоваться удобной минутой, чтобы организовать рабочих, как особый общественный класс, как особую политическую силу, и у них нашолся под руками орган, весьма удобный для этого, именно—рабочіе конгрессы, которые были допущены с 1876 года. Первый конгресс, засѣдавшій в Парижѣ в октябрѣ 1876 года, был так боязлив и умѣрен, что заслуживал даже насмѣшливое сочувствіе всей буржуазной прессы. Было объявлено заранѣе, что политикой на конгрессѣ заниматься не будут. Рѣчь на нем шла лишь о синдикальных камерах, о посредническихъ совѣтах, о пользѣ ассоціацій и т. п. Он начался и окончился заявленіями, что рабочіе не намѣрены улучшать своего положенія захватом «чужой собственности» и нарушеніем «интересов» других классов. Тѣм не менѣе этот конгресс составил важный прецедент. Делегаты на нем представляли 1,100,000 рабочих, и цѣлью своею он все таки ставил «рѣшеніе» соціальнаго вопроса». Слѣдующій конгресс, засѣдавшій в Ліонѣ в начале 1878 года, отличается тѣм же боязливым характером; он вотирует между прочим, что «эмансипація четвертаго сословія совершится без насилій путем мирнаго развитія». Но в двух пунктах замѣтен прогресс сравнительно с конгрессом Парижским:—дѣлаются коллективистскія предложанія, правда, поддержанныя лишь меньшинством, и постановляется: «поддерживать принцип образованія рабочей партіи, имѣющей прямое представительство в Парламентѣ». Эти два пункта получили громадное значеніе на слѣдующем конгрессѣ, Марсельском, на который развившееся к этому времени соціалистическое движеніе направило всѣ свои усилія. На этом конгрессѣ, засѣдавшем в октябре 1879 года, коллективистское меньшинство обратилось в большинство и рабочая партія была организована.

В состоявшемся постановленіи требовалось: «коллективнаго владѣнія землею, орудіями труда и основным капиталом, который предоставляется всѣм и обращается в неотчуждаемую собственность общества, к которому и должен возвращаться». Было заявлено, что для достиженія этой цѣли должны служить

всѣ средства, из которых главнѣйшим было признано образованіе «федераціи французских рабочих соціалистов», группы которой связаны между собою національными и регіональными конгрессами, и, в промежутках между конгрессами, существованіем генеральнаго исполнительнаго комитета. Вся федерація подраздѣлена на 6 регіональных федерацій, имѣющих центрами Париж, Ліон, Марсель, Бордо, Лиль и Алжир, при чем регіональные конгрессы установляют особую администрацію для каждой регіональной федераціи.

Этой организаціей конгресс хотѣл заявить, что «пролетаріат разрывает связь с буржуазіей, отдѣляясь от нея во всѣх областях: в умственной, юридической, политическои и экономической.»

Постановленія прежних конгрессов об основаніи кооперативных обществ оказались мертворожденными,—ни одна кооперація учреждена не была. Рѣшеніе же Марсельскаго конгресса организовать регіональныя федераціи приведено уже в исполненіе, и федеральное движеніе приняло уже весьма значительные размѣры. Регіональные конгрессы собрались, и 3 из 6-ти—Ліонскій, Марсельскій и Парижскій—пристали к началам революціонного коллективизма. На послѣднем из этих конгрессов, засѣдавшем в іюлѣ нынѣшняго года, пренія шли главным образом по вопросу об отношеніи пролетаріата к выборной агитаціи. Рѣшенія, принятыя послѣ долгих и ожесточенных преній, утверждают нераздѣльность соціальной эмансипаціи от политической, вред политическаго абстенціонизма, неизбѣжность насильственной революціи и подчиненіе политическаго вмѣшательства, как средства, соціалистическому движенію. К своему названію «коллективистскій» конгресс прибавил эпитет «революціонный». Но рядом с этим была выставлена для выборной агитаціи в настоящую минуту «программа минимум», которая мало отличается от программы политических радикалов. Как политичскія требованія, были выставлены: свобода прессы, собраній и ассоціацій; отмѣна рабочих книжек; отмѣна бюджета вѣроиспов'еданій; общее вооруженіе народа; административная самостоятельность коммун. Экономическія требованія в 12 пунктах охватывали ряд постановленій, которыя частью имѣли государственный характер (замѣна косвенных и прямых налогов одним прогрессивным на доход, превы-

шающій 3,000 франков), частью филантропическій (содержаніе на счет общества стариков и инвалидов труда), частью имѣли в виду спеціальныя отношенія рабочих к патронам (отмѣна права патронов налагать штра[15]фы, участіе рабочих в составленіи уставов для мастерских и т. д.). Принятыя на конгрессах крайнія рѣшенія создают для партіи опасность отпаденія значительной части рабочих, которые далеко еще не так революціонны, как можно бы судить по этим рѣшеніям, вотированным под вліяніем руководящих кружков и болѣе передовых ученій. С другой стороны, «программа минимум» вызывает ожесточенную оппозицію среди самих руководителей и угрожает распаденіем партіи на отдѣльныя фракціи. Как выйдет французская соціально-революціонная партія из этих затрудненій, покажет будущее.

КОНГРЕСС

НѢМЕЦКОЙ СОЦІАЛ-ДЕМОКРАТІИ.

20—24 августа состоялся в Цюрихском кантонѣ *тайный* конгресс соціал-демократической партіи, на котором присутствовало 56 делегатов из разных мѣст Германіи. Тактика, план организаціи, способы агитаціи — подверглись тщательному пересмотру и измѣненію. Конгресс обѣщает привести к чрезвычайно отродным практическим результатам. Прежде чѣм представить главнѣйшія рѣшенія конгресса, мы считаем нужным ознакомить наших товарищей с тѣми мотивами, которыми руководились вожаки партіи в своей тактикѣ воздержанія послѣ законов о соціалистах.

В Reichenschaftsbericht der social-demokratischen Mitglieder des deutschen Reichstags читаем слѣдующее:

«Представим себѣ, что мы приняли тактику, которую одни совѣтовали нам,—другіе же употребляли всѣ усилія, чтобы привить ее нашей партіи. Мы возстали; построили баррикады в Берлинѣ; провозгласили республику в Саксоніи; водрузили знамя Революціи в Гамбургѣ и вездѣ, гдѣ наших много. Что же вышло бы из этого? Быть может, нам удалось бы продержаться в нѣкоторых пунктах недѣльку-другую, если бы правительства были застигнуты в расплах. А затѣм... послѣдній инсургент—

в тюрьмѣ или разстрѣлян; наши приверженцы на десятки лѣт поражены; наши враги—при неограниченной власти. Нерѣшительная масса, которая присоединилась бы к нам при постепенном с нашей стороны ея развитіи и помогла бы нам добиться побѣды,—теперь эта масса примыкает к нашим врагам и содѣйствует нашему задушенію. Реакція празднует свои оргіи. Общественное мнѣніе со стихійной яростью возстает против нас. К тяжкому матеріальному пораженію прибавилось бы еще болѣе тяжелое нравственное пораженіе. Нѣт больше соціальной демократіи в Германіи, и только будущим поколѣніям предстояло бы исправить наши ошибки и начать дѣло с изнова. Кто знает, как в извѣстных сферах вслѣд за атентатами ожидали ежеминутно появленія бунта; как офицеры готовили солдат, указывая на нашу партію, как на предстоящую им жирную дичь; кто знает, как велико было неудовольствіе, когда желанный бунт не проявлялся,—тот в состояніи признать необходимым тогдашнее поведеніе нашей партіи. Зная отлично положеніе дѣл, партія своим спокойствіем предоставила бурѣ пройти мимо нея. Каковы же послѣдствія такого поведенія? Соціал-демократія осталась не тронутой, без потерь, прежнія позиціи замѣнены новыми, болѣе удобными, и каждый день ея ряды пополняются новым притоком сил. Важнѣйшій успѣх, которым мы обязаны нашей тактикѣ,—это превращеніе общественнаго мнѣнія в нашу пользу. Мы говорим о мыслях и чувствах народных масс в обширнѣйшем смыслѣ этого слова. Правда, такое общественное мнѣніе может быть искусственно направлено в ту или другую сторону, как это и было послѣ атентатов; но оно есть необходимый фактор всякой политической дѣятельности. Против кого направлен этот фактор, тот уже парализован с первых же шагов своей дѣятельности. Так и было первое время послѣ покушенія Геделя и Нобилинга. Самыя страшныя преслѣдованія властей—ничто, в сравнении с ненавистью и страхом народа. Жизненный вопрос состоял для нас в том, чтобы ненависть превратилась в симпатію. Если нам это удалось,—мы побѣдили.» (Сентябрь 1879 г.)

Не задолго перед принятіем закона о продолженіи исключительных мѣр против соціалистов «Socialdemokrat» писал:

«Теперь наше положеніе иное, чѣм было вскорѣ послѣ принятія *законов*. Причины, принуждавшіе нас к умѣренности

дѣйствія, не существуют болѣе. Почва воспріимчива к нашей пропагандѣ болѣе чѣм когда либо: народ стонет под бременем налогов, военщины, политических притѣсненій и реакціи во всѣх областях. Глубокое неудовольствіе царит повсюду в нѣмецких странах... Нам нечего больше довольствоваться лишь сохраненіем старых связей. Нѣт, мы должны ревностнѣе чем когда либо, приняться за агитацію и втянуть в заколдованный круг нашего вліянія массу народа; окончательно | преобразонать нашу организацію, созданную при сравнительно мирных условіях, в организацію военную, сообразную с настоящими обстоятельствами. Нас втягивают в ожесточенную войну наши враги; пусть же никто не смѣет напоминать нам о миролюбіи и законности. О правѣ не может быть и рѣчи там, гдѣ господствует одно насиліе... Бушующій теперь произвол сам собою указывает соціал-демократіи тот путь, по которому ей слѣдует идти.» 6-го марта этого года в парламентѣ Бебель сказал слѣдующее: «Настоящее положеніе дѣл вызывает ненависть, ожесточеніе и потребность к мести. Угнетенным остается лишь прибѣгнуть *к насильственному перевороту*. Довольны ли вы такими послѣдствіями законов против соціалистов?—Ну, значит и мы тоже! (Wir konnen es auch sein!).»

Таким образом мы видим, как соціал-демократія, державшаяся около двух послѣдних лѣт тактики спокойствія и компромиссов, постепенно становится смѣлѣе, чувствуя за собою все больше и больше силы. Вліяніе такого сознанія отразилось вполнѣ на послѣднем конгрессѣ, важнѣйшія рѣшенія котораго слѣдующія:

1) Признанія *всѣх* путей для достиженія соціалистических цѣлей (между тѣм как до сих пор допускались программой лишь пути *законные*);

2) Отрицаніе всяких компромиссов с другими партіями при выборах. Всякіе агитаціонные листки, словесныя и печатныя заявленія кандидатов и выборных комитетов ни в каком случаѣ не должны противорѣчить с программою партіи;

3) Резолюція слѣдующаго содержанія: «Выражая свое полное сочувствіе всѣм движеніям, направленным к освобожденію народов от политическ го и соціальнаго гнета, нѣмецкая соціал-демократія, само собой разумѣется, дѣлает это и отно-

сительно дѣйствующих за освобожденіе русскаго народа, так назыв., «нигилистов», хотя не считает выгодною для Германіи их тактику, обусловленную исключительными условіями Россіи»;

4) Единая организація партіи, во главѣ которой стоит центральный комитет с обширными полномочіями;

5) Учрежденіе за границей секретаріата для возстановленія постоянной связи с соціалистическими партіями других стран;

6) Отправка двух депутатов на всемірный соціалистическій конгресс, если таковой состоится;

Денег на поддержку агитаціи и изгнанных из предѣлов Германіи членов партіи, со времени введенія исключительных законов, поступило болѣе 70,000 мар. (30,000 руб.).

Конгресс объявил исключенными из партіи видных дѣятелей соціал-демократіи—Моста и Гасельмана, мотивируя исключеніе недобросовѣстностью этих лиц, не подтверждая однако же такой аттестаціи в своем отчетѣ фактами.

К сожалѣнію также отчет упоминает только, но не приводит самаго подлинника протеста нѣкоторых рабочих Берлина и окрестностей Гамбурга против поведенія соціалистических депутатов в Рейхстагѣ и исключенія Моста и Гасельмана из партіи.

Разумѣется, обстоятельный отчет не может быть опубликован, так как конгресс был тайный.

НА РОДИНѢ.

— Газеты извѣщают, что Гольденберг повѣсился в Петро-Павловской крѣпости, выдав всѣх своих сообщников. Дѣйствительно, Гольденберг, отмстившій убійством князя Крапоткина за мученія своих товарищей в Центральной Харьковской тюрьмѣ, назвал имена многих революціонеров. Но знает ли русское общество, какими средствами вынужден он был говорить? Его пытали, пытали в буквальном смыслѣ слова, заставляя переносить самую мучительную физическую боль. Это факт, всѣм извѣстный в Одессѣ, благодаря нескромности самих жандармов. Никто не усумнится в нем, если припомнит, при каких обстоятельствах случился арест Гольденберга. Это было за 3,

за 4 дня до 19 ноября; его арестовали на Елисаветградском вокзалѣ с ящиком динамита и с билетом, взятым до Курска. Он пытался было бѣжать, сдѣлал три выстрѣла в жандармов, но все таки его схватили. Арестованный, он тотчас сказал свою фамилію и заявил, что убійство князя Крапоткина — дѣло его. Это убійство приписывали другим лицам, давно уже сидящим в Петропавловкѣ, и Гольденберг, как только очутился в руках властей, счел долгом снять отвѣтственность с невинно-обвиняемых. Но большего от него добиться не могли. Совершился московскій взрыв, приготовленія к которому Г—гу были извѣстны. Всѣ участники этого дѣла успѣвают удачно скрыться. Понятно, что правительство, разъяренное неслыханной дерзостью революціонеров, и к тому ж еще упустив из рук главных виновников, накинулось на Гольденберга. Все говорило в пользу его прикосновенности к 19 ноября: и динамит, и направленіе, куда он его вез и время—за нѣсколько[16]дней до проѣзда царя в Москву. 22 ноября, на другой день по возвращеніи Тотлебена в Одессу, стало извѣстно, что Гольденберга пытают. Говорят, что идея принадлежала Панютину. Несчастный Гольденберг против пытки устоять не мог. Вѣроятно, он давно бы покончил с собою, если бы при нем не торчал безотлучно жандарм.

— Александра Николаевна Малиновская покушалась повѣситься в домѣ Предварительнаго Заключенія. Она рѣшилась на самоубійство, как на единственный исход из положенія, ужас котораго невыразим словами и понятен лишь только женщинѣ. Дѣло в том, что перед отправкой осужденных на мѣсто ссылки, с них снимают точныя примѣты. При этом женщины должны подвергаться осмотру тюремной акушерки или же надзирательницы. Но с воцареніем Лорис-Меликова порядки пошли другіе. В один прекрасный день в камеру Малиновской являются четыре каких то чиновника,—между ними, конечно, и смотритель—и приказывают ей раздѣваться. Малиновская отказывается удовлетворить подобное требованіе начальства и просит прислать для ея осмотра женщину. Начальство, приказывает не разсуждать, но неповиновеніе продолжается. Тогда жандармы, по данному знаку, бросаются на Малиновскую и, при отчаянном сопротивленіи несчастной, раздѣвают ее совсѣм до нага. Представьте же себѣ, что чувствовала послѣ этого Малиновская! А по-

добные примѣры страшнаго оскорбленія предстояли ей и впереди. Такому же грубому насилію подверглись: Калѣнкина, Натансон и Витаньева. Всѣ три послѣ этого серьезно заболѣли.

— «Рус. Вѣд.» пишут, что войска, командированныя для усмиренія крестьян Черниговской губ. побѣдоносно возвращаются в свои части. Но в Борзненском уѣздѣ часть войск оставлена экзекуціонным порядком на все лѣто. «Здѣсь, говорит та же газета, неповиновеніе имѣло болѣе упорный характер».

— В С. Павловкѣ, Бердичевскаго уѣзда крестьяне воспротивились размежовкѣ земли, затѣянной помѣщиками Тлуховским и Ковальской. Прекрасно зная, что паны задумали коштное межеваніе с тѣм, чтобы поживиться на счет мужицкой земли, крестьяне упорно твердили: «не треба нам межеванья, нам і без нього лихо»! Так называемыя кроткія увѣщанія исправника не привели ни к чему. Явился отряд солдат, начались истязанія «зачинщиков». 17 человѣк посажено в тюрьму. «Порядок, сообщают «С.-Петер. Вѣд.», водворен: крестьяне занялись обычной полевой работой, но ни к Тл—му, ни к К—ой работать идти не хотят. Раскаянія, однако, между ними не видно замѣчает та же газета.

— Еще в іюнѣ мѣсяцѣ у крестьян селеній Марьяновки и Ксаверовки Васильковскаго уѣзда Кіевской губ. возникли по поводу коштнаго межеванія так называемыя недоразумѣнія. Подробности этого дѣла нам неизвѣстны; знаем только, что «недоразумѣнія» выяснились посредством экзекуцій. Но крестьянскія неудовольствія за урѣзку ихней земли этим не унялись, и казаки продолжают опустошать названныя села и по нынѣ. Удивительно, как это не найдется какой нибудь лишней пули для Гессе! Все его губернаторство есть непрерывное, самое безпощадное раззореніе и засѣканіе крестьян.

— Обращаем вниманіе на слѣдующій примѣр россійскаго правосудія: Радіонов, арестованный при расклейкѣ прокламацій в Казятинѣ, показал, что получил их от Розовскаго, а что послѣднему онѣ были переданы «важным революціонером» Сергіем (Диковским). Розовскаго вѣшают, а Диковскій по процессу 21-го в Кіевѣ ссылается в каторгу. И доискивайся послѣ этого какой нибудь логики в наших судах.

— «6 августа получило историческое значеніе, пишет *Голос:* этим днем помѣчен государственный акт величайшей важности»,

или, вернѣе—актъ величайшаго посмѣянія надъ русскимъ обществомъ. III отдѣленіе собственной его им. вел. канцеляріи *переименовано* въ департаментъ государственной полиціи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Лицемѣрныя газеты прекрасно понимаютъ всю соль иронія этой *реформы*, однако же всѣ гуртомъ подняли хвалебный гвалтъ Александру и его наперснику Лорису. Но гдѣ же эти тысячи возвращенныхъ изъ ссылокъ, за которыхъ газеты пустились вычитывать благодарственный молебенъ этимъ угодникамъ? Кто ихъ видалъ? Кто объ нихъ слыхалъ? Кого это хотятъ обморочить газеты, и не по приказу ли «департамента государственной полиціи»?

— Наконецъ на-дняхъ «Прав. Вѣстн.» объявляетъ, что монаршее милосердіе оказано 115 «раскаявшимся и исправившимся въ поведеніи». Изъ этого числа лишь 30 чел. получили право вступить въ учебныя заведенія. Всѣхъ же ссыльныхъ административнымъ порядкомъ оффиціально объявляется 1696 чел. Интересно знать, кто бы въ Россіи повѣрилъ этой цифрѣ.

НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНІЕ.

Помѣщенные въ русскихъ газетахъ отчеты о Краковскомъ процессѣ соціалистовъ, по всей вѣроятности заимствованные изъ «Czas'a», вынуждаютъ меня сдѣлать нѣкоторыя разъясненія относительно навязанныхъ мнѣ русскими корреспондентами и фельетонистами взглядовъ на русское революціонное движеніе.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что до сихъ поръ нѣтъ ни одного точнаго стенографическаго отчета о процессѣ; мѣстные польскіе журналы помѣщали произвольные и не рѣдко вполнѣ ложные отчеты, что заявилъ даже предсѣдатель суда на одномъ изъ судебныхъ засѣданій по поводу отчетовъ «Czas'a». Наиболѣе точными можно считать отчеты, помѣщенные въ «Rownosci», куда я и совѣтую обратиться желающимъ познакомиться съ процессомъ.

Здѣсь я хочу только заявить, что ни я и никто изъ моихъ товарищей по процессу не говорили, что въ Россіи нѣтъ соціалистовъ, а есть только нигилисты, какъ утверждаетъ корреспондентъ «Голоса». Напротивъ, я доказывалъ, что краковскій прокуроръ и наша пресса обнаруживаютъ полное незнаніе русской общественной жизни,

смѣшивая нигилизм с соціализмом. «Нигилизм», говорил я, существовал, как философское направленіе, отразившееся извѣстным образом в русской жизни; но его совсѣм нельзя отождествлять с соціально-революціонными стремленіями борющейся в Россіи молодежи». На основаніи этих разъясненій предсѣдатель доказывал, что в программу польских соціалистов должны также входить убійства, взрывы и т. п., если эти дѣянія совершаются в Россіи соціалистами, а не нигилистами. Тогда я замѣтил, что слѣдует отличать программу и способы, необходимые для ея осуществленія от тѣх проявленій борьбы, которыя имѣют цѣлью самозащиту или же обстановку, болѣе благопріятную для соціалистической работы. Принципіальная программа для всѣх соціалистов одна,—способы для ея отуществленія разнообразятся соотвѣтственно политическим условіям: большей или меньшей свободѣ слова, размѣру отвѣтственности за распространеніе соціалистических идей и т. д. Терроризм есть слѣдствіе тѣх преслѣдованій, которым подвергаются соціалисты. Не программа, а преслѣдованія правительства принуждают русских соціалистов употреблять часть своих сил на борьбу с ним. Вот вкратце смысл того, что я сказал во время процесса.

Теперь наши русскіе товарищи могут судить, насколько это согласно с тѣми свѣдѣніями, которыя помѣщали наши газеты с умыслом или по не знанію.

В виду общей всѣм соціалистам цѣли и одинаковых с русскими для многих из поляков политических условій,—как тѣм, так и другим приходится вести борьбу сообща; поэтому я считал нужным сдѣлать это разъясненіе, чтобы предупредить недоразумѣнія, которыя могли бы быть полезны только для наших общих врагов.

Людвиг Варинскій.

Петербургскій кружок общества «Земля и Воля» просит нас напечатать слѣдующій отчет денежных взносов: От народника—200 р.; от стипендіата — 25 р.; от кружка Х для возстановления типографіи «Черн. Перѣд.»—115 р.; от провинціала—300 р. Через: В. С.—69 р.; Л. Н.—26; В.—48. Ев.—24. От Я.—47; С—80. Из И. Г.—32. От Кр.—145 р.

Вышло новое сочиненіе П. Л. ЛАВРОВА

«18 МАРТА 1871 ГОДА»,

которое мы особенно рекомендуем нашим товарищам.

Лондон.—Русская типографія.

Март 1881 г. Цѣна 25 коп.

№ 3.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛ

ОРГАНЪ СОЦІАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ.

Заявленіе прежних издателей «Чернаго Передѣла.»

Вам извѣстны, дорогіе товарищи, обстоятельства, помѣшавшія кружку «Чернаго Передѣла» продолжать изданіе своего органа в Россіи. Теперь, преодолѣв встрѣтившіяся на нашем общем пути препятствія, вы рѣшили перенести снова его изданіе на родину. Мы тѣм охотнѣе передаем веденіе этого дѣла в ваши руки, что имѣли уже возможность убѣдиться в тождествѣ ваших взглядов со взглядами, высказанными нами в 2-х №№ «Ч. П.» В послѣднем из этих №№ мы заявили уже полную свою солидарность с программой Общества «Земля и Воля.» В настоящее время, как и полтора года тому назад, мы думаем, что задача «Ч. П.» заключается в опредѣленіи задач партіи в народѣ, в агитаціи на почвѣ требованій народа, выражаемых лозунгом «Земля и Воля» и во внесеніи в народный протест идей современнаго соціализма. При этом, предостерегая партію от излишняго увлеченія вопросами чисто политическаго свойства, «Черный Передѣл», думаем мы, лишился бы значительной доли практическаго значенія, оставаясь вполнѣ безучастным к политическому вопросу, столь жгучему теперь в Россіи. В этой области, по нашему мнѣнію, орган должен остаться вѣрным принципу федерализма. Поэтому распаденіе Россійской Имперіи на самостоятельные организмы по естественным ея областям, пусть будет откликом на зов, раздающійся с другой стороны—«Всероссійскій Земскій Собор!»

Товарищи! Мы шлем вам братскій привѣт и, от всей души желая полнаго успѣха всѣм вашим предпріятіям, с своей стороны обѣщаем вам наше посильное содѣйствіе.

Январь 1881 г.

Печатаем ниже письмо одного из основателей «Ч. П.». Привѣтствуя наше намѣреніе издавать этот орган в Россіи, автор письма высказывает слѣдующія мысли:

«Соціализм есть теоретическое выраженіе, с точки зрѣнія интересов трудящихся масс, антагонизма и борьбы классов в существующем обществе.»

«Вытекающая из него практическая задача революціонной дѣятельности заключается в организаціи рабочаго сословія, в указаніи ему путей и способов его освобожденія.»

«Исполненіе этой задачи невозможно помимо дѣятельности не только для народа, но и в средѣ его.»

«Внѣ организаціи сил, внѣ возбужденія сознанія и самостоятельности народа, самая геройская революціонная борьба принесет пользу только высшим классам, т. е. именно тому слою современнаго общества, против котораго мы должны вооружать трудящіяся обездоленныя массы.»

«Освобожденіе народа должно быть дѣлом самаго народа.»

«Мы понимаем всю важность переживаемаго нашим отечеством политическаго и экономическаго кризиса и не мы будем ополчаться на защиту отжившаго самодержавія. Но, вопреки мнѣнію «Народной Воли», мы думаем, что не один только «современный государственный строй служит главным препятствіем к экономическому и политическому освобожденію народа» и низверженіе абсолютизма не устранит еще важнѣйших причин его порабощенія.»

«Чтобы достигнуть своего освобожденія, народ должен представлять собою сознательно организованную силу, способную дать отпор эксплуататорам всѣх исторических формацій, всех фазисов развитія страны. Иначе, на мѣсто представителей абсолютной монархіи явятся представители конституціоннаго режима, выразители экономических интересов буржуазіи. Борьба с ними будет также неизбѣжна для народа, как неизбѣжны

были протесты его против гнета абсолютизма. И чѣм разрозненнѣе будут его силы, чѣм менѣе он будет подготовлен к пониманію соціальных отношеній в буржуазном обществѣ, тѣм труднѣе будет борьба его против [2] новых своих господ, тѣм долѣе отсрочена будет его побѣда.»

«Современное положеніе Россіи, как нельзя болѣе, соотвѣтствует всему выше сказанному.»

«Абсолютизм, разбитый и дряхлый, как его коронованный представитель, понимает всю непрочность своего положенія и, растерянно озираясь, он ищет поддержки.»

«Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, какою цѣною и гдѣ найдет он эту поддержку. Выросшая под его покровительством, вскормленная его заботами, наша буржуазія начинает уже расправлять свои крылья. Она чувствует свою силу, понимает свое значеніе и, вчерашняя раба, она подсказывает сегодня программу «мирнаго развитія,» а на завтра готовится взять в свои руки все управленіе государством.»

«Не политической агитаціей в так называемом «обществѣ» можно если не отвратить, то сократить ея господство. Общество— не народ. В огромном большинствѣ своих представителей—оно эксплуататор народа, верхній европеизированный слой той самой буржуазіи, против которой мы должны бороться. Приблизить час ея паденія могут только успѣхи соціально-революціонной пропаганды, агитаціи и организаціи в народѣ.»

«Поэтому задача «Ч. П.» может считаться оконченною лишь тогда, когда вся русская соціалистическая партія признает главною цѣлью своих усилій созданіе соціально-революціонной организаціи в народной средѣ, при чем требованіе политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требованій, предъявляемых этой организаціей правительству и высшим классам. Другую часть этих требованій составят насущныя экономическія реформы, в родѣ измѣненія податной системы, введенія правительственной инспекціи на фабриках, сокращенія рабочаго дня, ограниченія женскаго и дѣтскаго труда и т. д. и т. д.»

«Исходя одинаково из народной среды, эти два рода требованій будут находиться в неразрывной связи, и связь их послужит ручательством того, что предстоящій политическій пере-

ворот совершится в интересах не одних только высших классов.»

«При общем признаніи такой постановки вопроса, существующее нынѣ раздѣленіе между русскими соціалистами лишается своего основанія, и «Ч. П.», как орган одной из фракцій, уступит мѣсто органу слившейся в одно цѣлое соціалистической партіи.

Г. Плеханов.

Январь 1881 г.

С.-Петербург, 1 марта.

Историческій процесс разрушенія существующаго государственнаго и общественнаго строя совершается с неумолимою безостановочною послѣдовательностью. Банкротство административно-полицейских порядков и полная несостоятельность поддерживающаго их правительства и дирижирующаго класса сказывается все болѣе замѣтными и рѣзкими признаками. На стѣнах чертогов, гдѣ пируют за всероссійским пирогом расхитители народнаго труда, историческая необходимость уже начертала огненными буквами роковыя слова: мани, ѳакел, ѳарес.

В большей или меньшей степени, в правильной или неправильной формѣ это сознается или предчувствуется всѣми. Безотчетное, напряженное ожиданіе чего-то новаго, неизвѣстнаго, перемѣн, перестроек, переворотов, ожиданіе смутное, неопредѣленное, разнообразное проникает не отдѣльныя лица, не отдѣльные кружки, а широко распространено во всѣх сферах, классах и группах народа и общества. Это безотчетное, смутное предчувствіе имѣет вполнѣ солидныя и реальныя основанія. Экономическое положеніе народа из года в год ухудшается и становится невыносимым. Систематическое раззореніе, до котораго доведен народ, все чаще и чаще оставляет его на жертву ужасам голода. Особенно обострились бѣдствія к текущему 1881 году. Голод и безработица, безработица и голод—вот что слышится теперь со всѣх сторон обездоленной русской земли. Населеніе Самарской, Саратовской, Екатеринославской губ., башкирское и киргизское населеніе Астраханской, Оренбургской, Уфимской губ. и Уральской области голодает в буквальном смыслѣ этого слова.

Его давит не та нужда, которая давно уже заставила русскаго мужика употреблять в пищу мякину, лебеду и всякую иную дрянь, его давит страшный, костлявый призрак голодной смерти. Зловѣщіе слухи о голодѣ слышатся из Петербургской, из Олонецкой, Новгородской, Псковской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Херсонской губерній. В губ. Владимірской, Московской, Смоленской и в Западном краѣ на многих фабриках производство сокращено болѣе нежели на половину, на иных же совсѣм пріостановлены работы. Конечно, рядом с этим—застой в торговлѣ внѣшней и внутренней. Не подлежит сомнѣнію, что современное экономическое положеніе народа далеко не является результатом случайных и легко устраняемых причин. Шарлатанскій фокус, который продѣлали с крестьянским людом при его освобожденіи, отрѣзав лучшую часть крестьянских земель помѣщикам, дал свой горькій плод и отражается цѣлым рядом бѣдствій в жизни народа... Скованнаго узника освободили, но вмѣстѣ с тяжелою цѣпью отрубили ему и ноги. Узник очутился на свободѣ, но без ног, в положеніи придорожнаго нищаго. Этот первый тяжкій грѣх в союзѣ с неоплатными поборами, громадными платежами, «энергическими» способами выбиванія податей и недоимок, «преуспѣяніями нашей промышленности и торговли», не прекращающимися «побѣдоносными войнами», «мирным прогрессом» в образѣ толстѣющих хищ[3]ников и кулаков из «грубой» породы Деруновых и Разуваевых или «благороднаго» типа Бобринских и Фишеров, бездушная, безсмысленная и деспотическая правительственная политика довели народ до крутаго окончательнаго разоренія. Палліативныя мѣры, направленныя к облегченію и устраненію существующей голодовки, не устраняя коренных причин ея, не имѣют значенія. Систематическое обирательство и расхищеніе народнаго добра, принимавшія с теченіем времени все большіе размѣры, дали в результатѣ почти повсемѣстно крайнее истощеніе почвы и полный недостаток в хозяйском инвентарѣ крестьянина, необходимом для успѣшнаго земледѣльческаго труда.

Чтобы попытаться задержать развитіе земледѣльческаго кризиса и постепенно устранить его, нужны громадныя денежныя средства, нужны широкія мѣропріятія в родѣ новаго надѣла

землей, системы переселеній, хотя бы временной отмѣны всѣх платежей и податей, громадных субсидій для пополненія крестьянскаго хозяйства,—мѣропріятія, на которыя у нашего правительства не достанет ни средств, ни ума, ни добраго желанія. А между тѣм в Россіи, гдѣ почти весь государственный бюджет оплачивается крестьянством, экономическое разореніе народа, как и слѣдовало ожидать, отразилось на финансовом положеніи государства банкротством. Теперь надо ожидать, что голодовки с каждым годом будут возрастать и в размѣрах и по интенсивности, пока экономическій кризис выльется в народную революцію, являющуюся таким образом единственным исходом из современнаго экономическаго положенія. Может быть это положеніе затянется еще на десятки лѣт, но может быть разрѣшеніе его и ближе.

Во всяком случаѣ гроза чуется уже в воздухѣ, ощущается в болѣзненно нервном, напряженно раздражительном настроеніи народа, на нее указывает самое поверхностное пониманіе народной психологіи,—того, что происходит в душѣ народа. Осмотритесь кругом, вдумайтесь в то, что происходит перед вашими глазами, что переживает теперь русскій народ. Как бывает всегда со всяким народом по свидѣтельству исторіи в эпохи, подобныя переживаемой нами, голод, это безъисходное горе, муки и терзанія неудовлетворенной потребности повергают народ прежде всего в полное отчаяніе. Само по себѣ безотрадное явленіе—оно представляет в настроеніи народа переход к большей активности и рѣшительности. Это отчаяніе проявляется в самых разнообразных формах—в формѣ презрѣнія к своей собственной жизни, в формѣ рѣшительности покончить с близкими и дорогими людьми, чтобы не видѣть их страданій, не слышать их надрывающих душу воплей... И вот перед вами картина дѣтоубійств и самоубійств рядом с случаями голодной смерти. У человѣка не хватает твердости прямо глядѣть в лицо медленно наступающему, мучительному призраку голодной смерти и он рѣшается ускорить неизбѣжный исход—наложить на себя руку... В Узморьѣ Новоузенскаго уѣзда повѣсились двѣ женщины от голода. Одна из них, которой удалось спасти жизнь, упрекала окружающих: «развѣ мила жизнь, пятеро дѣтей плачут, ѣсть хотят, а ѣсть нечего!» В Павлоградском уѣздѣ Екатеринославской губ. кре-

стьяне отвѣчают являющейся, в видѣ ироніи, помощи от дифтерита: «не надо нам докторов, пусть дѣти мрут—все равно лопать нечего». Но это же отчаяніе заставляет иныя натуры рѣшаться на крайнія средства... Инстинкт самосохраненія в данный момент перевѣшивает всѣ отдаленные разсчеты благоразумія. Так или иначе, но люди выходят из состоянія мирных обывателей, перестают спокойно и терпѣливо гнуть спину под давленіем судьбы, какова бы она ни была... Признаки зловѣщіе, признаки, если хотите, мрачные характеризуют теперь положеніе нашего народа, но эти признаки всегда и фатально знаменуют эпохи революціоннаго броженія масс. По этим признакам можно всегда безошибочно судить, что общественные порядки покоятся на вулканѣ, готовом разинуть свою огненную пасть.

С одной стороны, как результат крайняго экономическаго разоренія и нищенства, увеличиваются в громадном числѣ преступленія против собственности: расхищенія, кражи, грабежи. Из Уральска, напр. пишут, что там «кражи и грабежи стали явленіем обыкновенным» и что «в непродолжительном будущем жители Уральска будут состоять из двух равных частей—обвиняемых и потерпѣвших». Из Харьковской и Саратовской губ. пишут: «преступленія против собственности увеличиваются и увеличиваются». Ростут кражи и грабежи и в других мѣстах—в центрах торговли и промышленности и в глуши земледѣльческих сел. Они возростают в таком числѣ, потому что это не акты «злой воли», как выражаются юристы, а продукт голода и необходимости. С другой стороны, как результат ненормальных аграрных отношеній и невыносимаго безсмысленнаго полицейскаго гнета, все учащаются и умножаются случаи бунтов, сопротивленій властям и борьбы с правительством. В то время, как удары рѣшительных и самоотверженных революціонеров заставляют содрагаться «непоколебимо-твердый» россійскій трон, со стороны народнаго моря тоже начинает слышаться непокорный гуѣ. Сообщенія о крестьянских бунтах и сопротивленіях властям, несмотря на условія, в какія поставлена печать, то и дѣло проникают в газеты и приносятся из различных мѣст россійской имперіи. Судебные процессы по поводу преступленій такого рода стали явленіем обыденным. Одни за другими проявляются бунты в городах—по примѣру Харьков-

скаго, в Ростовѣ на Дону, в Саратовѣ. В городѣ массовыя движенія носят чисто стихійный характер, неопредѣленный, неожиданный. Деревня бунтуется из-за неправильнаго размежеванія земли, из-за взиманія неустоек, недоимок, из-за снесенія изб, продажи скота, с вѣрой в правоту своего[4]дѣла не только в смыслѣ абсолютной справедливости, но и в смыслѣ увѣренности, что царь и закон на ея сторонѣ, что ей окажут защиту. Но в то же время в ней раздаются голоса, подсказанные отчаяніем: на угрозы и увѣщанія властей сопротивляющіеся крестьяне отвѣчают: «все равно—хуже не будет!» Грозный признак, яркое предзнаменованіе для отживающаго режима. Вмѣстѣ с тѣм принимают болѣе острый напряженный характер упованія народа на лучшее будущее, всегда возрастающее в моменты народных бѣдствій. Слухи о передѣлах земли волнуют теперь всю массу крестьянства; эту тему народ признает самой животрепещущей и интересной.

Нельзя не указать также на значеніе религіознаго движенія, все шире и шире охватывающаго народ. В массѣ крестьянства ростут и развиваются секты болѣе или менѣе раціоналистическія, горячая проповѣдь их охватывает самые заброшенные уголки. Без сомѣнія это также один из признаков революціоннаго настроенія массы. Скованная мысль освобождается от уз! Критика начинает свою работу...

И так, в виду совокупности явленій, рисующих народную жизнь и представляющих современное положеніе и настроеніе народа, какова задача народной партіи, каковы роли людей, ставших за интересы народа? Мы видим крайнее, окончательное разореніе народа, мы видим экономическую безурядицу и недовольство, толкающее народ на преступленія и на борьбу с существующим строем, по скольку он по крайней мѣрѣ соприкасается с ним непосредственно. Это недовольство и экономическая нужда представляют в настоящее время лучшую почву для революціонной дѣятельности в народѣ.

В народѣ существует достаточно ясное пониманіе своих ближайших потребностей и интересов, в нем сохранились выработанные исторической жизнью идеалы, представляющіе лучшее наслѣдіе прежних вѣков, прочный залог будущаго соціальнаго прогресса, идеалы, формированные излюбленным девизом:

«Земля и Воля»,—осуществленіе этих идеалов должно стать непосредственной задачей народной партіи, в проведеніи в жизнь этих идеалов она должна видѣть первый, краеугольный камень, на котором созиждется в будущем стройное зданіе соціализма в Россіи.

В то же время можно ясно видѣть, что препятствует народу устроить свою судьбу сообразно со своими идеалами, тѣ рвы и окопы, которые мѣшают ему выступить на прямую дорогу, та печальная завѣса, которая скрывает от его глаз реальное представленіе о счатливом будущем. Народ не надѣется на самого себя, народ не вѣрит в свои силы и уповает на элемент чуждый ему, на внѣшнюю благодѣтельную силу, которую он олицетворил в фантастическом представленіи о царѣ, защитникѣ его интересов. До сих пор вся жизнь народа, весь его умственный и нравственный склад, не смотря на революціонный принцип «Чернаго Передѣла», которым он проникнут, носит на себѣ тяжелый отпечаток пассивности, отсутствія самодѣятельности, являющійся логическим результатом той душной атмосферы крѣпостнаго рабства, экономической нужды и политическаго гнета, в которой протекли послѣднія столѣтія его исторіи. В значительной массѣ населенія до сих пор еще ожиданіе «Чернаго Передѣла», «слушнаго часа» связано с упованіем на царскую милость.

Такая пассивность и несамостоятельность придает узкій и нецѣлесообразный характер даже крестьянским движеніям, мѣшает выкинуть настоящее знамя и выступить не за интересы своего двора или своей деревни, а за интересы всего народа, за сознанные и опредѣленные интересы всего крестьянскаго сословія. Благодаря этому же, не замѣчается почти появленіе из среды крестьянства народных борцов, агитаторов, ведущих систематическую и организованную борьбу с существующим строем. И до тѣх пор пока эта пасивность будет тяготѣть над массой народа, до тѣх пор ея интересы не будут осуществлены, улучшенія ея участи могут носить только палліативный, случайный характер, завися всецѣло от великодушія и народолюбія лиц, принадлежащих к другим сословіям и связанных в своей реформаторской дѣятельности, при всей доброй волѣ, общественным вліяніем послѣдних.

Преодолѣніе пассивности народа, внесеніе в среду его, наоборот, духа рѣшимости и упорно-систематическаго стремленія к достиженію сознательно поставленных цѣлей вмѣстѣ с разрушеніем в умах народа того ложнаго кумира, которому он по горькому заблужденію поклоняется,—вот центр тяжести дѣятельности партіи. Правда в послѣднее время сама жизнь подрывает в народѣ его упорную вѣру в царя; именно тѣ же самыя причины, которые помогли ея созиданію, обратились в противудѣйствующія ей. И совершенно естественно, напряженныя ожиданія народа неудовлетворены, его нужда возрастает, и один факт за другим вселяет в умах народа скептицизм и мысль, что его кругом обманывают.... Но это процесс тяжелый, медленно совершающійся—задача партіи с своей стороны ускорить это умственное движеніе, углубить русло, по которому понеслось это теченіе. Пассивность и политическіе предразсудки крестьянства могут быть уничтожены только стройной организаціей народных сил, созданіем в самих массах ядра рѣшительно настроеннаго, крѣпко сложеннаго, проникнутаго сознательностью цѣли, самоотверженностью в дѣйствіях. Народ должен стать на собственныя ноги и выйти, в отношеніи своей политической жизни, из младенческаго состоянія, благодаря которому за него думают, рѣшают, борятся и правят факторы, стоящіе внѣ его, не связанные с ним органически, не являющіеся представителями его собственнаго сословнаго самосознанія. [5] Объединеніе трудящагося люда и созданіе народной организаціи—залог возможности широкаго революціоннаго народнаго движенія и гарантія того, что народная кровь, пролитая в борьбѣ, с избытком вознаградится успѣшным исходом революціи—вот наша главная задача, наша ближайшая и дальнѣйшая цѣль. В этом направленіи должен двинуться и работать главный контингент наших сил, эта дѣятельность должна поглотить главную массу наших личных и матеріальных средств. Крестьянство представляет громадное подавляющее большинство русскаго населенія, проникнутаго при этом сознательным и широким революціонным принципом, и, слѣдовательно, «экономизація сил» требует главным образом размѣщенія их в деревнѣ. Идеалом в этом отношеніи может служить конечно сознательная массовая организація крестьянства и городских рабочих. Но практически

осуществимым при настоящих условіях и в ближайшее время мы считаем только созданіе, так сказать, элементарных клѣточек этой организаціи. В каждой мѣстности, гдѣ находятся свои люди, в городах, как и в деревнѣ, они должны сгруппировать вокруг себя хоть небольшую кучку мѣстных людей, наиболѣе сознательных, наиболѣе нравственных, наиболѣе энергичных. Такая группа связана между собой и с другими группами общим планом дѣйствій и несложною, но ясною программой; члены группы, пользуясь популярностью, уваженіем и любовью в своей мѣстности, стремятся войти во всѣ сферы ея жизни, поправить ее, по возможности, сообразно с своими видами и постоянно развивать в населеніи активное, цѣлесообразное и сознательное отношеніе к своим интересам. Они не пропускают ни одного случая, гдѣ непосредственные интересы мѣстности требуют массовых заявленій и дѣйствій на той или другой почвѣ или рѣшительных поступков отдѣльных лиц. Они пріучают таким образом населеніе к массовой солидарности в борьбѣ, к нанесенію рѣшительных и цѣлесообразных ударов, вселяют вѣру в свои силы, вѣру в успѣх и вмѣстѣ с тѣм постоянно популяризируют в населеніи народную партію, ея принципы и дѣйствія. В основаніе своей организаціонной работы мѣстныя группы кладут экономическія или иныя, отвѣчающія интересам мѣстности, цѣли, потому что заговор во имя возстанія, сколько нибудь обширный, не может оставаться долго в тайнѣ без ожиданія близкаго практическаго дѣла. Только в момент, непосредственно предшествующій движенію, мѣстная группа начинает дѣятельную и энергическую организацію боевых сил населенія и, пользуясь своим вліяніем, при самом проявленіи движенія становится во главѣ его, открыто поднимает знамя революціи и берет на себя иниціативу первых предпріятій, успѣхом которых обусловливается дальнѣйшій успѣх самаго движенія. Ея нравственный авторитет даст ей возможность во все время движенія руководить им, внести в него широкія и сознанныя цѣли и оберегать от ложных шагов и вредных вліяній. Организація мѣстных групп вообще вопрос первостепенной важности для партіи. Условія нынѣшняго и извѣстнаго числа послѣдующих годов, указывая на возможность мѣстных бунтов в голодающем районѣ, укрѣпляет мысль, что с дѣлом организаціи народа, созданіем партіи в

самих массах слѣдует поторопиться. Мѣстным движеніем возможно было бы воспользоваться и придать ему революціонный характер только в том случаѣ, когда в мѣстности существовала бы мѣстная группа, заранѣе пріобрѣвшая вліяніе.

Бывает, что в началѣ одна только мѣстность проявляет протест, но послѣдній, встрѣчая благопріятныя условія и почву в других мѣстах, подхватывается, и мѣстное движеніе таким образом становится общенародным бунтом. Но в числѣ благопріятных обстоятельств, помимо коренных государственных и экономических причин, не малую роль играет существованіе органической связи между мѣстностями и возможность своевременнаго сговора... Далѣе, историческій опыт показал, что народ только тогда быстро поднимается и организуется в боевую силу, когда существует готовый кадр. А много ли сдѣлали соціалисты-революціонеры в этом направленіи? Только когда мы укрѣпимся в самом народѣ, пустим глубоко корни и не будем представлять из себя людей, стоящих внѣ текущих интересов народной жизни и только «измышляющих» революцію, мы станем солидной, имѣющей вѣс и голос, силой, вліятельным фактором в судьбѣ страны. Только тогда станут умножаться и разростаться мѣстныя группы, концентрируя вокруг себя лучшія силы народа, когда главный контингент партіи будет состоять из лиц трудящагося сословія, непосредственно заинтересованнаго в судьбѣ переворота своими экономическими потребностями, только тогда мы станем поистинѣ *народной* партіей, партіей настоящаго и будущаго.

Если организація народных сил во имя экономических требованій народа признается нами основной и постоянной задачей партіи, то мы не игнорируем нисколько, как может засвидѣтельствовать наша программа, других задач и пріемов борьбы за народное освобожденіе.

Мы не игнорируем политических потребностей и политической дѣятельности народа. Ненормальное состояніе отжившаго государственнаго строя и переходное время, которое, очевидно, в отношеніе своего политическаго устройства переживает наша страна, как одна из «злоб дня», не может быть оставлена без вниманія партіей, стоящей за народные интересы. Мы знаем, какое значеніе имѣет для народа политическая свобода

буржуазно или бюрократическо-конституціоннаго режима при экономической порабощенности, но мы не можем не оцѣнить выгод признанія элементарнѣйших прав личности. Поэтому мы на борьбу против деспотическаго и полицейскаго гнета смотрим, как на соотвѣтствующую интересам народа и партіи, со[6]чувствуем и вносим требованіе политических реформ в список ближайших требованій Народной партіи. Но, если ограничить свою дѣятельность сферой исключительно политической и притом безсознательной поддержки организованных масс, тогда может быть возможно добиться политических реформ, но не политической революціи. А политическія реформы или оставят экономическую жизнь народа без измѣненій, или внесут в нее палліативы.

* * *

Между тѣм в государствѣ, основанном на противоположности классов и тѣм болѣе при политическом деспотизмѣ, экономическій переворот неизбѣжно будет сопровождаться всегда политической революціей. И в понятіях народа, и в программѣ партіи, и в неизбѣжном ходѣ вещей—«Земля» неразрывно связана с «Волей», экономическая обезпеченность—с политической свободой, потребности желудка—с чувством достоинства и самостоятельности личности! Организованное сословіе, борющееся за экономическую свободу, не может быть сторонником политическаго рабства. Всякая попытка измѣнить соотношенія общественных сил и факторов уже сама по себѣ есть дѣятельность политическая. Одна из настоятельных задач партіи в этом направленіи—внесеніе в народ, вмѣсто разрушающейся вѣры в царя, болѣе широких идеалов, логически вытекающих из будущих экономических условій, характера и нравов народа. Мы не можем теперь также стоять на той односторонней почвѣ, на которой еще недавно стояли наши кружки и фракціи, и ограничить дѣятельность партіи одной ближайшей функціей кружка, одним излюбленным пріемом. Извѣстно, что нѣкоторые кружки придавали преувеличенное значеніе средствам и пріемам дѣятельности, что ими опредѣляли свое расхожденіе с другими фракціями и назывались пропагандистами, бунтарями, террористами. Партія или фракція лучше всего может быть характеризирована

принципами, которыми она руководствуется в своей практической дѣятельности. Здѣсь различіе является дѣйствительно основным, рѣзким, между тѣм, как извѣстные пріемы дѣйствій и средства, напримѣр пропаганда или террор, практикуются самыми противоположными партіями: их употребляют и реакціонеры и крайніе революціонеры. Основным принципом народников является слѣдующее: *все для народа, все собственными, сознанными усиліями самого народа.* И сообразно с этим принципом мы придаем главным образом значеніе организаціи народных сил. Мы избираем путь может быть медленный, но вѣрный. Мы избираем путь не всѣм замѣтнаго, но упорнаго, систематическаго, прочно созидающаго труда! Мы избираем путь, требующій не столько моментальных гигантских порывов воли, сколько устойчивой, сосредоточенной и непоколебимой энергіи! Но мы понимаем, что задача революціи широка и всеобъемлюща, что она не должна и не может ограничиться одной сферой дѣятельности, она требует, наоборот, одновременнаго напряженія сил в самых различных областях жизни, она с самых разнообразных сторон требует громадных затрат ума, способностей, энергіи, высокаго, самоотверженнаго чувства, геройских подвигов. Партія, которая возвѣщает обновленіе и искупленіе страждущаго человѣчества, должна поразить мір подвигами нравственной силы, глубокаго убѣжденія и высокаго воодушевленія! В то же время мы понимаем, что разнообразіе темпераментов, характеров, способностей, склонностей и положенія убѣжденных и готовых работать личностей требует столь же разнообразной по пріемам и характеру дѣятельности. «Экономизація» требует, чтобы ни одна сила, ни один шаг не был потерян даром, и потому организація и программа партіи должна принять всѣ их во вниманіе, разсчитывать на них и слить их в цѣлесообразном объединеніи. Мы готовы признать не только своими союзниками, но и товарищами всѣ кружки, борющіеся во имя народных и соціалистических идеалов, по скольку они сами ведут борьбу и подают другим примѣр мужества, энергіи и самоотверженія.

Мы протестуем только против увлеченія политическими теоріями, осужденными опытом исторіи других стран, против направленія массы новых сил (особенно рабочих) на дѣятель-

ность, имѣющую второстепенное значеніе для задач партіи, как мы ее понимаем, в ущерб главной цѣли—организаціонной работѣ в массѣ населенія. Только организація, созданная в самих массах, сдѣлает наши кружки *народной* партіей, и только излюбленный историческій девиз: «Земля и Воля» может быть лозунгом радикальной Народной партіи!

[7] НѢСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОРГАНИЗАЦІИ ПАРТІИ. *)

Дорогіе товарищи,

Мнѣ только что сообщили, что группы «Чернаго Передѣла» нашли возможность снова перенести свои изданія на нашу родину и я спѣшу исполнить мое давнишнее обѣщаніе и поговорить на страницах вашего изданія об одном из важнѣйших пунктов дѣятельности для всякой партіи, которая хочет имѣть дѣйствительно-историческое вліяніе на событія.

С самаго возрожденія соціально-революціонной русской литературы в 1873 г. необходимость организаціи революціонных сил была много раз заявлена на страницах «Вперед» и брошюр бакунистов, была высказана представителями «пропагандистов» и «бунтарей», сторонниками «Общины», «Громады», «Начала», «Земли и Воли», «Народной Воли» и «Чернаго Передѣла». И это вполнѣ естественно. Три элемента роста всякой исторической разумной силы одинаковы необходимы. Как сила разумная, она может рости лишь путем пропаганды тѣх принципов, которые усвоиваются ея убѣжденными приверженцами. Как сила, соотвѣтствующая данному историческому моменту, она может рости лишь вызывая в разных слоях общества неудовольствіе, агитацію, против существующаго в данном обществѣ зла. Как сила, способная выдержать борьбу за существованіе

*) Примѣчаніе Редакціи. Соглашаясь вполнѣ с многоуважаемым автором этой статьи, что согласіе в указанных им границах может служить достаточным основаніем для об'единенія русских соціалистических фракцій в одну организованную партію, мы думаем, что автор преувеличивает распространенность основнаго соціал-революціоннаго принципа: «все для народа, все собственными, сознательными усиліями самого народа».

с другими соперницами, т. е. как историческій организм, заслуживающій названіе исторической силы, она может рости лишь при условіи организаціи. Эти три элемента не составляют что либо один от другого независимое; напротив: они самым тѣсным образом связаны между собою: агитація против существующаго порядка и организація элементов партіи в одно цѣлое черпают свои разумныя начала из принципов, которые выставлены пропагандою; пропаганда этих принципов заключает в себѣ, как необходимое послѣдствіе, реальную агитацію против общественных форм и явленій, признанных злом во имя этих принципов; связующим началом организаціи партіи являются общіе ея членам принципы и во всѣх проявленіях своей жизни, как общественный организм, партія выступает источником агитаціи среди общества, в котором развивается.

По этому, утверждая необходимость организаціи для партіи русских соціалистов-революціонеров, всѣ упомянутыя группы одинаково утверждали, что всѣ оттѣнки и подраздѣленія этой партіи имѣют, при своем разнообразіи, общія начала, всѣми ими признанныя, и могущія служить общею связью для всѣх ея членов. Эти общія начала существуют и теперь, хоть вопросы, раздѣляющіе разные фракціи сдѣлались совсѣм иными, чѣм они были тому восемь лѣт, даже тому пять лѣт.

Раздѣленіе между личностями и группами одной и той же партіи имѣло мѣсто всегда, и даже не может не имѣть мѣста, потому что всякій общественный организм совмѣщает и должен совмѣщать в себѣ разныя фракціи, и, смотря по обстоятельствам, по обстановкѣ, даже по привычкам и темпераментам личностей, в нее входящих, данной группѣ может казаться важнѣе одна функція чѣм другая. Кромѣ того, иное раздѣленіе происходит в то время, когда партія выступает на историческое поле, еще не зная, гдѣ и при каких условіях ей придется вести борьбу с врагами и даже как будут дѣйствовать эти враги; иное, когда партія, в лицѣ своих разрозненных представителей, борется, чтобы отвоевать себѣ мѣсто в историческом движеніи; иное, наконец, когда она вошла элементом в реальное теченіе исторіи, подверглась вліянію сосуществующих с нею других исторических стремленій и сил, и имѣет за собою уже опредѣленное прошлое, под собою—уже установившуюся почву.

Тому восемь лѣт когда для русских соціалистов-революціонеров мог служить поводом к раздѣленію на группы вопрос о важности или не важности знанія для революціонера: они стояли тогда еще внѣ настоящаго движенія и могли спрашивать себя, при каких условіях им начинать его. Теперь происходит раздѣленіе фракцій преимущественно во имя того, должна ли в Россіи борьба за политическія права предшествовать борьбѣ за экономическій переворот, или первая должна быть лишь элементом второй и подчиняться ея задачам: теперь лишь слѣпые или недобросовѣстные цѣнители могут оспоривать то значеніе, которое в современной русской исторіи получило движеніе «нигилистов». Теперь тот—измѣнник дѣлу, кто от него сторонится, продолжая называть себя русским соціалистом, тот—измѣнник своим убѣжденіям, кто «выжидает», не участвуя в борьбѣ словом или дѣлом. Пропагандист, агитатор и организатор имѣют под собою в Россіи почву историческую, почву реальную. Каждый по своему способу дѣйствія, по своему темпераменту, по своим способностям может занять свое мѣсто в борьбѣ, которая получила вполнѣ опредѣленный характер, стала и с т о р и ч е с к о ю—имѣет свою литературу и своих героев, вызвала против себя цѣлый ряд спеціальных административных мѣр и спеціальных судов и, наконец, принудила самодержавное императорство искать спасенія в жалких уступках либеральному направленію, которыя казались немыслимы тому три года.

Но уступки, дѣлаемыя самодержавною властью, дѣлаются врагом русскаго революціоннаго соціализма, дѣлаются с цѣлью подавить и деморализировать его: подавить тѣх его сторонников, которые не пойдут ни на какія сдѣлки; деморализировать ту долю партіи, которая подастся на приманку нѣсколько большаго обезпеченія личности, нѣсколько большей свободы слова и откажется от борьбы, только что начатой, от борьбы экономической, не допускающей ни уступок, ни соглашеній; от борьбы во имя прав труда против эксплуатаціи капитала; от борьбы для доставленія лучшаго будущаго обдѣленным, голодающим классам рабочаго народа; от борьбы за постройку новаго солидарнаго общежитія трудящихся. Именно в настоящую минуту, болѣе чѣм когда либо, необходима партіи русских соціалистов-революціонеров крѣпкая организація.

Возможна ли она и при каких условіях она возможна в настоящую минуту? Какіе общіе принципы могут служить ей жизненною связью? Какое раздѣленіе функцій и органов могло бы дать жизнь организму партіи, не принуждая личность отказаться от своих убѣжденій даже в их спеціальной особенности, не обращая живого органа в механическое и безсмысленное орудіе? Какая форма связи позволила бы партіи удовлетворить одновременно всѣм задачам, которыя поставила пред нею исторія: бороться с правительством, хранить тайну своих сношеній и дѣйствій, организовать народныя силы в политическую партію рабочих, связывать убѣжденных, понимающих и энергических соціалистов в группы, которыя неустанно завоевывали бы себѣ новых и новых сторонников?

Я считаю своею обязанностью сказать нѣсколько слов по поводу именно этого важнаго вопроса.

Принципы революціоннаго соціализма общи всѣм нам. Террористы и организаторы народных сил, пропагандисты экономической борьбы и тѣ, которые надѣются путем земскаго собора проложить путь к соціальному перевороту, одинаково опредѣляют себѣ в будущем цѣль этого переворота. Эта цѣль: замѣна нынѣшняго экономическаго и политическаго строя другим, гдѣ всеобщій труд разносторонне развитых личностей составит основное побужденіе для солидарности всѣх членов общества; гдѣ возможно большая свобода и возможно большее равенство личностей замѣнит нынѣшній государственный гнет; гдѣ коллективная собственность, устранив всеобщую борьбу между личностями за наживу, даст возможность развиться солидарному общежитію, которое не имѣло и не могло имѣть мѣсто в прошедшем. Эта общая цѣль соединяет всѣх нас в одну партію, независимо от наших разногласій во многом другом.

Но русских соціалистов-революціонеров соединяют еще и нѣкоторыя практическія убѣжденія о средствах достиженія этой цѣли. Всѣ они вѣрят, что цѣль эта может быть достигнута лишь путем насильственнаго взрыва, путем революціи: потому они всѣ—соціалисты-революціонеры. Мало того, огромное, подавляющее большинство их вѣрит, что лишь сам народ, своими силами, может создать новый общественный строй на развалинах низвергнутаго нынѣшняго строя. Чистые пропагандисты вѣрили,

что лишь распространяя в народѣ соціалистическія начала можно организовать народную партію *на этих началах*, и эта партія, которая проникала бы во всѣ классы народа, должна была, по их мнѣнію, составить ту народную силу, которая низвергла бы существующій порядок, замѣняя его иным, и к которой пристала бы неизбѣжно большая часть, еще не вошедшей в организацію массы русскаго народа, так как революціонная сила вышла бы в большинствѣ из *е г о* же среды и переворот совершился бы в его пользу. На этой точкѣ зрѣнія стоял «Впередъ» во время всего своего существованія.—Нынѣшніе Чернопередѣльцы имѣют в виду одновременно двѣ различныя организаціи: организацію убѣжденных соціалистов, как кадр революціи на основаніи соціалистических убѣжденій, и организацію недовольных народных сил *на тѣх началах, которыя вызывают это недовольство*; затѣм тѣсную связь этих двух организацій и совершеніе революціи силами организованных народных масс под вліяніем соціалистических идей тѣсно связаннаго с народом кадра соціалистической интеллигенціи.—Народовольцы и рабочіе члены их партіи имѣют в виду «соціально-рево[8]люціонную партію, в которую рабочая организация входит как часть», образованіе этою партіею при возстаніи временнаго правительства, и затѣм передачу власти в руки народнаго учредительнаго собранія, которое силами народа и его представителей устроит новый порядок.—Таким образом совершеніе соціальнаго переворота силами народа можно также считать общепризнанным положеніем русской революціонной партіи.

Далѣе начинается разногласіе, но таково ли оно, чтобы организація партіи в одно цѣлое была невозможна?

Нельзя требовать от другого, чтобы он отказался от своего убѣжденія для приступленія к организаціи, которая в поставленных ею цѣлях не признает этих убѣжденій; нельзя требовать этого, когда сам сознаешь, что не мог бы отказаться *от с в о и х* убѣжденій для подобной цѣли. Террористы, люди, ставящіе себѣ непосредственною цѣлью политическій переворот в Россіи, организаторы народных сил, пропагандисты соціалистических идей в народѣ и в интеллигенціи—все это неизбѣжные продукты русской исторіи послѣдних годов и их существованіе приходится констатировать в русской соціально-революціонной партіи

внѣ всякой взаимной критики. Каждая из фракцій, каждый из убѣжденных соціалистов-революціонеров, имѣет одинаковое право дѣйствовать по с в о и м убѣжденіям, отстаивать их против других фракцій и стараться проводить их в практику жизни. Преступен лишь тот, кто ничего не дѣлает во имя с в о е г о убѣжденія в настоящіе, трудные годы. Но как только у всѣх фракцій есть общая теоретическая и практическая почва, то онѣ могут обратиться в различные органы единаго общаго организма, цѣль котораго—борьба с существующим экономическим и политическим порядком, подготовленіе и установка новаго, соціалистическаго строя.

Оставляю совершенно в сторонѣ критику наличных программ разных фракцій, принимаю послѣднія за историческія данныя, и посмотрю, могут ли встрѣтиться непреодолимыя препятствія их об'единенію в общей организаціи?

Может ли служить помѣхою террористу, замышляющему раззореніе тюрьмы, казнь опасной личности, если рядом с ним ведет в рабочих группах пропаганду его товарищ, плохо вѣрующій в полезное дѣйствіе терроризма? Может ли препятствовать организаторам народных сил в городах и деревнях, иная дѣятельность соціалистов «политиков», употребляющих тѣ или другія мѣры (даже до союза с радикалами и либералами, не признающими необходимости экономической перестройки общества) для ограниченія произвола самодержавія, для расширенія свободы слова, гарантій личной неприкосновенности и т. д.? Встрѣчается ли препятствіе для группы, которая борется за экономическое и политическое освобожденіе масс, живущих под юридическими условіями Россійской Имперіи, не обращая особеннаго вниманія на различіе их національностей,—в том, что тут же дѣйствует группа, которая, не отказываясь от соціально-революціонной дѣятельности, придает особенное значеніе поддержанію обособленія различных національностей, и полагает, что федерація групп по національностям, не обращая вниманія на разницу юридических условій жизни, важнѣе, чѣм федерація их на основаніи послѣдних условій?

Мнѣ кажется, что на всѣ эти вопросы можно отвѣтить отрицательно. Дѣятельность каждой группы может происходить самостоятельно, по программѣ, выбранной этою группою, по

убѣжденіям, ею усвоенным. Приходится организовать лишь взаимное содѣйствіе всѣх групп в виду общей борьбы против общаго врага, в виду достиженія общей цѣли; для этого приходится создать вліятельные общіе органы и цѣлесообразную систему сношеній между группами.

Надо замѣтить, что во многих частных случаях содѣйствіе различных фракцій всегда практиковалось, и что каждая фракція заключает в себѣ оттѣнки, сближающіе ее с другими фракціями. Когда приходилось освобождать, скрывать и препровождать за границу товарищей по общему дѣлу, о раздѣленіи фракцій забывали почти всегда. Многіе чернопередѣльцы не отрицают значенія террора, хотя в иных сферах. Многіе «политики» сильно сомнѣваются в возможности дѣйствовать даже временно заодно с либералами, отрицающими необходимость экономическаго переворота. Прежніе пропагандисты или перешли под иное знамя, или ничѣм не проявляют своего существованія, и потому могу говорить в этом случаѣ лишь о себѣ: я, лично, остался пропагандистом и убѣжден, что единственная прочная организація народных сил для соціальной революціи есть организація их на основаніи распространенія в народѣ соціалистических убѣжденій, но если считать возможным организовать народныя силы иным путем и дѣйствовать соціалистическою пропагандою на организованныя уже силы, то я не вижу в этом никакого отступленія от программы соціальной революціи.—Сближенія происходят и на множествѣ иных пунктов, которые перечислять здѣсь было бы неумѣстно.

Если были и продолжают встрѣчаться примѣры содѣйствія, нисколько не отказываясь от своей особенной программы, если происходят сближенія путем разных оттѣнков фракцій, то ясных противорѣчій в мысли об общей организаціи, охватывающей всю русскую соціально-революціонную партію, не существует, и условія, которым должна удовлетворять эта организація, вполнѣ опредѣлены. Она должна опираться на начала теоретическія и практическія, общія всѣм русским соціалистам-революціонерам; она должна вызывать к самой энергичной дѣятельности каждаго члена партіи сообразно особенности его способностей, наклонностей и убѣжденій; должна давать возможно большую самостоятельность каждой группѣ, избрав-

шей себѣ спеціальную цѣль во имя своих спеціальных убѣжденій; должна связывать всѣ силы партіи в тѣх случаях, когда онѣ могут быть связаны в общую согласную дѣятельность; должна облегчать сближеніе различных фракцій во имя общей цѣли и общих начал; должна, наконец, охранять возможно лучше тайну личнаго соттава групп, входящих в состав партіи. *)

Мнѣ кажется, что для этого основными ячейками должны сдѣлаться небольшіе мѣстные кружки лиц с опредѣленною спеціальною программою и с личным составом, который, вообще говоря, извѣстен только лицам этого кружка, имѣющим удобныя личныя сношенія. Другим кружкам и центральным органам могут быть извѣстны лишь спеціальныя программы кружка, его численность и способы сношенія с ним. Кружок составляет избирательный орган для всѣх центральных органов партіи и подчиняется лишь тѣм рѣшеніям этих органов, которые согласны с его спеціальною программою или приняты единогласно на с'ѣздѣ представителей всѣх фракцій.—Раз'ясню это основное положеніе.

Положим, что в данной части Петербурга, или в нѣсколькихъ близких между собою селах на Волгѣ, или в Женевѣ, находятся 7 человѣк, которые согласны между собою не только в общих началах русскаго соціально-революціоннаго дѣла, но и в частных задачах в него входящих и ими на себя принятых. Они живут настолько близко друг к другу, что дѣйствительно находятся в приблизительно одинаковых условіях и могут удобно сноситься между собою, так что личность каждаго имѣет вѣс в совѣщаніях и взаимный контроль поддерживает энергію всѣх их. Они концентрируют свою дѣятельность на одну спеціальную задачу, наприм. на истребленіе шпіонов в данной части Петербурга, на организацію народных сил в данной мѣстности на Волгѣ, на составленіе и изданіе в Женевѣ теоретических и исторических брошюр, относящихся к соціализму. Они составили самостоятельный кружок, при чем их имена в первых двух слу-

*) Само собою разумѣется, что в нѣкоторых случаях, напримѣр для заграничных групп, тайна их личнаго состава лишь на столько важна, на сколько в них входят личности легальныя.

чаях извѣстны лишь внутри кружка, для сношенія же с другими группами или избрано в их средѣ одно лицо, или сношенія происходят чрез промежуточных пособников, при посредствѣ безопасных адресов и т. под.

Таких кружков со спеціальными программами, состоящих из 5—10 человѣк каждый, можно представить себѣ сколько угодно. Они ни в каком случаѣ не должны быть многочисленны; если число членов превзойдет нормальное (положим 10)—кружок раздѣляется на два самостоятельные кружка. Каждый кружок вербует себѣ новых членов и сторонников. Около кружка террористов являются пособники. Около кружка убѣжденных соціалистов-организаторов организуются народныя дружины на почвѣ наличнаго мѣстнаго недовольства. Около издателей соціалистических брошюр распространяется сфера корреспондентов, жертвователей, распространителей и т. под., которые могут и не принадлежать организаціи.

Затѣм является необходимость организовать центральный распорядительный орган, орган для совѣщаній и соглашеній между различными фракціями, наконец такія спеціальныя группы, которыя не могут быть мѣстными. Назову для краткости первый орган—комитетом, второй—с'ѣздом.

Комитет должен быть в каждую минуту представителем русской соціально-революціонной партіи, в том состояніи, *как она есть* и давать на сколько это возможно, общему дѣлу то направленіе, которое опредѣляется большинством дѣйствующих кружков. Он не может обязать какое нибудь лицо или какой нибудь кружок взять на себя дѣло, которое лицо или кружок взять на себя не хочет; не может пропагандиста назначить в террористы или политика в организаторы народных сил. Но он может распредѣлить денежныя средства, в него стекающіяся, сообразно взглядам избраннаго в него большинства о большей или меньшей важности разных операцій дѣятельности в данную минуту, *никогда* впрочем, не отказывая совершенно в содѣйствіи ни одной отрасли дѣятельности, которая избрана болѣе чѣм одним кружком. Он может *совѣтовать* кружкам выдѣлить из своей среды личности для такой отрасли дѣятельности, которая в этом нуждается. Он может дать направленіе дѣятельности новых личностей и новых кружков, которые еще [9] колеблются в выборѣ

спеціальной программы, и личностей, которыя стоят внѣ мѣстных кружков.

Чтобы комитет был таким дѣйствительным представителем партіи в данную минуту, его состав должен быть результатом избранія и выборы его должны отражать дѣйствительное распредѣленіе сил партіи. Мнѣ кажется, что для этого можно было бы употребить слѣдующій пріем. Допустим, что комитет состоит из 5 лиц и избирается ежегодно. Каждый кружок посылает к данному сроку на адрес, данный комитетом текущаго года, шифрованный бюллетень с именами пяти лиц, которых желает избрать в комитет на слѣдующій год. Очевидно, имена желательныя большинству кружков, будут повторяться чаще. Если в партіи всего (напримѣр) 100 кружков, то будут личности, получившія 80 и болѣе голосов. Пять лиц, получивших наибольшее число голосов, суть члены новаго комитета; пять слѣдующих — их кандидаты на случай ареста, болѣзни, смерти и т. под.

Мнѣ могут возразить: как же выбирать лиц, когда имена членов одного кружка неизвѣстны членам других кружков? Возраженіе это устраняется само собою. Тайна существенна вовсе не для тѣх личностей, которыя м о г у т быть выбраны в комитет, а для большинства остальных. Лица, которых выбирают в комитет, не могут скрыть своего имени: на это имя существуют указанія в процессах для всей публики, а еще прежде это имя извѣстно всей фракціи, к которой они принадлежат (хотя бы как кличка), так как это люди, которые участвуют не в одном спеціальном кружкѣ, сносятся не только с ближайшими сосѣдями. Они завоевали себѣ неизбѣжную извѣстность постоянною опасностью, среди которой живут и дѣйствуют, как в обычной своей сферѣ.

Необходимо упомянуть об отношеніи этого центральнаго органа партіи к тѣм центральным органам, которые могут быть созданы фракціями. Наприм. террористы уже имѣют свой исполнительный комитет. Кружки организаторов народных сил могут создать свой постоянный с'ѣзд для соглашенія организаціи в разных мѣстностях. Заграничные кружки могут образовать общія кассы пособій и доставленія работы эмигрантам.— Если нѣкоторыя группы кружков предпочтут сноситься с цент-

ральным комитетом не прямо, а при посредствѣ своего особаго центральнаго органа, это—их дѣло и облегчит дѣятельность центральнаго комитета; но для выборов в комитет (или, как ниже, на с'ѣзд) каждый кружок-ячейка должен быть разсмотрѣн как нѣчто самостоятельное и спеціальные центральные органы должны играть лишь роль особаго кружка-ячейки, со спеціальной программой, имѣющей цѣлью координировать дѣятельность нѣскольких кружков, пожелавших имѣть такой орган. Для центральнаго комитета должно быть безразлично, дала ли себѣ та или другая фракція централистическую или федералистическую организацію. Он берет ее так, как она есть.

Всѣ кружки заявляют комитету о своем существованіи, о своем принятіи основных положеній соціально-революціонной партіи; сообщают свою спеціальную программу и свою численность; присылают в комитет денежные взносы для общаго дѣла; періодически извѣщают комитет о своей дѣятельности, о своих нуждах и обо всем, что может имѣть интерес для дѣла соціально-революціонной партіи.—Комитет дает им, если находит нужным, опредѣленныя указанія в предѣлах их спеціальной программы, или совѣты в виду общаго дѣла. Он сообщает кружкам из общаго хода дѣл все, что может быть им полезно для их спеціальной дѣятельности или для их безопасности.

Комитет распоряжается полученными суммами и направляет дѣятельность партіи, насколько может сдѣлать это, по безусловному большинству голосов своих членов.

С'ѣзд есть орган совѣщанія и соглашенія, а не распоряженія и потому он может быть не постоянным, а собираться періодически (наприм. раз в год) или в экстренное время по созыву комитета; он должен представлять непремѣнно всѣ фракціи, на численность же их при его составѣ можно не обращать вниманія. Его дѣло—дать возможность столковаться на общей почвѣ людям, не совсѣм сходным в мнѣніях, и констатировать в важную минуту согласіе всѣх оттѣнков партіи на энергическое дѣло. Его осуществить можно бы слѣдующим образом. Комитет, имѣя в руках всѣ частныя программы кружков, группирует их по их различным ц ѣ л я м, независимо от их различія по мѣстности или по частям функцій, ведущим к одной и той же цѣли. Заявляя о принятом им раздѣленіи всѣм кружкам, он

предлагает каждому прислать имена двух лиц, как представителей на общій с'ѣзд особенной фракціи, к которой принадлежит кружок; затѣм для каждой фракціи особо (независимо от ея численности) сосчитывает голоса, признавая избранными тѣх двух, которые в этой фракціи получили наибольшее число голосов. Всѣ избранные составляют с'ѣзд.

На нем комитет отдает отчет о своей дѣятельности. На нем происходят совѣщанія по спорным и текущим вопросам. С'ѣзд принимает лишь в таком случаѣ рѣшеніе, если оно единогласно и тогда оно становится обязательно для всей партіи, так как вся она имѣет тут своих представителей, независимо от численности фракцій. По всѣм прочим вопросам дѣло ограничивается совѣщаніями, если можно—соглашеніями, и результаты этого обнаруживаются лишь при слѣдующих выборах в комитет.

Внѣ мѣстных кружков-ячеек партіи приходится иногда имѣть органы, которые, по самой сущности своей функціи, не могут образовать мѣстной группы из 5 человѣк. Напримѣр: на различных пограничных пунктах могут быть поселены члены для перевозки заграничных изданій; в различных военных командах, правительственных учрежденіях, среди желѣзнодорожнаго персонала и т. д. есть у партіи свои люди, число которых в каждом пунктѣ может быть очень невелико. Такія спеціальныя группы или отдѣльныя личности предлагают для даннаго дѣла свои услуги комитету, но уже не составляют своей программы и не образуют ячейки, а находятся в прямом распоряженіи комитета. Чтобы их вербовать, когда это нужно, комитет спрашивает всѣ кружки-ячейки, не могут ли они предложить из своей среды человѣка на такое-то дѣло, и, выбрав из представленных сколько нужно, организует из них спеціальныя группы с опредѣленным назначеніем, устроивая между ними сношеніе, если это нужно.

Внѣ самостоятельных кружков останется, может быть, не малое число лиц, которыя, живя по необходимости в данной мѣстности, не могут однако же организовать кружок-ячейку в 5 человѣк. Эти внѣ-кружковыя личности, пока не навербуют себѣ товарищей в достаточном числѣ, должны будут отдать себя в распоряженіе или одного из ближайших кружков своей фрак-

ціи, или ея центральнаго органа (если он существует), или центральнаго комитета всей партіи.

Между кружками и внутри кружков могут происходить столкновенія и несогласія. О способѣ рѣшенія столкновеній внутри кружков говорить нечего, так как самостоятельный кружок должен сам найти средства разрѣшить их или должен распасться. Несогласія между кружками могут быть рѣшены или третейским судом избранной ими посторонней группы, или рѣшеніем комитета или с'ѣзда, если к ним обратились спорящіе. Во всѣх этих случаях рѣшеніе судьи, к которому добровольно прибѣгли обѣ стороны, для них обязательно.

Было бы излишне вдаваться в дальнѣйшія подробности и говорить о способах устранить разнообразныя затрудненія, болѣе или менѣе важныя, которыя могут встрѣтиться при предлагаемом способѣ организаціи. Их будет не мало на практикѣ, но практика же, мѣстныя условія и мѣстныя удобства разрѣшат их несравненно лучше, чѣм это можно сдѣлать а пріорі. Было бы только искреннее желаніе разрѣшить их и организоваться.

Но в предыдущем говорится лишь о функціонированіи организаціи уже существующей. Как пустить ее в ход? Как приступить к дѣлу?—Для этого можно употребить разные способы и их легко найдут нынѣшніе дѣятели, если только захотят поискать их. Напримѣр можно бы начать хоть слѣдующим образом.

Если предложеніе, на сколько извѣстно, встрѣтило бы сочувствіе, то человѣк 6 разных фракцій берут на себя иниціативу, с'ѣзжаются, формулируют общія основанія организаціи и сообщают друг другу об извѣстных им группах, находящихся в разных мѣстностях. Затѣм они посылают этим группам предложеніе:

1) Заявить свое приступленіе к партіи принятіем основных теорет. и практ. положеній, общих всѣм русским соціалистам-революціонерам, и свое согласіе на общія начала организаціи партіи.

2) Составить и прислать свою спеціальную программу.

3) Заявить свою численность (не болѣе 10 чел. в кружкѣ).

4) Дать адрес для сношенія с кружком.

5) Прислать в данное мѣсто к данному сроку список пяти имен для составленія перваго комитета.

В назначенный ими самими срок иниціаторы составят повѣрочную коммиссію, все дѣло которой будет заключаться в прочтеніи отвѣтов кружков, в просмотрѣ списка членов и в об'явленіи лицам, которыя получат наибольшее число голосов, что они выбраны в комитет. Если многія группы не захотят составить кружки и приступить к предложенной организаціи, дѣло не удалось и надо искать иного пути к той же цѣли. Если согласіе выражено, списки доставлены, то комитет немедленно вступот в дѣйствіе и от энергіи его будет зависѣть отысканіе и образованіе новых кружков, установленіе прочных сношеній с ними, руководство слабых и колеблющихся умиреніе раздоров и скрѣпленіе организаціи. Эта организація придет в дѣйствіе. При искреннем желаніи поддержать ее (а слѣдует помнить, что она и *она одна* сдѣлает партію силою) сгладятся неудобства, разрѣшатся сами собою затрудненія, примкнут к организаціи новыя и новыя группы, на с'ѣздах сблизятся фракціи и, когда настанет рѣшительная минута, комитет созовет экстренный с'ѣзд, изложив настоятельную задачу и *единогласное*, а *потому обязательное*, *для всѣх* рѣшеніе с'ѣзда, представляющаго всѣ фракціи, двинет всю армію соціально-революціонной партіи, как одного человѣка, в рѣшительную битву с врагом.

Может быть я заблуждаюсь, но изложенный мною план кажется [10] мнѣ настолько достижимым, настолько не стѣснительным ни для ни для одной фракціи, даже ни для одной небольшой группы, что я не вижу существенных препятствій для приведенія его в дѣйствіе. И тогда внѣ партіи не будет основанія оставаться из за того, что не вполнѣ согласен ни с той, ни с другой из главных дѣйствій фракціи; всякій будет имѣть возможность войти в самостоятельную мѣстную группу единомышленников, или отдать себя в распоряженіе болѣе отдаленной подобной группы. Внѣ партіи останется лишь индифферентист, трус или отступник. Их не желательно имѣть в партіи.

Парижъ, 20-го января 1881 г.

П. Лавров.

3-го апрѣля 1881 г. восприняли мученическую смерть на висѣлицѣ соціалисты - революціонеры: дворянка **СОФІЯ ПЕРОВСКАЯ**, крестьянин **АНДРЕЙ ЖЕЛЯБОВ**, сын священника—**НИКОЛАЙ КИБАЛЬЧИЧ**, крестьянин **ТИМОѲЕЙ МИХАЙЛОВ** и мѣщанин **НИКОЛАЙ РЫСАКОВ.**

По поводу событія 1-го марта.

1-го марта 1881 года приговор Исполнительнаго Комитета над Александром II был приведен в исполненіе. Всероссійскій деспот пал от руки революціонера!

Дикій, безшабашный разгул русскаго правительства, скажем словами Квятковскаго: «бѣлый террор правительства» был одною из главных причин появленія террора революціоннаго. Этот послѣдній, удовлетворяя с одной стороны вполнѣ законному чувству мести за погибших товарищей, с другой является в настоящее время почти единственным цѣлесообразным пріемом борьбы против политическаго деспотизма.

Нѣт никакого сомнѣнія, что мы переживаем послѣдніе дни неограниченной монархіи, и революціонные толчки всероссійскому трону лишь ускоряют роды конституціоннаго режима в Россіи.

Что же касается до основной задачи Народной партіи, как мы ее понимаем, т. е. созданія революціонной организаціи в народѣ, поднятія в нем духа активности и вѣры в свои силы, то мы убѣждены, что таким путем она далеко не достигнется.

Для нас необходимо, чтобы народ увѣровал в себя, сознал свои силы и единственный путь для этого мы видим в борьбѣ самого народа с его непосредственными врагами, так как нельзя заставить другаго человѣка вѣрить в его силы, борясь за него и за идеалы, им несознанные.

Раз народ сознает, что он сила, то само собою разумѣется, что традиціонная вѣра в царя необходимо рухнет, так как она представляет собою неизбѣжное послѣдствіе неувѣренности народа в его собственных силах.

Террористическим фактам, подобным 1 марта, мы сочувствуем, как борьбѣ против политическаго деспотизма, имѣющей цѣлью улучшеніе внѣшних условій дѣятельности революціонной партіи, но мы протестуем против сосредоточенія сил на этой борьбѣ и главным образом против возможности и достиженія подобным путем соціальной революціи.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Симбирской губ.

Думаю, что читателям не покажутся нижеприведенные факты совсѣм уже безъинтересными, хотя сообщеніе их в печати нѣсколько и запоздало.

Лѣтом 79 года мнѣ пришлось немало походить и поѣздить по одному из южных уѣздов Симбирской губ. Однажды съѣхался я на постоялом деревенском дворѣ со своими благопріятелями-крестьянами, засѣли за самовар; разговорились. Спрашивают меня, читал ли я газеты. Я говорю, что нѣт. «А в них, слышь, важныя новости пропечатаны. Недавно вот один из губерніи пріѣхал, сказывал, что читал, будто скоро у помѣщиков землю начнут отбирать в казну. И как, братец ты мой, ловко это дѣло подведено!... Созвал это наслѣдник к себѣ бар, да и говорит: Не хотите ли, говорит, господа бояре, в подарок от меня землицы получить?—Будем много благодарны, ваше величество; завсегда вы были нашим благодѣтелем!...—Так дам я вам, и себѣ возьму, по двѣнадцати десятинок, согласны ли?—Согласны в. в.!—А коли согласны, так подпишите вот эту бумажку. Баре, с дуру что ли, иль жадность то их очень одолѣла, взяли да и подмахнули бумагу то, не читамши. А в бумагѣ той сказано: «Мы нижеподписавшіеся отказываемся от всей нашей земли, за исключеніем двѣнадцами десятин на душу во всѣх трех полях...» Вот по этой самой бумагѣ и будут теперь отбирать у г о с п о д земли.» Нелѣпый, на первый взгляд, вымысел, а между тѣм в нем выражается в извѣстной части народное міровоззрѣніе. Ясно, что народ в этой мѣстности не утратил своей надежды на переход всѣх земель в руки земледѣльческаго сословія; вмѣстѣ с тѣм ясно и то, что он—опять таки по прежнему—надѣется в этом вопросѣ не

на себя, а на внѣшнюю силу, на царя, интересно то, что здѣсь надежды возлагаются на царя молодого. Это признак приближенія конца настоящаго царствованія: Во всей русской исторіи послѣдних двух столѣтій проходит слѣдующая черта: при [11] началѣ каждаго царствованія надежды народа на осуществленіе своих идеалов оживают: новый царь, по их мнѣнію, непремѣнно даст много всяких льгот простому народу; это оживленіе надежд обыкновенно сопровождается усиленіем народных волненій. Потом надежды на данного царя мало по малу ослабѣвают и доходят почти до нуля, и так до молодого царя, а там опять прежняя исторія. Так было при Екатеринѣ II, при Павлѣ, при Николаѣ, при Александрѣ, так и в настоящее время. Царь за царем проходят перед глазами народа, в каждом из них он разочаровывается и все таки продолжает вѣрить в способность царя помочь горю народному.

Когда я воротился в свое село, там уже был получен маковскій циркуляр. Разговорился я с одним знакомым стариком, почтенным, уважаемым, хотя и не особенно далеким человѣком. Оказалось, что он еще не слыхал о маковском циркулярѣ. Я передал ему его содержаніе. «Да послѣ этого и царь-то дурак! Какоже мужику без земли обойтись...» Такія слова меня крайне удивили: старик был большим почитателем царя.

Дня через два-три собрали в селѣ сход; мѣстный помѣщик, какой-то придворный генерал, читал и разтолковывал крестьянам произведеніе маковскаго пера. Крестьяне слушали, говорили: «так! так!», а по окончаніи чтенія, расходясь говорили: «что ж, еще потерпим! Нам не привыкать стать дожидаться-то...»

Так сильна в них вѣра в необходимость и неизбѣжность передѣла, что если бы царь сам лично на всегда отказал им в этом, то и тогда, кажется, эта вѣра мало бы поколебалась: они стали бы дожидаться другого царя...

Сообщу еще факт, свидѣтелем котораго я не был, но во всяком случаѣ свѣдѣнія о нем получил из вѣрных рук: В сосѣднем уѣздѣ, в одном из самых крупных сел послѣ полученія циркуляра на сход явились два старика и стали доказывать, что пора бросить всякую надежду на царя... Их схватил урядник. Дальнѣйшая судьба их неизвѣстна.

Из Полтавской губ.

Лѣтом прошлаго года я побывал в родном селѣ; прежде всего я зашел к одному своему знакомому крестьянину. Увидавши меня, он разинул рот и выпучил глаза от удивленія: «А мы чули, що вас, панычу, того-пак...» он не докончил своей фразы и сконфузился. «Що ж вы чули про мене?»—«Та я так собі... усяку усячину тут балакають...» он видимо уклонялся от прямого отвѣта; но я угадал, в чем дѣло: всѣ поговаривали о том, что я сослан в Сибирь, а может быть и повѣшен. Не прошло и полу часа, как в хатѣ собралось уже человѣк пять ближайших сосѣдей и осыпали меня разспросами про Питер. Я отвѣчал, что ничего особеннаго,—вообще ждал, чтобы они высказались первые.—«Та що й казать! мы чули—писарь читав газету,—як заря стріляли, трохи не вбили... И за вищо це до его так причинились?» спросил один молодой козак и лукаво ухмыльнулся... «Та ще дурні, й стрелять не вміють...» смѣялся он. «Эге жъ, таке лихо, таке лихо,—якого й не бувало...» говорил один старый дід... «а нам тут тоже не добре, продолжал он,—драча—що день, то й більшы, земельки мало, никуды й сунуться: совсім тісно стало жити.» Другіе поддержали діда и стали сообщать про свое горе...—«У мене пять братів, говорил молодой козак, служившій уже в солдатах,—а земли на нас четыре десятини, ну що жь тут поробишь! Й що це він дума, як же нам жити! Чи не за то его и влучить хотили?» спросил он опять меня; но замѣтивши, что я стѣснялся говорить прямо (не довѣрчиво посматривая на одного из присутствоваших), он быстро сообразил, в чем дѣло, и замял начатый разговор; он стал разсказывать про свое хозяйство, про новую хату и предложил мнѣ посмотрѣть эту хату. Когда мы очутились на срубѣ возлѣ хаты—вдвоем, он прямо заговорил ко мнѣ с полною откровенностью: «чи правда, панычу,—заговорил он, що соціаліствів два мильона?»—«Як бы було стільки, то инчи порядки булы-б у нас»—говорю я ему. «Я й сам так думаю, що се мабудь брехня,—ну а колись й більшь буде... Не я один, а е й други, котри думают, що на те стріляють в царя, щоб землю от панів одібрать и мужикам оддать, а царь не хоче... Та колиб це швидче зробилось, а то життя немае, хоть пропадай, як собака.... Як булы паны сукины сыны, а в йих

мужики разсукины сыны, то легче було, ніж тепер, коли орудують нами жиды, та богатырі; пана легче було обманути на работі, ціх не обманишь—сам на все дивиться... Я, панычу, так думаю: не треба-б панів, та попів, та й царя... Віи разсукинсын об нас не клопочиться: він думае, як бы ему лучче було! Не треба займати тілько віру! бо це гріх... Я подумаю добре, тай не знаю: як же воно без царя житимьме... Я чув (як був у москалях), що е така расублика, де царя немае, тільки не знаю, як там живуть?». Я объяснил ему, как можно обойтись без царя. «Эге та... воно выходе: як оце мы старшину выбираемо, так и тоді—замісць царя начальство: як плохо буде, то заміныть можно и выбрать друге»...

Мой собѣседник говорил с жаром энергично... Когда я стал разспрашивать его о том, как же добиться того, чтобы отобрать землю, он не долго думал: «Мабудь не обійдеться без того, що не взялись за дрючки, та й збунтовались»...

Через нѣсколько часов я сидѣл в хатѣ другаго моего знакомаго мужика. Этот был уже человѣк лѣт 45, с умным, выразительным лицом.

[12] «Як почую я,—говорил он мнѣ, що хто-сь встрілив в царя, то мені страшно становиться: я у церкві на молебствіи все молюсь богу, що-б вони утікли благополушно. Я й думать боюсь: як се можно людину вішати, як собаку... Не добре время теперь. Як послухать кругом: усі землі ждуть, бо дуже бідкують люде... Мабудь без крови необійдеться... Я человік смирный,—не хочу приставать до тіх, що хотят землю одібрати, не хочу й идти проти них... Мені страшно думать об тім, що кровь прольеться чоловіча... Вы, панычу, дивіться, що-б вас не злапали: тут про вас пішла чутка... Е тут люди не добрі—все прислухуються та придывляються, що-б донести начальству...»

«А дуже про землю мужики балакають» перебил я его. «Отам на вугли, біля церкві, вы мабудь бачили, як під праздник в неділю люде сходяться між собою побалакати; як послухать их, так тільки й чути мову про землю. А як забачуть, що йде соцькій, чи десяцькій, так зараз усі звертают размову на що небудь инче».—«А урядник що робить?»—«Та що! Ему уже хлопці якось сказали: як будешь ще лазить по під вінками, то колись в темну нічь мы тебе не выпустим живым з рук...

Він трохи після того зъупинився. Як поставляли у нас урядника, то становый сказав до громады: на те вам урядники, що б про землю ничого не балакали; а як кто балакатиме, то небуде тому життя—згине на віки.»

Из села я уѣхал, нанявши «конячку» у одного діда, который поѣхал со мною в качествѣ кучера. Разговор не замѣтно перешел на землю: без этой крестьянской злобы дня не может обойтись разговор с мужиком.

— «Скажить, пожалуста, спрашивал меня дід, «за віщо це до царя так пристали мов репьяки... справді кажуть люде, що як сыны повыростають, то старому батькові вже не хозяинувати: мы кажуть вони ему лучче від тебе будемо хозяинувати, бо ты вже старый. Та воно й справді так; та ще люде кажуть, що будім-то цареві третя служба скінчалась, пора вже ему на покій»...—Яка там третя служба? говорю я ему—царь як схоче, так и робе ему нема строка.»—«Та хібаж так спросил дід удивленно,—та е-ж закон, по закону служба кожному, ну й цареві тожь...»—«Нема для царя закона, говорю я ему,—сам царь законы пише, яки схоче: сегодня одні, завтра другі.» Это его поразило еще больше:—«А я батче думав, що віи все робе по закону.—«А хтож написав той закон, діду?»—«Та хто его зна—я й не подумав...» Мабудь таки есть за віщо стріляти его, коли стриляють,—продолжал он немного погодя,—та видно бог не хоче его смерти, бо не разу не влучили... И кто ж такій стриля: чи воно з якои корысти, чи що»... размышлял он.—«Яка уж тут корысть, діду? Може та, що-б повісыли!?»—«Та воно и дивно: яка уж воно корысть...»

| *Из Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губ.*

Лѣтом 1879 г., возвращаясь домой—в село, один крестьянин догнал по пути человѣка, шедшаго по тому же направленію. Послѣ обычных привѣтствій пѣшеход взобрался на воз и они поѣхали. Неизвѣстный стал разспрашивать мужика о его житьѣ-бытьѣ, затѣм разговор коснулся земли. Неизвѣстный спросил, кому принадлежит окрестная земля. «Це Гамаліевска, а це другого пана, а то третьяго»—отвѣчал мужик. « А де ж ваша,

громадьска?» спрашивает неизвѣстный. «О он-де, бачиш—не вельикій клаптик,» отвѣчал крестьянин. «Бачу ж тепер, що правду кажуть ті люде, що стріляють в мого батька» произнес неизвѣстный. Видя смущеніе крестьянина, он объяснил ему, что есть люди, желающіе добра народу; они-то и стрѣляют в царя, разсчитывая этим путем заставить его отдать всѣ земли мужикам; в слѣдствіе этого, члены царской фамиліи поставили себѣ цѣлью узнать правду о положеніи народа, и вот они из опасенія быть убитыми разъѣзжают переодѣвшись. В заключеніи он объявил, что он наслѣдник,—что он убѣдился в необходимости помочь мужикам; с этою цѣлью он написал на бумажкѣ нѣсколько слов, в которых заключалось приказаніе передѣлять землю. Эту бумажку «наслѣдник» велѣл снести в волость для приведенія в исполненіе, при чем велѣл крестьянину держать до поры в тайнѣ мѣсто, гдѣ они встрѣтились. Затѣм он слѣз с воза и исчез в ближайшем лѣсу. Крестьянин тотчас-же кинулся в волость и вбѣжал со словами: «наслідника бачив, ось що віи міні дав». Никакія возраженія не могли его заставить отказаться от своих слов: он энергически увѣрял, что «еже богу, бачив наслідника,—що він такій, як его малюють,—що чув, як за лісом наслідник поіхав так, що аж загуркотило». Упорно утверждая одно и тоже, он успѣл взбудоражить все село. Исправник мог успокоить волненіе только предложивши подождать общаго передѣла земель, который должен быть вскорѣ, так как передѣл в одном селѣ являлся бы несправедливостью по отношенію к другим.

Из Смоленской губ.

Года три тому назад, живя в деревнѣ, мнѣ пришлось случайно натолкнуться на одну крестьянку, уже не молодую—лѣт 35-ти, которая поразила меня своим отношеніем к царю и его крестьянской реформѣ. В началѣ нашего знакомства она была вообще сдержана, потом же стала относиться ко мнѣ довѣрчивѣе, и однажды, когда я сообщил ей, что недавно стрѣляли в нѣмецкаго царя, она совершенно хладнокровно заявила, что хорошо было бы, если бы и в нашего кто нибудь выстрѣлил. Я стал разспрашивать, почему[13]она так не любит царя. Она заговорила о тяже-

лом мужичьем житьѣ, о плохих надѣлах, об огромных податях и пришла к заключенію, что в этом виноват царь. Желая узнать, на сколько самостоятельно она пришла к подобному выводу, я стал разспрашивать ее, не говорил ли ей об этом кто-нибудь раньше (надо замѣтить, что раньше она служила у «господ» в Москвѣ). На мой вопрос она разсказала о том, как однажды, в день 19-го февраля, барин говорил ей, что это великій день— день освобожденія крестьян, что нужно за царя богу молиться и т. д., но она не вытерпѣла и стала рѣзко говорить о царѣ, даже ругать его, выставляя на вид то, что «какое-ж это освобожденіе, когда он земли дал мало, а платежей много и т. д.» Так что барин даже испугался и совѣтовал ей быть осторожнѣе и подобных вещей не говорить при других, а иначе ей может достаться. К барину, по ея словам, приходили иногда студенты, а она по временам слышала нѣкоторыя отрывочныя фразы из их разговора; она видала, как однажды барин жог какія-то книги,— наконец, она узнала потом, что эти студенты были сосланы; но они с ней никогда не разговаривали ни о царѣ, ни о землѣ—

Когда она вернулась в Смоленскую губ., то у нея вначалѣ была мысль выждать случая, когда царь будет проѣзжать мимо, явиться к нему и разсказать про мужичью нужду и про то, чтобы он дал больше земли. Но потом она стала все больше и больше склоняться к тому, что из этого ничего не выйдет. По ея словам, всѣ мужики ждут—не дождутся передѣла земли и думают, что он будет по окончаніи войны. На мой вопрос, как—думают— будет передѣлена земля, она сказала, что разно толкуют: одни думают, что вся земля будет подѣлена поровну между всѣми (в том числѣ будут и паны); другіе думают, что панам останутся только усадьбы, земли же не будет, так как они должны служить,—третьи, наконец, опредѣляют на душу по 8 десятин, при чем тѣм, кто был на войнѣ, будет дано преимущество: они могут выбрать себѣ лучшіе участки.

— Ну, а если и послѣ войны царь земли не даст, что тогда будут дѣлать?—спросил я. «Нѣт, говорит, даст, непремѣнно даст землю; потерпим еще маленько,—а если не даст, тогда уж остается бунтовать.» По ея же мнѣнію не слѣдует этого дожидаться, так как толку не будет, а нужно теперь же бунтовать.

Я поинтересовался узнать, как же она думает бунтовать. «А вот как: податей не платить, рекрутов не давать—вот тогда и даст землю. Я и на сходѣ говорила об этом нашим мужикам, так не слушают: и так, говорят, будет земля наша». Немного прошло времени послѣ нашего разговора и мнѣ случилось быть свидѣтелем слѣдующей сцены: На дворѣ стояла кучка мужиков и баб и окружала какого-то прохожаго; он оказался солдатом, шедшим в отпуск с войны. Со всѣх сторон на него сыпались вопросы, скоро ли будут дѣлить землю? «Скоро,—отвѣчал он—сам царь говорил нам перед сраженіем, что даст землю... Да вот и теперь уже в иных мѣстах дѣлят», добавил он и указал на Орловскую губ., гдѣ по его словам уже землемѣры наѣхали, и это он сам видал, так как проходил по Орловской губ.

Дѣйствительно, в это время в Орловской губ. шло размежеваніе земель.

Из С....ой губерніи.

Извѣстіе о катастрофѣ 1-го марта пришло к нам на другой день. Понятно что сейчас же всѣ лица «власть имущія» собрались в мѣстный собор на панихиду.

В оградѣ и на площади толпились горожане—больше все мѣщане и слободскіе мужики. Лица у всѣх были угрюмо-задумчивы, кое-гдѣ шли разговоры о случившемся. «Все это господишки надѣлали!» восклицал человѣк в поношенной лисьей шубѣ, очевидно мелкій торговец. «Вѣстимо, больше некому рѣшиться на такое дѣло,» поддакивали скучившіеся нагольные полушубки. «Тут, братцы, я так полагаю, все дѣло в Скобелевѣ,»—произнес из толпы пожилой мужик, по костюму из зажиточных:—он, вишь, завоевал царю большую землю; как пріѣхал он, значит, в Питер, царь-то его и спрашивает: «чѣм мнѣ тебя, Скобелев, жаловать за твою службу вѣрную?» А Скобелев и говорит: «всѣм я от тебя, государь-батюшка, награжден и ничего мнѣ не надо, а уважь только мою великую просьбу—прикажи по всему царству сдѣлать побожески передѣлку земли, чтобы крестьянам твоим не было обидно.» Царь то с ним в этом согласился; вот видно за это окаянные его и убили.» Всѣ слушали разсказчика с полным довѣ-

ріем, на лицах окружающих было замѣтно глубокое и серьезное размышленіе.

Нѣсколько поодаль мое вниманіе привлекла своим оживленіем толпа нищих; это были не нищіе по профессіи, а голодающіе из сосѣдняго уѣзда, отправившіеся нынѣшнюю зиму буквально цѣлыми деревнями в «кусочки». Они разсказывали подошедшим к ним обывателям, что в их городѣ была получена телеграмма от покойнаго царя к крестьянам, гдѣ он прямо спрашивает их получили ли они деньги и хлѣб, которые он послал им 6 мѣсяцев тому назад. Всѣ эти голодные люди были твердо убѣждены, что посланное царем осталось в руках дворян; а чтобы царь не узнал про их мошенничество, они его и убили. Новаго царя они надѣятся обойти...! «Да и вряд ли будет он таким старательным для крестьян, каким был покойный царь», прибавил нищій растроганным голосом.

Всѣ бывшіе покушенія обыкновенно об'ясняются [14] крестьянами желаніем господ отдѣлаться от такого царя, которому все хотѣлось раздѣлить землю п о б о ж е с к и. От многих знакомых крестьян мнѣ приходилось слышать, что новый царь поставлен господами, и будет непремѣнно держать их руку.

Через нѣсколько дней послѣ 1-го марта один крестьянин увѣрял меня, что он доподлинно знает, будто вышло новое положеніе присягать всякому новому царю только на 3 года и никак не больше.—«это уж я вѣрно знаю, прибавил он, увидя, что я сомнѣваюсь, потому всѣ так у нас в деревнѣ говорят; вот и этому царю крестьяне присягали только на 3 года».

В другой деревнѣ мнѣ пришлось бесѣдовать с одною грамотною и очень неглупой женщиной из дворовых, которая увѣряла меня, что господа сами выдумали каких-то нигилистов, желая прикрыть ими свои собственныя злодѣйства. Женщина эта много жившая по разным помѣщичьим семействам, относится с глубоким презрѣніем и даже ненавистью к ним ко всѣм. Такія же чувства замѣчаются и вообще в крестьянствѣ наших мѣст. Помѣщики и чиновники причина всѣх бѣд крестьянских. Твердо вѣрит народ, что помѣщики пользуются землей совсѣм не по закону и что она должна непремѣнно перейти к крестьянам по царскому указу. Ожиданіе этого указа прошлым лѣтом было так сильно, что в сосѣднем уѣзде его ждали к троицѣ и потому долго

не снимали у помѣщиков паровую землю. За послѣдніе годы ненависть к барам в нѣкоторых мѣстностях нашей губерніи в силу многих экономических данных начинает переходить из пассивной в активную. Поджоги помѣщичьих усадьб, а главное гумен, дѣло самое обыкновенное и, надобно отдать справедливость, поджоги эти совершаются с таким искусством, что почти никогда не могут разыскать виновных, хотя в этом дѣлѣ участвует почти всегда вся деревня. Купцов-помѣщиков крестьяне хотя и жгут также не меньше господ, но все таки относятся к ним с большим уваженіем за их умѣнье вести дѣла и за сравнительно простое обращеніе.

В послѣднее время кромѣ поджогов у крестьян сильно практикуется организованное воровство хлѣба с полей помѣщиков и лѣса, что не считается грѣхом (особенно послѣднее). «Хлеб, говорят крестьяне, взрощен нашим трудом и божьей помощью, а лѣс и подавно божій; придет скоро время и так все будет наше...»

Относительно того, в каком видѣ ждут так упорно крестьяне передѣла земли, я не могу сказать ничего опредѣленнаго; да думаю, что и сами крестьяне не представляют себѣ этого достаточно ясно, хотя и можно отчасти уловить основную идею передѣла из нѣкоторых частных фактов.

Один старик, напримѣр, об'яснил мнѣ, что хотя господа и много сдѣлали зла народу православному, а все таки их грѣшно обижать и земли им дать тоже надобно, сколько понадобится для прокорму их с семейством.

В другой раз мнѣ пришлось разговаривать с одним крестьянином о бывшей землѣ одного помѣщика, проданной за долги, при чем он, хваля усадьбу этого имѣнья, сказал, что при передѣлѣ земли сын его н а в ѣ р н о получит эту усадьбу и еще десятин с 10 пахатной земли (всей земли было 400 д.), чтобы мог себя прокормить.

Вот тѣ отрывочныя впечатлѣнія и наблюденія, которыми я могу в настоящее время подѣлиться с вами. Слѣдующую корреспонденцію постараюсь сдѣлать болѣе обстоятельнѣй и многостороннѣй.

НѢСКОЛЬКО СЛОВ О СОЦІАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНІИ ВО ФРАНЦІИ.

Главный интерес во Франціи в настоящую минуту представляют собою муниципальные и парламентскіе выборы, в которых французскіе соціалисты в первый раз приняли участіе как отдѣльная, самост. и полит. партія.

Задолго до окончательнаго рѣшенія на гаврском конгрессѣ вопроса об отношеніи соціалистов к рабочим кандидатурам шли усиленные, принципіальные споры по этому вопросу. Для характеристики мнѣній, высказанных по этому поводу двумя соціалистическими фракціями, мы приведем выдержки из письма ліонской группы анархистов, помѣщеннаго в «Эмансипаціи», и из отвѣта на это письмо Малона, бывшаго члена коммуны.

«У нас нѣт разнорѣчія с вами, пишут анархисты, в цѣли, к которой мы всѣ стремимся, но мы не согласны с вами в средствах для ея достиженія. Вы считаете своим долгом вступать в избирательную борьбу, мы оспариваем полезность участія рабочих в этой борьбѣ:

во 1-х потому, что делегатура есть отрицаніе прав народа, который, вручая их выборным, дѣлает из людей, равных ему наканунѣ выборов, свои повелителей.

»2-х Всеобщая подача голосов будет служить только санкціей господству буржуазіи, пока рабочій будет зависѣть от патрона и может быть выгнан с фабрики, как оно и дѣлается сплошь и рядом, за свободное выраженіе своей воли при выборах.

»3-х Рабочія кандидатуры непримѣнимы, ибо, существуя заработной платой, рабочій не может скопить достаточно денег на издержки по выборам и не может занимать муниципальных должностей, не оплачиваемых жалованьем.

»4-х Рабочія кандидатуры вредны, потому что привлекают в революціонную партію лживых говорунов [15] из буржуазіи, которые громкими фразами заставят рабочих избрать себя, а потом перебегут в шайку Гамбетты. Они вредны и потому еще, что, извлекая из рабочаго класса самых энергичных людей, посылают их в палату—в испорченную среду буржуазіи, гдѣ эти избранники народа очень скоро замѣчают, что получать

посуточно 25 фр. гораздо пріятнѣе, чѣм зарабатывать 3—4, и переходят на сторону буржуазіи, чтобы упрочить свое положеніе. Кромѣ того рабочія кандидатуры раздѣляют рабочій пролетаріат на столько лагерей, сколько найдется честолюбцев, желающих чрез них возвыситься, и отвлекут умы рабочих от соціальных вопросов, от организаціи и революціи, чтобы занимать их лмчностями кандидатов.

»5-х Заниматься выборами безполезно, потому что если бы даже соціалисты составили большинство в муниципалитетах и парламентѣ, революція осталась бы такою же неизбѣжной, как и теперь, ибо и тогда буржуазія, опираясь на свою экономическую силу, ничего не уступила бы добровольно.»

Малон, отвѣчая пункт за пунктом на эти возраженія, говорит:

«1) Теперь выборные дѣйствительно не сообразуюся с волею избирателей, но с'организованный пролетаріат может заставить уважать свою волю, особенно овладѣвши, посредством выборов, муниципалитетами.

«2) Мы знаем, что политическое равенство не может предшествовать экономическому, но мы убѣждены, что борьба на политической почвѣ также, как и на экономической посредством стачек, ведет к организаціи пролетаріев, а организація есть главная задача соціалистов. Для выполненія этой задачи недостаточно призывать рабочих к осуществленію соціалистическаго идеала, а нужно вмѣшаться в его ряды и участвовать во всѣх его дѣлах. Если бы можно было достигнуть всеобщаго воздержанія рабочих при выборах, мы и тогда сомнѣвались бы, полезно ли это, но дѣло в том, что обстенціонизм в широких размѣрах немыслим. Уже 30 лѣт он проповѣдуется, но не практикуется; рабочіе крѣпко держатся за свое право вотировать, и, за неимѣніем друзей между кандидатами, вотируют за врагов. Несомнѣнно, что патроны за непріятные им ноты будут изгонять рабочих с фабрик, но без жертв невозможно никакое сопротивленіе угнетателям.»

«3) Рабочим избранным в муниципалитеты можно, по примѣру нѣмецких соціалистов, выдавать из кассы организаціи.»

«4) Именно теперь говоруны-буржуа избираются рабочими и раз избранные смѣются над волею избирателей. Когда же

пролетаріат будет с'организован в самостоятельную партію, он будет в силах наложить отвѣтственность на своих избранных и сдѣлать безсильными измѣнников».

«5) Мы знаем, что господствующіе классы ничего не уступят добровольно, но потому то мы и должны вмѣсто того, чтоб толковать о необходимости употребить силу, работать над ея созданіем, т. е. организовать пролетаріев.»

Попытка оппортюнистов обратить гаврскій конгресс в орудіе против соціализма потерпѣла полную неудачу: делегаты-соціалисты еще до перваго засѣданія выдѣлились и образовали, так называемый, «независимый» конгресс, который и был признан дѣйствительным рабочим конгрессом всѣми, за исключеніем тѣх, коих злонамѣренная попытка увѣнчалась полнѣйшей неудачей. На этом конгрессѣ по вопросу о рабочих кандидатурах состоялось слѣдующее постановленіе: «сдѣлать послѣдній опыт на муниципальных и парламентских выборах 81 года и только в случаѣ неудачи перейти к чисто революціонному образу дѣйствій. За основаніе при выборах конгресс принимает программу минимум, выработанную на парижском регіональном коргрессѣ, происходившем в іюлѣ прошлаго года. Эта программа в своих экономических требованіях не идет далѣе палліатива в политической же части повторяют обыкновенныя требованія всѣх передовых политических партій. Выставляя эту программу, конгресс тѣм не менѣе приглашает избирателей, имѣющих болѣе крайнія программы, оставаться при них, дѣйствуя солидарно с остальными рабочими.

Не смотря на эти уступки и самую усиленную агитацію пред выборами в результатѣ получилось полное пораженіе. В 15 округах Парижа являлись представители рабочаго соціализма и всюду получили ничтожное меньшинство. В нѣкоторых округах за соціалистов оказались 20, 10 и даже 5 голосов. Не выбран был ни один.

Перед самыми выборами анархистами был пущен манифест, заключающій в себѣ программу их дѣятельности. Они призывают народ к всеобщей стачкѣ, которая сложится из совокупности стачек рабочих, плательщиков налогов, рекрутов и пр. и пр. Они убѣждают массу не тратить сил на погоню за болѣе или менѣе искренними кандидатами.

Конечно не этот манифест был причиною неудачи рабочих кандидатур; едва ли даже он повліял хоть сколько-нибудь на громадное число воздержаній от выборов (в Парижѣ цѣлая треть избирателей не вотировала),—для такого вліянія анархическая партія слишком слаба и немногочисленна. Сами анархисты объясняют этот обстенціонизм рабочих инстинктивным сознаніем всей безплодности их участія в выборах.

СЛУХИ И ТОЛКИ.

«Скажи пожалуйста, ты чиновник или хорошій человѣк,—стоишь за нас?»—спрашивает крестьянин **[16]** (Московской губ.) одного барина, разъѣзжающаго по деревням и записывающаго разныя «данныя» о мужичьем производствѣ. Барин спѣшил успокоить мужика и говорит ему, что он не чиновник. «Так я тебѣ скажу, милый человѣк—говорит мужик таинственно—у нас тут что-то затѣвается... затѣвается нѣчто в родѣ польскаго мятежа...»

— Как так? зачѣм?

— А вот видишь, за недоимку у нас все имущество описывают и хотят продавать; так мы сговариваемся не давать... Да не знаешь, как это бунтовать... Скажь, ежели знаешь, как это мятежники польскіе бунтовали?».

Хохол, денщик (из новобранцев) одного офицера, послѣ одного из покушеній стал допытываться у знакомой ему барыни: «за що их повісили? Я думаю,—дуже думаю: у священному писанію сказано: и един волос не упадет с головы без моей воли,—значит, и той, що стріляв, то тоже робив волю божую; бог хотив того, та й знайшов таку людину, що не побоялось нічого; за віщо-ж его вішати, коли він робив волю божую?»—допытывался он и просил потом не передавать об этом барину, «бо лаятиме».

Заходит один господин, проѣзжій, в хату к козаку. Послѣ разных разговоров, он начинает разспрашивать старшаго козака, не помнит ли он что нибудь про Запорожье; тот стал вспоминать про «оселедци» (чубы), которые носили запорожцы, припоминал

пѣсни старыя и т. д. Старуха, лежавшая на печи, внимательно слушала разспросы проѣзжаго и наконец сама вмѣшалась в разговор; стала припоминать запорожскія пѣсни и потом замѣтила: «а чути, мов знов буде Запорожжье.»

«За чѣм же оно будет?» спрашивает проѣзжій.

— «Та кажуть, що-б землю от панів отберать!»

«Да что и говорить: горе, одно горе... Тут жена померла, дѣтки то голодныя пищат, а кормить нечѣм; а тут на тебѣ: и сам захворал... Уж так плохо, так плохо,—хоть помирай...»—разсуждал рабочій—(немного под-хмѣльком). «Да ты бы—чѣм жалобиться — помощи-то попросил-бы: начальства всякого много...—пожалѣют они бѣднаго... и царь тоже не отказывает—помогает, сказывают... ты-бы к нему: коли так плохо—не откажет, разжалобится—говорит ему сидящій рядом с ним купчик. «Э-эх! кака-там от начальства помощь; не жалѣют они нашего брата—гоняют... Золото они любят... и царь сам не без корысти: золото он любит пуще всего на свѣтѣ и окружил-то он себя золотом... Да что сказать-то сказывать: извѣстное дѣло, что царю перво на перво золото подай... Сам он зо|лото...» Купчик напустился на рабочаго, стал пугать его гнѣвом начальства, наказаніем за такія рѣчи. Рабочій не унимался, продолжая развивать свои соображенія на счет царя и начальства и прибавил, что сам он любит царицу и дѣтей царских, «да и сам-то царь ничего себѣ... только уж больно он (т. е. царь) это самое золото уважает».

Рабочій указывает на дороговизну хлѣба и вообще жизни и на низкую при этом заработную плату. Старый отставной солдат, николаевской службы, поддерживает его: «слыханное ли дѣло, чтоб куль стоил 22 р., как теперь; 15—16 куда ни шло, а то 22! Вывозят хлѣб за границу, а у нас на Руси недостаток! А все это дѣло богачей, купцов да вот тѣх готпод, что в управах да думах засѣдают. Не может быть,—продолжает он, чтоб у нас не было хлѣба... велика Русь матушка: в одном мѣстѣ неурожай, за то в другом изобиліе. Вот в нынѣшнем году в Петербургской губ. такая рожь уродилась, что не запомнят... Все это князья

да графы, да богачи устроили, они вот говорят: ну, будет же у вас голод...

А все отчего?—оттого, что царь не вникает... Вот при Николаѣ такое же было, да Николай велѣл продавать хлѣб из запасных магазинов, и купцы должны были спустить цѣну». На замѣчаніе собесѣдника, что и теперь есть запасной хлѣб, старик продолжал: «знаю, что есть, да он не вникает! Будь я царем, сказал бы: хочу добра моему народу! и велѣл бы продавать из запасных магазинов по дешевой цѣнѣ. Вот теперь его на каждом шагу господа ловят, бѣгают за ним, стрѣляют. Он и боится... Да теперь уже поздно: крестьян не воротят... Было и при Николаѣ: подожгли дворец—да он махнул рукою—пусть его, хоть мѣсяц, горит!...»

Отчет о суммах, поступивших в редакцію «Ч. П.»

От С. П. А.—40 р.; от А. В.—4 р.; от М. М. на типогр. «Ч. П.»—1700 р.; от М. Б. Р.—25 р. 20 к.; от Е. Р.—100 р.; от Z. К. W.—на дѣло пропаг. в дер.—3650 р.; от Ш. У.—150 р.; от должника—50 р.; от кружка гимназистов—40 р.; от NN. на пропаганду среди гор. рабочих—1700 р.; от Гр.—400 р.; от М. К. сочувствующих—200 р.; от сочувствующаго—200 р.; от С.—90 р.; от В.—80 р.; от К.—40 р.; от Я. И.—300 р.; от тропиков Рака и Козерога—158 р.; от Г. И.—30, 15, 10 р.; от измайловцев—40 р.; от них же для передачи С.—30 р.; от степняков—175 р.

Опечатка. Во 2-м № «Ч. П.» вмѣсто от кружка X для возстановленія типографіи «Черн. Перед.»—115 р., слѣдует читать—«от Неизвѣстнаго для возстановленія типографіи «Ч. П.»—115 р.»

Изданіе 3-го № опоздало по независящим от редакціи причинам.

Ред.

Типография Общ. «ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ», 21-го мая 1881 г.
С.-Петербург.

Сентябрь 1881 г. Цѣна 25 коп.

№ 4.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛ

ОРГАНЪ СОЦІАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ.

С.-Петербургъ, 5 Сентября.

В эпохи непосредственно до-революціонныя, когда народ крайне возбужден, воспріимчив, когда дѣятельность революціонеров становится наиболѣе интенсивной, напряженной, в высшей степени важно, чтобы она велась по одному общему плану. В такіе моменты партія в весьма незначительный промежуток времени может создать то, что ей при иных условіях, не сдѣлать и в нѣсколько лѣт.

Цѣлый ряд теоретических соображеній, высказанных нами в прошлый раз, событія послѣдняго времени на югѣ вполнѣ убѣждают нас в той мысли, что Россія в настоящее время находится именно в таком положеніи. Пока еще есть время, пока мы еще не охвачены громадным, разрушительным потоком народнаго стихійнаго бунта, революціонеры должны позаботиться о том, чтобы народная кровь, имѣющая пролиться в борьбѣ, пролилась бы не даром. Поэтому, об'единеніе, сплоченіе под одним знаменем возможно большаго количества революціонных сил, сосредоточеніе главнаго контингента их на самой насущной, цѣлесообразной и плодотворной практической работѣ является для партіи дѣлом первостепенной важности. Так как одним из необходимѣйших условій сплоченія революціонных сил является единство в теоретической и практической постановкѣ революціоннаго дѣла в Россіи, то мы, с своей стороны, считаем необходимым по возможности доказательнѣе, опредѣленнѣе и яснѣе выставить тѣ условія, которыя, по нашему искреннему убѣжденію,

необходимы для полной и окончательной ликвидаціи современнаго государственнаго порядка, и тот наивыгоднѣйшій наискорѣйшій путь, который ведет к созданію этих необходимых условій.

Тѣсная и неразрывная связь между государством и обществом не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію. Государство, будучи само по себѣ понятіем отвлеченным, абстракціей, для своего реальнаго существованія должно пріобрѣсти тѣло и дух, воплотиться, через общество, в конкретных личностях. Но общество, в широком смыслѣ этого слова, до сих пор еще не представляет собою совокупности людей, связанных единством интересов,—напротив, основные интересы различных общественных групп прямо противоположны между собой. Эта рознь интересов имѣет своим слѣдствіем борьбу различных общественных групп, при чем побѣдительницей остается та из них, которая обладает в данный момент наибольшей фактической силой. В конкретных-то личностях этой побѣдоносной группы, устанавливающих извѣстныя, обязательныя для всего общества нормы, узаконяющія ея господство, и воплощается само государство. Поэтому, раз идет рѣчь о насильственном измѣненіи государственнаго порядка, то наличіе стихійной, разрушающей силы и силы сознательной, которая, дав извѣстное направленіе стихійному движенію, устранив старый порядок, захватила бы в свои руки весь государственный организм страны и установила бы новыя обязательныя нормы,—безусловно необходимо. Обратимся теперь в частности к соціалистическому перевороту и посмотрим при наличіи каких условій и каким именно образом возможно его осуществить.

Ни военный переворот, ни дворцовая революція не в состояніи осуществить идеи трудоваго соціализма. Только путем побѣдоносной народной революціи и может совершиться дѣло народнаго освобожденія! Само собою разумѣется, что народная революція может явиться лишь результатом цѣлаго ряда исторических, экономических и политических условій, внѣ их она немыслима, «сдѣлать» ревлюціи нельзя. Но революціонная партія, существованіе которой также обусловливается извѣстными жизненными отношеніями, которая также является продуктом всей предшествовавшей исторіи, как один из жизненных факторов, сама по себѣ способна так или иначе вліять на ход

и направленіе общественной жизни. Поэтому, революціонная партія на ряду с другими факторами, толкающими народ на революціонный путь, возбуждая, революціонизируя народныя массы, может своими собственными усиліями нѣсколько приблизить момент народной революціи. Но, как мы уже раньше сказали, для переворота вообще [2] одной стихійной силы еще недостаточно, необходимо организованное, сознательное меньшинство. Из каких же элементов должно состоять оно, когда идет дѣло об освобожденіи народа? Интеллигенція, имущественные классы вообще, никогда не будут в состояніи выдѣлить из себя такого количества сознательных соціалистов-революціонеров, которое безусловно необходимо для фактическаго осуществленія соціальной революціи. Основные интересы народа и всѣх прочих общественных групп в корнѣ расходятся между собой; громадное, подавляющее большинство из них не за народ, а против него. Надѣяться составить многочисленную соціально-революціонную партію из интеллигенціи невозможно,—это иллюзія, это значит задаваться задачей перевоспитанія цѣлых поколѣній. Взять эту задачу на себя партія никоим образом не должна, она должна обратиться к своему непосредственному, жизненному источнику,—народу. Только сам народ и может освободить себя, т. е., только он может поставить в ряды революціонной партіи тѣ, весьма значительныя, сознательныя и боевыя силы, которыя необходимы для успѣшнаго исхода дѣла народнаго освобожденія.

И так, наличіе многочисленной соціально-революціонной партіи и обширное стихійное народное движеніе являются одинаково необходимыми условіями для осуществленія соціальнаго переворота. Помимо этих условій, самый план переворота также имѣет весьма важное значеніе для того или иного исхода народной революціи. Весьма и весьма поучительный примѣр в этом отношеніи представляет нам собою исторія Парижской Коммуны 1871 г.

Самой главной и основной ошибкой руководителей Коммуны, которая фатально и привела их к погибели, заключалась в том, что они надѣялись совершить освобожденіе пролетаріата путем политической революціи. Так как термин «политика» употребляется в весьма различных, часто противоположных друг

другу смыслах, то мы считаем не лишним выяснить, как мы его понимаем и в каком значеніи его будем употреблять. Весьма многіе самым характерным, опредѣляющим признаком «политическаго» пути считают насильственный захват власти в руки организованной партіи. По нашему мнѣнію это невѣрно. Захват власти является общим признаком всякой революціи вообще; как при политической революйіи, так и при соціальной захват власти должен произойти во всяком случаѣ. Коренное различіе их между собой состоит в том, что при соціальной революціи экономическій и политическій переворот совершаются путем революціонным, новый политическій строй создается уже при существованіи новых экономических отнпшеній; при политической же насильственным путем совершается лишь реорганизація политических форм государственной жизни, прежнія экономическія отношенія продолжают существовать по прежнему и имѣют быть измѣненными путем законодательной власти вновь сформировавшагося правительства. Возвратимся к Коммунѣ. Мы уже сказали, что Коммуна, вступив на путь политической революціи, не могла разрубить гордіева узла, которым по рукам и ногам связано все человѣчество в теченіи нѣсколькихъ сот лѣт. Да, и в самом дѣлѣ, развѣ возможно тогда, когда одновременно существуют «слуга» и «хозяин», когда громадныя матеріальныя богатства находятся в руках буржуазіи, что дает ей громадное преимущество при избирательной агитаціи пред народом, которыя фактически не дозволяют проявиться дѣйствительно народной волѣ, развѣ возможно, повторяем, при таких условіях составить Законодательное Собраніе, которое экспропріировало бы экспропріирующих? Нѣт, нѣт и тысячу раз нѣт! Только уравняв вчерашняго господина с его бывшим наемником, сдѣлав их фактически равноправными, т. е., совершив экономическій переворот путем революціонным, народ и может дѣйствительно осуществить революцію пролетаріата. Коммуна поступила не так, и потому пала.

Предрѣшать вопрос о том кому именно будет принадлежать иниціатива революціи, партіи или народу, мы не станем. Мы скажем только, что если партія популярна в народѣ, заняла удобныя и многочисленныя позиціи среди крестьянства и городских рабочих, вполнѣ может разсчитывать на поддержку масс,

одним словом, если надежда на успѣх революціи весьма значительна, то партіи нѣт надобности ждать народнаго движенія, она должна пойти на встрѣчу ему, она смѣло должна поднять знамя соціальной революціи!

Таковы наши принципіальныя положенія. Опредѣлим теперь задачи подготовительной работы партіи.

В прошлом номерѣ мы указали на всю необходимость организаціонной работы среди народных масс, как в городѣ, так и в деревнѣ, выяснили крайнюю настоятельность созданія дѣйствительно народной партіи. Но организаціонная и, тѣсно связанная с ней, пропагаторская и агитаціонная дѣятельность могут вестись успѣшно лишь в том случаѣ, когда партія ведет упорную, непрерывную и систематическую активную борьбу за дѣло народнаго освобожденія. Боевая дѣятельность партіи,— это необходимое условіе ея жизненности; внѣ борьбы партія обречена на безжизненность и безсиліе! Только путем борьбы партія и может пріобрѣсти симпатіи народных масс, революціонизировать их, наконец, привлечь значителное количество новых сил, в которыв так нуждается партія в настоящее время! Партія должна подать народу иниціативу борьбы! Но для того, чтобы борьба принесла такіе результаты, необходимо, чтобы она велась на почвѣ сознанных народом интересов. Только тогда народ будет симпатизировать нам, только тогда он выдвинет лучших людей своих в ряды революціонной партіи, когда ему будут вполнѣ понятны мотивы этой борьбы, когда он в революціонерах будет видѣть лю[3]дей, крѣпко отстаивающих его интересы. Таким образом, форма борьбы необходимо должна быть приспособлена к тому, чтобы народ вполнѣ мог бы понять ея непосредственныя цѣли и, таким образом, мог бы узнать, что люди, ведущіе эту борьбу—его искренніе друзья.

Тѣ или иныя условія государственной жизни страны также в значительной степени опредѣляют собой характер борьбы. В россійском государствѣ при положительном отсутствіи каких либо легальных форм борьбы, эта послѣдняя почти цѣликом должна вестись на нелегальной почвѣ. Кромѣ того, она зависит и от наличных сил партіи. Партія, выбрав, быть может, и наиболѣе цѣлесообразную форму борьбы, но несоотвѣтствующую ея силам, много превышающую их, рискует через это ослабѣть

и тѣм может нѣсколько затормозить успѣшный ход революціоннаго дѣла.

Наиболѣе цѣлесообразной, наиболѣе соотвѣтствующей наличным силам партіи, формой борьбы, которая при этом открывает широкій простор для проявленія личной иниціативы, является, по нашему мнѣнію, организованный, систематическій фабричный и аграрный террор. Слово «система» не слѣдует понимать в данном случае таким образом, что каждый фабрикант, мастер, становой и помѣщик должны безусловно подлежать уничтоженію. Народ в своем цѣлом в высшей степени нравствен. Для того, чтобы он не отнесся с презрѣніем к людям совершившим факт убійства, а, напротив, симпатизировал им, видѣл в них своих друзей,—необходимо, чтобы убійство имѣло за собой весьма основательныя причины. Опредѣлить болѣе или менѣе точно какова должна быть эта степень виновности, конечно, нельзя; никоим образом, только не слѣдует довѣряться своему личному, суб'ективному взгляду, так как он иногда может быть пристрастным. Необходимо до совершенія факта прислушаться к непосредственному мнѣнію самого народа, только «народный глас» может явиться, в данном случаѣ, самым лучшим показателем того, нужно ли убійство, или болѣе мягкая форма террора. Имѣя в виду воздѣйствовать путем террора на народ, партія постоянно должна соображаться с тѣм вѣроятным впечатлѣніем, которое произведет на него каждый данный факт, в противном случаѣ могут получиться результаты как раз обратные желаемым. Это необходимо особенно запомнить. Посмотрим теперь, насколько цѣлесообразна рекомендуемая нами форма борьбы.

Успѣшная, организованная, систематическая борьба в формѣ фабричнаго и аграрнаго террора, самым фактом своего существованія доказывая народу, что протест против непомѣрнаго гнета извѣстных общественных отношеній вполнѣ возможен, будет мало по малу пробуждать в народѣ чувство собственнаго достоинства. Революціонизируя народныя массы, фабричный и аграрный террор указывает вмѣстѣ с тѣм каждому протестанту и конкретную, вполнѣ понятную ему, форму борьбы, чрез что и выдвигает лучших людей из народа на путь активной борьбы. Вовлекая народ на борьбу, подымая в нем, таким образом, увѣренность в его собственных силах, мы тѣм самым наносим

смертельный удар и горькому заблужденію народа, мы в корнѣ подрываем, еще существующую в нем, вѣру в царя. Народ надѣется на царя, вообще на какую-то внѣшнюю силу, хотя бы в лицѣ китайскаго императора, потому только, что не вѣрит в самого себя. Понятно, что вмѣстѣ с ростом увѣренности в свои силы ложный кумир будет терять и терять свое прежнее значеніе, пока, наконец, не слетит с пьедестала, на который возвела его народная мысль. Подобные факты, совершаемые от имени соціально-революціонной партіи, доводимые до свѣденія народа путем прокламацій, выясняющих смысл и значеніе подобнаго рода борьбы, способны создать и упрочить среди народа громкую популярность для революціонной партіи. Мы в данном случаѣ укажем на ту популярность и пособничество среди народа, которыми пользуются в Ирландіи многочисленныя аграрныя, боевыя дружины.

Иныя формы боевой дѣятельности на почвѣ сознанных народом интересов, как, напр., стачки, бунты и проч. являются как бы выжидательными, между тѣм как партія необходимо должна возможно больше активно проявлять себя. Стачки, бунты не зависят лишь от желанія партіи, для существованія их необходимы извѣстныя условія, которых весьма легко может и не быть в данное время. Мы, конечно не отрицаем значенія их и, раз, партія может проявить себя подобной борьбой, она обязана это сдѣлать,—мы только указываем, что при существующих условіях государственной и общественной жизни фабричный и аграрный террор должен занимать в ряду других пріемов боевой дѣятельности первенствующее мѣсто. Сама жизнь к тому же толкает народ на такую борьбу; народ самостоятельно, помимо всяких воздѣйствій со стороны революціонеров, сплошь и рядом практикует фабричный и аграрный террор. Дѣло только в том, что, будучи не организованным, он теряет значительную часть своей пользы. Для того, чтобы эта борьба принесла желательные нам результаты, необходимо увеличить ея размѣры, с'организовать и систематизировать ее. В этом то и заключается одна из важнѣйших, практических задач революціонной партіи.

Обратимся теперь к возрѣніям партіи «Народной Воли». Мы будем руководствоваться при этом исключительно послѣдними изданіями (Н. В. №№ 4, 5, программа рабочих членов

партіи «Н. В.»), так как между ними и первыми существует довольно значительное теоретическое разногласіе.

Условія, необходимыя для совершенія соціальнаго переворота у партіи «Народной Воли», сводятся к двум главнѣйшим. Стихійная народная революція одной стороны, — с другой, сильная соціально-революціонная партія, и являются, по мнѣнію партіи, этими необходимыми условіями.

Но, указывая на необходимость созданія организованной, сознательной силы, партія «Народной Воли» полагает, что она должна быть «внѣшней».

«Соціально-революціонная партія должна выполнить «свою историческую миссію, стать той внѣшней силой, «в которой народ так нуждается.» (Н. В., № 5, страница 76-я.)

Что именно подразумѣвает партія под выраженіем «внѣшняя сила»,—она этого не опредѣляет. Хочет ли она этим указать, что немыслимо организовать в боевую партію всей массы народа, или же, что партія по преимуществу должна состоять из интеллигенціи,—неизвѣстно. Хотя, насколько возможно судить по нѣкоторым другим мѣстам «Народной Воли», по мнѣнію партіи, только народ может доставить необходимый ей контингент членов для реализаціи соціальнаго переворота.

«Одна лишь соціально-революціонная партія, прочно «укрѣпившись среди городского и фабричнаго населенія и заняв «удобныя и многочисленныя позиціи в крестьянствѣ может «послужить тѣм ферментом, который необходим для возбужденія «городскаго и деревенского населенія». (Ibid.)

Между тѣм, рѣзкая и опредѣленная постановка вопроса о значеніи народа при осуществленіи соціалистическаго переворота необходима, так как ею то и опредѣляется, главным образом, центр тяжести практической дѣятельности партіи. В самом дѣлѣ, если было бы возможно совершить соціальную революцію при помощи «побѣдоноснаго», стихійного народнаго движенія с участіем сознательнаго меньшинства из интеллигенціи, то к чему же какая-то организація народных сил и проч. Вѣдь среди извѣстной части интеллигенціи дѣятельность партіи будет наиболѣе успѣшной и плодотворной, чѣм среди народа. На ней, в таком случаѣ, и слѣдует партіи сосредоточить свои главныя

силы; дѣйствуя в народѣ, она будет непроизводительно тратить свои силы.

План переворота по убѣжденію партіи «Народнй Воли» таков: захват центральной власти в руки Временнаго Правительства, немедленное осуществленіе при непосредственном участіи народных масс экономическаго переворота и, уже по совершеніи его, организація новой, выборной, народной правительственной власти. Это, так сказать, план для обыкновеннаго времени, когда народ проявит хотя бы искру жизни, примет активное участіе в переворотѣ. В противном случаѣ Временное Правительство декретирует новый экономическій и политическій строй (Н. В. стр. 63, 76).

Таким образом план переворота почти тождествен с предлагаемым нами. Разница только в том, что мы не вѣрим в возможность фактическаго осуществленія соціальнаго переворота исключительно при помощи узурпаторскаго правительства, так как создать путем декретов и предписаній новый строй, в корнѣ расходящійся с прежним, по нашему мнѣнію, нельзя. Понятно, что если бы представился какой нибудь удобный случай для захвата власти с весьма ограниченными силами партіи, помимо сознательнаго участія народных сил, то партія обязана, хотя бы только на бумагѣ, совершить экономическій переворот. Подобный факт имѣет громадное воспитательное значеніе; так или иначе, старый порядок будет потрясен в самом своем основаніи,—а это пройти безслѣдно никоим образом не может,—но и только, так как при этих условіях Временное Правительство просуществовать долго не будет в состояніи, власть снова перейдет в руки имущественных классов, и фактически переворот не осуществится.

В «Программѣ рабочих членов партіи Н. В.» план поставлен еще опредѣленнѣе, в таком именно видѣ, в каком и слѣдует его постоянно пропагандировать, к осуществленію к-о партія необходимо должна стремиться. Понятно, что в самый момент переворота могут существовать такія условія, которыя насильственным образом заставят партію отказаться от выполненія такого плана, но теоретическая постановка его должна быть именно такова, только один он и гарантирует собой прочное осуществленіе соціальной революціи.

«Когда востаніе одержит побѣду по всэй странѣ, когда «земля, фабрики и заводы перейдут в руки народа..., тогда не-«медленно народ посылает своих представителей (в Союзное «Правительство) Учредительное Собраніе» (Прогр. раб.).

Но дѣло в том, что в прокламаціи «Комитета Народной Воли» от 24 августа 1881 года «к русскому рабочему народу» предлагает совершенно иной план переворота, такой же, как и в программѣ Исполнительнаго Комитета: «Мы рѣшили поэтому поднять бунт по всей Россіи и теперешнее правительство низвергнуть, а на мѣсто его *устроить другое из выборных* от крестьян, от рабочих, от всего народа. *И новое правительство должно будет сейчас принять меры, чтобы надѣлить крестьян землей, а фабрики и заводы отдать рабочим артелям*». Этот путь—путь политической революціи, программа рабочих выставляет экономическую революцію;—за чѣм слѣдует остановиться, этого мы опять таки не знаем.

И так оказывается, что теоретическая постановка революціоннаго дѣла у партіи «Народной Воли» нѣсколько неопредѣленна. Очень может быть, конечно, что оно является таковой, потому что партія не успѣла еще достаточно обстоятельно раз'яснить свою программу, привести в связь и единство ея отдѣльныя части, но так или иначе она всетаки существует. Мы сочли необходимым указать на эту неопредѣленность в силу того обстоятельства, что эта послѣдняя, при довольно значительной спутанности соціально-револю[5]ціонных понятій в Россіи вообще, в свою очередь еще болѣе затемняет их.

Переходим теперь к практической дѣятельности партіи «Народной Воли».

«Процесс разложенія существующей политической системы фатально совпадает с процессом экономическаго обнищанія народа, прогрессивно увеличивающимся с каждым годом, и разрушеніе современнаго политическаго строя путем побѣдоноснаго народнаго движенія повлекло бы за собой также разрушеніе того экономическаго порядка, который неразрывно связан с существующим государством.»

«Поэтому мы думаем, что политическая борьба с государством для нашей партіи является не посторонним элементом в нашей соціалистической дѣятельности, а напротив, могущественным

средством приблизить экономическій (или по крайней мѣрѣ аграрный) переворот и сдѣлать его возможно болѣе глубоким, т. е., средством осуществить в жизни часть нашей программы». (Н. В., № 5, стр. 75).

Мы не понимаем доподлинно, желет ли партія указать этим на извѣстное значеніе замѣны деспотическаго управленія конституціонным, или же полагает, что замѣна эта является первым, необходимым шагом по тернистому пути народнаго освобожденія. Мы сами признаем не малое значеніе за устраненіем деспотизма, давящяго своими желѣзными, хищными лапами русскую жизнь во всѣх ея свѣтлых проявленіях; мы прекрасно понимаем, что с измѣненіем существующаго политическаго строя тѣсно связан цѣлый ряд, конечно, не коренных, не принципіальных, но все таки довольно серьезных экономических реформ, тѣм не менѣе, мы глубоко убѣждены, что революціоннгя партія, поставив в настоящее время вопрос о конституціи на первый план, оказалось бы много ниже своего призванія. Глубокій, коренной разлад народнаго міросозерцанія с существующим государственным порядком, революціонное настроеніе народных масс,—все это заставляет партію ставить себѣ практическую задачу несравненно обширнѣе конституціи (хотя бы даже, так называемаго, «самодержавія народа»).

Но, быть может, та форма борьбы против политическаго деспотизма, которая рекомендуется и практиковалась в теченіи послѣдних двух лѣт партіей «Народная Воля», т. е., организованный политическій террор, фатально добивая наше вѣнценосное чудовище, является таким универсальным средством борьбы, что, в свою очередь, способствует увеличенію и росту сил партіи, разрушает в народѣ гибельную для него идею царизма, революціонизирует его, наконец, пробуждает в нем вѣру в его собственныя силы, т. е., как раз ведет к созданію тѣх условій, которыя необходимы для соціальнаго переворота. Партія «Народная Воля» дѣйствительно так и аргументирует цѣлесообразность своего пріема борьбы. Посмотрим дѣйствительно ли это так, хотя нам, к сожалѣнію, по недостатку мѣста придется на этот раз быть краткими.

Так как политическій террор, как система, до настоящаго времени не практиковался еще ни одной революціонной партіей,

то, понятно, что оцѣнка этого пріема борьбы может быть почти исключительно теоретической.

Самым главным из аргументов, приводимых в защиту политическаго террора, является способность его пробуждать в народѣ вѣру в свои силы. По мнѣнію партіи «Народная Воля» факт открытой борьбы с русским государством сам по себѣ способен побудить народ выступить на путь активной борьбы. Мы, с своей стороны, убѣждены в том, что только путем сознательной, активной борьбы самого народа и может пробудиться в нем увѣренность в своих силах. Всякій, болѣе или менѣе работавшій среди народа, как в городѣ, так и в деревнѣ, может засвидѣтельствовать, что протестующих элементов в нем весьма значительное количество, необходимо только подать иниціативу борьбы. Но для того, чтобы факт борьбы послужил народу примѣром, дал-бы толчек сознательному проявленію народнаго недовольства, он необходимо должен быть понятен народу, цѣлесообразен, по его мнѣнію, указывать ему на извѣстную конкретную и легко осуществимую форму ея. Сам же по себѣ факт политическаго террора в громадном большинствѣ случаев не понятен народу, он никоим образом не в состояніи отвлеченно оцѣнить всю важность и значеніе его, наконец, он не указывает народу такой формы борьбы, которую он мог-бы повести самостоятельно. Нѣт сомнѣнія, конечно, что факт цареубійства, подобный 1 марта, создает громадное умственное движеніе, так или иначе возбуждает народ,—расчищает почву для организаціонной, пропагаторской и агитаціонной дѣятельности, он на ряду с другими жизненными явленіями, способствует разрушенію в народѣ идеи царизма (не подрывая вообще вѣры в авторитет), чрез что и подымает мало-по-малу в нем дух протеста, увѣренность в своих силах. Но это путь медленный, только направляя удары в самый «центр», устраняя причину подобнаго явленія, и можно с корнем вырвать из народнаго міросозерцанія слѣпую веру в авторитет всякой вообще внѣшней силы.

Признавая таким образом за политическим террором весьма значительную пользу, мы, тѣм не менѣе, убѣждены, что выставлять его, в особенности как цѣль, на первостепенный план совершенно не слѣдует. Необходиао позаботиться теперь о том, чтобы дать извѣстное направленіе уже народившимся протестую-

щим элементам, подать им инициативу борьбы, связать и об'единить их в крѣпкую и стройную организацію. Только таким путем и можно подойти к скорому разрѣшенію соціальнаго вопроса! На этот путь мы и призываем революціонныя силы!!

[6] 1-ое МАРТА 1881 ГОДА.

Русское правительство рѣзко отличается от государств западно-европейских, как по той роли, которую оно играло в исторической жизни русскаго народа, так и по своей внутренней природѣ. Всѣ государства Западной Европы, при первом своем возникновеніи, уже встрѣчали готовыя, сложившіяся в крѣпкія организаціи, общественныя группы, обладавшія сознаніем особности своих интересов и привычкой единодушными дѣйствіями отстаивать свои права. Буйное феодальное дворянство, не признававшее над собой никакой власти, городскія общины, эти средневѣковые города-государства, наслаждавшіеся полной независимостью за крѣпкими стѣнами своих бургов, многочисленное духовенство, проникнутое сознаніем первенствующаго значенія церкви над всякой свѣтской властью и сильное своими громадными богатствами и духовным вліяніем на массы—вот тѣ могучія общественныя силы, с которыми волей-неволей пришлось серьезно считаться нарождавшейся у западных народов центральной государственной власти. С конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія сюда прибавилась еще одна, не менѣе серьезная, сила—народ, сформировавшійся в четвертое сословіе, которое также потребовало вниманія и уваженія к своим интересам и правам. Западно-европейское государство развивалось в упорной и непрерывной борьбѣ с этими общественными элементами, испытывая могучее и неотразимое воздѣйствіе с их стороны. Центр тяжести всей системы общественнаго и государственнаго устройства у западных народов никогда не сосредоточивался исключительно в бюрократическом сословіи с монархом во главѣ. Поэтому на организаціи западно-европейских государств, на характерѣ задач и цѣлей, которыя онѣ преслѣдовали, всегда отражались итересы и тенденціи того сословія, которое в данный момент овладѣвало кормилом правленія. В на-

стоящее же время правительства их представляют собой ничто иное, как коммиссію уполномоченных от буржуазіи, и вся их организація соотвѣтствует характеру и тенденціям этого класса, как они выработались исторически. Монарх является там лишь главой исполнительной власти, выразителем національнаго единства, представителем государства в международных отношеніях.

Нѣчто иное представляет нам исторія Россіи. Здѣсь мы не замѣчаем между народом и царской властью сколько нибудь силных посредствующих элементов. Только один народ оказывал серьезное сопротивленіе централизаціонным стремленіям московских деспотов. О каких либо других общественных группах нечего и говорить: они почти не существовали. Московское правительство по своему усмотрѣнію создавало, выкраивало и уничтожало различныя сословія на Руси. Само оно с своими многочисленными воеводами и массой приказных всякаго рода было главнѣйшим эксплуататором народа, из среды его служащих людей пополнялся главнѣйшим образом контингент прочих слоев населенія, враждебных трудящейся массѣ. Подавленіе народа, эксплуатація его прав в области экономической и политической, низведеніе его на степень рабочей скотины,—все это совершено у нас не дворянством, буржуазіей или духовенством, а центральной государственной властью или же при ближайшем ея содѣйствіи. Это значеніе не утрачено ею и впослѣдствіи. Русское государство и до настоящаго времени представляет собою іерархическую организацію, с своими самостоятельными интересами и задачами, существующую собственными силами, не имѣя ни малѣйшей нужды в поддержкѣ со стороны какого либо сословія. Централизація и абсолютизм — вот ея руководящіе принципы, жизненныя начала, которыми она проникнута снизу до верху. Неограниченный монарх, недосягаемый для простого смертнаго, этот божій помазанник, земное могущество котораго сравнивается с всемогуществом бога на небѣ, стоит во главѣ всего государственнаго механизма, котораго мельчайшія части и дѣйствія являются эманаціей Его Величества. Это узел, в котором переплетаются всѣ нити и цѣпи русскаго деспотизма. Наше императорское центральное правительство всюду имѣет своих многочисленных агентов. Монаршая лапа чувствуется

во всѣх уголках русской жизни и вездѣ усиленно старается задавить какие бы то ни было зачатки общественной самостоятельности: земское самоуправленіе парализуется посредством губернаторов, крестьянское—посредством непремѣнных членов и становых и т. д., во всѣх наших учрежденіях господствует произвол и усмотрѣніе единичной личности (истаго начальства), которая получила свои полномочія посредственно или непосредственно от самодержавной власти и облечена особым довѣріем монарха. Народ отягощается произвольными налогами и податями, его достояніе расхищается алчными эксплуататорами. Полицейская опека подавляет и уничтожает всякій частный почин. Права личности безнаказанно попираются ногами любого чиновнаго проходимца. Печать скована тяжелыми цѣпями. Шпіонство и подкупы развращают народную нравственность. Тюрьмы вѣчно переполнены политическими преступниками... Отправленіе правосудія монополизировано дирижирующими классами, и является покорнѣйшим слугою на пользу всей чудовищной системы. И все это творится от имени верховной власти, все это получает высочайшую санкцію. Так пусть же обладатель самодержавной власти и несет во всей полнотѣ ответственность за то, что сам творит, и за то, что творится с его разрѣшенія и под его покровом. Кто осмѣлится осуждать распоряженія и дѣйствія правительства, кто откажится протестовать против его произвола и неправды, когда за это грозит зачисленіе в категорію бунтовщиков и оскорбителей его величества, со всѣми юридическими и неюридическими послѣдствіями этих титулов! Абсолютизм не только не терпит ни малѣйших неодобрительных отзывов о себѣ, но вообще не выносит никакого общественнаго мнѣнія, безотносительно к его содержнію. Какое ему дѣло до того, любит-ли его народ или ненавидит. Он знает только самого себя, его воля—единственный для него закон, и он требует, чтобы и другіе признали то же самое.

Едвали можно придумать лучшую систему для того, чтобы убить в народѣ всякое правовое чувство и всякую нравственную силу и таким образом обезпечить существованіе деспотизма. Результат соотвѣтствует приложенным средствам. Повсюду мы видим полнѣйшій индифферентизм к общественным дѣлам, повальное холопство и безправіе, всеобщую спячку. Лишь

изрѣдка слышатся робкіе голоса протеста. Всѣм извѣстны тѣ страшныя гоненія, которыя посыпались на русскую революціонную партію, когда она хотѣла даже вполнѣ мирными средствами вліять на современный порядок в смыслѣ его улучшенія. Но трусость и рабство одних поддерживают и питают произвол и беззаконіе других. Отвѣтственность за настоящее положеніе вещей падает не только на тѣх, которые попирают права народа, но и на тѣх, кто не имѣет мужества охранять их. Кто удаляется с поля битвы, тот измѣнник общему дѣлу: он [7] ослабляет силы защитников того дѣла, за которое сам должен бороться, распространяет уныніе, подрывает вѣру в побѣнодосную силу знамени. Сильное, энергическое, правовое чувство, увѣренность в своих верховных правах и готовность защищать их с оружіем в руках до послѣдней крайности—вот в чем сила народа. Если народ наш обладает этим качеством, тогда нечего опасаться за его будущее, за его свободу и счастье. В содѣйствіе развитію этих качеств заключается, по нашему мнѣнію, главное утилитарное значеніе террористической дѣятельности революціонной партіи, которая взяла в свои руки мечь справедливости и потрясает так, что колеблются гнилыя связи государства и владыки его, повергнутые в ужас и трепет, летят с своих пьедесталов величія и недосягаемости. Всякій террористическій факт, явившійся результатом дѣятельности партіи, есть прежде всего акт защиты попранных прав человѣка и гражданина. Но для жизненности и энергіи правового чувства дѣйствіе это тоже, что обмѣн веществ для организма, тоже, что приток свѣжаго воздуха для пламени: если правовое чувство бездѣйствует, оно ослабляется, становится тупо и вяло, наконец заглохнет совершенно, человѣк начинает относиться равнодушно к обидам и оскорбленіям, которыя наносятся его личности, привыкает терпѣливо сносить произвол и насиліе над своими правами. На сколько благотворно вліяет примѣр подобнаго метода дѣйствій, предоставляем судить читателю.

Раньше мы указали на центральное положеніе, которое занимает личность монарха в системѣ наших государственных и имущественных отношеній. В силу этого положенія он волей-неволей является в глазах всѣх классов народа русскаго лицом, отвѣтственным за всѣ соціальные факты, так или иначе затрогивающіе интересы этих классов. Всѣ прилагают свои старанія

к тому, чтобы снискать себѣ царскую защиту и покровительство, свои стремленія они окутывают покровом царскаго имени, всѣ они предъявляют извѣстныя требованія (хотя бы идеально или в формѣ всеподданнѣйших прошеній) самодержавному монарху и реализацію своих надежд ставят в зависимость от его верховной воли. Послѣднее имѣет особенное значеніе в отношеніи народа или, по крайней мѣрѣ, большей его части. Идея царизма еще довольно крѣпко сидит в головѣ крестьянина. Русскій народ, в тѣсном смыслѣ этого слова, пруірочивает к личности царя свои помыслы и упованія на лучшее будущее, на нем концентрирует он свои надежды и упованія чернаго передѣла, слушнаго часа и настоящей, заправской воли. В сознаніи народа царь является какою то священною личностью божественнаго происхожденія, это какое-то всемогущее существо, окруженное мистическим ореолом, способное служить источником жизни и счастья. Идея царизма сложилась в нашем народѣ под вліяніем цѣлой массы жизненных условій; она есть результат цѣлаго періода нашей исторіи. Ее невозможно поэтому устранить одним словом, одной устной пропагандой. Вѣковой предразсудок может быть разбит только великими событіями. 1 марта настоящаго года не прошло ни для кого безслѣдно, так или иначе оно оставило слѣд в сознаніи каждаго, оно всѣх пробудило от спячки, дало могучій толчек для общественной мысли и чувства. Оно не могло не заставить всѣх постараться отнестись болѣе сознательно к своему положенію, попытаться опредѣлить свои отношенія к государственной власти. Но этим самым нанесен непоправимый удар идеѣ царизма и всей системѣ соціальной и политической, на знамени которой красуется монархизм. Революціонная партія не должна смущаться тѣм, что за низвергнутым Перуном нѣкоторое время бѣгут невежественныя толпы поклонников с тщетными воплями: «выдыбай боже»! Они сами скоро излечатся от фанатической вѣры в божественность своего идола. Настоящій строй жизни до такой степени несостоятелен в цѣлом и во всѣх своих частях, что может держаться лишь при повальной умственной спячкѣ народа. Но раз пробудилась критика мысли невозможно сомнѣваться, что ея результатом бу- смертный приговор всему существующему порядку.

Сколько ни говорилось в нашей литературѣ особенно революціонной, о ничтожном значеніи реформы 19 февраля 1861 г.,

все это справедливо только относительно степени матерьальнаго благосостоянія крестьян. Что же касается до сферы личной свободы человѣка, то, нѣт сомнѣнія, она расширилась. Никто не станет утверждать, что наш народ равнодушен к этой сторонѣ своего существованія. По нашему мнѣнію, он ставит положеніе вещей, созданное 19 февраля, на столько выше крепостнаго порядка, что возвращеніе к старому режиму было бы вѣрнѣйшим средством вызвать всеобщее возстаніе. Далѣе слѣдует принять в разсчет и то обстоятельство, что народ видѣл и до сих пор видит в реформѣ 19 февр. сильнѣйшее искаженіе «барами» истинных намѣреній Александра II. Разсматривая еще вліяніе нѣкоторых других реформ прошлаго царствованія, мы приходим к убѣжденію, что Александр II в отношеніи идеи царизма представлял несравненно большее сопротивленіе, чѣм какое мог оказть всякій его преемник. Эти апріорныя соображенія вполнѣ подтверждаются прямым наблюденіем настоящаго настроеніе крестьян и их отношенія к Александру III. В самом дѣлѣ, послѣдній является для крестьян человѣком совершенно новым, не имѣющим никакого прошлаго, его личная репутація в момент вступленія на престол равнялась нулю, он не имѣл никаких особенных данных на уважеіе и снисходительность народа. Нам приходилось слышать относительно весьма многих мѣстностей в разных концах Россіи, что крестьяне и при столкновеніи с властями и в частных разговорах дѣлали заявленія в том смыслѣ, что не стало уже защитника и благодѣтеля, убили его господа, а нынѣшній царь—господами посажен, их руку держит, на него нечего надѣяться. Таким образом оказывается, что вмѣстѣ с Александром II ушла в могилу и значительная часть силы и прочности идеи царизма.

Факт анти-еврейских безпорядков, возникших вскорѣ послѣ 1 марта и быстро охвативших весь юг, подтверждает вашу мысль о воздѣйствіи на народ послѣдняго акта революціонной борьбы. Дѣло в том, что событіе 1 марта производит такое потрясающее впечатлѣніе, приводит человѣка в такое состояніе, при котором каждое скрытое, таившееся до поры до времени движеніе души рвется наружу, требует реализаціи, уже соотвѣтственно своему собственному характеру, своим собственным цѣлям. Конечно, факт безпорядков был возможен лишь при наличіи извѣст-

ной совокупности условій исторической и современной жизни мѣстнаго населенія. Но несомнѣнно, что 1-му марта принадлежит своя доля участія в порожденіи этих безпорядков.

Можно далѣе указать еще на нѣкоторые другіе факты, анализ которых еще болѣе подтверждает высказанныя только что соображенія. Напримѣр, безпорядки, имѣвшіе мѣсто в Весьегонском уѣздѣ Тверской губерніи, гдѣ становой и урядник подверглись преслѣдованію со стороны народа, обвинявшаго их в цареубійствѣ, многіе случаи отказа от присяги из опасенія попасть в новую [8] крѣпость и так д. Другіе виды революціонной дѣятельности, как-то пропагаторская и организаціонная, получают свое настоящее значеніе и ведутся с наибольшим успѣхом в моменты, непосредственно слѣдующіе за крупными террористическими фактами. Партія должна усилснно пользоваться тѣм исключительным агитаціонным состояніем, которое возникает в каждой общественной сред за такими дѣйствіями партіи. Гораздо труднѣе и медленнѣе совершается работа партіи в моменты полнаго политическаго штиля, когда ей приходится преодолѣвать большое сопротивленіе со стороны абсолютнаго индеферентизма. Самый террористическій факт утрачивает значительную часть своей силы и цѣнности, если не приложены усилія к тому, чтобы освѣтить его надлежащей идеей и утилизировать его для популяризаціи знамени партіи. Цѣлостная и систематическая работа партіи является лишь в том случаѣ, когда всѣ три рода дѣятельности практикуются параллельно и взаимно дополняют друг друга. Наилучшая экономизація силы состоит, по нашему мнѣнію, в раціональном распредѣленіи сил партіи между тремя видами революціонной дѣятельности: пропагаторской, организаціонной и чисто боевой.

Кромѣ того, террор, изобличая всю несостоятельность нашего допотопнаго, азіатскаго государства, тѣм самым ускоряет паденіе у нас неограниченнаго монархизма, приближает момент установленія болѣе совершенных форм политической жизни, нѣкоторую полезнотть которых вряд ли возможно отрицать.

Политика всякаго правительства, а особенно нашего, оказывает всегда вліяніе на матеріальное благосостояніе народа. Внесеніе правового элемента в систему наших государственных

отношеній, ослабленіе полицейской опеки и административнаго произвола, большая упорядоченность и справедливость податной системы, расширеніе гласности, свободы печати, независимости судей—все это, сопряженное с конституціонным порядком, несомнѣнно затруднит наглое «хищеніе», которое совершается у нас безпрепятственно во мракѣ абсолютизма, в душной атмосферѣ его произвола. Исторія Англіи и Франціи дает нам слишком ясныя и неопровержимыя доказательства того, что политическая свобода является атмосферой, благопріятной для развитія буржуазіи лишь с того момента, когда эта послѣдняя уже достаточно развилась и окрѣпла. Так назыв. первоначальное накопленіе в сущности состояло в непосредственном грабежѣ общинных земель, народнаго имущества и труда в формѣ произвольных поборов, налогов, взяток и проч. и проч. Ничто не может болѣе благопріятствоваь нарожденію и развитію всякаго кулачества и хищничества, как политика, практикуемая нашими монархами.

Но вліяіе конституціоннаго режима не ограничивается областью экономических отношеній. При представительном правленіи, как бы исключительно оно ни было, когда общественное мнѣніе получит возможность фактически проявлять себя, с'организуются различныя партіи, зачатки которых существуют уже и в настоящее время. Каждая партія выступит с своей программой обновленія нашего государственнаго порядка, будет стараться провести своего кандидата в парламент и поэтому явится необходимость во всевозможнаго рода партійных собраніях, митингах, избирательной агитаціи и т. д., что, понятно, не может не подѣйствовать благотворно, как на общество, так и на массу; это послужит им школой для выработки политической дальнозоркости и смысла, которая образует современем из «мирных обывателей» граждан. Нам могут возразить, что народ крайне индифферентно относится к своим политическим правам, что он за ведро водки подаст свои голоса за любого кандидата, что, одним словом, с парламентом случится та-же исторія, как и с земствами. Все это совершенно справедливо, но только на первое время. Вѣдь только одна Минерва во всеоружіи вышла из головы Юпитера, в обыкновенной-же жизни гражданское чувство вырабатывается далеко не сразу, но тѣм не менѣе, оно

таким путем всетаки выработывается. Когда, напр., в Англіи в 1456 г. впервые были призваны в Королевскій Совѣт представители от городов и деревень, то народ прислал цѣлую массу всеподданнѣйших адресов и заявленій с просьбой избавить его от такой обязанности. Теперь же, мы полагаем, в Англіи не найдется и одного человѣка, который добровольно отказался бы от своих избирательных прав.

Теперешняя «травля» соціалистов также должна будет до нѣкоторой степени смягчиться. Понятно, что партія не может разсчитывать на благодушное отношеніе к себѣ конституціоннаго правительства, она слишком зарекомендовала себя врагом всякаго государственнаго порядка, основаннаго на эксплоатаціи трудящихся масс, тѣм не менѣе, ссылка в Сибирь на поселеніе и на каторгу за какую нибудь брошюру или прокламацію, при разбирательствѣ политических дѣл обыкновенным судом присяжных, станет очевидно невозможной. Сфера дѣятельности партіи, ея внѣшнія условія также сдѣлаются болѣе благопріятными для нас.

Быть может нѣкоторые из наших молодых друзей обзовут нас постепеновцами, но это будет вполнѣ не вѣрно. Признать нѣкоторую долю пользы за конституціонным порядком, и выставлять его, как ближайшую цѣль партіи,—двѣ вещи совершенно различныя.

ПИСЬМО С ЮГА.

Товарищи! Сообщу вам сначала кое что спеціально по поводу анти-еврейских безпорядков. Сколько ни приходилось мнѣ распрашивать крестьян о причинах их ожесточенія против евреев, я никогда не слыхал, чтобы выставляли на вид их національность, вѣру и т. п. напротив, они постоянно твердили одно и тоже: «от жидов нам житья нѣт, они забрали в свои руки землю, хлѣб на корню скупают, кабаки держать и т. д.» Таким образом, основой народнаго протеста против евреев является «нещадная» эксплоатація народных масс послѣдними. Но, тѣм не менѣе, весьма легко можно подмѣтить и другой мотив народнаго недовольства, именно, традиціонную ненависть мужика к жиду, которая

об'ясняется в значительной степени исключительным положеніем еврейскаго населенія в нашем государствѣ. Когда, напр., я замѣчал мужикам, что земля-то, главным образом, находится в руках у панов, что они поэтому и являются самыми заклятыми врагами народа, то мнѣ нерѣдко приходилось слышать: «Когда пан над тобою властвует это еще не так обидно, а то жид!» Вообще против панов нѣт такого сильнаго личнаго озлобленія, как против евреев, хотя, понятно, и первых крестьянин далеко не жалует. «Нам только бы с жидами справиться, а там и за панов примемся», говорит он. Народ, как мнѣ кажется, держится извѣстной градаціи по отношенію к своим врагам. На первом планѣ является у него кулак-иновѣрец, далѣе кулак православный, но из чуждой народу среды—барин и, наконец то уже слѣдуют гг. Разуваемы и Колупаевы, т. е., свой же брат кулак. Этим только и можно об'яснить, по моему мнѣнію, почему народное недовольство вылилось именно в форму противо-еврейскаго движенія, а не какого иного. В силу этого я лично считаю еврейскій разгром прелюдіей к болѣе серьезному и цѣлесообразному народному движенію.

По мѣрѣ того, как доходили до наших мѣст различные слухи об еврейских разгромах в других мѣстностях, народное возбужденіе возростало и возростало; по временам мнѣ казалось, что вот-вот и начнется у нас погром... Но его не было. Почему же?

«Нема крайняго» говорили мнѣ мужики по поводу этого, т. е., нѣт[9]такого человѣка, который подал бы иниціативу движенія. При этом они обыкновенно печаловались, что их забыли, что никто из их «посторонних», «соціалистов» не пріѣзжает к ним чтобы, «начать». Этот слух о соціалистах, как иниціаторах, разгромов, благодаря исключительно усиленной агитаціи самих евреев, крайне упорно держится в народѣ. И так «нема крайняго». Я этим ни мало не желаю утверждать, что народ так-таки и не способен выдвинуть из своей среды иниціаторов, так как мнѣ извѣстны, напр., факты, что наиболѣе энергичные из крестьян сосѣдних деревень, узнавши о разгромѣ в Кіевѣ, отправились туда с цѣлью разузнать, как все это дѣлается. Я лично был в одной из таких деревень и на мой вопрос, почему у них не бьют жидов, мнѣ отвѣтили: «а вот придет из Кіева Павло,

тогда и начнем», новизна подобнаго движенія для крестьян, отсутсвіе среди них организаціи, которая и не могла так скоро создаться—достаточно об'ясняют этот недостаток инціативы. Отношенія крестьян к войскам, присылаемым для усмиренія, весьма враждебны; почти вездѣ слышишь, что солдаты подкуплены жидами и что поэтому церемониться с ними также не стоит. Народное возбужденіе, достигшее в настоящее время небывалых прежде размѣров, поддерживается и усиливается грамадным количеством самых разнообразных слухов, толков, которые с замѣчательной быстротой разгуливают по деревням (в нашей мѣстности крестьяне узнали о событіи 1-го марта раньше мѣстных властей и помѣщиков). Уяснить себѣ болѣе или менѣе основательно причины такой интенсивности народнаго возбужденія, по не имѣнію положительных данных совсѣм невозможно. Остаются теоретическія соображенія, кое-какія догадки, которыя и заставляют думать, что факт 1-го марта имѣет тут нѣкоторое значеніе, что он послужил той «капелькой», которая переполнила сосуд и заставила народное недовольство вылиться в извѣстныя внѣшнія формы. Всѣ деревенскіе толки и слухи, по своему обыкновенію, вертятся на самом интересном для крестьян предметѣ, черном передѣлѣ, слушном часѣ. Ожиданія послѣдняго настолько напряжены, что мужики поч. совс. отказываются от купли, аренды земель; они боятся, чтобы деньги не пропали даром. «Деньги ты теперь отдашь, а осенью все равно отберут—дѣлить будут» говорят мужики. Переселенія крестьян из нашей мѣстности за Кубань и в другія мѣста, усиливавшееся было за послѣднее время, замѣтно пріостановилось с началом еврейских безпорядков; даже успѣвшіе уже приписаться к кубанским казачьим обществам, стало быть истратившіе не малую толику денег, и тѣ теперь остаются дома. «И тут у нас будут слободы» говорят они. Сосѣдняя с нашей волость отказалась по случаю имѣющагося скоро произойти чернаго передѣла платить какіе бы то ни было подати. Исправнику удалось убѣдить их не отказываться совершенно от платежа податей, но только под тѣм условіем, что подати будут взыскиваться с нее уже послѣ всеобщго раздѣла земель. В нѣкоторых селах разсказывают, что сами видѣли царя, который раз'ѣзжает по деревням и приказывает дѣлить землю,

Еврейскій разгром народная мысль также приводит в связь с своим страстным ожиданіем чернаго передѣла.

По мнѣнію многих, послѣ изгнанія евреев (одни предполагают выселить их на Амур, другіе в египетскую губернію, болѣе крайніе просто потопить в Днѣпрѣ,) царь прикажет дѣкить между мужиками всю землю. Другіе заявляют, что «царь утик» и потому они сами должны справляться со всѣми своими дѣлами. Кстати, нѣсколько слов о царѣ вообще. Из своих наблюденій над описываемой мѣстностью за послѣднія нѣсколько лѣт я вынес глубокое убѣжденіе, что отношенія крестьян к царю начинают замѣтно измѣняться. Прежде всего обращает на себя вниманіе тот полнѣйшій индифферентизм к его личности, с которым крестьяне распрашивают вас, напр., о фактѣ 1 Марта. По большей части спрашивают о самом фактѣ, об его обстановкѣ и проч., рѣдко услышишь сожалѣніе о постигшей царя участи и проклятіе его убійцам. На вопрос о том, каков то будет новый царь, иногда можешь услышать ироническую поговорку «булоб корыто, а свинья буде.» Почти вездѣ вам сообщают, что в волость были присланы какія-то грамоты и что волостное начальство тотчас же передало их становому. Но, на ряду с этими злополучными грамотами, были и дошедшія по своему назначенію. Так мнѣ разсказывали, что недалеко от нас одна бѣдная вдова получила из Питера «золотую грамоту.» Для прочтенія она снесла ее на базар, гдѣ нашедшійся в толпѣ грамотей и прочел ее во всеуслышаніе. Доподлинно привожу, что вынесли из нея мужики. В ней говорится, разсказывали они мнѣ, что «ни от кого нам не слѣдует ждать помощи, а самим забирать землю, так как паны взяли себѣ всѣ лучшія земли, а мужикам дали по одной ступнѣ». «Хіба не правда? Так оно іі есть!» добавляли они. Содержаніе этой грамоты было извѣстно, по крайней мѣрѣ в трех сосѣдних волостях. На мой вопрос от кого получены эти грамоты, нѣкоторые говорили, что от соціалистов, (это слово со времени еврейских разгромов начинает входить в употребленіе в деревнѣ) и при этом спрашивали меня: «скоро ли они будут дѣлить между мужиками землю». Но у многих подобная грамота странным образом вязалась с мыслью, что она прислана от царя. Это подтверждается по их мнѣнію, тѣм обстоятельством, что начальство тотчас же отбирает грамоты от мужиков, хочет скрыть царскій указ.

Иные говорят, что соціалисты—царскіе посланцы, что их то царь и послал с грамотами по деревням. Вообще прокламаціи кое-какіе результаты принесли. В нѣкоторых мѣстах я слышал разсказы о том, что по деревням ходят соціалисты. Придет в хату, разсказывают, разспрашивает сколько земли, скота и проч., запишет все в книжечку и уйдет. В книжечку записывает для того, чтобы знать сколько кому нужно будет земли дать. Но на ряду с благопріятными для нас слухами, ходят и иные; можно услышать, что соціалисты царя убили, а теперь всѣх нас перебьют».

Из всего хаоса разнообразных мнѣній можно сдѣлать только одно, хотя довольно общее, но несомнѣнно вѣрное заключеніе, что существовавшая прежде непоколебимая вѣра в царя начинает подрываться новыми идейными теченіями, которыя с непреодолимой силой врываются в мужицкое міросозерцаніе. Понятно, что я говорю это по отношенію к Малороссіи. Предсказать исход этого умственнаго процесса, даже рѣзко намѣтить путь, по которому он пойдет, по мнѣнію большого числа фактов совершенно не возможно. По моему мнѣнію было бы слишком поспѣшно заключить, что народное міросозерцаніе измѣняется в том напрвленіи, что вѣра в царя начинает переноситься на группы соціалистов. Фактов подтверждающих этот вывод настолько же недостаточно, на сколько и для иного вывода, именно, что вѣра с царя народ переносит на самаго себя. Эти надежды народа на «соціалиств» об'язаны своим существованіем исключительно благодаря усиленной агитаціи евреев, что безпорядки произведены соціалистами. Мужик сляшит, что о соціалистах говорят, как о значительной силѣ, какова она, враждебна для него или нѣт он доподлинно не знает, и вот по своей упорной привычкѣ видѣть во всякой неизвѣстной ему силѣ—силу благодѣтельную для него они переносит свои упованія на соціалистов. Не смотря на то, что эта вѣра также слѣпа и безпричинна, как и вѣра в царя, что это только предлог, за который схватывается народная мысль в виду своего безвыходнаго положенія, во всяком случаѣ это значительный шаг вперед. Так или иначе, народная мысль видит уже в соціалистѣ своего защитника, а это для чисто практических цѣлей в деревнѣ—вещь весьма важная.

Прокопенко.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Наблюдателю деревенской жизни, не живущему постоянно или, по крайней мѣрѣ, по-долгу в одной и той-же мѣстности и не связанному чѣм-либо с ея интересами, крайне трудно в настоящее время подмѣтить наиболѣе характерныя и распространенныя черты народнаго настроенія. Губернская и уѣздная администрація явными поощреніями доносов, хотя бы и совершенно неосновательных, арестами без разбора и систематическими выслѣживаніями, *) сдѣлали крестьянина на столько подозрительным, что во всяком собесѣдникѣ, заводящем с ним разговоры о злобѣ дня, он готов видѣть злой язык. В В—ой губерніи в крайне небольшой промежуток времени, в одном только уѣздѣ было арестовано нѣсколько лиц за откровенную бесѣду с «милым человѣком» или за красное словцо «его величеству» (в числѣ послѣдних был между прочим солдат). Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлало из крестьян таких конспираторов, что и нам в пору у них поучиться.

Мнѣ, жившему нынѣшнее лѣто в деревнѣ N—ской губ. в шкурѣ интеллигентнаго питерца, только благо[10]даря крайне благопріятно сложившимся для меня условіям, удалось сойтись на пріятельскую ногу кое с кѣм из мѣстных крестьян. С одним из них Ф., служившим в батраках у помѣщика, мнѣ приходилось довольно часто бесѣдовать по душѣ. Мужик он был семейный, лѣт под сорок, не бывавшій нигдѣ дальше своего губернскаго города.

Одну из таких бесѣд, дающую болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о теперешних ожиданіях и намереніях крестьянства, я и помѣщаю на страницах «Чер. Пер.» **)

*) Я жил в деревнѣ, куда пріѣзжали двое переодѣтых жандармов, ходивших по вечерам подслушивать под окнами изб, что стало, само собою разумѣется, не без'извѣстным крестьянам.

**) Пишу корреспонденцію тѣм самым языком, который в употребленіи у мѣстных крестьян. дѣло в том, что еще до Положенія один из прежних помѣщиков той деревни, о которой идет рѣчь, переселил часть крестьян из N. губ. в Великороссію, а из Великороссіи—в N. губ. Это дѣлалось им, как он об'яснял для улучшенія породы, в силу чего малороссійскій язык утратил здѣсь свой первоначальный характер и заимствовал массу слов и выраженій у «кацапов».

Как-то вечером встрѣтил я Ф. один на один, возвращающагося с поля и по обыкновенію клянущаго свою судьбу. Чтобы завязать разговор, я спросил его:

— С чого се ви робыте на пана, а не на свій двір?

— Эге! Хиба се я роблю? Ни! Се нужда моя робить, як бы не вона проклятая, я бы зроду ні до кого у наймити не пішов, хоть міні два ста карбованців у літо давай. Земли нема у мене совсім тилько й е що всадьба, с того пійдешь не то що у наймити, а й на шлях с сакирой.

— А богато у вас у селі беззмельных?

— Душ двадцать пять йе, а може и більше, да от як: по ревизким сказкам йу нас считали 64 души, по дві десьятини у руку. Се скилько буде?

— Без трошечки 400 десьятини.

— От, бачьте! А таперечко нас усіх більш 100 душ йе,— четырех десьятин на душу нема, тай ще не у всіх по ровну. У другого вже писля тей самой ревизіи пьять синків мужиками стали, а по них наділу нема, бо наділяли тілько того, кто на пана робил. А батькі синки, що зіріньки на небі уси ровни усих требо наділити; от, и дробить він дві дисьятинци у полі на пьять шматочків чи більшь. А с сего шматочка треба душку ймати, щоб жинка тай диткі сити були, та йще повинность треба вплатити... Коли се так йще ріків с десьять буде, тилько вмерти и остаеться. Уся надіжда наша на війну.

— На яку се війну?

— Хиба ви не чули, що як учнут куроновати россейскаго царя, так зараз пруссак той китайскій царь на его вуевати пійдуть?

— А с чого-ж им вуевати? хиба им у собе нема чого робить?

— Про пруссака говорят, що він йще с давна хочет у нашого царя шматок землі одібрати, да тилько раньше сего не було можно, бо у нашого царя вельмо війско богато. А як его почнуть коруновати пійдет великая бунтація, крестьяне почнуть казенныя тай панскія земли отбирати, тай промеж себе ділити, бо більшь так жити не можно,—усяк хоче исти, а исти нема чого. От, се як почнется тея самая бунтація, нашему царю не достане війска и у себе управиться, а тут и підскоче пруссак.

Треба будет знова на него військо посилати, а мы вже тоди що схочемо то и будемо робити.

— Ну а як же-жь китайскій царь у се діло упутався?

— Эге! китайскій царь тей сувсім друге діло, тей не то що пруссак, ему россійской земли не треба, бо у него своей лишка йе. Китайскій царь нашу руку держить. Він спровѣдав, що у нас не вельмигарно живется крестьянам; що у нас висправники тай пани що схотят то з нами и робят. От се він и схотив у Рассеи як у китайской земли крестьянскую правду зробити.

— Що-сь я про сію крестьянскую правду у китаю ничего не чув? Яка вона такая, що вы йее так схотили?

— А такая правда, що нема там ні яких ні панів, ні чіновніків—усі поровнени, усяк собі пан, у всякаго земля йе, кто скилько сам робити може. На усімі тілько йе, водин царь. Та тей царь не тее, що наш, він тилько и в думкі ймае, що як бы его крестьянам гарненько жилося.

— А що? чи его громадою ставят на царство, чи ему після батька царствувати досталось, а після его сын буде?

— От сего мы вже доподлинно не знаемо; знаемо мы тілько, що він нас ослобонить хоче, щоб мы жіли, як наші діди,—вправлялісь своей громадою тай радою; земелькі ні у кого не позичали, хлопцов-сінів наших крівних у москали не давали. Тай вы може сами чули, як у старое время наші діди вольними козаками жили, а россейских царів и у очі не бачилі и слуху ні якого про ніх не чули, се вже після рассейскій царь нас брехней забрал. Да тілько вже годі нас мурдоваті — не тее таперечко время! От вже за жидів принялись, а тутичкі зараз и коронаціи, — китайскій царь пріде тай ночнемо тоди с нім умісті земли забірати.

— Ну, а наділяти сам він буде?

— Ні, с чого ему у сіе діло путаться, се уже ми сами поробимо.

— А як же вы сію переділку робить буедте?

— Мы вже сами про сіе діло трошки промежь собя говорили, считали по скільк прідеться на душу. Я вже вам говорил, що в нас без трошечки 400 десятин надільной землі йе, тай у пана пятьсот, тай він йще нашим богатирям 100 дес. продав, — усего буде десьять сот. От це мы й поділили усю сію землю по ровну,

так щоб усякому по пьятнадцати десятьин було, а кому недохватка виде, то у другим місті отріжимо. Земліци у нас богато. Се у нашого пана 600 десятьин було, а йе и такіи, що по пятидеся[11]ти сот и більше йе. Тілько мы им шкоды робить не будемо. От, і нашему пану, і його сынку дарма що ему усего пять ріків по пьятнадцати десятин дадімо, нехай сами робят. А то на пана, йего жинку тай сина и робить, а на собі і своіх діток вже дарма. Землицу мы поділимо мы поділимо громадою, се уже мы сговорились, тілько вот наши богатири не удумають як им після сей переділки гроши з пана взяти, которіи вони ему вплатили за тее сто десятьин, що у него купляли. Може вы знаете як их з пана взяти?

— Ні, сіи гроши вже пропали, бо пан не буде сидити у силі, як переділка почнеться. Шукай его, як вітр в полі! Тілько мені думается, що нічему сему не бувати, як ви будете китайскаго царя ждати, и до того времечка с жинкой на печі лежати. Раньше ви тоже говорили, що рассейскій царь вам волю даруе. Ну, а що? дождалися царской воли, що по селах все за повинности пугой ласкае тай вашей кровью як дробним дождиком турецку землю заливае?

— Ні, якая се воля! тілько і йе, що прежде пани нас біли тай грабили, а теперичко становіе тай висправніки тое самое робят, тай ще губернатор пріказуе у наших хлопцев стріляти за то, що вони наших кровопівц-жідів жмуть.

— От се й от китайскаго царя нічого не дождетеся бо у него свои діла йе. Тай це не буде сего ніколі, щобы царь крестьянскую руку протів панов держав, бо він сам на усіми панами пан, над усіми чіновніками чіновнік.

— От се і в нас молодшіи мужіки тай хлопци говорят, що нічего не треба ждати й от китайскаго царя; що тілько тоди й буде крестьянская правда, як сами крестьяне пійдут бунтовати, землю отбірати тай ділити тай хлопців у москали не давати.

Э! Се их діло, вони молодие люди и думають вони по новому, нехай робят, як схочут. Вони лучше нас удуамют, бо вони хоша росли й у бідности, а усежь не бачіли паньской пуги. А ми вже старие, нам треба думку ймати, щоб найти кусок де вмерти, да було-б кому сховати, а то от дід Василь нема йще ріку як вмер, а вже с того світу чоботи казуе.

От мы з вами теперечко говорим про золотое времечкв, що наши хлопцы, а мабуть т мы сами побачимо, а сами усе оглядываемось, як бы кто не учул тай не побачив; от се так було до манихвіста як мы усе царскую волю ждали. Сойдимось де у кутку тай калякаем промежь себя, а сами тілько у думкѣ ймаем що як бы пан чи ено войто не учули, бо як учуют подет мурдуванье да такое що и кінца йему не відно, А таперича як учуют про такое каляканіе наплетут вісправнику так хуже усякаго мурдованья,— пойдут таскати у губернію тай про усе питати, та йще набрешут то, чего і не було саусим.

Выше приведенный разсказ Ф. о благодѣтельном китайском царѣ, о хищнических намѣреніях пруссаков и т. п. представляет собою вовсе не единственное явленіе. Распространенность подобнаго рода слухов настолько велика, что сама собою бросается в глаза даже самому поверхностному наблюеателю. Варьированные и комментированные на всевозможные лады слухи эти переходят из уст в уста. От кого только не приходится их слышать и ради какии только цѣлей они не передаются. Заговорит-ли земец с либеральным апломбом о неподготовленности народа к политической жизни, он не преминет сообщить с иронической улыбочкой один из приведенных фактов, как вѣрное доказательство тупости и неразвитости нашей черни. Управляющіе и прикащики, слѣдующіе во всем примѣру своих панов, пользуются этими толками, чтобы пройтись на счет сиволапаго мужика. Жиды передают как доказательство отсутствія вѣрноподднических чувств в народѣ, и вообще ради примѣненія к нему, если возможно поголовно, какой либо статьи уложенія о наказаніяю. Что касается самаго крестьянства, нѣт никакого сомнѣнія, что значительная часть его только и живет этими слухами. Я говорю часть, потому что молоде поколѣніе, лучшіе силы деревни, довольно таки скептически относятся ко всякого рода слухам, упорно поддерживаемым стариками. Вообще первое, что бросается в глаза, это факт, находящійся внѣ всякаго сомнѣнія, что в настоящее время в деревнѣ одно на-ряду с другим живут два настроенія, хотя и имѣющія общую исходную точку, но коренным образом отличныя одно от другого, Общая исходная точка их—это вполнѣ ясно сознанная невозможность дальнѣйшаго существованія в современных условяіх, и как

прямой результат этого сознанія,—самое интенсивное исканіе выхода из них.

Скажем теперь нѣсколько слов об упомянутом различіи в настроеніях стараго и молодого поколѣній.

Старики провели лучшую пору своей жизни в ожиданіи царских милостей и водворенія правды на землѣ. 19 февраля 61-го года поднесло им горькую пилюлю не особенно даже тщательно прикрытую золотым поршком. Каким же образом реагировано это злосчастіе 19-го февраля на народное настроеніе? С одной стороны фикція дарованной свободы в значительной мѣрѣ подорвала вѣру в благодѣтельность русскаго царя, с другой старыя традиціи, вѣра в какое то внѣшнее благодѣтельное начало, вѣковая придавленность судьбою и рабьи инстинкты,—как результат крѣпостных отношеній помѣшал развиться в старом покосѣніи духу активности и сознанію собственных сил. Но во всяком случаѣ это старое поколѣніе, пережившее на своем вѣку столько невзгод и иллюзій страстно ищет выхода из отживших форм. Отсюда и слухи о благодѣтельности китайскаго царя и пруссаках, которые своими военными дѣйствіями отзовут наше войско на границу и тѣм самым облегчат дѣло борьбы народа за свои завѣтные идеалы.

[12] Всѣ эти слухи совершенно понятны: в своего царя всѣ извѣрились, идея царизма еще не разрушена, вот и появляется на сцену китайскій царь. Затѣм, в дѣлѣ поддержки существующих соціальных отношеній, народ видит единственную силу в войскѣ. Значит войско мѣшает. Является воинственный пруссак и армія уходит защищать свои границы, «а тоди ми вже що схотимо, то и будемо робити».

Ну, а что думает тѣм временем молодое поколѣніе?

Отвѣчаю словами стариков:

— Эге, вони совсім друге діло, вони не бачили паньской пуги, вони говорят, що сей вже бог старый стал, що він не знае що йему робить,—треба новаго шукати.

Вот и шукает деревенская молодежь этого новаго бога, новых средств для борьбы с окружающим злом, со всею страстью и энергіей молодости. Она слишком скептично, если даже хотите, слишком позитивно смотрит на вещи, чтобы повѣрить разным розсказням про благодѣтельность китайскаго царя и т. п. Она

ищет болѣе реальной почвы, болѣе надежных средств борьбы; и находит все у себя под руками. Самостоятельный общій крестьянскій бунт с цѣлью отобранія земель у тунеядцев и эксплуататоров и распредѣленія их на основаніях трудового начала,— вот единственное средство, помощью котораго молодое поколѣніе считает необходимым и возможным осуществить крестьянскую правду. *)

Безвыходное, ухудшающееся из года в год, экономическое положеніе народа начинает мало по малу приводить его к сознанію необходимости измѣненія настоящих порядков путем всеобщаго бунта. Анти-еврейскіе безпорядки, принявшіе в нашем уѣздѣ весьма острый характер (войска дѣйствовали так энергично, что в толпѣ оказалось нѣсколько человѣк убитых и десятки болѣе или менѣе тяжело раненых), нѣсколько усилили этот, совершающійся в настоящее время в народѣ умственный процесс.

В нашей мѣстности вѣра в царя вообще не особенно сильна и, как оказалось, была довольно тѣсно связана с личностью Александра II. Послѣ же событія 1-го марта, со вступленіем на престол новаго царя, люди, вѣрившіе прежде в царскую милость, почти совершенно потеряли эту надежду. «Нема нашого земляного бога! убили! Цей, що теперь, жидів любить, своих бье! Нам такого не треба! Ми так не хочемо! Як ему такі любі жиди що він велить бить своіх же христіян, то и нихай же живе з своіми жидами, нихай царствуе з ними! Або ми, або жиди», говорят такіе люди теперь.

Но жизнь сдѣлала свое дѣло и теперь всегда возможно встрѣтить в деревнѣ таких людей, которые совершенно покончили с идеей царизма, пришли к сознанію, что ждать нечего, самим нужно раздобыть себѣ настоящую волю. Привожу свой разговор с крестьянином по поводу «злобы дня».

— Що воно дальше буде? А вже в народѣ ходить така чутка, що так не можно дальше жить. Що він за царь, що він не хоче

---

*) Прошу читателей не забывать, что мои послѣднія слова относятся только к извѣстному району мѣстности.

помогти своім людям! Чи він з жидами знаетця! чи що? Як би всім піднятця, то тедіб мабуть діло вишло!

Это, так сказать, два крайних направленія; одни еще не совсѣм покончили с отрицательной стороной дѣла, а другіе уже предлагают извѣстный, положительный выход из теперешняго положенія. Большинство же высказывается нѣсколько иначе, оно все-таки еще надѣется на царя, хотя далеко не так слѣпо как прежде; оно уже ставит опредѣленные сроки, послѣ которых ждать больше не слѣдует, наконец, считают нужным предупредить царя, довести до его свѣденія о положеніи крестьян вообще. «Тут не в цім діло! Тут треба послать царю бумагу, нихай висилить жидів; або жидів, або нас!» «Що це у нас робитця! За то що нас обирають, нас ще й бьють! Треба послать царю, нихай устранить жидів, а то що се він за царь!...»

Один крестьянин, возвращавшійся вмѣстѣ со мной с мѣста разгрома (туда пришло порядочно крестьян из сосѣдних деревень, «затім, говорят они, що може й нам пригодитця»). говорил мнѣ: «Нѣт! Мы раздѣлаемо жидів не так! Мы не будем так! Коли вже пішло на то, що наших убивають, то ми у тіх проклятіх москалів пооднимаемо ружжя тай будем собі бить! Побачімо чія візьме! Треба подождати до корования, може чі не буде чого, да тоді вже піднятця!»

Недоля.

9 августа.

В пользу «Чернаго Передѣла» цолучено:

От помѣщика—500 р.; от естественника—100 р.; от офицеров—192 р.; от сибиряка—150.; от Р.—100 р.; от Х.—10 р.; от С.—80 р.; от товарища—25 р.; от икс, игрек, зет—150 р.; от соколят—150 р.; от народника—500 р.; от Б.—60 р.; от Н. К.—100 р.; от П. Л.—15 р.; от монгола—1 р.; от сочувствуюших—5 р.; от сочувствующей—2 р.; от Харона—1 р.; ст К. П.—3 р.; через Н.—5 р.; через П.—6 р.

СОДЕРЖАНІЕ.

Роль и значеніе народа в момент соціальной революціи.—1-ое марта 1881 г.—Письмо с юга.—Из деревни.—

С.-Петербург, 19 сентября 1881 г.—Типографія Общ. «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ».

Декабрь 1881 г. Цѣна 25 коп.

№ 5.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛ

ОРГАНЪ СОЦІАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

ПРИГОВОРЫ НАДЪ СОЦІАЛИСТАМИ НАРОДНИКАМИ. *)

В Кіевском военно-окружном судѣ обвинялись в государственном преступленіи соціалисты-революціонеры, из которых дворянин Николай Щедрин, сын священника Алексѣй Преображенскій, дв. Елизавета Ковальская, сын кол. регистратора Павел Иванов, жена врача Софія Богомолец, двор. Иван Кашницов, саксонскій подданный Александр Доллер признаны виновными в принадлежности к тайному революціонному сообществу, дочь отставного поручика Марія Прпсѣцкая—в знаніи о существованіи революціоннаго сообщества и недонесеніи о том властям и дворянка Софія Кузнецова—в имѣніи при себѣ революціонной брошюры. На основаніи указанной виновности, суд приговорил 29 мая 1881 года Щедрина и Преображенскаго к смертной казни через повѣшеніе, замѣненая каторжной работой без срока; Ковальскую—в каторгу без срока; Иванова—в каторгу 20 л.; Богомолец и Кашницова—в каторгу на 20 л., замѣненная первой 10лѣтней на заводах, а послѣднему—10лѣтней в крѣпостях; Кизера и Доллера—в катаргу на 20 л., замѣненная ссылкой на поселеніе в отдаленнѣйшія мѣста Сибири; Прпсѣцкую—в каторгу на 15 л., замѣненная ссылкой на житье в Томскую губ. по 5 степени 31 ст. улож.; Кузнецову—аресту на 3 недѣли.

---

*) Печатая приговоры, произнесенные правительственными чиновниками над борцами за народное дѣло, редакція разсчитывает издать отчет об этих процессах отдѣльной брошюрой.

Лиц, арестованных при тип. «Чернаго передѣла», 29 сентября 1881 г. Петербургская Судебная палата, по особому присутствію с участіем сословных представителей в закрытом судебном засѣданіи приговорила дворянку Марію Константиновну Крылову 39 л. и купеч. сына Инокентія Павлинова Пьянкова 30 л. лишить всѣх особенных лично и по состоянію присвоенных им прав и преимуществ и сослать на житье в Иркутскую губернію с воспрещеніем всякой отлучки из мѣста, назначеннаго для их жительства, в продолженіи трех лѣт и выѣзда потом в другія губерніи или области Сибири в продолженіи десяти лѣт. Дворянина Петра Васильевича Тесленко-Приходько 24 л. лишить всѣх особенных, лично и по состоянію присвоенных ему прав и преимуществ и сослать на житье в Тобольскую губернію с воспрещеніем всякой отлучки из мѣста назначеннаго для его жительства, в продолженіи полутора года, выѣзда потом в другія губерніи и области Сибири в продолженіи пяти лѣт, Сына отставнаго подпоручика Василія Алексѣева Переплетчикова 27 лѣт по обвиненію в преступленіи предусмотренном 13 и 250 ст. о нак. признать по суду оправданным, подвергнув его на основ. 1008 ст. улож. тюремному заключенію на 4 мѣсяца.

С.-Петербург, 30 ноября 1881 г.

Вопрос о размѣщеніи и распредѣленіи сил партіи, вопрос существенный и сам по себѣ, получает тѣм большее значеніе в настоящее время, когда борьба новых назрѣвших народных и общественных потребностей с отживающим порядком вещей дѣлается все интенсивнѣе и становится ребром. Вопрос этот не впервые возникает для партіи и обсуждался уже с общей точки зрѣнія, как теоритически, так и практически. Как слѣдует разрѣшить его в виду фактическаго положенія дѣл и потребностей даннаго, нынѣ переживаемаго нами момента?

Партія, без сомнѣнія, не представляется и не должна представляться арміей, к которой примѣнимы распоряженія главнокомандующаго, созерцающаго в зрительную трубу поле сраженія и направляющаго силы, сообразно с требованіями тактики и ходом битвы, то [2] на один пункт, то на другой, потому что и самая политическая дѣятельность партіи представляется

ареной борьбы на почвѣ назрѣвших народных требованій, но не полем сраженія. Однако, если перетасовывать, как колоду карт, в любой момент силы партіи невозможно, то по крайней мѣрѣ желательно и вполнѣ возможно опредѣлить на извѣстный промежуток времени путь, по которому наиболѣе цѣлесообразно могут располагаться наличныя и приростающія силы.

Слѣдуетъ, нам кажется, признать аксіомой положеніе, что чѣм шире раскинется организація, чѣм глубже она проникнет в разные народные слои, чѣм болѣе цѣпко она ухватится за интересы большаго числа мѣстностей,—тѣм положеніе партіи станет прочнѣе, вліяніе ея на судьбы страны значительнѣе, тѣм болѣе пріобрѣтает она шансов на успѣх. Но с другой стороны нельзя отвергать и того, что если силы, особенно в государствѣ централизованном и управляемом деспотическою властью, больше сосредоточены на одном пунктѣ, на одном обобщеном интересѣ, то в этом пункнѣ именно пріобрѣтается возмбжность болѣе интенсивнаго натиска на оплоты отживающаго режима. Поэтому, насколько наличное количество революціонных сил позволяет совмѣщать обѣ эти ближайшія цѣли—прочное занятіе позицій в народѣ и возможность рѣшительной и сосредоточенной борьбы на нѣкоторых выдающихся пунктах народной жизни, мы не станем смотрѣть узко на положеніе вещей и во что бы то ни стало тянуть непремѣнно всѣх в одну сторону. Наоборот, мы сознаем всю важность для народной партіи второй из указанных задач, но вмѣстѣ с тѣм, мы твердо увѣрены, что в настоящій момент роль ея, главным образом, сводится к постановкѣ и разрѣшенію первой.

Не будем повторять здѣсь общих теоретических соображеній и мотивов, которыми руководится Народная партія, указывая на первостепенную важность, именно для настоящаго времени, размѣщенія сил среди крестьянства и на первенствующее значеніе и настоятельность скорѣйшаго созданія мѣстных организацій, которыя могли-бы настолько слиться с сѣрой массой, чтобы ея проявляющимся требованіям придать болѣе интенсивное окрашиваніе. Увѣренность в справедливости указаннаго направленія вытекала и из тѣх основаній, которыя заставили нас признать в 3 № еще, что вся совокупность соціальных условій народной жизни указывает на непосредственную близость

народных движеній, предзнаменуемых цѣлым рядом характерных признаков,—движеній, которыя в виду неорганизованности народа и отсутствія в нем яснаго, опредѣленнаго пониманія государственных и общественных отношеній, должны вылиться в форму частных бунтов, быстро потухающих вспышек.

Событія, каторыя протекли пред нашими глазами в теченіи послѣдняго лѣта, как движеніе против бар в Весьегонском уѣздѣ, Твер. губ. и еврейскіе безпорядки, служат новым подтвержденіем высказанных взглядов.

Народныя движенія, непосредственная близость и вѣроятность которых чувствовалась и была предсказана раньше, проявилась уже дѣйствительно; мы пережили начало их. Увѣренность в том, что дѣло на этом не станет и что продолженія их надо ждать впереди, получается как из того, что коренная причина, толкающая народ на путь бунтов и волненій,—экономическое разстройство страны продолжает существовать в прежней силѣ и прогрессировать, так и из общаго настроенія массы, которая так легко поддается, вѣрит и воспламеняется всевозможными слухами и толками, идущими в разрѣз с установленными порядками вещей, невыгодными для народа. Народ уже пробуждается от вѣкового сна, но, не научившись еще различать истинных врагов и причины бѣдствія, он пока бросается на болѣе рѣзко бьющіе в глаза об'екты. Будучи порождено экономическими причинами общаго характера, движеніе на югѣ направилось против евреев, а не против экслоататоров и защищающих их властей вообще, потому что національно-религіозная обособленность и юридическая безправственность евреев придает им по самой внѣшности рѣзкія отличія от массы. Но евреям, может быть, послужит утѣшеніем то, что движеніе против них является только прелюдіей общаго и болѣе широкаго движенія. На вѣроятность этого, между прочим, указывают и историческія аналогіи. Во Франціи и Германіи, пережившія подобныя эпохи революціоннаго броженія раньше нас, евреи послужили для масс первым козлом отпущенія. Так поднимается движеніе против евреев во Франціи перед началом Великой Революціи, а в Германіи в началѣ 20-х годов с криками: ату его! поднимается сначала в Вюрцбургѣ и повторяется и в других нѣмецких городах.

Но и здѣсь, и там в это время зрѣла революція, час которой и не замедлил пробить!

Однако пока у нас народныя движенія, протекая без организованнаго участія соціально-революціонной партіи, имѣют, как свидѣтельствуют факты, пассисный характер, в них не проявляется опредѣленной попытки внесенія новых начал в государственный и общественный строй. Нечего и говорить, что подобный характер движеній является прискорбным как для самого народа, так и для партіи, стоящей за истинные народные интересы, так как, отвлекая вниманіе народа от самой сущности «хитрой механики», приспособленной для высасыванія соков из трудящихся классов, такія движенія вносят в его сознаніе ложныя тенденціи и предразсудки. Так, Весьегонскій бунт и еврейскіе безпорядки, будучи порождены гнетом невыносимых экономических условій, по формѣ своей служат не столько однако выясненію народной мысли в этом отношеніи, сколько поддерживают нелѣпую идею [3] царизма и вносят в жизнь традицію національной вражды. Разумѣется, менѣе всего в таком характерѣ движеній можно винить народную массу. Масса как всегда осталась вѣрна себѣ, как всегда и вездѣ она руководилась непосредственными инстинктами, накипѣвшими чувствами и прямо осязаемыми, хотя поверхностно и ложно ими понятыми, интересами.

Поскольку здѣсь может быть рѣчь о винѣ, то она падает на революціонную интеллигенцію, которой до сих пор не удалось создась в народѣ сознательнаго и сплоченнаго ядра, способнаго овладѣть движеніем в мѣстности и направить его. В теченіи вот многих лѣт интеллигенція относилась к дѣятельности в деревнѣ весьма неэнергично или и вовсе пренебрегала ею, бросала ее и сосредоточивала всѣ силы в центрах. И до тѣх пор, пока партія не постарается наверстать потерянное в этом направленіи, до тѣх пор партія останется в сторонѣ от народных движеній и до тѣх пор частные бунты, не освѣщенные ясно поставленными требованіями и стремленіем к перевороту, имѣют немного шансов перейти в общенародное возстѣніе, в побѣнодосное ревлюціонное движеніе, гдѣ народная кровь прольется за истинные народные интересы.

Да насколько дѣятельность в деревнѣ и не игнорировалась, партія долго не умѣла дать раціональной постановки

движенію в народ. До послѣдняго времени мы не научились еще смотрѣть на дѣло не с точки зрѣнія отдѣльных кружков, а с точки зрѣнія партіи, и почему-то оказываемся способными только к огульным, так сказать, сплошным рѣшеніям. Хватаясь за один излюбленный пріем дѣйствія или за одно положеніе, мы фактически не признаем ничего внѣ его, а потом с подобною же односторонностью увлекаемся на другой путь; так, напр. если идти в деревню—значит идти чуть-ли не всѣм и сразу, и наоборот, если оставаться в городѣ—опять значит оставаться всѣм и каждому. Такая односторонность, совершенно неумѣстная в политической дѣятельности, заключает в себѣ полное непризнаваніе как различія в характерах, склонностях и способностях людей, так и громаднаго разнообразія жизни и задач партіи.

Не слѣдует забывать, что до сих пор силы партіи черпались, главным образом, из интеллигентных кругов. А между тѣм разсчитывать (как ни важна дѣятельность в крестьянствѣ) на поголовное движеніе интеллигенціи в деревню, значит не только забывать другія задачи партіи, но и тѣшить себя утопіями. Миновали уже тѣ наивныя времена, когда каждый только-что оперившійся юноша или всякая барышня могли мечтать, что, помѣнявши тонкое бѣлье и платье нѣмецкаго покроя на холст и крестьянскій зипун, они станут полезными дѣятелями в деревнѣ, двигателями народнаго дѣла. То была пора высокаго энтузіазма при полной непрактичности, но давно пора уже усвоить раціональный и положительный взгляд на работу в деревнѣ, которая ставит дѣйствительно интеллигенціи трудныя условія.

Идти в деревню в видѣ рабочаго человѣка—подвиг, безспорно доступный лишь исключительным личностям из круга революціонной интеллигенціи. Но мы живет уже в такое время, когда самая глухая мѣстность нуждается в интеллигентном человѣкѣ. Нам не приходится здѣсь перечислять функціи и позиціи, которыя доступны и удобны для революціонной интеллигенціи, сознавшей важность и значеніе дѣятельности в деревнѣ. Но возможность стать в то или другое соотвѣтствующее положеніе требует извѣстной подготовки. Деревня (что составляет одну из ея свѣтлых сторон) не терпит людей, не пріученных к полезному труду, и поэтому, кто не способен к постоянному

физическому труду, тот должен усвоить себѣ другое полезное и признаваемое таковым деревней ремесло. Да в значительном числѣ случаев это не представляет затрудненія и часто требует весьма незначительной затраты времени. Гораздо труднѣе другая сторона дѣла—необходимость выработать в себѣ соотвѣтствующія деревенской дѣятельности качества характера, соотвѣтствующій нрав, выдержку, терпѣніе и любовь к той среде, которая должна охватить вас цѣликом, средѣ, в которой рядом уживаются самыя непримиримыя противорѣчія, гдѣ свѣтлыя идеалы нерѣдко облекаются в чудовищную форму темных предразсудков, которая вдобавок может и встрѣтит вас недружелюбно и с недовѣріем. Указывая молодежи на необходимость такой подготовки и такого самовоспитанія, партія не может упускать из виду, что для этого требуется отчасти и природная склонность и, что среди интеллигенціи всегда существовала, существует и будет существовать извѣстная часть, достаточно, может быть, одаренная в других отношеніях, но для которой закал характера, необходимый в деревнѣ, останется всегда недосягаемым, и которой не в моготу будет однообразная, часто монотонная жизнь деревни. Слѣдует-ли из этого, что такіе люди являются элементом непригодным для народно-революціонной дѣятельности, что им не найдется роли в жизни или что роль эта может заключаться единственно в политической агитаціи? Слѣдует-ли из этого, что им во что бы то ни стало надо насиловать себя и двигаться в деревню? Достаточно поставить эти вопросы и отвѣт является яснѣе дня. Жизнь с ея требованіями так сложна, задача революціонера так многообъемлюща, что каждая искренняя и преданная народному дѣлу сила может всегда найти вполнѣ соотвѣтствующую ея склонностям и способностям точку приложенія.

Спрашивается, не приходим-ли мы в противорѣчіе с жизнью, не опровергаем ли мы тѣ основанія, которыми аргументировалось и защищалось главенствующее и преобладающее значеніе для партіи деревен[4]ской дѣятельности? Мы глубоко убѣждены в жизненности и безошибочности того теченія, которое увлекло и увлекает молодежь в деревню, мы видим в этом залог будущей независимости народа и прочнаго водворенія в общественный строй справедливых начал. В настоящее время мы поддерживаем это убѣжденіе не только в силу общих соціологических и исто-

рическихъ истинъ, не только в силу условій русскаго экономическаго строя, гдѣ на первый планъ выступаетъ крестьянство с его требованіями, но и в силу того, что ближайшее будущее чревато народными движеніями, на которыя в том или другом направленіи должна оказать вліяніе партія, внести в которыя сознательную мысль и оформленныя требованія составляет основную задачу партіи. Будем помнить, что исторія создается не заговорами, народными стремленіями, что заговоры часто проходят безслѣдно и даже безвѣстно, а народныя движенія всегда оставляют за собою глубокій, долгопамятный слѣд. Правда, вліяніе на движеніе русской народной массы может быть доступно только мѣстным людям и мѣстным группам. Правда, в настоящее время партія может выдвинуть в деревню контингент интеллигентных сил, который по своей сравнительной малочисленности имѣет значеніе крупинки, брошенной в море. Но развѣ это может поколебать положеніе народнической программы? Развѣ от этого обстоятельства колеблются численныя отношенія и взаимное значеніе крестьянства и городских классов, исчезает наличность широко распространенных и по существу революціонных требованій крестьянства, как и неоформленность городского рабочаго класса?

Слѣдует помнить, что партія работает не только для настоящаго, но и для будущаго, что процесс заселенія деревни по самой природѣ своей должен быть не острым, а хроническим, что эта задача, которая может быть выполнена лишь постепенно, по частям. Как ни малочислен был-бы контингент людей, могущих в настоящее время занять позиціи в мѣстности, но, без сомнѣнія, их роль будет вполнѣ плодотворной; настроеніе деревни именно таково, что каждое отдѣльное лицо, если только оно удовлетворяет требованіям деревни, может получить громадное вліяніе, сдѣлаться крупным фактором.

Если интеллигенція может выдвинуть пока немного сил в деревню, а жизнь указывает на первостепенное значеніе этой задачи, положеніе партіи вовсе не является безвыходным. Здѣсь то и выступает рельефно роль тѣх сил, которыя вслѣдствіе извѣстных условій, свойств темперамента, способностей и склада ума должны образовать собою контингент городских дѣятелей. Не говоря здѣсь о других сложных и трудных задачах,

*

выпадающих на долю именно такого, спеціально даже по своей организаціи приспособленнаго к ним контингента сил, дѣятельность его в настоящее время пріобрѣтает громадное значеніе тѣм, что она может поддержать революц. работу в деревнѣ не только, так сказать, посредственно, но и непосредственно. В послѣднем отношеніи задача этого контингента главным образом должна свестись к дѣятельности среди городских рабочих.

Большой раздѣл рабочих, которых мы для краткости назовем общим именем фабричных, всѣми своими помыслами, упованіями и интересами тяготѣет, как извѣстно, к деревнѣ; рабочіе этой группы не порвали и своей экономической связи с деревней и с землей и являются в городѣ лишь временным населеніем, пригнанным нуждой для срочных заработков. Эти кочевники конца 19-го столѣтія являются наиболѣе раззоренным, нуждающимся классом крестьян, от остальной массы которых они отличаются развѣ большею бѣдностью, нѣсколько болѣе развитым, благодаря переѣздам и городской жизни, міровоззрѣніем, но в них еще живучи крестьянскіе устои и упованія. Всею совокупностью условій их жизни воспитывается в них воспріимчивость к пропагандѣ народной революціи, и, раз коснется их в городѣ революц. работа, они, вернувшись в села и деревни, становятся сильной подмогой мѣстным силам и могут значительно пополнить их ряды. Там, в роли деревенских агитаторов, они являются вполнѣ на своем мѣстѣ, будучи своими, хорошо извѣстными людьми для деревни и естественными сотоварищами по революціонной дѣятельности для мѣстной интеллигенціи. Соединившись с интеллигенціей, поселяющейся в деревнѣ, такой контингент дѣятелей дал бы возможность довольно скоро создать в мѣстностях сознательное и вмѣстѣ с тѣм значительное по количеству ядро партіи. Отсюда ясна практическая важность и настоятельность (даже с точки зрѣнія деревенской дѣятельности) работы в городѣ среди фабричных.

Другая группа рабочих чисто городских, потерявших связь с крестьянством, не сложились еще в класс с опредѣленными специфическими требованіями, с сознаніем общей солидарности, общности интрресов. Работа среди них имѣет значеніе для партіи: во 1-х, как мѣстная дѣятельность среди трудящихся масс вообще, во 2-х, как возможность созданія среди них рев.

агитаторов, значительно ближе, нежели интелл. молодежь, стоящих к массѣ фабричных и по своему положенію и по степени и складу умственнаго развитія.

Исходя, таким образом, из настоятельности и первостепенной важности агитаціонно-организаторской работы в массѣ крестьянства, мы указали из кого из кого и каким образом могут создаться многочисленные кадры деревенских дѣятелей и в виду важности этой же цѣли свели дѣятельность городских сил г л а в н ы м о б р а з о м к пробужденію и созданію рабочаго движенія. Допуская группировку сил, вытекающих из самих условій нашей жизни и настоящаго положенія дѣл, мы думаем, что она является и наиболѣе цѣле[5]сообразной и естественной, так как она не пытается ломать сложившіеся темпераменты, выработанные характеры и насиловать склонности и способности людей.

Передовая статья «№ 4 Ч. П.» породила среди читающих недоразумѣнія отчасти по самому выбору темы, трактующей о частном пріемѣ борьбы, отчасти вслѣдствіе попадающихся в ней неловких выраженій, дающих повод понимать в невѣрном всѣтѣ отношеніе партіи к террору. Помѣщаемое ниже письмо нашего товарища, взгляды котораго и мы вполнѣ раздѣляем, об'ясняет источник, дѣлающій возможным возникновеніе подобных недоразумѣній и разногласій из-за частных вопросов.

Что касается собственно террора, то попытка возвести его в универсальное средство борьбы, на основаніи узкаго, ограниченнаго опыта и, может быть, ошибочнаго пониманія условій одной мѣстности, нельзя не считать неудачной. Террор, как орудіе общественной борьбы, имѣет для партіи такое же значеніе, как и всякій иной практическій пріем борьбы, не больше и не меньше, и вопрос о том, практиковать-ли его или нѣт и в каких размѣрах, должен разрѣшаться каждою мѣстною группою для себя особо. С общей-же точки зрѣнія о нем возможно только сказать, что политическій строй подобный русскому, основанный на насиліи и поддерживаемый штыком и кнутом, дѣлает необходимым проявленіе террора, как реакцію насилію и удобную форму активной борьбы. Что же касается террора, как средства создать почву для массовой агитаціи, то такое значеніе

он дѣйствительно может получить там, гдѣ в массѣ народа сложились общія и опредѣленныя требованія; напр. в Ирландіи, гдѣ вѣсть о каждом новом фактѣ, проносясь по всей странѣ, встрѣчает вездѣ одинаковое пониманіе и сочувствіе. У нас к такому положенію вещей в большей степени приближается крестьянская масса с ея однородными, общими требованіями. Вот почему, надо полагать, аграрный террор должен получить и большее распространеніе и болѣе вѣрное пониманіе, чѣм террор фабричный.

ПИСЬМО НАРОДНИКА.

Не один и не два раза толковалось в «Ч. Пер.», а также и в тѣх из предшествовавших ему органов, продолжателем народнических тенденцій которых служит он, о непосредственно-практической программѣ дѣятельности народника-соціалиста. В таковой программѣ всѣ частныя положенія группируются естественным образом в два отдѣла: с одной стороны, выясняются тѣ практическія требованія, которыя могут быть пред'явлены от имени народа и именем его самого настоящему общественному порядку; с другой тѣ пріемы, посредством которых эти установленныя, выясненныя народныя требованія могут быть осуществлены с возможно полным успѣхом.

Сводя, все что было говорено по этому поводу мы встрѣчаемся с большим разнообразіем мнѣній и взглядов, что, конечно, является слѣдствіем извѣстнаго умственнаго настроенія самой партіи. Такое положеніе вещей может смутить и в дѣйствительности смущает многих, но только тѣх, которые становятся народниками, не имѣя на то ни сильной конкретной любви к свѣтлой сторонѣ народных идеалов, ни достаточной мужественности нести на своих плечах трудное дѣло цѣлаго народа, а не одной какой-нибудь части общества. Но дѣло не в том. Отчего дѣйствительно происходит эта разнородность мнѣній по отношенію к одному и тому же вопросу, к одним и тѣм-же житейским фактам, отчего происходит эта кажущаяся неорганизованность Народной партіи?

Мы считаем необходимым, нисколько не скрывая от публики, поставить эти вопросы и постараемся поискать причины, обусловливающія такое положеніе дѣла. Раз мы ставим этот вопрос прямо крыто без всяких собо-

лѣзнованій, то тѣм самым показываем,
нюдь не видим в таком положеніи ни безвыходнаго состоян
ни ея яко-бы безсилія. Народная партія
не может выстави ем знамени столь про-
стой и столь опредѣленный лозугн, к жет сдѣ-
лать партія, боярщаяся за политическій перевор
му что лозунгом Народной партіи должен быть
лозунг на есть 80-ти милліонной массы
людей, сложивших свое мі ніе міровоззрѣ-
ніе под вліяніем весьма различных эконом
и историческихи вообще соціальных и космических
Эта масса не представляет и никоим образом не может пр
лять что либо однородное, воодушевленное одними и тѣми же
ципами и идеалами, достигшее одного и
того же общественнаго волюціонного сознанія[1]). Эта масса
есть то, чѣм ее сдѣлала сама жизнь в ея необ'ятном разнообра-
зіи, и она есть также то, чѣм сдѣлала ее исторія, поступательное
движеніе которой только в послѣднее время поддается кое-
каким житейски-плодотворным обобщеніям. Мы пойдем далѣе
и скажем, что «если обобщеніе народных требованій и желаній
и возможно, то возможно именно, как обобщеніе цѣлаго огром-
наго, весьма разнообразнаго ряда отдѣльных конкретных
мѣстных требованій и желаній, слѣдовательно возможно, как
понятіе. Раз таковое обобщеніе мыслимо, как понятіе, то тѣм
самым оно не может быть мыслимо, как конкретно осуществи-
мый факт, как конкретная программа. Положим вы достигли
обобщенія народных требованій в лозунгѣ «Земля и Воля»,
вполнѣ состоятельном с теоретической стороны, как понятіе,
но этот лозунг очевидно не может быть осуществлен непосред-
ственно в жизни до тѣх пор, пока ему не будет дана конкретная
осязательная форма, т. е. не будет создана конкретная мѣстная
программа, соотвѣтствующая только данным условіям, а не
каким либо другим и не всѣм вообще. Отсюда ясно, что программа
практической дѣятельности может быть и даже должно быть

[1]) В единственном, сохранившемся в России, экземпляре № 5 «Черного Передела» страницы 5, 6, 7 и 8 оказались испорченными, почему и пришлось допустить пропуски слов и даже целых фраз в настоящем издании. *Изд.*

столько, сколько окажется разнообразных по своим сложившимся и слагающимся общественным отношеніям отдѣльных районов дѣятельности. И только тогда, когда будут созданы такія, скажем, конкретныя программы, возможно будет дать вполнѣ обоснованную крѣпкую своим апостерьорным построеніем всеобщую программу, лозунгом которой будет «З е м л я и В о л я». При такомъ взглядѣ на дѣло станет ясным, почему с одной стороны нѣт ясной, точной, детально разработанной народнической программы, и почему с другой возможны разнообразіе и даже кажущіяся противорѣчія в высказываемых до сих пор народниками мнѣніях. Их ошибка заключалась в том, что отдельныя, имѣющія приложеніе только при данных обстоятельствах положенія, они возводили иногда в принцип, в положеніе всеобщей программы. А за тѣм, конечно, вынесши из жизни новыя положенія, имеющія свой смысл существованія только при иных условиях, они опять и его готовы были внести в общую программу, и таким образом становились как-бы в противорѣчіи сами с собой. Сама жизнь показывает, что такая тактика, такое отношеніе к дѣлу служит только помѣхой этому послѣднему. Должно раз на всегда помнить, что дѣло Народной партіи будет обречено на гибель, раз оно будет построено по системѣ централизаціи; а только это послѣднее требует строго однородной конкретной программы. И так естественный ход созданія народнической программы должен идти в силу свойств самого дѣла от периферіи к центру и пока не будет существовать ряда конкретных программ, примѣнимых к извѣстным районам, созданных на мѣстах дѣятельности, до тѣх пор всякая общая народническая программа может играть роль об'единителя людей с болѣе или менѣе однородным міросозерцаніем, но только об'единителя, а не указателя того, что можно и должно дѣлать в той или иной мѣстности. Все сказанное нами относительно программы относится также и к различным пріемам, предлагаемым для осуществленія этой программы. И здѣсь также распространеніе примѣнимых к одной мѣстности пріемов на всѣ мѣстности, на всю Россію и осужденіе с другой стороны других пріемов за то, что они оказались негодными при каких либо условіях, дало свои плоды в видимой противоположности отдѣльных пріемов, предлагаемых народнической программой.

Отнынѣ мы надѣемся, что Народная партія избѣгнет таких явленій тѣм, что признает не только теоретически, но и фактически полную автономію отдѣльных мѣстных групп в выработкѣ мѣстных программ, лишь-бы они не выходили из сферы отвлеченных, теоре[6]тических положеній народническо-соціалистической партіи. Это во-первых. Во-вторых, на всякую такую программу должно смотрѣть как на мѣстную, отнюдь не могущую претендовать на значеніе всеоб'емлющей программы. Мы думаем, что такая постановка вопроса даст новый сильный толчок отдѣльным мѣстным группам, перенесши прерогативы руководства в своих дѣлах в самыя эти мѣстныя группы.

Таким путем, и только таким, народническое дѣло может обрѣсти ту почву, которая дает силу и бодрость перенести всѣ невзгоды и всю трудность настоящаго положенія народнаго дѣла. Отказываясь таким образом от формулированія всяких конкретных прогр, тавляя это дѣло иниціативѣ мѣстных групп, мы выставляем теоретически-отвлеченныя положенія, которыя характери как народников:

альная революція, направленная к осуществленію народ аній, представляющих ступень к проведенію в жизнь ескаго идеала.

альныя отношенія обусловливаются в главных чертах э ими, и только назрѣвшая в этих отношеніях революція ого успѣха революціи соціальной.

ой, соотвѣтствующій дѣйствительным народным интересам, ть осуществлен только сознательными и активными усилі ого народа, на что и должно быть обращено главным образом вниманіе народной партіи.

мѣя в виду именно послѣдній пункт, имѣя в виду, что образованіе в средѣ самого народа мѣстных революціонных групп, и видя только в этом истинно-крѣпкую постановку народнаго дѣла, мы полагаем необходимым для Народной партіи сосредоточить теперь всѣ свои силы на этом дѣлѣ, осуществляя его всевозможными способами. Поэтому нам кажется, Народная партія, продолжая организацію мѣстных городских групп

должна также усиленно заняться с одной стороны организаціей вновь отправляющихся сил в провинцію, в деревню, а с другой, позаботиться собрать и сгруппировать всѣ тѣ разрозненныя силы, которыя отправлялись в народ, однѣ, без всязей, без организаціи. *)

РЕФОРМЫ НОВАГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Кажется, ни одно правительство еще не стояло настолько ниже своей задачи и не оказывалось так мало достойным своей роли, как правительство «благополучно-царствующаго» Александра III. Заняв престол в трудное для Россіи время, новый самодержец проявляет такую растерянность, безпринципность и неумѣлость, которая и при нормальном полженіи страны способны были-бы породить цѣлый ряд замѣшательств. Смѣна фаворитов, шатаніе из стороны в сторону, практическая несостоятельность и нецѣлесообразность—вот чѣм характеризуется система настоящаго управленія в цѣлом. Вялыя, робкія полумѣры, носящія печать самаго грубаго обмана, неспособныя никого ввести в заблужденія, печать полной непригодности—вот признаки каждаго из предначертаній правительства в отдѣльности.

Не даром с именем Ал. III, до его «благополучнаго вступленія» на престол, общество связывало столько слащаво-либералъных упованій. Дѣйствительно, не прошло еще года, как он занял свое тепленькое, хотя по нынѣшним временам нѣсколько рискованное мѣсто, как успѣл уже осуществить цѣлый план «конституціоннаго» порядка, притом реформа шла так медленно и незамѣтно, что, пожалуй, многіе «благополучные Россіяне» и до сих пор не подозрѣвают своего «благополучія». А на самом-то дѣлѣ проведена почти полная «конституція», правда, уж на слишком оригинальных началах. Прежде всего участіе общества в дѣлах управленія страны достаточно обезпечено—вот уже двоекрат-

*) Примѣч. Ред. Автор письма, раз'ясняя характер и значеніе дѣятельности мѣстных провинціальных групп, оставляет открытым вопрос о связи между ними и организаціи взаимных сношеній. Признавая значительную важность разработки указанных вопросов, мы надѣемся в слѣдующем номерѣ Ч. П. восполнить этот пробѣл.

ным приглашеніем свѣдущих людей для обсужденія предложенных правительством вопросов. А одно время, когда страх совсѣм обуял правительственных дѣльцов, рѣшились было даже прибѣгнуть к выборной системѣ для составленія пресловутаго совѣта при градоначальникѣ. Выборы, как и слѣдует быть в благоустроенном государствѣ при заботливом начальствѣ, производились для порядка под непосредственным руководством полицейских чинов, которые сами собирали и считали голоса, подводили итоги и, для большаго удобства сами предлагали обывателям кандидатов и в 24 часа создали совѣт на славу. Несмотря, однако, на успѣх выборов, правительственные дѣльцы всетаки предпочли, как только немного пришли в себя, остановиться на системѣ приглашенія, как представляющей болѣе увѣренности в благонадежности «мужей совѣта» и гарантію от непріятных случайностей. Была бы честь оказана, а то не все ли равно, от кого именно выслушать «голос общества».

Но участіе народа (!) в управленіи страны это, как извѣстно, только одна сторона конституціоннаго режима. Великодушный и либеральный монарх не оставил в пренебреженіи и другой стороны—обезпеченіе личности и гарантію свободы, представляющей неизбѣжный признак всякаго истинно правомѣрнаго государства. С этою вот цѣлью обнародовано Положеніе о мѣрах к охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и об'явленіе столицы и других мѣстностей в состояніи усиленной охраны. Правда, «положеніе» является только сводом прежде изданных для той же цѣли распоряженій и узаконеній, успѣвших уже заранѣе зарекомендовать свою «цѣлесообразность» в борьбѣ с крамолой. Но в нем встрѣчается и нѣчто как бы новое, напр., веденіе политических процессов при закрытых дверях. Фактически суды по государственным преступленіям никогда и раньше не велись гласно и открыто, но открытое признаніе этого является довершеніем цѣлой системы: с того момента, как на вас пал подозрительный взгляд полицейской ищейки, вы скрываетесь от глаз общества непроницаемой завѣсой. Арест, дознаніе, слѣдствіе, суд, самое отбытіе или исполненіе наказанія, все это совершается шито и крыто, в глухих стѣнах. Правительственным опричникам вполнѣ развязаны руки для темных дѣлишек и что порукой, что система застѣнки не станет практико-

ваться в широких размерах?!... Как мало можно довѣрять нашему правительству и как сильно оно пріобыкло к извѣстнаго рода маніи, может служить, между прочим, доказательством и то, что «положеніе» устанавливает для предварительнаго ареста двухнедѣльный и мѣсячный срок (какая Аркадія!); однако прошло уже болѣе 2 мѣсяцев со дня его обнародованія, а сотни людей, уже годы томившіеся под предварительным арестом, продолжают и теперь пользоваться «гарантіями» в стѣнах каземата.

Это еще не все. Одними заботами об «обывательских обязанностях», замѣняющих в россійском государствѣ права граждан», далеко не исчерпывается великодушіе и реформаторскій пошиб правительства. Оно стремится создать и экономическое благосостояніе народа, не даром вѣдь с помпой возвѣщалось, что новый царь посвятит себя внутреннему преуспѣянію страны и непрестанному попеченію о благѣ народа. И в экономической области сказалась та-же недобросовѣстность намѣреній, близорукость и ограниченность воззрѣній, тот-же куриный полет мысли. Правительство и тут[7]не с'умѣло не только подняться до сколько-нибудь общей, широкой точки зрѣнія, но кругозора его не хватило даже для каких-нибудь резонных палліативных мѣр. Дипломаты, дающіе направленіе экономической политикѣ, не только не понимают причины экономическаго кризиса, но не постигают даже степени раззоренія, доведшаго крестьянство до безвыходнаго положенія. Как «тонкіе дипломаты», привыкшіе к «тонкому обращенію», им прежде всего бросается в глаза «грубое пьянство» народа, и вот они видят в нем корень зла и толкуют про искорененіе его. Вот что значит попасть не в бровь, а прямо в глаз.

Основная причина полнаго раззоренія крестьянской массы,— это недостаточный и плохой надѣл, заставляющій пахаря безплодно выбиваться из сил над узкой, истощенной полосой, и под вліяніем еще безпощаднаго, полицейско-финансоваго гнета, лезть в кабалу к кулаку-эксплоататору. Надежда на поправленіе мужика может возникнуть только при устраненіи этой основной причины значительным расширеніем крестьянскаго землевладѣнія, рядом с которым только и пріобрѣтают значеніе и другія мѣры, напр., уничтоженіе выкупных платежей, крупная сбавка с подати, открытіе кредита и т. д., которыя дадут народу немедленно перевести дух. А между тѣм, всѣ «прожекты и предначер-

тания» правительства исчерпываются пока предположенным убавленіем выкупных платежей, вопросом питейным и переселенческим; ясно, что они могут имѣть ровно такое же значеніе, какое имѣет глоток морской воды для жаждущаго—они усилят недовольство и разожгут озлобленіе народа. Народ ждет помощи от царя, его вѣра в новый земельный надѣл становится все интенсивнѣе, и вдруг ему преподносят ничтожную сбавку с выкупных платежей, да к тому еще аттестуют от'явленным пьяницей. Не истощится-ли в конец долготерпѣніе народа? Ведь и без того «чаша с краями полна.»

От народа не скроется и то, к кому правительство обращается за совѣтом в дѣлѣ помощи народным нуждам, кто является представителем народных нужд. Господа, составившіе большинство выкупной коммиссіи, высказавши явно крѣпостническія тенденціи, окончательно компрометируют правительство как в глазах народа, так и каждаго порядочнаго человѣка в отдѣльности. В крестьянствѣ и теперь как во времена освобожденія, сильна вѣра—и эту вѣру не так то легко искоренить—,что земля по праву принадлежит им, как это в самом дѣлѣ и есть с точки зрѣнія исторіи и справедливости. Когда цѣлым рядом насильственных и несправедливых актов крестьяне вмѣстѣ с принадлежавшей им землей были переданы в руки помѣщиков, это оправдывалось соображеніями яко-бы государственной пользы—дворяне несли тягость государственной службы, и правительство обезпечивало их матеріально, налагая извѣстныя обязанности на земледѣльческій класс. Но раз государство освободило дворянское сословіе от обязательной службы, оно тѣм самым прекратило всякія претензіи помѣщиков к крестьянам и их землѣ. Когда исчезает источник права, должно пресѣчься и самое право. Однако верховная власть, столь часто ссылающаяся на свое единеніе с народом, не спѣшила с уничтоженіем крѣпостнаго права и удержала его, не смотря на протесты народа, вплоть до эпохи 60-х годов, когда масса стала проявлять слишком рѣзкіе признаки нетерпѣнія и готовилась. покончить с ним насильственным путем. Но правительство предупредило грозу, убѣждая излюбленное дворянство, что лучше, «чтоб революція произошла сверху, чѣм с низу». Какіе результаты могла дать реформа, если Положеніе 19 февраля проэктировали, редакти-

ровали и проводили на практикѣ сами помѣщики. Лучшую и большую часть крестьянских земель отрѣзали помѣщикам, да крестьян еще за оставленные им клочки негодной земли заставили платить громадный выкуп. Редакціонным коммиссіям однако и тогда было неоднократно указано, что сам царь смотрит на выкуп как на плату за землю, будто-бы отрѣзанную от помѣщичьих владеній, как на выкуп личности или каких-нибудь обязат с ея стороны. Тѣм не менѣе на практикѣ оцѣнка вездѣ была положена настолько высокая, что ходимо признать именно выкупом личных повин произвольно установленным для себя «безкоры дворянством.

Вот почему крестьяне имѣли слишком достаточныя основанія и причины, когда встрѣтили освободительную реформу цѣлым рядом бунтов и волненій, видя в ней обман и ожидая впереди настоящей чистой, заправской воли. Крестьяне тогда не предполагали, что само правительство вводит их в обман, теперь они начинают убѣждаться в этом, а нескромныя разглагольствованія коммиссіи могли подтвердить крестьянству, что оно до сих пор еще связано узами крѣпостничества. Хорошая, нечего сказать, рекомендація для новаго правительства, которое склонно к обманам болѣе прежняго, но к обманам узким, мелким, не могущим по результатам даже идти в сравненіе с тѣм, что так или иначе дали народу освободительныя и другія реформы прошлаго царствованія. Положеніе всякаго, от кого ожидают болѣе, чѣм он может дать, весьма невыгодно. А упованія на царя в сравненіи с тѣм, что он в настоящее время предлагает народу в видѣ подачки, настолько несоизмѣримы, что результатом необходимо будет усиленное развитіе скептицизма и разрушеніе идеи царизма в крестьянствѣ.

Общая сумма пониженія выкупных платежей настолько незначительна, что как там ее ни дѣли, с точки зрѣнія юридической, политической или экономической, как мудрствовали эксперты, а при распредѣленіи получится величина настолько малая, что ожидать от нея улучшенія положенія крестьян болѣе чѣм наивно. Если правительство уже задумало этим путем пытаться пріобрѣсть симпатію крестьянской массы, если бы ему хоть сколько нибудь были дороги интересы крестьян, ему нечего

было спрашивать совѣта бар-крѣпостников, в родѣ Самарина, надо было назначить по крайней мѣрѣ общую переоцѣнку платежей, чтобы согласовать их с настоящей стоимостью земли, или прямо уничтожить всѣ платежи, так как не подлежит сомнѣнію, что в громаднѣйшем большинствѣ случаев крестьяне в теченіи 20-ти лѣт давно уже выплатили болѣе настоящей стоимости земли. Идя своим путем, правительство само побуждает народ бросить всякую надежду на крупныя реформы сверху, оно собственными руками подрывает вѣру в царя и играет на руку революціонерам.

Еще удачнѣе задумали другіе эконом. «прожекты». Одна постановка вопроса о пьянствѣ характеризует ширину воззрѣній правительства, его отношеніе к экономическим, умственным и нравственным нуждам народа и то, какими мѣрами оно думает помочь ему. Приписывать обѣдненіе крестьянства пьянству, при настоящем, охватывающем всю страну, экономическом и промышленном кризисѣ, это все равно, что приписывать разрушеніе зданія, построеннаго на негодном фундаментѣ, тому, что неосторожный прохожій ткнул его пальцем.[8] Статистическія цифры, как извѣстно, указывают напротив, что в Россіи народ менѣе потребляет вина, чѣм в других странах, а наука и опыт говорят, что пьянство и закабаленіе кабатчиком не причина, а именно слѣдствіе экономическаго раззоренія. Обвинять цѣлый народ в пьянствѣ и приписывать этому нищету его—это абсурд. Существует мнѣніе, что правительство , является естественным представителем народа и ет в себѣ его качества. Если это вѣрно,—что олжно представлять собою правительство народа, ваемаго в повальном пьянствѣ, когда к тому дства существованія этого правительства, его в доброй его части питается от питейных сборов. Насколько дѣйствительны мѣры, проэктируемыя спаиванія народа,—об этом не станем говорить. и однако не подчеркнуть того, что в рѣчах, обра ых при открытіи совѣщанія к свѣдущим людям, к министр внутренних дѣл выразил надежду, что правильное направленіе питейной торговлѣ» дано будет «без ущерба государств.

доходам», так и министр финансов напомнил, что хотя с одной стороны «интересы казначейства» должны уступить потребностям народной нравственности и народнаго благосостоянія, но с другой стороны «финансовые интересы суть интересы народные»... Желательно, видите-ли, и Николаю-угоднику свѣчку поставить, и чорту службу сослужить.

По поводу вопроса о переселеніях этим-же свѣдущим людям раз'яснили, что переселенія крестьян вызываются далеко не одной нуждой и недостатком земли. Удивительно, как это «государственный ум», высказывающій подобныя соображенія, не продумал их глубже; вѣдь кочевые инстинкты исчезли у русскаго крестьянства, и никто, а тѣм менѣе земледѣлец, привязанный к своей полосѣ, без горькой необходимости не оставит родной стороны, праха предков и согрѣтаго уголка; люди, рѣшающіеся на переселеніе и притом не в одиночку, имѣют к этому слишком вѣскія причины экономическія или политическія, вообще соціальнаго характера. Оказывается еще, что во многих мѣстностях на югѣ крестьяне пріостановились в послѣднее время с своими стремленіями к переселенію, в виду того, что тревожныя явленія послѣдняго года снова возбудили усиленную надежду на предстоящій передѣл земель (см. № 4 Ч. П. корр. с юга). Пріятны ли такія вѣсти господину министру и насколько благопріятным признаком они являются для правительства?

И так, вот всѣ мѣропріятія и предначертанія, какими рекомендует от себя правительство новаго монарха. Не правда-ли цѣлая стройная система? Исходная точка ея—искорененіе крамолы. Путь—борьба непосредственная и посредственная. Посредственный путь—это уничтоженіе самых причин недовольства, питающаго и поддерживающаго крамольников, устраненіе с одной стороны недовольства общества «конституціонными мѣропріятіями», с другой—недовольства «народа» рядом экономич. реформ. Вмѣстѣ с тѣм идет и прямая непосредственная борьба с крамольниками, для большаго успѣха которой правительство между прочим озаботилось принять цѣлый ряд мѣр, разсчитанных на улучшеніе и усовершенствованіе самой правительственной организаціи—сюда слѣдует отнести бѣгство самого в современную «Александровскую слободу», учрежденіе «святой дружины», для усиленія и расширенія сыскной части,

столь своевременное и умѣстное преобразованіе полицейской формы и введеніе бараньих шапок для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня среди служащих полиціи, личныя перемѣны в высшем управленіи и т. д., и т. д... Ясно, что правительство не оставило крамолѣ ни почвы для дѣятельности, ни фактической возможности продолжать борьбу. Не даром газеты так много толковали про значеніе извѣстных личных перемѣн, происшедших в правит. составѣ. В государствѣ, управляемом фаворитами самодержца, личное усмотрѣніе, само собою разумѣется, является вполнѣ руководящим принципом политики. Печать, к сожалѣнію, забыла только напомнить кстати г.г. заправителям прекрасное заключеніе одной басни Крылова: «друзья, как ни садитесь, а в музыканты не годитесь».

Отношеніе Пермскаго губернатора в Департамент Общих Дѣл от 6-го іюля 1881 г. за № 335.

(*Секретно*).

Вслѣдствіе отношенія ко мнѣ Д. О. Д. от 9-го января сего года за № 14, имѣю честь увѣдомить, что упоминая во Всеподданнѣйшем отчетѣ моем за 1879 г. о том, что в средѣ многочисленнаго населенія горнозаводских мастеровых возникают секты, у которых непризнаніе властей и неповиновеніе им составляют основное начало (против коего мѣста отчета послѣдовала собственноручная Его Император. Величества отмѣтка: обратить на это особенное вниманіе)—я разумѣю слѣдующія секты:

1) Под названіем «неплательщиков», которая возникла в Красноуфимском уѣздѣ во время введенія там крестьянской реформы. Проживающіе в этом уѣздѣ заводскіе мастеровые усвоили своеобразный взгляд на сказанную реформу, сначала отстаивали старые порядки и права, потом стали уклоняться от платежа податей и повинностей и наконец нѣкоторые из них уклоненіе это обратили в религіозное начало, отреклись от всѣх обязательств по отношенію к церкви, обществу и государству и именуют себя сынами Божьими. Послѣдователей означеннаго ученія, как донес мнѣ мѣстный уѣздный исправник, считается нынѣ 25 семейств. Вреднаго вліянія на православных жителей

сектанты эти не имѣют и хотя и не платят податей, но не препятствуют отбирать у них какое либо имущество на пополненіе состоящих за ними недоимок в податях: точно также они исполняют и воинскую повинность, ограничиваясь лишь пассивным протестом, указывающим, что они подчиняются лишь принужденію.

2) Под названіем «бѣгуны или странники». Секта эта обнаружена была среди заводскаго населенія сначала в Екатеринбургском, а потом в Верхотурском и Красноуфимском уѣздах. Послѣдователи оной не признают над собой никакой власти, говоря, что в мірѣ царствует антихрист, что как власть духовная, так и свѣтская и самодержавная власть суть слуги антихристовы, поэтому им сектантам, как православным христіанам повиноваться и платить подати еретикам не слѣдует. Приверженцев означеннаго ученія в настоящее время насчитывают около 100 человѣк обоего пола.

3) Под названіем «лучинковцы». Эта секта появилась в Екатер. уѣздѣ почти одноврменно с сектой бѣгунов, по ученію совершенно сходна с ней: приверженцы ея также не признают ни церкви, ни священства, отвергают царскую и всякую земную власть, отправленіе воинской повинности считают за службу антихристу, при богослуженіях своих вмѣсто свѣчей жгут лучину, отчего и называются лучинковцами, насчитывается их семейств 15. Пока эти сектанты не проявляют своих мнѣній каким либо внѣшним образом, затруднительно предпринимать против них какія либо мѣры преслѣдованія. Что же касается до судебных дѣл, производящихся о лицах принадлежащих к означенным сектам, то старшій предсѣдатель Казанской Судебной Палаты отношеніем от 29 числа прошлаго апрѣля за № 6294 увѣдомил меня, что когда послѣдует по дѣлам сим окончательное опредѣленіе Палаты, то мнѣ будет сообщено особо, но увѣдомленіе о том мною еще не получено.

Губернатор *Я. Энакіев.*

ПѢСНЯ БАНДУРИСТА.

Ой слухайте, послухайте
Ві стариі старикі,
Чоловікі й парубкі
[9]І уси добрі люде.
Того діла, того дива
Ой слухайте, послухайте
Да думайте да гадайте
Долю й волю здобувайте.

Ой хвалися-жь да царь Александро,
Що боровить бог его іод наглоі смерти,
Аж бог судив ему
За добриі діла, за батькови гріхи
Да й нагло померети.

У Пітері на Івдокію святую,
Що убогім помогала,
Що рабів своих на волю пускала
Да кінуто бомбу, да кінуто й другу,
Скальчено царя, вчинено наругу.

Ой лежить же да царь Александро
На золотому ложу,
Да лежить без ніг окрававленний
Да лежить, умірае...
Да до себе сина своего найстаршого
Прикликае, промовляе...

Ой слухайте, послухайте
Ви стариі старикі—
Чоловікі й парубкі
І усі добри люде
Того діла, того дива.
Ой слухайте, послухайте,
Да думайте, да гадайте
Долю да волю здобувайте.

«Ой сину-ж мій, сину,
Любая дитино!
Превелике диво

Зараз я видав:
Святий господь у неба
І божая мати
Зглянулись на мене,
Да на моі мукі,
Да на моі тажкі.
Святчй Хрістос з неба
Ще й божая мати
В облаці явились
Перед моі очі.
Гріхи моі тяжкі
За народ трудящій,
За то й народ темний
Мині одпустили...»

«А тобі мій сину,
Заповіт дати повеліли.
Коли хочешь сину
Ти так царювати,
Щоб вороженьків з народу свого
По царству не ймати
Треба ж тобі, сину,
Про людей убогіх
Да про людей темних дбати;
Од людей богатих,
Неситих, лукавих,
Іх обороняти.
Да у людей убогіх
Податей не брати,
А брати з достатніх;
Усім хліборобам
Землі вволю дати
А всіх людей темних
По школах павчати,
Щоб ім слово боже,
Щоб ім слово правди
Познати...»

«Да коли хочешь, сину

Все тее вчинити
Треба ж тобі, сину,
Усіх наших служок
Неситих, лукавих да од себе сторонити;
А з усего царства
Людей разумніших,
Народом зібранних,
На раду позвати».

Усе тее промовив,
Тайну хрістову приняв,
Помирав.

Ой, як ставь же да новій царь царювати,
Да став він потроху батьків заповіт забувати,
Да став своіх служок неситих, лукавих послухати.
А людей правдивих, для народу щирих
У неволю тяжку, в сібірну работу забивати.
Ой що-ж с того буде, святий господь знае,
Святий господь знае, на що уповае
Царь-господарь новий. (*)

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Из Саратовской губ.

В моем письмѣ *) я сообщил о первом впечатлѣніи, произведенном у нас событіем 1 марта. За лѣто я ближе познакомился с нынѣшним настроеніем крестьянства наших мѣст и его мечтами.

Событіе 1 марта в глазах мужика есть новая жестокая обида, нанесенная ему помѣщиками; новый великій грѣх они взяли на свою душу. Сознаніе необходимости передѣла земли, в послѣдніе годы значительно обострившееся, получило новый толчок послѣ 1-го марта; горячѣе заговорили о нуждѣ послѣ того, как за это убит был царь. Лѣтом назначались даже извѣстные ближайшіе сроки этого передѣла, подробно рисовались для него способы. Всѣ эти способы носили на себѣ отпечаток мѣстных экономических отношеній. Во всѣх них, как и прежде, играет главную роль царь. Так еще сильна в народѣ традиція и отсутствіе само-

*) № 3 Ч. П.

дѣятельности. Нынѣшній царь с самаго своего воцаренія считается барским, и добра от него крестьянство не ждет. Теперь, говорят они, царь будет выбираться только на 3 года. Не смотря на это, народ не выработал еще новых способов реализаціи своих желаній без участія царя. Он считает свои мечты столь законными и естественными, что не может допустить со стороны царя пассивное или неблагопріятное к ним отношеніе. Его обязывает самое положеніе, как представителя высшей справедливости на землѣ, стать на сторону крестьянства в этом дѣлѣ, хотя-бы он сам лично и был против этого.

Однако в настоящее время в деревнѣ уже можно найдти почти всѣ данныя для выработки новых путей к реализаціи народных желаній без участія царской власти, и нам вѣроятно скоро придется быть свидѣте[10]лями этого. В самом дѣлѣ крайняя нужда дѣлает желанія народа болѣе страстными, не терпящими отлагательства, замѣтно увеличивающаяся непопулярность настоящаго царя и, наконец, масса новых, порождаемых жизнью явленій, подчас для крестьянина совершенно непонятных, но подрывающих его традиціонную надежду, производят в его головѣ ужасный хаос и возбуждают мучительно-неодолимое желаніе разобраться, привести все к одному знаменателю. В этом дѣлѣ, дорогіе товарищи, мы можем явиться в данное время неоцѣнимыми помощниками для мужика. Теперь уже надежды переносятся на Владиміра, настоящаго-де крестьянскаго царя, он-де-устроит крестьянское царство. При этом ждут всетаки передѣла в самом скором времени.

В одной мѣстности, гдѣ живет много помѣщиков, старик крестьянин разсказывал мнѣ с большим увлеченіем, что царь уже рѣшил взять у помѣщиков всю землю, дать из нее всему крестьянству десятин по 10, а излишек сберегать для малолѣтних. Помѣщикам же за это казна заплатит по всей справедливости. Вскорѣ мнѣ пришлось побывать в сосѣднем уѣздѣ и при разговорѣ с знакомыми мужиками я передал им слышанное от старика. Собесѣдники мои отнеслись к этому слуху очень неодобрительно и один из них стал мнѣ доказывать, что выкуп платить казна совсѣм не должна, потому что вѣдь это с них же пойдет и при этом прибавил, что покойник царь хотѣл не так сдѣлать. Он ввел воинскую повинность с тѣм, чтобы всѣ счита-

лись казаками и получили казачье земельное положеніе т. е. по 15 д. на всякаго отбывающаго воинскую повинность.

— Ну а какже купцы да господа, спросил я.

— И они также. Будет, полакомились царской землей. Он и их заставит служить, чтобы они также могли взять себѣ по 15 десятин; одним словом, чтобы все было по справедливости.

Я постарался об'яснить моим собесѣдникам, что воинская повинность есть новая царская несправедливость против крестьянства. Оказалось, что им были совершенно неизвѣстны всѣ условія льготы, клонящіяся под разным видом на пользу правящих классов, и видимо очень их смутили; как будто была разбита еще одна непріятная иллюзія.

— Эх, темнота наша проклятая, проговорил один послѣ нѣкотораго раздумья. Не с'умѣешь разобрать, что тебѣ дают, хлѣб или камень!... Вот он покойник, царствіе ему небесное, уж кажется, радѣл об нас и помер то за это, а все же для нас настоящаго, почитай, ничего не сдѣлал. Все это треклятые мѣшали ему, да мутили его. Глупые мы, вот что. Возьми для примѣра, ужь какой нонѣ царь, совсѣм для нас пустой, а мы и на него надѣемся! Что подѣлаешь, такая ужь наша глупость!

Я разсказал в кратких словах об аграрной борьбѣ в Ирландіи, к которой слушатели мои отнеслись с большим интересом. Видно было, что такая борьба им по сердцу, была для них понятна и естественна.

В другой мѣстности, гдѣ также много помѣщиков, но кромѣ того есть большіе участки казенной земли, крестьяне ожидают общаго передѣла нынѣшнею осенью по уборкѣ хлѣба в слѣдующем видѣ. Сначала казна выкупит у крестьян всю землю и, соединивши ее с казенною, будет давать каждому, желающему заниматься землею, по 6 десятин за деньги в разсрочку на 20 лѣт; кромѣ этого платежа не будет никаких податей. Помѣщиков у нас, говорят крестьяне, можно не трогать потому самому, что земли нам пока достанет и без ихней, а потом они сами отдадут землю в казну за безценок, потому что самим им всю землю не обработать, а мы им работать ужь не станем.—

Наконец мнѣ пришлось слышать и самыя умѣренныя желанія. Так напр., в степной части нашего уѣзда, наполненной наѣзжим купечеством, ходят упорные толки о том, что царь

велѣл сдавать по дешевым цѣнам, как казенную, так и владѣльческую землю исключительно крестьянам, а купцам не смѣть и носу туда показывать.

В прежніе годы и вообще до 1-го марта мнѣ не приходилось видѣть такого сильнаго броженія в деревнѣ, такой массы разнообразных толков на одну и ту-же излюбленную тэму; ловят всякій печатный лоскут и деревенскіе грамотѣи выискивают в каждой фразѣ, касающейся крестьян, намеки на близкій передѣл земли. Прячут эти лоскуты от своего начальства, потому что нынче запрещают, мол, говорить об этом на улицѣ, просят добраго человѣка порастолковать им написанное. Под вліяніем этого оживленія деревенской жизни, под вліяніем такого, можно сказать, страстнаго обостренія народных желаній, нынѣшним лѣтом была у нас масса отказов работать у помѣщиков по зимним наймам, что прежде случалось сравнительно очень рѣдко, не смотря на большіе урожаи против этого года. Помѣщики с своей стороны еще больше раздражали народ своими до возмутительности насильственными мѣрами. Мѣстный предводитель именитаго дворянства устроил даже у себя в имѣніи при помощи губернатора жестокую экзекуцію всѣх, нарушивших зимнія условія; наковы вообще эти условія вѣроятно извѣстно каждому. При их помощи помѣщик берет с крестьян больше 400% за ссуженныя зимою деньги. Крестьяне мотивировали свой отказ работать царским приказаніем убрать сначала свои хлѣба; «а там, коли успѣх возьмет, отчего и помѣщику не поработать», говорят они.

Вообще теперь крестьянство представляет почву для воздѣйствій много благодарнѣе прежних лѣт. Ко всякому новому человѣку крестьянин присматривается с цѣлью узнать, можно-ли пораспросить его о своих дѣлах и если только за это хоть что нибудь говорит в поведеніи этого новаго человѣка, то крестьянин готов перед ним выложить душу и до глупости вѣрит всяким разсказам, касающимся его судьбы. Особенно сильно на него дѣйствуют разсказы прохожих, бывавших в Питерѣ или Москвѣ. В послѣднее время мѣстное начальство относится очень враждебно ко всяким прохожим, и надо удивляться, как ловко крестьяне укрывают и потом провожают из деревни интересных для них разсказчиков. Я убѣжден, что в настоящее время работа соціалиста, какой бы он ни был фракціи, крайне нужна деревнѣ

и была бы весьма успѣшна; народная жизнь указывает так опредѣленно, что нужно и что можно здѣсь дѣлать, что всякая принципіальная рознь здѣсь не имѣла бы мѣста, если только человѣк захотѣл-бы работать. В такую важную историческую минуту народной жизни нас здѣсь в деревнѣ так мало, что, право, берет отчаяніе подчас, особенно когда вспомнишь, что соціально-революціонное движеніе существует у нас чуть ли не 15 лѣт, что за это время так много жертв было принесено, а народ так мало знает своих борцов. Ужь если гибнуть, то гибнуть здѣсь в деревнѣ среди народа в борьбѣ за его желанія, за его будущность. Какая бы была от этого громадная польза для общаго нашего дѣла, особенно теперь во время столь сильнаго народнаго броженія!

Здѣсь, дорогіе товарищи, вас встрѣтит не та почва, какая была в началѣ 70-х годов, да и вы теперь, сдѣлавшись опытнѣе, придете сюда с болѣе опредѣленною [11] и болѣе близкою к народу программою, чѣм это было во времена общаго увлеченія хожденіем в народ, и, конечно, это послужит великим залогом успѣха вашей дѣятельности.

Из Елизаветградскаго уѣзда.

В этом письмѣ я намѣрен подѣлиться с читателем впечатлѣніями, какія сложились у меня под вліяніем анти-еврейскаго движенія, проявившагося в нашей мѣстности нынѣшним лѣтом. Первый, самый естественный вопрос: каковы причины даннаго движенія? При настоящем строѣ жизни, гдѣ установились самыя ненормальныя отношенія между отдѣльными элементами общества, гдѣ громадное большинство, вѣчно угнетаемое, пробивается изо-дня в день, а меньшинство, насчет других, пользуется всѣми благами жизни, при таком строѣ, говорю я, роковым образом должно существовать недовольство... Совершенно естественно также, если люди недовольные ищут себѣ исхода, требуют удовлетворенія, и понятно, что масса, не имѣя для борьбы ничего, кромѣ силы физической, при заявленіи о своем существованіи, должна употребить в дѣло именно эту силу. В движеніи, о котором идет рѣчь, я и вижу проявленіе силы народа, как протест против

своего ненормальнаго положенія. С перваго разу кажется страннымъ, почему движеніе приняло такой узкій характеръ и нѣсколько уродливую форму, почему оно направлено было в одну только сторону; если это протестъ экслуатируемаго противъ эксплуататора, то вѣдь рядомъ с эксплуататоромъ евреемъ стоитъ такой же и не еврей; но стоитъ вглядѣться поближе в жизнь еврея и не еврея (на югѣ по крайней мѣрѣ), чтоб легко себѣ об'яснить это явленіе. Еврей на пиру жизни, если можно так выразиться, слишком развязный гость и поэтому он рѣзче выдѣляется, бьет, так сказать, в глаза всѣм прочим гостям. Поставьте рядом купца еврея и купца русскаго. И тот, и другой орудуют, положим, извѣстным одинаковым капиталом,—окажется, в большинствѣ случаев, что у перваго дѣла идут бойчѣе, у него рубль дѣлает болѣе быстрые обороты; сверх того будучи по природѣ своей живѣе и поворотливѣе, он шумит больше—он поэтому и выдѣляется рѣзче. Затѣм, в силу извѣстных историческихъ условій, несомнѣнно существует національно-религіозная ненависть русских к евреям—это фактъ неоспоримый.

Таким образом, еврей-эксплуататор, рѣзко выдѣляясь среди прочих эксплуататоров, ясное дѣло, должен был первый сдѣлаться козлищем отпущенія. Вѣдь еврея вообще не долюбливают, его лишили даже той минимальной дозы прав человѣческой личности, какими русское государство наградило своих вѣрноподданных вообще; еврей, таким образом, находится в исключительном положеніи: с одной стороны, он дѣятельно живет, не имѣя прав, с другой стороны, он рѣзко выдѣляется, мозоля всѣм глаза. Как же было массѣ не начать с того, с кого легче было начинать?

Но, спрашивается, дошла ли масса сама до пониманія той роли в жизни, какую еврей играет у нас на югѣ, отличила ли она в нем, как в эксплуататорѣ, худшія черты, чѣм в прочих эксплуататорах? На этот вопрос—отвѣт вполнѣ отрицательный. Инициатива движенія принадлежит не ей, а—страннымъ образом—ея же кровопійцам, но не евреям. Посмотрим хотя-бы вскользь, на фактическую сторону дѣла—и подтвердим вышесказанное. На сколько мнѣ извѣстно, дѣло было так. Еще задолго до Пасхи, в одной из южных газет пущен был слух, что во время праздников собираются «побить жидов». Слуху этому прежде всего

«нашло удобным» повѣрить русское купечество и не замедлило пустить его в массу. (Нужно замѣтить, что газета эта, благодаря своему юдофобскому направленію, имѣет массу читателей среди купечества и грамотнаго мѣщанства.) Масса таким образом наэлектризовалась и, повидимому, ждала только повода, чтоб начать свои дѣйствія. Случай скоро представился; произошла драка в кабакѣ еврея... Со всѣх сторон стали стекаться толпы народа; составлялись группы в 20-30 человѣк и пошли «грабить жидовское добро». Ничего сознательнаго, ничего такого, что бы напоминало собой народное движеніе во имя какой нибудь идеи—ничего этого нельзя было подмѣтить; можно было видѣть в нем протест, но протест вполнѣ безотчетный. Ни строгой системы дѣйствій, ни выдержки—ничего, били, что называется, вкривь и вкось: пострадал и ремесленник, и бѣдняк... Да так на самом то дѣлѣ и должно было быть, потому что во главѣ движенія стали элементы, чуждые народу, которым нужно было «насолить» конкуренту-жиду—но и только; об интересах же народа они и не думали. Не удивительно, конечно, что масса, голодная и нищая, принимает на себя роль исполнителя, не спрашивая, как и почему.

И так купечеству и отчасти мелкому чиновничеству легко удалось поднять массу против «жида». Но удивительно, как эти господа не подумали о послѣдствіях затѣваемой ими игры. Они, очевидно, совсѣм упустили из виду, что послѣ такого толчка масса может прійти к сознанію, убѣдиться, что интересы ея жизни совсѣм не в избіеніи «одного только» жида. Да, это обстоятельство они совсѣм упустили из виду; между тѣм на самом-то дѣлѣ есть уже указанія на то, что масса начинает себѣ выяснять свое настоящее положеніе. Уже скоро послѣ прекращенія первых безпорядков, слухи об избіеніи стали вновь повторяться, причем носили на себѣ нѣсколько иной характер—раздавались уже голоса в родѣ того, что нельзя ограничиваться одним только «жидом», пора добраться и до русских. (Во время безпорядков в Одессѣ разбиваются уже и русскіе магазины.) Паника, существовавшая прежде среди евреев, охватывает и других. Словом, движеніе начинает яснѣе очерчиваться, масса теперь [12] только как будто начинает себѣ выяснять мотивы как прошлых, так и будущих дѣйствій. Мы пришли таким образом к заключенію, что этот первый, чисто стихійный, толчок, послужил массѣ на

пользу в смыслѣ сознанія своих собственных сил, имѣл, значит, чисто воспитательное значеніе. У нас под руками имѣются два факта, очень ясно, кажется, иллюстрирующих нашу мысль. Вот они. Какой-то пьяный, забранный в полицію (причем нанес оскорбленіе дѣйствіем городовому), скоропостижно там умер. С быстротой молніи разнеслась молва по городу, что полиція убила человѣка. Вслѣд за этим пронесся и другой слух, что в такой то день полиція будет разнесена. Ну, конечно, со стороны начальства были приняты всякія «мѣры»: пѣшіе и конные патрули, жандармы и проч. Но и народ не дремал. К назначенному дню на одной из главных улиц (там же и полиція) собралась такая масса народу, какой эта улица никогда не видывала. Но толпа простояла почти весь день, как-бы выжидая повода, и ничего не предпринимала. Недоставало, очевидно, того смѣльчака, который-бы первый выступил... Тѣм дѣло и кончилось.—Не обошлось без демонстраціи и судебно-медицинское вскрытіе умершаго. Не смотря на дождь, пріемный покой, говорят, окружала толпа человѣк в 300. Врачи и начальство порядком перетрусили, в особенности, когда нѣкоторые из понятых, присутствовавших при вскрытіи, ни в чем не хотѣли согласиться с врачами, твердя только, что им доподлинно извѣстно без всякаго вскрытія, что полиція убила умершаго, а другіе, не стѣсняясь, выражали свое недовольство по поводу того, что рѣжут человѣка. Но и тут, говорят, все обошлось «благополучно».

Другой случай. Дворник побил жену на улицѣ. Явившійся городовой хотѣл забрать его в участок, но был жестоко избит тотчас образовавшейся толпой. Такая же участь постигла еще нѣскольких городовых и околодочнаго, явившихся на мѣсто происшествія. Дворника отбили при криках: «не давайте братцы, там людей убивают».

Такого активнаго проявленія недовольства, хотя-бы в такой формѣ, может быть и не случилось-бы, еслиб раньше масса не испытала своих сил на антиеврейском движеніи.

Вслѣд за появленіем движенія в городах, как извѣстно, началось движеніе и в деревнѣ. Нося здѣсь такой же характер, как и в городах, оно тѣм не менѣе рѣзко обнаружило, во что собственно имѣет переродиться в недалеком будущем. В деревнѣ, гдѣ евреев или очень мало, или совсѣм нѣт у нас на югѣ, гдѣ они

фигурируют большею частью в качествѣ шинкарей, понятное дѣло, не могло быть такого спеціальнаго движенія, как в городѣ. Какая-нибудь деревня, покончив с своим «Ицке» или «Мошко», не удовлетворялась уже этим; она, проснувшись, жаждала еще чего-то, и взоры ея обратились опять-таки на того, кто ближе всего к ней стоит—на помѣщика. Еврей «шинкарь» не может составлять для мужика большой приманки, тѣм болѣе, что большинство шинкарей—отчаянные бѣдняки, а главное—не владѣют тѣм, чего недостает мужику—землею. «Жид» тут, таким образом, уходит на второй план, и мы слышим то тут, то там появляются довольно недвусмысленныя притязанія на владѣніе помѣщичьей землей. По этому поводу нам извѣстен цѣлый ряд фактов. В одной деревнѣ крестьяне ворвались к помѣщику в дом и требовали, чтобы тот отказался от земли в их пользу, но помѣщику удалось улизнуть в ближайшій город и дать знать кому слѣдует. В другой деревнѣ крестьяне предлагали помѣщику подѣлиться с ними землей поровну и, так как он грамотный, занять мѣсто писаря; в третьей—крестьяне указывали помѣщику на бумагу, полученную в волости о передѣлѣ земли; в четвертой—крестьяне попортили помѣщичьи посѣвы; в пятой—сожгли хлѣб и проч. и проч. Словом сказать, деревенскій мужик гораздо скорѣе своего-же собрата городского понял, в чем именно суть... Значительно способствовали этому аграрному движенію прокламаціи, ходившія лѣтом в большом количествѣ,—это несомнѣнно; но нельзя им приписать то первенствующее значеніе, какое, по нашему мнѣнію, принадлежит в данном случаѣ именно анти-еврейскому движенію.

Из Симбирской губ.

Понятно, что событіе 1-го марта произвело значительное впечатлѣніе в деревнѣ. Прислушиваясь к крестьянским толкам, можно замѣтить большое разнообразіе в об'ясненіях причин цареубійства. По мнѣнію большинства крестьян, а особенно в мѣстностях глухих, отдаленных от городов и гдѣ почти отсутствуют отхожіе промыслы, причиною смерти царя помѣщики. Они, как говорят мужики, убили царя за то, что он хотѣл дать

мужикам настоящую волю, отобрать от помѣщиков всю землю и передать крестьянству. Убѣжденіе это в нѣкоторых мѣстностях так сильно и так взволновало населеніе, что во многих селах крестьяне намѣревались убить ближайших помѣщиков, как своих заклятых врагов. За убійство царя новый царь всѣх господ, принимавших участіе в этом злодѣяніи, развѣшал на верстовых столбах от Петербурга до Москвы. Такой участи, между прочим, подвергся, по мнѣнію крестьян, и граф Орлов-Давыдов, владѣющій, как извѣстно, всей Самарской лукой. Всю же землю у казненных царь отобрал и послѣ коронаціи передаст мужикам. Поэтому крестьяне с нетерпѣніем ждут этого дня.

Люди религіозные об'ясняют смерть царя наказань[13]ем божіим за его грѣх—женитьбу на Долгорукой, чего он, как помазанник божій, не должен был дѣлать. До этого бог хранил царя от всѣх покушеній, но лишь только он женился, то погиб послѣ перваго же на его жизнь покушенія.

Весьма немногіе из народа поняли дѣйствительный смысл цареубійства. Мнѣ извѣстно только одно село, невдалекѣ от губ. города, гдѣ крестьяне совершенно правильно об'яснили себѣ событіе 1-го марта, как это можно видѣть из слѣдующаго факта, имѣвшаго мѣсто 2-го марта. Когда вѣсть о смерти царя дошла до волостнаго старшины, живущаго в означенном селѣ, то он послал сотника оповѣстить по домам и собирать народ на панихиду о покойном царѣ. Большая часть крестьян на приглашеніе идти помолиться об упокоеніи царской души положительно отказались. На вопросы старшины, почему они отказываются молиться за царя, крестьяне прямо отвѣтили: «зачѣм мы будем молиться за того, кто не дал и не хочет дать нам настоящей воли, о чем наш батька читал прошлым лѣтом в церкви» (Вѣроятно, здѣсь разумѣли они циркуляр Макова). «Мы ужь лучше будем молиться о студенцах, которые хотят для нас настоящей воли».

«Студенцев» крестьяне считают виновниками убійства царя. Сколько я не спрашивал крестьян, кто такіе эти студенцы, ничего положительнаго узнать не мог.

В концѣ лѣта в одном из сел С. уѣзда случился факт, стоющій вниманія. Один крестьянин этого села, читающій постоянно газеты и на основаніи газетных извѣстій составившій себѣ по-

нятіе об Исполнительном Комитетѣ, очень увлекся дѣятельностью послѣдняго и желал во что бы то ни стало быть его членом. Не имѣя никакой связи с кѣм-либо, который бы мог доставить ему знакомство с членами Исполнительнаго Комитета, и предполагая, что комитет находится в Петербургѣ, он обратился с просьбой к своему племяннику, солдату гвардейскаго полка, отыскать Исполнительный Комитет и узнать, каким образом можно поступить в члены его. Племянник получил письмо и, не умѣя читать, попросил прочесть письмо полкового писаря. Прочитав, писарь передал письмо офицеру, тот—дальше, и в концѣ концов, приходит к нам приказаніе арестовать автора письма.

На допросѣ крестьянин на вопрос прокурора, чѣм занимается, об'яснил: что занимается земледѣліем, но хочет скоро бросить это занятіе и поступить в члены Исполнительнаго Комитета, при чем об'яснил, как понимал, дѣятельность его довольно близко к истинѣ.

Крестьянин этот и до сих пор еще содержится в одиночном заключеніи.

Из Тамбовской губ.

В настоящей корреспонденціи я постараюсь передать, по возможности кратко, все, что удалось мнѣ слышать и видѣть прошлым лѣтом в Козловском уѣздѣ; впрочем, одни и тѣ-же ожиданія и слухи, аналогичные случаи аграрнаго протеста имѣли мѣсто в уѣздах Липецком, Усанском и Борисоглѣбском, о которых у меня имѣются свѣденія, однако, не столь полныя.

Никогда народ не высказывал такой твердой увѣренности, что вот-вот настанет давно желанная нарѣзка земли, как в прошлое лѣто.

— Погляди-ка, говорил мнѣ мужик-пріятель, подавая бумагу,—вот она бумага-то; вот когда земля-то наша! Бумага оказалась самая пустая из земства; когда я об'яснил, что это за бумага, мужик, постояв в раздумьи, сказал: «вот вѣдь оказія-то! а мы, братец ты мой, так всем міром порѣшили, что это приказ, чтобы, значит, от барыни к нам земля отходила; уж мы промежь себя подѣлили, сколько кому дать земли-то; мы и р е н д ы барынѣ

не собрали». Другой меня увѣрял, что в волостном правленіи «бумага» пришла, только до времени не велѣли об'являть;—что это всѣм извѣстно, а передал под секретом писарь. Земли ждут с часа на час, самый ничтожный повод, появленіе какой-нибудь бумаги, служит для крестьян признаком, что настала наконец, давно жданная минута.

— Как придет к нам царскій указ, говорили мнѣ в одной деревнѣ—землю сейчас всю в казначейство возьмут и будут оттуда раздавать ее, словно в аренду, по 8 дес. на душу и в ярлыках пропишут, что, дескать, я, к примѣру, на три души земли взял, другой там на двѣ, или на одну, и будут раздавать, братец ты мой, только тому, кто сам станет землю пахать и чтоб все своей семьей справил, а батраков не держал бы, да тогда, почитай, никто в батраки-то не пойдет. Так-то, мой милый, ужь это доподлинно так будет.—

Никогда прежде в народѣ не появлялось столько богомольцев и странников, расхаживающих из села в село, как в прошлое лѣто; всѣ они предсказывали скорую «обчественную дѣлежку»; и глубоко западают их слова в душу крестьянина, и как крѣпко он вѣрит им...

— Да, соколик ты мой, говорила мнѣ 80 лѣт. старуха, дождались мы времячка; ужь когда про землю стали и божіи люди говорить, стало быть этому скоро быть. Вот и пред волей, много тоже этих людей божіих ходило. Помню, как один вон под той лозиной мужикам говорил: из вас, говорит, может, и много помрет, свѣту божьяго не увидит, ну а дѣти ваши безпремѣнно от этих кровопивцев ослобонятся; чтожь, соколик ты мой, вѣдь правда истинная вышла. Так вот и насчет земли: все будет безпремѣнно, как они говорят.—

Большинство ждет земли от царя; он должен прислать указ. Однако вѣра в царя не поголовная, не [14] всеобщая; в молодежи она почти незамѣнта; да и в старом поколѣніи, бывшем крѣпостном, мнѣ приходилось встрѣчать людей, окончательно раздѣлавшихся с идеей царизма, хотя таких не много. Это обыкновенно люди и по способностям и по развитію своему стоящіе выше окружающей их среды; они пользуются большим вліяніем на односельцев. Это люди, которых на міру зовут «умственными». Знаю я, напримѣр, одного старика, который дошел до сознанія,

что лучше будет, если царь будет выборный на срок. Свести царя на такое положеніе, по мнѣнію старика, можно одним средством—всеобщим бунтом. Как натура живая и энергичная, старик постоянно пропагандирует свои идеи, и работа его не остается без успѣха: послѣ 1-го марта один из его односельцев обратился ко мнѣ с таким вопросом: «А скажи, на что нам царь? и гдѣ-жь новому царю, к примѣру, как землю отдать. Вон как, вишь, испужался батюшка, что из Питера куда-то в выселки уѣхал (в Гатчину); в свою столицу носу показать боится. Я мужик и то хожу вольнѣй... чего от эдакого дождешься? ужь коли сам себя огородить не может, куда тут о других думать!» И не от одного только, а от многих других крестьян приходилось мнѣ слышать подобное разочарованіе во всемогуществѣ царя.

Вот тѣ ожиданія, тѣ вопросы, которые волнуют теперь сильнѣе, чѣм когда либо, крестьянскій мір.

Чѣм же проявил себя народ фактически? т. е. чѣм отвѣчал он на безсовѣстную эксплуатацію землевладѣльцев и кулаков?— Увы, то блаженное для паразитов время «когда народ, безсильный пред нуждою, ярмо, как вол, безропотно сносил»—прошло! На грабеж он отвѣтил аграрным террором, настолько энергичным, что гг. землевладѣльцы буквально в з в ы л и. С особенной силой террор проявлялся в формѣ поджогов и возвышенія цѣн на работу во время страды. Поджоги—это самая привычная форма народной самообороны. За прошлое лѣто их произошло столько, что и не перечтешь. Опишу случай, наиболѣе выдающійся. Помѣщика Головнина ужь года три жгут систематически послѣ уборки, когда хлѣб стоит еще на гумнѣ; из двух имѣній его выжили окончательно, ибо ни одно страховое общество не рѣшается страховать у него ни построек, ни хлѣба; и всѣ старанія отыскать поджигателей остались безуспѣшными. В результатѣ вышло, что барину пришлось оставить собственное хозяйство и сдать землю в аренду тѣм-же мужикам, которые его поджигали, и за плату самую умѣренную, ибо ни один кулак не рѣшался снять его землю, потому, мол, «народ уж оченно разбойник стал».

Возвышеніе цѣн за уборку хлѣба—новая, в прошлое лѣто первый раз испытанная форма аграрной борьбы. В уѣздах Козловском, Липецком, Усманском и Борисоглѣбском крестьяне отказывались исполнять условія найма, заключенныя с осени. Они

основывались на том, что будто в Салтыках—большое торговое село—вывѣшана таблица от царя, в которой сказано, что менѣе 20 руб. за уборку (т. е. сжать и связать) десятины брать не приказано, а больше—сколько угодно. Этот слух держался так упорно, что властям пришлось во многих деревнях об'яснять, что никакой таблицы от царя нѣт. Раз'ясненія эти мужики истолковали, конечно, по своему: «баре, извѣстно, за своих и стоят!» В нѣсколькихъ сосѣдних селах в Липецком уѣздѣ послѣ подобных начальственных раз'ясненій на сходах составилось рѣшеніе: не брать менѣе 40 руб. за уборку десятины, а кто отступит, того всем міром выпороть, «чтобы міра не продавал», и продажа міра не случилось; иные землевладѣльцы рѣшились дать такую громадную цѣну, а у многих хлѣб так и остался неубранным.

Возвышеніе цѣн на работу—факт крайне важный: во первых, потому, что количество кабальных «осенних» контрактов значительно уменшится: урожай был порядочный, а лѣто дало хорошіе заработки; и во вторых—и это самое главное—мужик в первый еще раз попробовал предписать землевладѣльцам условія наемки лѣтом, как привык землевладѣлец предписать их мужику осенью, и попробовал вполнѣ успѣшно...

Старик, о котором я упоминал выше, говорил мнѣ по этому поводу слѣдующее: «Теперь ужь не вернуть барам прежних цѣн; дай-ка, на будущее лѣто мы их не так еще угостим! это вѣдь вышло так, невзначай, без сговору, ну а теперь за зиму то можно будет столковаться, примѣрно, нам всѣм в окружности, сколько за какую работу брать; ужь об этом, я слыхал, много народу поговаривает». Всеобщее возвышеніе цѣн народ стремится обратить в систематическое средство борьбы против землевладѣльцев, практиковать это средство также, как до сих пор практиковал он только поджоги.

Мнѣ не раз приходилось толковать со многими крестьянами о том, как практически организовать значительную земельную стачку. В этих об'ясненіях встрѣчается весьма много важнаго, что необходимо, по моему мнѣнію, принять в соображеніе группѣ, желающей дѣйствовать в народѣ. Но за недостатком мѣста—об этом в другой раз.

На 9 страницѣ пропущено: (*) Пѣсня эта с весны нынѣшняго года получила значительное распространеніе в средѣ малорусскаго населенія.

Отчет о суммах, поступивших в редакцію «Ч. П.»

От Гайкан—100 р.; от С П А—285 р.; от Гайкин—30 р.; А. В. С.—200 р.; от ***—50 р.; от Н. Н.—25,590 р.; из АВ.—100 р.; из р. б.—150 р.; от П—цев—30 р.; от радикса—400 р.; от Р.—65 р.; от Чр. бр.—33 р.; от неизвѣстной—500 р.; от пріѣзжаго—350 р.; от юнкеров—58 р.; от офицеров—29 р.

С.-Петербург, Тип. Общ. «ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ» 24 декабря 1881 г.

М-11
1-50
4466/
1262
М
М-7